

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Сибирь

многонациональная

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

г. Красноярск, 24–25 октября 2018 г.

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Сибирь

многонациональная

МАТЕРИАЛЫ СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

г. Красноярск
24–25 октября 2018 г.

УДК 94(571.51)
ББК 63.3(253)
С34

Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума.
Красноярск, 24–25 октября 2018 г. – Красноярск: Резонанс, 2018. – 256 с.

Темой Сибирского исторического форума – 2018 стала многонациональная Сибирь. Население региона складывалось на протяжении нескольких столетий и представлено более чем сотней больших и малых народов. Материалы форума позволяют проследить демографические и миграционные перемены, происходившие в Сибири с XVII в. и до настоящего времени, развитие сибирских этносов в дореволюционный период и в советское время.

Участники форума – ведущие ученые, специалисты архивов, музеев из Москвы, Новосибирска, Читы, Томска, Абакана, Минусинска, Красноярска. Материалы сборника представляют интерес для историков, социологов, культурологов, студентов и учителей, увлеченных историей Сибири.

Редакторский коллектив проекта:

С. А. Пономаренко, А. М. Клешко, А. Б. Казицин,
Л. А. Мезит, О. Р. Сордия, Е. А. Иванова

© Сибирь многонациональная.
Материалы Сибирского исторического форума.
Красноярск, 24–25 октября 2018 г.
© Коллектив авторов, 2018

ISBN 978-5-9905562-4-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ	7
<i>Бабий А. А.</i> Польская операция НКВД в Красноярском крае.....	8
<i>Галаганова А. Ю., Дядус Е. В.</i> Национально-этнические особенности развития Ачинска и вклад народов в общественную жизнь города.....	15
<i>Задорин А. В.</i> Естественное движение населения Красноярского края в 1970–2015 гг.: основные тенденции.....	19
<i>Калюга А. Е.</i> Изменение национального состава Курагинского района за период 1926–2010 гг.....	23
<i>Капустина Я. В.</i> Социальный состав, динамика и численность населения Красноярска в годы революции и Гражданской войны.....	28
<i>Карабулатова И. С.</i> Сибирь и проблемы социализации личности мигранта в современных глобализационных процессах.....	33
<i>Катцина Т. А., Пашина Н. В.</i> Демографический потенциал Красноярского края: состояние и перспективы.....	37
<i>Кыштанакон В. А.</i> Исторические особенности демографических процессов в Хакасии в XX–XXI вв.....	42
<i>Славина Л. Н.</i> Этнический состав сельского населения Красноярского края в последние советские десятилетия.....	45
<i>Тугужекова В. Н.</i> Современные этнические процессы в Хакасии.....	50
<i>Фомин М. В., Безвербный В. А.</i> «Вторые» и «третьи» города субъектов Сибирского федерального округа: точки роста или зоны равновесия?.....	54
ЧАСТЬ 2. ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	61
<i>Асочакова В. Н.</i> Этнокультурные последствия христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края (XVII–XIX вв.).....	62
<i>Болонкина Е. В.</i> Основные тенденции динамики численности податных групп населения Енисейской губернии (1820–1860-е гг.).....	68
<i>Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.</i> Отношения русских и коренных малочисленных народов Енисейского Севера по материалам публикаций досоветского периода.....	73
<i>Гантимуrowa М. И.</i> Источники по генеалогии инородцев XIX – начала XX в. в фондах Государственного архива Забайкальского края.....	79
<i>Исупов В. А.</i> Заселение Сибири: исторические тенденции и механизмы реализации (XVI–XIX вв.).....	83
<i>Копылов И. В., Хоменко Д. Ю.</i> «Угрозами, голодом, холодом... добиваются согласия невесты»: священники-миссионеры о матримониальном поведении хакасов в конце XIX в.....	88

<i>Мамышева Е. П.</i> Минусинские инородцы Енисейской губернии – выпускники Красноярской духовной семинарии и Бийского катехизаторского училища (конец XIX в. – 1920-е гг.): к постановке проблемы.....	92
<i>Тарасов М. Г.</i> Беломестные казаки в защите южных границ Западной Сибири в конце XVII – начале XVIII в.....	95
<i>Федоров И. Г.</i> Вклад жителей Енисейской губернии в основание первого китайского православного женского монастыря.....	100
<i>Чернышов В. В.</i> Этнические процессы в Минусинском уезде Енисейской губернии в XIX – начале XX в. (по документам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»).....	105
ЧАСТЬ 3. НАРОДЫ СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	109
<i>Барабаш В. П.</i> Национальные студии в творческих вузах и их роль в формировании кадрового потенциала театров Восточной Сибири.....	110
<i>Бибикова В. В.</i> Становление судебной системы на Енисейском Севере в первой половине 1920-х гг.....	114
<i>Борисенко Е. А.</i> Реализация сталинского плана преобразования природы в послевоенные годы на территории Хакасской автономной области.....	120
<i>Гюнтер О. А.</i> Роль Красноярского комитета содействия малым народностям окраин Сибири в становлении национальной школы коренных народов севера Енисейской губернии – Красноярского края.....	124
<i>Есин Р. С.</i> Отечественная историография о влиянии сталинских репрессий на формирование этнического и национального состава населения Красноярского края в конце 1920-х – начале 1950-х гг.	128
<i>Желенкова Н. О.</i> Национальные школы Красноярского края в 1934–1941 гг.....	132
<i>Липатова К. Ю.</i> «Братству народов быть!»: становление национальной политики Советского государства в Енисейской губернии (1920–1925 гг.).....	137
<i>Погребняк А. И.</i> Торговое обслуживание жителей национальных автономий Сибири (1960–1980-е гг.).....	142
<i>Рогачев А. Г.</i> Историческая модернизация социально-экономического и правового развития народов Енисейского Севера в 1917–1940 гг.....	150
<i>Шекшеев А. П.</i> Национальное движение хакасов (1917–1930-е гг.): новый и обобщающий взгляд на события.....	154
ЧАСТЬ 4. ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СИБИРИ.....	161
<i>Александрович В. Ю.</i> Выходцы из Белоруссии, участники польского восстания 1863 г. – политссылные в Енисейской губернии в 1860–1870-е гг.	162
<i>Вафеев Р. А., Саурбаев Р. Ж.</i> Перспективы развития государственного казахского, официального русского языков в Казахстане и миграционные настроения русскоязычного населения (на примере Павлодарской области Республики Казахстан).....	168
<i>Долидович О. М.</i> Беженцы в губерниях Восточной Сибири (1914–1917 гг.).....	175

<i>Ивлева Т. В.</i> Немецкое население Приенисейской Сибири в 1920–1930 гг.....	180
<i>Кокоулин В. Г.</i> Национальный вопрос в Сибири в годы Гражданской войны в постсоветской историографии.....	185
<i>Кухта С. В.</i> «Прошу продлить мне срок пребывания в РСФСР...»: ход и специфика оптации эстонского гражданства в Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.....	188
<i>Макаров А. А.</i> Мировой революционный процесс и осуществление ленинской национальной политики в XX в.: теория и практика.....	194
<i>Мезит Л. Э.</i> Повседневная жизнь трудармейцев Среднеазиатского военного округа в годы Великой Отечественной войны в Красноярском крае.....	198
<i>Овчарова М. А.</i> Этнографические экспедиции Новосибирского музея в 1920–1930-е гг.....	202
<i>Оплаканская Р. В.</i> «Все на фронт труда для отражения панов!» (советский опыт пропаганды и мобилизации населения в период Гражданской войны).....	206
<i>Федоров Я. И.</i> Этнический состав коренных жителей Приенисейской Сибири по дневникам Д. Г. Мессершмидта.....	210
<i>Шестакова К. И.</i> Документы фонда А. В. Гуревича как источник для изучения быта и истории народов Сибири (по документам КГКУ «ГАКК»).....	215
ИЛЛЮСТРАЦИИ	221
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	251
ОБ АВТОРАХ	254

ПРЕДИСЛОВИЕ

Национальный состав населения Красноярского края, как и всей Сибири, достаточно разнообразный – это стало результатом сложных демографических, политических, социокультурных процессов.

Русские, преимущественно казаки, появились в регионе в конце XVI – начале XVII в., а к началу XVIII в. автохтонные народы по численности уже уступали пришлому населению. Одновременно развивалась крестьянская миграция. Вскоре Сибирь стала местом каторги и ссылки, и национальное представительство расширилось за счет ссыльнопоселенцев – евреев, поляков и многих других.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала на территории Енисейской губернии 570 тыс. жителей. На долю нерусского населения приходилось 97 тыс. человек (17 % от общего числа), половина из которых была представлена коренными этносами – северными народами (9,4 тыс. чел) и енисейскими тюрками – хакасами (37,7 тыс. чел.). Среди пришлых народов наиболее многочисленными оказались украинцы – 21,4 тыс. человек, поляки – 6,9 тыс. чел., татары – 6,0 тыс. чел., евреи – 5,1 тыс. чел.

С началом Первой мировой войны в Сибири оказалось много беженцев из прифронтовой территории страны и военнопленных.

После окончания Гражданской войны в Сибири происходят неоднократные изменения административно-территориального деления региона, становление новых государственных форм регулирования этнических процессов. Это способствовало подъему общественной активности многих сибирских наций.

Миграционная политика первой четверти XX в. отличалась противоречивостью. С образованием ряда независимых государств в Польше, Прибалтике среди беженцев, кре-

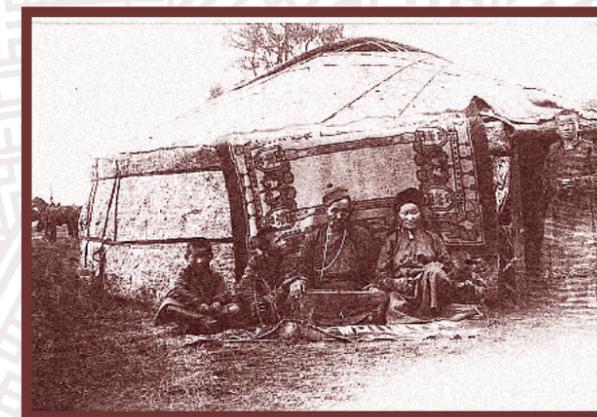
стьян-переселенцев началась массовая оптация. Иностранцы, находившиеся в плену в Сибири, подавали ходатайства о получении советского гражданства.

Весь советский период в сибирской национальной политике особое внимание уделялось коренным народам Крайнего Севера и юга. Был налажен систематический подход к решению хозяйственных и социокультурных проблем аборигенных народов. Общей для всех этносов являлась проблема подготовки национальных кадров.

В годы Великой Отечественной войны в Сибирь было перебазировано большое число промышленных предприятий, учреждений. Среди эвакуированных, беженцев, спецпоселенцев и трудармейцев были представители разных национальностей.

Со второй половины XX в. этнодемографическое развитие региона характеризовалось сокращением ряда старожильческих этносов (евреев, поляков) и ростом числа новых этносов из регионов Средней Азии, Кавказа, приезжающих в Сибирь на строительство индустриальных гигантов. В целом, как показывают материалы Всесоюзных переписей, удельный вес нерусского населения, например, в Красноярском крае остается достаточно стабильным (на уровне 13,5 %). Поэтому национальный вопрос в регионе стал рассматриваться через отношение к автохтонным народам Таймыра, Эвенкии, Хакасии.

С либерализацией общественных отношений, социально-экономическим кризисом в период перестройки произошел резкий подъем национального самосознания народов СССР, который подчас сопровождался всплеском политических акций националистического характера. Сибирь не стала исключением. Однако вскоре пришло понимание, что действенным механизмом сохранения и позитивного развития современной цивилизации является межэтническое сотрудничество.

ЧАСТЬ 1

Демографические и миграционные процессы в Сибири

Бабий А. А.

ПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ НКВД В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация. В Красноярском крае в период массовых репрессий были арестованы представители многих национальностей. Больше всех пострадали поляки. В статье проанализированы данные по арестам, приговорам и количеству репрессированных граждан польской национальности, накопленные Красноярским обществом «Мемориал».

Ключевые слова: общество «Мемориал», репрессированные, польская операция, аресты, особая тройка НКВД.

База данных Красноярского общества «Мемориал» ведется более двадцати лет и по состоянию на октябрь 2018 г. содержит сведения о более чем 200 000 репрессированных, чьи судьбы связаны с Красноярским краем. Следует сказать, что это всего лишь пятая часть общего количества, поскольку в Красноярском крае было не менее миллиона человек, отбывавших ссылку, находившихся в лагерях, а также раскулаченных или арестованных в самом регионе.

Таблица 1. Национальный состав репрессированных в Красноярском крае

Национальность	Количество (чел.)
поляки	930
русские	660
латыши	622
эстонцы	416
китайцы	308

Из табл. 1 видно, что поляки при проведении национальных операций пострадали больше всех, даже с учетом того, что в поляки нередко записывали белорусов и украинцев.

На следующем этапе была проведена предварительная разметка по национальным операциям на основе национальности и места рождения. В Красноярском крае было несколько переселенческих национальных сел – латышских, латгальских, эстонских, немецких, польских. Все они сильно пострадали при проведении национальных операций. Очевидно, что большинство латышей и латгальцев проходили

Сведения об арестованных в Красноярском крае (50 009 человек) максимально полны и точны по сравнению со сведениями о других категориях репрессированных. В процессе подготовки Книги памяти жертв политических репрессий была получена база данных фонда прекращенных дел РУ ФСБ, обработаны архивно-следственные дела, переданные в краевой архив. Все эти сведения были перепроверены по уже имеющимся данным Красноярского общества «Мемориал». Таким образом, имеется массив информации, пригодный для исследования.

Национальность	Количество (чел.)
белорусы	246
немцы	232
латгальцы	153
украинцы	126
корейцы	119

по латышской операции, эстонцы – по эстонской и так далее, но при дальнейшем рассмотрении проводилась некоторая корректировка.

Конечно, это была только предварительная разметка. Например, при дальнейшем анализе данных были обнаружены два поляка, родившихся в Харбине. По дате осуждения, совпавшей с датой протокола «харбинского» заседания двойки, а также по характеристикам людей, проходивших с ними по одному делу, эти поляки были отнесены к харбинской операции.

После таблица была отсортирована по дате приговора, и стали заметны характерные «сгу-

щения» национальностей, на основе которых можно было сделать вывод, что именно в эти дни подписывались протоколы по соответствующим приказам. Заметен был также «след двойки»: например, если протокол двойки был датирован 13.09.1937, то ОСО – 14–15.09.1937. Наиболее просто задача решалась, если в этот день выходили протоколы только по одному приказу. Если же приказов было несколько (в таблице это отмечено*), то для каждого человека приходилось выяснять, по какому приказу он проходит. Делалось это таким образом: по номеру архивно-следственного дела

выявлялись «подельники», и по их составу, как правило, можно было достаточно точно вычислить тип операции, который проставлялся сразу для всех.

После окончания этой работы прошла пофамильная проверка по сохранившимся в РУ ФСБ протоколам двойки (там, где указано «прот»), и эта проверка показала высокую точность алгоритма – расхождения были единичными. Тем не менее, некоторые записи (16.02.1938, 21.02.1938, 16.03.1938), кажется, отнесены к польской операции ошибочно.

Таблица 2. Протоколы по польской операции, «вычисленные» по методу сгущения

Дата протокола	Количество человек	
	Двойка	ОСО
13.09.1937 прот	18	4
01.10.1937	10	0
18.10.1937	20	1
29.10.1937	33	1
02.11.1937	7	2
13.11.1937 прот	50 (110)*	2(4)*
21.11.1937	75	4
26.11.1937	50	5
01.12.1937	35	2
11.12.1937	29 (49)*	14 (18)*
21.12.1937	38	9
27.12.1937	51	10
04.01.1938	62(124)*	4(12)*
09.01.1938	16	5
10.01.1938	12	17
01.02.1938	26	
02.02.1938	102(217)*	
03.02.1938	14(288)*	1(8)*

Дата протокола	Количество человек	
	Двойка	ОСО
09.02.1938	0(1)*	18(40)*
16.02.1938	3(5)*	2(12)*
21.02.1938	2(6)*	1(10)*
16.03.1938	4(4)*	0(51)*
12.04.1938	47	2
19.04.1938	16	16
16.05.1937	48	
17.05.1937	42	
19.05.1937	57(191)*	2 (2)*
23.05.1938	128(286)*	5(9)*
25.05.1938	208(293)*	1(2)*
28.05.1938	3	1
08.06.1938	2(3)*	18(79)*
16.06.1938	3(3)*	77(79)*
Всего	1211	224

*В этот день подписывались протоколы по нескольким национальным операциям. В скобках стоит общее количество, за скобками – по польской операции.

Сравним эти данные с таблицей [1], составленной О. А. Горлановым на основании статистических сводок НКВД СССР, УНКВД Красноярского края по приказу 00485.

Таблица 3. Сравнение статистики по отчетам НКВД и по базе данных

	Двойка	ОСО	Особая тройка	Итого
О. А. Горланов	1611 (1292+319)		658 (567+91)	2269
БД	1211	224	905	2340

Наша сумма по двойке и ОСО меньше, поскольку в случае, когда в один день подписывалось несколько протоколов по разным операциям,

не всегда можно было с уверенностью выделить тех, кто проходил именно по польской операции, особенно в случаях, когда дело было не групповое.

В этих случаях поле «Операция» не заполнялось. Что же касается количества осужденных особой тройкой, то наша сумма выше почти в полтора

раза. Она рассчитывалась не на основе отчетов, а непосредственно по протоколам особой тройки, которыми мы располагаем.

Таблица 4. Статистика по протоколам особой тройки УНКВД по Красноярскому краю. Все операции (эстонская, латышская, финская и т. д.), кроме немецкой и польской, шли по приказу 00593.

№	Дата	№ приказа, назв. нац. операции	Всего	№	Дата	№ приказа, назв. нац. операции	Всего
5	02.10.1938	439	39	33	17.10.1938	485	96
10	04.10.1938	439	19	36	19.10.1938	485	97
20	05.10.1938	439	69	38	15.11.1938	485	56
27	15.10.1938	439	21			485 Итого	905
30	17.10.1938	439	12	1	29.09.1938	593	115
34	19.10.1938	439	38	7	02.10.1938	593	60
		439 Итого	198	8	02.10.1938	593	80
2	29.09.1938	485	60	12	04.10.1938	593	71
3	29.09.1938	485	49	13	04.10.1938	593	60
4	02.10.1939	485	43	14	04.10.1938	593	43
6	02.10.1938	485	81	15	05.10.1938	593	41
9	04.10.1938	485	59	16	05.10.1938	593	13
11	04.10.1938	485	25	17	05.10.1938	593	61
18	05.10.1938	485	51	19	05.10.1938	593	58
21	05.10.1938	485	41	28	17.10.1938	593	53
22	05.10.1938	485	23	31	17.10.1938	593	30
23	05.10.1938	485	9	32	17.10.1938	593	36
24	15.10.1938	485	85	35	19.10.1938	593	58
25	15.10.1938	485	55	37	19.10.1938	593	8
26	15.10.1938	485	33			593 Итого	787
29	17.10.1938	485	42			Общий итог	1890

1690 человек из 1890 были приговорены к высшей мере наказания (ВМН) и входят в статистику расстрелянных (в том числе 567 расстрелянных по польской операции), однако на самом деле эти приговоры не были приведены в исполнение (в отличие от приговоров «по второй категории»). В ноябре 1938 г. тройка была расформирована, а дела приговоренных к расстрелу прекращены либо самими РО НКВД, либо прокуратурой или военным трибуналом или же переданы в суд – и уже

суд либо давал срок, либо освобождал из-под стражи. Этот процесс продолжался несколько лет (последний случай был зафиксирован в 1941 г., но основной пересмотр прошел в 1939 г.).

Для примера возьмем протокол № 3 особой тройки от 29.09.1938 и сравним пофамильно приговор тройки (49 человек, у всех ВМН, кроме Г. Б. Стасюкевича) и реальное положение дел.

Таблица 5. Сравнение приговора особой тройки с реальным положением дел

№	ФИО	По базе банных
1	Томашевский К.А.	Дело прекращено 27.10.1939 прокуратурой КК
2	Сопко И.М.	Дело прекращено 17.02.1939 Енисейским РО НКВД
3	Рабега Ф.Л.	Дело прекращено 17.02.1939 Енисейским РО НКВД
4	Парфианович Б.И.	Дело прекращено 25.03.1939 УНКВД КК
5	Берно А.М.	Освобожден 17.02.1939
6	Кокловский И.Ф.	Дело прекращено 18.02.1939 Енисейским РО НКВД
7	Манчинский И.Ф.	Дело прекращено 17.02.1939 УНКВД КК
8	Апанасевич В.П.	Дело прекращено 10.02.1939
9	Лисовский А.В.	Дело прекращено 25.06.1939 УНКВД КК
10	Стасюкевич Г.Б.	Осужден 29.09.1938 тройкой УНКВД КК на 10 лет ИТЛ
11	Грицишин С.Т.	Сведений нет
12	Грицишина У.Д.	Сведений нет
13	Копецаков Л.В.	Осужден 25.03.1939 ВС РСФСР на 10 лет ИТЛ
14	Кухарж-Кох Б.Ю.	Дело прекращено 25.06.1939 УНКВД КК
15	Жирко Г.С.	Оправдан 07.03.1940 Красноярским крайсудом
16	Малей П.М.	Сведений нет
17	Черняхович В.В.	Дело прекращено 16.11.1939 УНКВД КК
18	Пилецкий Ф.Б.	Дело прекращено 22.01.1939 УНКВД КК
19	Соколдынский В.Р.	Дело прекращено 18.02.1939 Енисейским РО НКВД КК
20	Янковский И.Д.	Дело прекращено 14.12.1939 УНКВД КК
21	Станкевич И.Я.	Дело прекращено 22.06.1939 УНКВД КК
22	Толстик М.А.	Приговорен 31.05.1939 ВТ СибВО к ВМН. Приговор изменен 11.08.1939 ВК ВС СССР на 15 лет ИТЛ
23	Лисовский Л.В.	В 1939 освобожден
24	Харицкий Н.Н.	Осужден 03.05.1940 ОСО НКВД СССР на 5 лет ИТЛ
25	Гадовский А.Я.	Дело прекращено 25.09.1939 Красноярским крайсудом
26	Вишневский Б.А.	Дело прекращено 02.03.1939 УНКВД КК
27	Михайлюк С.А.	Осужден 22.04.1939 Красноярским крайсудом на 8 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав
28	Уницкий С.Г.	Дело прекращено 02.08.1939 Красноярским крайсудом
29	Монид С.А.	Дело прекращено 04.02.1940 УНКВД КК
30	Долбенко В.И.	Дело прекращено 04.02.1940 УНКВД КК
31	Монид И.А.	Дело прекращено 04.02.1940 УНКВД КК
32	Долбенко Н.И.	Дело прекращено 04.02.1940 УНКВД КК

33	Ширий Н.Т.	Дело прекращено 04.02.1940 УНКВД КК
34	Космач В.С.	Дело прекращено 15.01.1939 Дзержинским РО НКВД
35	Шваб И.В.	Дело прекращено 04.02.1940 УНКВД КК
36	Аверьянов Б.В.	Дело прекращено 07.02.1940 за смертью обвиняемого
37	Пчицкий Б.Н.	Дело прекращено 16.01.1939 УНКВД КК
38	Вент К.К.	Дело прекращено 26.02.1939
39	Селецкий М.Н.	Дело прекращено 03.03.1939 Казачинским РО НКВД
40	Поберевский Л.Н.	Дело прекращено 16.01.1939 УНКВД КК
41	Островко И.К.	Дело прекращено 22.03.1939 Казачинским РО НКВД
42	Вильчинский А.Н.	Дело прекращено 16.01.1939 УНКВД КК
43	Чернявский Н.А.	Дело прекращено 16.01.1939 УНКВД КК
44	Ржепецкий Г.С.	Дело прекращено 03.03.1939 Казачинским РО НКВД
45	Пышницкая М.Я.	Дело прекращено 28.11.1939 Удереиским РО НКВД КК
46	Ланге Ф.Э.	Оправдана 28.11.1939 Удереиским РО НКВД КК по суду
47	Субко А.А.	Дело прекращено 28.11.1939 Удереиским РО НКВД
48	Новицкий С.И.	Осужден 23.12.1940 ОСО НКВД СССР на 8 лет ИТЛ
49	Мицевич Э.А.	Дело прекращено 17.02.1939 УНКВД КК

Для установления точных цифр по всем протоколам нужно провести большую работу, пофамильно сравнив реальное положение дел по всем приговоренным особой тройкой. Эта работа в данный момент проводится, результаты будут представлены в отдельной статье. Но уже ясно, что для получения полной статистики репрессий необходимо пользоваться не только отчетами НКВД, но и пофамильными списками репрессированных.

Когда были отобраны данные по польской операции, стало возможным провести некоторый анализ. Заметим, что расчеты велись только по приговоренным двойкой и ОСО. Полная картина с учетом приговоренных особой тройкой сложится только после того, как будут выявлены все приговоренные особой тройкой, и их данные будут включены в таблицу для анализа.

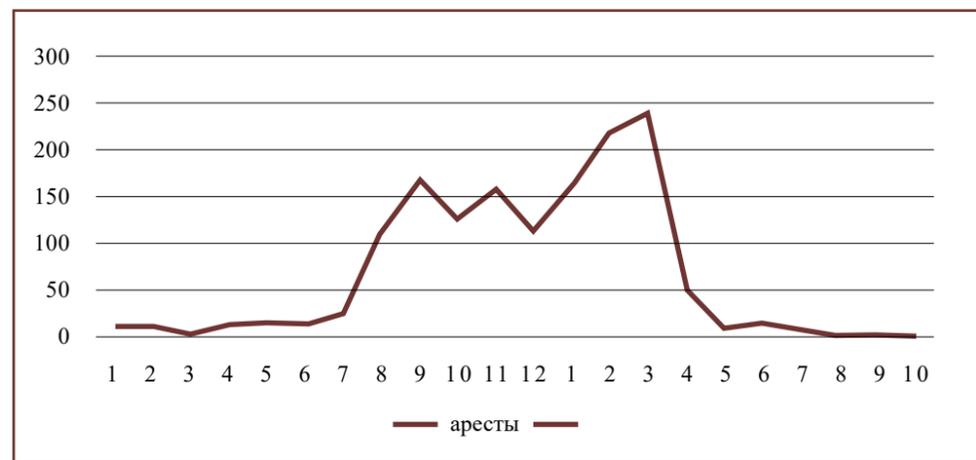

Рис. 1. Динамика количества арестов по польской операции. По оси X – месяцы 1937–1938 гг.

Казалось бы, количество арестов резко падает в апреле 1938 г., но на самом деле это результат невключения тех, кто был приговорен особой тройкой, – их начали арестовывать как раз в это время.

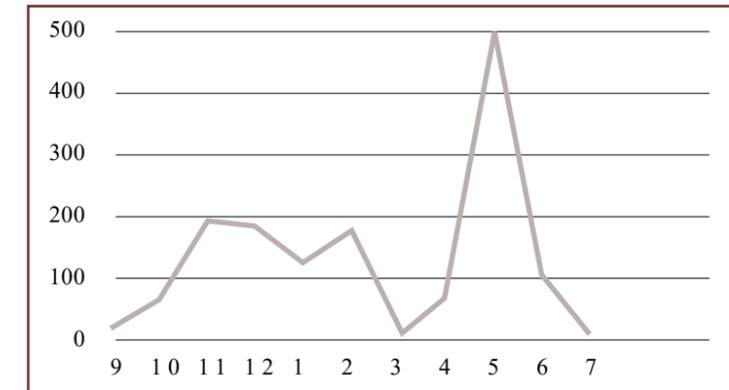

Рис. 2. Динамика количества приговоров двойки по польской операции. По оси X – месяцы 1937–1938 гг.

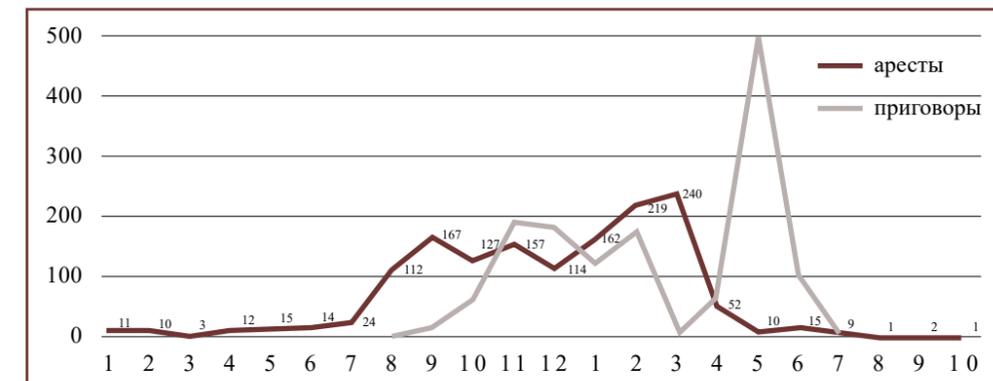

Рис. 3. Динамика количества арестов/приговоров

Характерен пик приговоров в мае 1938 г. Причина, видимо, техническая – двойка рассмотрела накопившиеся дела.

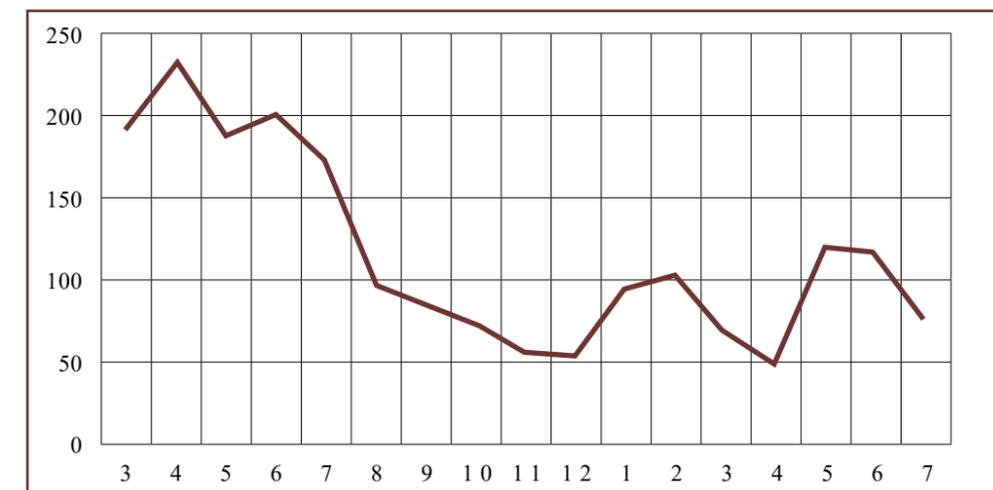

Рис. 4. Средняя длительность следствия в днях, то есть время в днях, прошедшее с ареста до приговора. На самом деле сроки следствия были еще меньше, поскольку от окончания следствия до приговора двойки проходило некоторое время

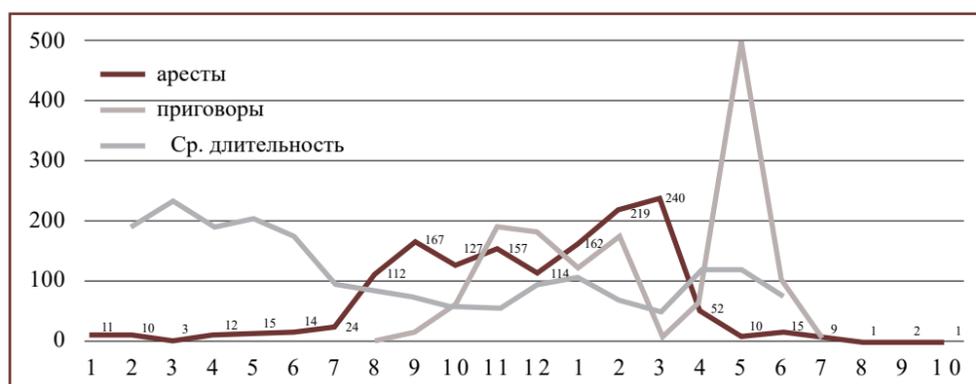

Рис. 5. Совмещение графиков

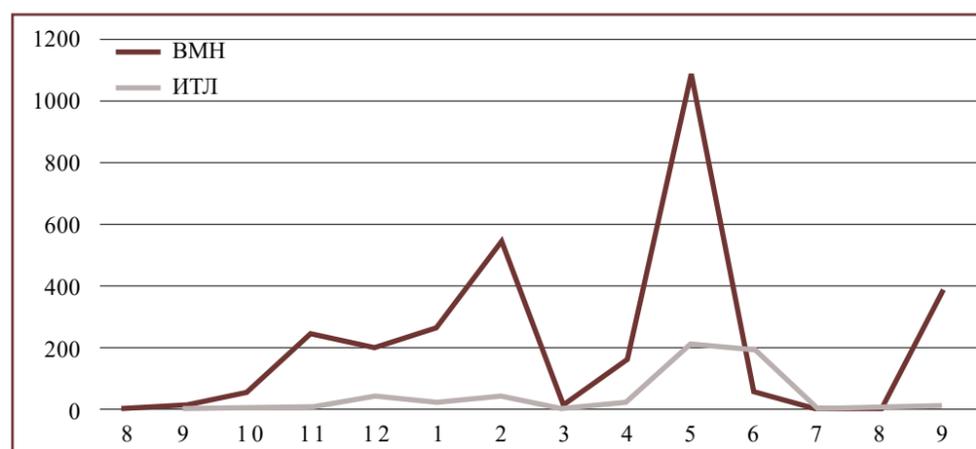

Рис. 6. Жесткость приговоров

Источники и литература

1. Петров Н. В., Рогинский А. Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан: сб. науч. тр. – Краснодар, 2004.

УДК 94 (57)

Галаганова А. Ю., Дядус Е. В.

НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АЧИНСКА И ВКЛАД НАРОДОВ В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ГОРОДА

Аннотация. В статье рассмотрен национальный состав города Ачинска, проведен статистический анализ народонаселения, определены особенности национально-этнического развития территории. Анализируется качественный вклад народов, проживающих на территории Ачинска, в общественную жизнь города.

Ключевые слова: население, этнос, национальный состав, миграция, межэтнические отношения.

Исторически сложилось так, что Россия является многонациональным государством, в котором, по данным переписи населения 2010 г., насчитывается более 180 национальностей. Согласно данным Росстата, самый многочисленный народ страны – русские, второй по численности этнос – татары, на третьем месте находятся украинцы, далее – башкиры и чуваш.

Красноярский край – второй по площади субъект Российской Федерации и крупнейший из краев (площадь его составляет 2 366 797 км²), который при этом занимает 14-е место по количеству проживающего населения (2 876 497 человек, или 1,96 % от общего населения РФ).

В статье мы уделим особое внимание городу Ачинску, который на сегодняшний день является третьим по численности населенным пунктом в крае после Красноярска и Норильска и 161-м по численности населения в России. Несмотря на небольшой численный состав населения Ачинска он, как и вся наша страна, является многонациональным, но со своими этническими особенностями.

На 1 января 2017 г. численность населения Ачинска составила 105 264 человека. Национальных поселений в Ачинске давно уже нет. Согласно переписи населения 2010 г., на территории города проживали 110 448 человек, из них преобладающими по численности были русские – 99 668 чел., украинцы – 992, татары – 972, немцы – 693, азербайджанцы – 458, армяне – 414. Самыми мало-

численными являлись аварцы, болгары, даргинцы, калмыки: по 4 человека от каждого народа. Шорцы, румыны, коми-пермяки, кабардинцы проживали в Ачинске в количестве 5 человек, среднеазиатские евреи и ингуши – 6, эвенки – 8, езиды и осетины – 11, чеченцы – 12, корейцы и китайцы – 13 [1].

Вторая по численности этническая группа Ачинска – украинцы. До 50-х годов XIX века представителей этой национальности в городе практически не было. Активное заселение украинцами Красноярского края и Ачинска связано с проведением Столыпинской реформы – наделением безземельных крестьян (преимущественно с Украины и из России) свободными землями в Сибири. Новая волна переселения пришла на 1930-е гг.: голод на Украине 1932–1933 гг. вынудил людей менять место жительства. Переселенцы этой волны не основывали новых поселений, а находили пристанище в уже обустроенных селах и ехали в основном к родственникам, знакомым [9. С. 176]. С началом коллективизации в Ачинск начинают ссылать раскулаченных крестьян. В дальнейшем число переселенных украинцев увеличивалось за счет других репрессивных мероприятий.

В годы Великой Отечественной войны значительным было количество эвакуированных в Сибирь промышленных предприятий и украинских специалистов, а после ее окончания начался процесс депортации в Сибирь украинцев из западных регионов Украины. Некоторые из них прибыли

в Ачинск. В 1970–1980-е гг. украинцы переезжали в Ачинск для работы на предприятиях нефтяной отрасли (Ачинский нефтеперерабатывающий завод) и цветной металлургии (Ачинский глиноземный комбинат). Миграция украинцев прекратилась лишь с распадом СССР. Однако события 2013 г. на Украине послужили толчком к новым миграционным движениям украинцев как в Россию в целом, так и в Красноярский край и Ачинск в частности.

Третья по численности этническая группа Ачинска – татары. Первое активное переселение татар в Сибирь приходится на период строительства Транссибирской магистрали. В то время каждой губернии необходимо было отправить определенное количество людей для строительства железной дороги. Отправлены к берегам Енисея и татары из Казанской и Уфимской губерний. Кто-то потом уехал обратно, но многие осели. На годы Столыпинской реформы приходится самый массовый этап переселения татар в Сибирь. Так же как и другие переселенцы, татары получали определенные льготы и послабления на новом месте жительства. В 1926 г. население Приенисейского края насчитывало 1,55 млн человек; татары составили 23,0 тыс. (1,48 %). Основная их часть размещалась в Красноярском и Ачинском округах (соответственно 39,7 и 31,7 %) [5. С. 274]. Голод в 1930-е гг. вызвал новую волну переселения. В 1939 г. была проведена Всесоюзная перепись населения, которая показала, что население края выросло до 1,96 млн человек. Увеличилась в том числе численность и доля татар, насчитывавших 31 226 человек (1,8 %). Последняя волна переселения татар пришлась на 1950–1960-е гг., когда развернулось массовое строительство промышленных предприятий. В Ачинске татары проживали на всей территории, однако вблизи города татарских поселений не наблюдалось.

Следующий по численности этнос, проживающий на территории города Ачинска, – немцы. Первый этап их переселения пришелся на конец XIX – 1920 г. Это были переселенцы преимущественно из южной части Европейской России и из приволжских немецких селений, а также военнопленные. Царское правительство стремилось создать в Сибири как можно больше по-

селков и хуторов из немецких колонистов «для поднятия культуры земли и примера труда окрестному населению». В 1920 г. Всероссийская демографическая перепись учла в Енисейской губернии 4889 немцев, среди которых было много временных жителей (беженцев, военнопленных), вскоре покинувших эту территорию. Необходимо отметить, что немцы внесли весомый вклад в развитие культуры и науки региона. Многие из них отличились на военной и государственной службе [8. С. 134].

Число немцев практически не изменилось на втором этапе переселений в 1920–1930-е гг., так как приток их в край перекрывался встречной миграцией и потерями из-за разного рода репрессий. В 1920–1930-е гг. их количество стабилизировалось на уровне 3–4 тысяч человек. Таким образом, до начала Великой Отечественной войны численность немцев в Красноярском крае и в Ачинске была небольшой. На фоне соседних западносибирских регионов, где уже в начале XX в. существовало большое количество крупных немецких поселений, в Красноярском крае этнос был представлен «скромно» [8. С. 138].

Количество немцев значительно увеличилось на третьем этапе – в результате депортации их в годы Великой Отечественной войны и после ее окончания. Число немцев на территории Ачинска возросло, главным образом, за счет депортированных из Поволжья. 26 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области». Так, в сентябре 1941 г. на станцию Ачинск прибыл эшелон со 160 немецкими семьями (2318 человек) [8. С. 142]. 2 тыс. человек из прибывших погрузили на баржи и по реке Чулым направили в Бирилюсский район, 318 человек расселили в Ачинском районе. Таким образом, в Ачинске количество немцев увеличилось. Необходимо отметить, что эти люди привезли не только сложившийся веками жизненный уклад, но и немецкие песни, традиции, обычаи.

Анализ данных Всероссийской переписи населения 2002 г. позволяет сделать некоторые выводы о том, что этнодемографическое состояние Ачинска в период с 2002 по 2010 г. было неста-

бильным. На 1 января 2002 г. численность населения Ачинска составляла 120 070 человек. Это на 9622 человека больше, чем по данным переписи 2010 г. Характерно, что численность русских сократилась за 8 лет на 10,9 тыс. человек, или на 12,6 %, в то время как численность национальных сообществ – на 3946 человек. Данные цифры отражают современные процессы внутри русско-го этноса: сокращение рождаемости, повышение смертности, потерю национальной самоидентификации [1; 2].

Несколько изменились численность и удельный вес этносов внутри национального сообщества города. Количество украинцев, татар и немцев уменьшилось на 1418 человек. Главными причинами могли стать снижение естественного прироста, миграционная убыль, культурно-интеграционные и ассимиляционные процессы. По мнению многих исследователей, если численность этноса уменьшилась за столь короткий срок более чем на 20 %, то основную причину этого следует искать в смене этнической идентичности. Стоит отметить, что в Ачинске к 2010 г. наблюдается некоторая тенденция к росту таких представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), как эвенки (на 25 %), шорцы (на 40 %) [1; 2]. Однако селькупы и кеты «исчезли» с территории города.

В настоящее время на территории Ачинска можно встретить активно развивающееся общество латгальцев. По данным Всероссийской переписи населения за 2010 г., в Красноярском крае насчитывается 577 латгальцев, а в городе Ачинске проживают 157 представителей данной этнической группы [1]. Из истории известно, что в Ачинском уезде первые латгальцы появились в начале XIX в., образовав со временем одно из самых крупных латгальских поселений – село Бороковку [4. С. 43]. В период Столыпинской аграрной реформы в Енисейскую губернию потянулись тысячи переселенцев из Прибалтики. Именно тогда в Ачинском уезде появилась деревня Двинка (ныне Тюхтетский район). В советский период на базе Ачинского педагогического техникума начали готовить латгальских учителей. Там же действовал единственный на всю страну театр, который ставил постановки на латгальском

наречии. Драматические, музыкальные, литературные и другие кружки работали при всех сельских очагах культуры, здесь же широко отмечались национальные и религиозные праздники [4. С. 46]. Латгальцы по-прежнему бережно хранят память и традиции своих предков. В 2008 г. была организована «Зимняя школа латгальского языка и культуры» на базе Ачинского педагогического колледжа, где изучались история и культура современных латгальцев Сибири. В настоящее время латгальцы активно проводят встречи, тематические мероприятия, приглашают делегации из Латвии, знакомят горожан со своей культурой.

В соответствии с Конституцией РФ национальная принадлежность в ходе опроса населения указывалась самими опрашиваемыми на основе самоопределения и записывалась переписными работниками строго со слов респондентов. При рассмотрении национального состава населения следует иметь в виду: на показатели численности отдельных национальностей могло повлиять то, что люди имели право не отвечать на вопрос об их национальной принадлежности. В связи с этим в 2010 г. у 4662 человек сведения о национальной принадлежности отсутствуют [1]. Кроме того, существуют довольно значительные группы с нечетким, неопределенным этническим самосознанием, и многие люди от переписи к переписи изменяют свой ответ на вопрос о национальности. Этнографы говорят в таких случаях о «смене этнической идентификации». Такое особенно вероятно для лиц этнически смешанного происхождения.

Согласно данным последней переписи населения, на территории Ачинска проживает 48 национальностей. Для обеспечения взаимодействия администрации города с национально-культурными автономиями и национальными общественными объединениями по правовым и социально-экономическим вопросам, а также с целью поддержки деятельности национально-культурных автономий и национальных общественных объединений по сохранению и развитию национальной культуры, языка и традиций 12 августа 2015 г. Постановлением № 270-п был создан Совет по делам национальностей при администрации города

Ачинска. В состав Совета вошли представители русской, армянской, азербайджанской, татарской, еврейской, немецкой общин, а также представитель латгальцев. К 2018 г. в работе Совета принимают участие представители уже 9 национальностей – к перечисленному выше составу добавились представители чувашской общины, казаки. Организация Совета поспособствовала развитию в Ачинске этнокультурных событий и праздников. В 2017 г. в Ачинске впервые прошел фестиваль национальных культур «Мы разные, но мы вместе!». Во время мероприятия горожане стали участниками национальных праздников Сабантуй, Чуклеме, латгальского праздника песни и танца. В 2018 г. в Ачинске впервые выбирали национальную красавицу. Проживая в Ачинске, на территории, где преобладающий народ – русские, этнические группы

не забывают о своих корнях, языке, традициях и культурных особенностях.

По данным МО МВД России «Ачинский», на территории города за последние 5 лет межэтнические конфликты с участием полиции не зафиксированы. Таким образом, можно сделать вывод о благоприятном межнациональном климате в городе.

Как уже отмечалось, на 1 января 2017 г. численность населения Ачинска составила 105 264 человека – на 5184 человека меньше, чем по данным Всероссийской переписи 2010 г. Среди причин, вызвавших уменьшение количества жителей, можно назвать снижение рождаемости, активную миграцию трудоспособного населения и студентов в Омск, Красноярск, Новосибирск, а за последние 5 лет – в южную часть России.

Источники и литература

1. Всероссийская перепись населения за 2010 г. Официальный портал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krasstat.gks.ru>.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Красноярского края. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. (Статистический сборник № 8–18). – Красноярск, 2005. – С. 154.
3. Этноатлас: народы и народности, населяющие Красноярский край. – Красноярский край. Официальный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krskstate.ru/80/narod/etnoatlas>.
4. Колоткин М. Н. Латгальские поселенцы в Сибири / отв. ред. А. В. Андронов, Л. Лейкума. 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 69.
5. Лопаткин Г. С. Летопись града Ачинска. – Ачинск: Краснояр. регион. полит. обществ. движение «Свет», 2000. – 543 с.
6. Михайлова Я. С. Изменение этнической структуры Красноярского края в постсоветский период: анализ всероссийских переписей населения // Молодежь и наука: сб. матер. IX Всеросс. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посв. 385-летию со дня основания Красноярска. – Красноярск: СФУ, 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section049.html>.
7. Рафиков Р. Г. Вопросы межэтнических, межрелигиозных и миграционных отношений в Красноярском крае в 2003 г. (Информационный бюллетень № 4). – Красноярск, 2004. – С. 84.
8. Российские немцы: исторические материалы и исследование «Немцы и Русский Север»: сб. ст. – М., 2000. – С. 229.
9. Специфика этнического состава населения Красноярского края конца XX – начала XXI в. / И. С. Лысенко // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 7. – Вып. 3. Археология и этнография. – 2008. – С. 175–182.
10. Степанов В. В., Тишков В. А. Этническое измерение России // Этнокультурный облик России: перепись 2002 г. – М., 2007. – С. 17–63.

УДК 314.011(571.51)«1970/2015»

Задорин А. В.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1970–2015 гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции воспроизводства населения Красноярского края во время активного промышленного освоения региона и перехода к рыночной модели экономики.

Ключевые слова: Красноярский край, естественное движение населения, урбанизация, демографическая ситуация.

В 1970–1980-е гг. демографическое развитие Красноярского края шло в русле общероссийских тенденций. Если рассматривать все население, то с середины 1960-х до середины 1980-х гг. росла смертность, что было связано с урбанизацией территории. Требовались новые подходы в области профилактики хронических заболеваний, прежде всего сердечно-сосудистых, однако внимание властей было сосредоточено на промышленном освоении региона. В результате край, как и РСФСР в целом, отстал от стран Запада по средней продолжительности жизни. Причем мужчины в среднем жили намного меньше женщин: разница превышала 10 лет [5. С. 59]. Трудно сказать, насколько различались уровни смертности у горожан и селян – до начала 1990-х гг. такая информация не публиковалась в открытой печати.

Краевая структура смертности отличалась от общероссийских показателей: после сердечно-сосудистых заболеваний следовали внешние причины (несчастные случаи, отравления и травмы), а в РСФСР – новообразования [5. С. 75]. Высокий травматизм объяснялся сверхконцентрацией промышленных предприятий в крае: больше предприятий – больше и травм. Другой причиной было пьянство. К 1985 г. уровень потребления алкоголя в крае достиг 11,5 л чистого спирта, или 60 бутылок водки, на одного человека в год (что, впрочем, соответствовало общесюзному показателю) [3. Л. 53].

Ситуацию изменила антиалкогольная кампания 1985–1987 гг., в результате которой зна-

чительно снизились травматизм и смертность от употребления спиртных напитков: она вернулась к показателям конца 1970-х гг. Улучшилась криминальная обстановка: количество преступлений в состоянии опьянения уменьшилось на четверть, число попаданий в медвытрезвители – на треть [2. Л. 16, 35]. Однако в связи с ухудшением экономической и политической ситуации в стране эти положительные тенденции прервались.

Рождаемость стала сокращаться также с середины 1960-х гг., и к концу 1970-х гг. она опустилась ниже границы простого воспроизводства населения (за счет очень низкой рождаемости у горожан) [1]. Активизация демографической политики в стране с 1981 г. переломила эту опасную тенденцию.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [10] развивалась сеть детских садов и яслей, школ и групп продленного дня, пионерских лагерей и других детских учреждений. Расширился ассортимент товаров для детей.

Улучшались условия труда работающих женщин (перевод на неполный рабочий день / рабочую неделю, скользящий (гибкий) график). Улучшались и жилищные условия семей с детьми и молодоженов (предоставление отдельной комнаты в общежитии, а при рождении ребенка – однокомнатной квартиры; беспроцентные ссуды

на улучшение жилищных условий или обзаведение домашним хозяйством и т. д.).

Увеличивался выпуск литературы по вопросам демографии, семьи, воспитания детей, укрепления здоровья. Для старшеклассников, а также учащихся ПТУ и техникумов вводились обязательные занятия по психологии и этике семейной жизни.

В 1982–1987 гг. отмечался всплеск рождаемости – ее уровень превышал общероссийский, особенно в сельской местности [5. С. 71]. Слегка расширенный уровень воспроизводства обещал в дальнейшем решение (хотя бы частичное) проблемы низкой плотности населения за Уралом.

Таким образом, объективные причины депопуляции отсутствовали.

Анализ демографической ситуации в крае в 1970–1980-х гг. говорит о развитии ряда процессов воспроизводства населения вопреки законам демографического перехода. Так, например, проблем безбрачия или слишком долгого откладывания браков у сельских женщин не было. С нею приходилось сталкиваться сельским мужчинам, которым не хватало невест [5. С. 52, 57–59]. Создание семей и воспроизводство населения определялись в первую очередь экономическими, социокультурными и прочими факторами, уровнем урбанизации территории. Но важнейшими из них были политика государства и индустриализация: в 1971–1980 гг. и 1981–1990 гг. выполнялись программы комплексного развития производительных сил Красноярского края.

В 1970-х гг. край превратился в территорию «с очень высоким уровнем урбанизированности», а поскольку население сосредоточивалось преимущественно в Красноярске, к 1979 г. он стал крупнейшим городом Восточной Сибири. Миграции также способствовали не совсем удачные попытки внедрения городского образа жизни в крупных селах. Особенно много уезжало молодых женщин, в результате чего половозрастная и брачная структура населения приобрели существенные региональные различия. В деревнях и селах возник избыток молодых мужчин, а в краевом центре – молодых женщин. Дисбаланс полов привел к уменьшению числа

заключаемых браков, а поскольку дети появляются обычно в семье, темпы прироста населения снизились. Исключением являлись города с большой долей молодежи, например, Норильск и Черненко (Шарыпово), что способствовало высокой рождаемости, большому числу заключаемых браков, низкой смертности.

В городских поселениях, помимо структурного фактора, репродуктивные традиции и обычаи изменяла сама городская среда. Откладывать рождение детей или вовсе отказываться от него заставляли стесненные жилищные условия, неразвитость социально-бытовых служб и другие проблемы [9].

В конце 1980-х гг. к краевым властям пришло осознание опасности сложившейся ситуации, что нашло отражение в программе по комплексному развитию производительных сил региона на период до 2005 г. [3]. Улучшая условия жизни на селе, краевые власти рассчитывали закрепить кадры и молодежь. Намечались и мероприятия по снижению заболеваемости [3. Л. 88–89]. Поэтому есть все основания полагать, что дальнейшее развитие страны без потрясений гарантировало Красноярскому краю устойчивый прирост населения. Продолжение государственной помощи семьям с детьми и планомерное развитие производительных сил обещали преодоление негативных демографических тенденций и оптимизацию поселенческой структуры.

Резкий переход России к рыночной модели экономики в 1992 г. послужил катализатором процесса депопуляции (вырождения) населения. Никакой предопределенности для убыли населения не было. Упадок нравов в молодежной среде отмечался социологами еще накануне «перестройки» [5. С. 35–38], однако именно в 1990-е гг. создались условия, в которых вступившее во взрослую жизнь поколение 80-х оказалось максимально расположено к совершению проступков. Новые непривычные условия жизни («дикий капитализм»), отсутствие идеологических ориентиров привели к уменьшению числа заключаемых браков, росту преступности и алкоголизма. Начавшее было адаптироваться население испытало новый удар 17 августа 1998 г., когда правительство РФ объявило дефолт. Последовал вто-

рой, более продолжительный (до 2006 г.) подъем смертности.

Таким образом, динамика смертности в крае была прямо обусловлена социально-экономической политикой федерального центра. Данный тезис доказывается статистикой уровня доходов и заболеваемости, а также убийств и самоубийств. После прекращения «шоковых» методов реформирования экономики общая смертность и преступность резко снизились [4].

В 1990-е гг. в Красноярском крае сложился специфический тип воспроизводства населения, отличающийся от обычной депопуляции. Низкая рождаемость, как при обычной депопуляции, сочеталась с аномально высокой смертностью мужчин в трудоспособном возрасте. К началу XXI в. территориальные различия рождаемости практически стерлись, установившись на наиболее низком уровне.

Структура причин смертности населения края оставалась такой же, как и в дореформенные годы: преобладали смерти от болезней системы кровообращения, внешних причин и новообразований. Однако в начале XXI в. в связи с улучшением нравственно-эмоционального климата в обществе число несчастных случаев, травм и отравлений заметно сократилось, и на второе место переместились смерти от новообразований. Принципиальных отличий в причинной структуре смертности в городской и сельской местности не наблюдалось. Вместе с тем по любой из причин сельские умирали гораздо чаще горожан.

Возобновившийся в 2009 г. естественный прирост населения не был результатом государ-

ственной демографической политики (к примеру, выплаты «материнского капитала» с 2007 г.). Основной причиной послужило вступление в детородный возраст многочисленного поколения 1980-х гг.: в структуре населения повысился удельный вес женщин, способных произвести на свет ребенка [6]. Таким образом, колоссальные вложения Советского государства в семью принесли плоды спустя поколение, уже при другом общественном строе.

В настоящее время уровень рождаемости в крае по-прежнему не обеспечивает замещения поколений. Продолжается процесс демографического старения населения, и преломления этой тенденции не предвидится. Почти половина всех женщин настроена на рождение двоих детей, около 1/3 ограничатся только одним ребенком [7]. При этом денежные выплаты мало влияют на решение о рождении очередного ребенка [8] и требуются комплексные меры.

По средней продолжительности жизни мужчин, смертности от сердечно-сосудистых заболеваний край, как и РФ, сильно отстал от развитых стран. Низкие доходы и деградация инфраструктуры в глубинке делают современную медицину недоступной широким слоям населения, прежде всего сельским жителям.

Автор статьи предполагает, что демографическая ситуация в регионе может реально улучшиться только в 2030-х гг., когда в детородный возраст вступят рожденные в начале XXI в. Важным фактором здесь будет территориальная политика краевых властей и, как следствие, улучшение баланса полов в активных брачных возрастах.

Источники и литература

1. Бегизардов Я. Н. Динамика естественного прироста городского населения Красноярского края в 1959–1991 гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: матер. V краеведческих чтений. – Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005. – С. 63–67.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 14. Д. 213.
3. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 16. Д. 337.
4. Задорин А. В. Динамика смертности населения Красноярского края в 1990–2015 годы: основные тенденции // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. – С. 411–418.
5. Задорин А. В. Население Красноярского края в 1970–1990-х гг. Воспроизводство, расселение: монография. – Красноярск: СФУ, 2016. – 178 с.

6. Задорин А. В. Подъем рождаемости в Красноярском крае: причины и прогноз на будущее // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2016. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – С. 458–463.

7. Итоги микропереписи населения 2015 г. Табл. 5.3. Население, принявшее участие в микропереписи, по числу желаемых и ожидаемых детей. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

8. Итоги микропереписи населения 2015 г. Табл. 5.8. Значимость условий, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей, у женщин, принявших участие в микропереписи, по числу рожденных и желаемых детей (средний балл). [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html.

9. Куцев Г. Ф. Социалистическая урбанизация и образ жизни // Методологические проблемы изучения социалистического образа жизни: сб. науч. тр. – Красноярск, 1977. – С. 46–64.

10. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 22 января 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // Собрание постановлений Правительства СССР. Отдел первый. – 1981. – № 13. Ст. 75. – С. 330–338.

УДК 314.04

Калюга А. Е.

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА КУРАГИНСКОГО РАЙОНА ЗА ПЕРИОД 1926–2010 гг.

Аннотация. Рассматриваются изменения национального состава Курагинского района за период 1926–2010 гг. на основе сведений, полученных по итогам переписей населения. С использованием архивных документов освещаются причины изменения численного состава и миграции. Приводятся примеры сохранения национальных традиций в целях межнационального единства.

Ключевые слова: межнациональное единство и согласие, национальность, национальный состав, перепись населения, толерантность, этнос.

Исторически сложилось так, что Россия является многонациональным государством. Это подтверждено и действующей Конституцией.

Национальный состав страны и ее регионов определяется посредством переписей, являющихся первоисточниками сведений о населении. Всесоюзная демографическая перепись 1926 г. дает представление о национальном составе Курагинского района, образованного в 1924 г.

Всего в районе на 17.12.1926 проживало 55 523 человека, из них 27 208 мужчин и 28 315 женщин [1].

Преобладающее население в районе было русской национальности. Люди проживали в больших моноэтнических селах, основанных старожилками в степной и лесостепной зонах: Курагино (год образования 1626-й) – 3993 чел., Березовском (1766 г.) – 3608 чел., Детлово (1775 г.) – 2229 чел., Пойлово (1700 г.) – 1448 чел. и других.

Ряд населенных пунктов был определен как места компактного проживания с численно преобладающей национальностью, которая представляла какой-либо этнос из регионов европейской части России, образовавший эти поселения.

Украинцы проживали в деревнях, расположенных в степной зоне: Алексеевке и Джириме (1908 г.) – 1442 и 292 чел. соответственно; Ильинке (1896 г.) – 902 чел.

Белорусы обосновались в населенных пунктах, расположенных в лесостепной и таежной зоне: в селе Мурино (1847 г.) – 1258 чел., деревне Петропавловке (1909 г.) – 654 чел.

Пермяки разместились на жительство в населенных пунктах, расположенных в основном в таежной зоне, в деревнях Ново-Спасовского сельсовета: Ново-Спасовке (1908 г.), Ново-Михайловке (1897 г.) и Сухом Имиссе (1910 г.) общей численностью 653 чел., а также в деревнях других сельсоветов: Красный Камень (1917 г.) – 63 чел., Верхне-Мишкино (1912 г.) – 126 чел., Ключи – 425 чел., Ново-Георгиевке (1903 г.) – 349 чел., Гуляевке (1911 г.) – 199 чел.

Мордовцы проживали в деревнях таежной зоны: Николаевке (1904 г.) – 562 чел., Черемшанке (1911 г.) – 374 чел. Зыряне в количестве 472 чел. жили в деревне Нижне-Быстрой.

На мельнице Ваулина Имисского сельсовета было учтено 2 чуваша, а на мельнице мелиоративного товарищества – 3 эста.

Из народов, имевших государственные образования за пределами страны, были отмечены поляки в количестве 4 человек.

Примечательно, что в Ольховском поселковом совете (Артемовский золотой рудник) указано количество проживавших из 1318 чел., но численно преобладающей национальности выявлено не было.

Согласно переписи 1926 г., население Курагинского района имело следующее процентное соотношение по национальному признаку: русских было 83,2 %, украинцев – 4,7 %, пермяков – 3,2 %, белорусов – 3,4 %, мордовцев – 1,6 %, зырян – 0,8 % [2].

В связи с коллективизацией 30-х гг. XX в. и высылкой раскулаченного населения за пределы Курагинского района, а также ассимиляцией намечилось уменьшение граждан всех национальностей. Это подтверждают и итоги Всесоюзной переписи 1939 г., согласно которой в Курагинском районе проживало 43 232 человека [3].

Снижение численности населения по сравнению с 1926 г. объясняется и уменьшением территории Курагинского района по причине выделения из него в 1935 г. территории Артемовского района, который Указом Верховного Совета СССР от 1957 г. был опять присоединен к Курагинскому. Поэтому в данном докладе целесообразно рассмотреть тенденции, происходившие в двух районах.

По итогам переписи 1939 г. на территории Курагинского района сократилось количество населенных пунктов с численно преобладающей национальностью, представлявшей этносы из регионов европейской части России. Например, численность украинцев, проживавших в деревнях Алексеевка, Джирим и Ильинка, сократилась на 28,6 %; численность белорусов, проживавших в селе Мурино, уменьшилась на 20,2 %; численность мордовцев в деревне Николаевке – на 23,5 %. В то же время количество зырян увеличилось на 28,8 %.

Преобладание русской национальности было отмечено в деревне Ново-Михайловке, где ранее проживали пермяки. Представителей народов, имевших государственные образования за пределами страны, перепись не зафиксировала.

Согласно переписи 1939 г., в Курагинском районе наблюдалось такое соотношение жителей по национальному признаку: русских было 90,4 %, украинцев – 3,8 %, белорусов – 2,3 %, пермяков – 1,2 %, зырян – 1,4 %, мордовцев – 0,9 %.

По Артемовскому району итоги переписи 1939 г., имеющиеся на архивном хранении, со-

держат данные только о численности населения, которая составила 37 238 человек [4].

Проживавшие в районе граждане работали на приисках Артемовского золотого рудника (23 361 чел.), а также в 5 колхозах, обслуживавших их [5].

Резкий прирост населения здесь объясняется тем, что на Артемовский (Ольховский) рудник и его прииски с начала 1930-х гг. стали ссылаться раскулаченные крестьяне со всей территории Советского Союза. Золото требовалось стране в решении стратегических задач, а для его добычи необходима была дешевая рабочая сила.

По сведениям, собранным краеведом А. И. Фроловой, на Артемовский рудник и его прииски было направлено более 700 семей спецпоселенцев с Украины, из Белоруссии, Ленинградской и Новосибирской областей, Алтайского края, Томска и других населенных пунктов, а также из южных районов Красноярского края, что подтверждается архивными документами. Национальный состав прибывших был различен: русские, украинцы, белорусы, поляки, венгры и прочие народы.

В начале 1941 г. в Курагинский район было выслано около 200 семей из прибалтийских республик: Эстонии, Латвии и Литвы. Они были расселены в сельских населенных пунктах для работы в колхозах и Курагинском молмясосовхозе [6].

Также в Курагинском молмясосовхозе и сельских населенных пунктах были размещены около 420 семей немцев (около 1920 чел.), высланных из АССР немцев Поволжья согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941.

Национальный состав депортированных в Курагинский район граждан можно выявить и по документам Военного комиссариата Курагинского района, который вел их учет при отправке в трудовую армию за пределы района. За период 1942–1943 гг. из района в трудовую армию было направлено 3925 чел. следующих национальностей: русские, мордвы, украинцы, белорусы, немцы, татары, хакасы, поляки, эстонцы, чуваша, пермяки, грузины, евреи, латыши.

Национальный состав спецпоселенцев указан и в документах Информационного центра

отдела спецфондов ГУВД Красноярского края. На 01.01.1952 в Курагинском районе действовали 2 спецкомендатуры. Под надзором спецкомендатуры № 141 (центр – с. Курагино) находилось 713 чел., в том числе 180 семей (немцы, указники). Под надзором спецкомендатуры № 164 (центр – «Усадьба Курагинского молмясосовхоза») было 826 чел., в том числе 214 семей (немцы, прибалты).

В этот же период в Артемовском районе также действовали 2 спецкомендатуры. На спецучете в Ольховской спецкомендатуре № 127 (центр – г. Артемовск) состояло 652 чел., в том числе 78 семей (немцы, калмыки, оуновцы, власовцы, указники). В Джотской спецкомендатуре № 180 (центр – п. Тинсук) на спецучете было 503 чел., в том числе 25 семей (немцы, оуновцы, власовцы, указники).

Во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период спецпоселенцы уменьшили негативные последствия, связанные с нехваткой рабочей силы, в Курагинском и Артемовском районах.

По итогам Всесоюзной переписи 1959 г. население Курагинского района составило 55 753 чел. [7].

Надо отметить, что к этому году в составе Курагинского района уже значилась территория ликвидированного Артемовского района, которую, судя по численности населения, покинула значительная часть спецпоселенцев.

При указании преобладающей национальности по всем административно-хозяйственным единицам были названы только русские, за исключением четырех ферм Курагинского молмясосовхоза Курагинского сельсовета, где преобладали немцы. Тем не менее, отдельной строкой в официальном бланке переписи «Распределение населения по наиболее многочисленным национальностям» немцы не значились и, следовательно, были отнесены к разделу «прочие национальности».

Согласно установленному сводному бланку переписи 1959 г., национальный состав района был представлен следующим образом: русские – 51 108 чел. (91,6 % населения), украинцы – 1049 (1,8 %), белорусы – 199 (0,3 %),

татары – 57 (0,1 %), хакасы – 20 (0,03 %), евреи – 17 (0,03 %), казахи – 7 (0,01 %), узбеки – 2 (0,003 %), прочие национальности – 3294 (5,9 %).

Перепись 1959 г., так же как и 1939 г., показала, что население ряда сельских населенных пунктов, где преобладали какие-либо этносы, продолжало сокращаться.

Всесоюзная перепись населения 1970 г. выявила на территории района 52 143 чел. – на 3610 меньше, чем предыдущая [8].

Причиной в большей степени послужили процессы урбанизации, которые все же были сглажены промышленными стройками в районе, привлечением строителей и специалистов для эксплуатации объектов со всей территории Советского Союза: это железная дорога Абакан – Тайшет (Всесоюзная ударная комсомольская стройка), Краснокаменский и Ирбинский железные рудники.

Перепись расширила перечень выявляемых национальностей. Отдельной строкой в сводном бланке указаны литовцы – 27 чел. (0,05 %), латыши – 62 (0,11 %), эстонцы – 73 (0,13 %), мордовцы – 426 (0,81 %), чуваша – 143 (0,27 %), немцы – 2005 (3,84 %). Представители прочих национальностей составили 366 чел. (0,70 %).

По итогам Всесоюзной переписи, проведенной 17 января 1979 г., население Курагинского района достигло 52 481 чел. [9].

Особенностью этой переписи стало то, что количество граждан, проживавших в городской местности (30 017 чел.), превысило количество граждан в сельской местности (22 464 чел.). Это объясняется тем, что из состава сельсоветов были исключены Краснокаменский и Большеирбинский, преобразованные в поселковые советы в 1976 г. и 1978 г. Это соотношение сохранилось и в дальнейшем, в том числе по причине того, что в ноябре 1979 г. из сельского в поселковый был преобразован Кошурниковский совет.

По материалам Всесоюзной переписи 1989 г., население Курагинского района насчитывало 53 908 чел. [10].

Перепись проводилась в период демократических преобразований в обществе, когда каждый смог безбоязненно указывать свою национальность. Так что доля русского населения уменьшилась и составила 89,82 % (48 423 чел.), а этнический состав района стал выглядеть более разнообразным: башкиры – 33 чел. (0,06 %), марийцы – 79 (0,14 %), удмурты – 34 (0,06 %), шорцы – 51 (0,09 %), поляки – 31 (0,05 %), тувинцы – 31 (0,05 %), прочие национальности – 1400 (2,59 %). Количество немцев увеличилось до 1804 чел. и достигло 3,34 %.

В результате анализа переписей населения, проходивших в XX в., можно сделать вывод, что изменение национального состава населения Курагинского района происходило в связи с его освоением и экономическими преобразованиями в Сибири.

Всероссийская перепись 2002 г., которая в новой России проводилась впервые, определила уменьшение населения района: численность его жителей составила 51 873 чел. [11].

Это объясняется не только снижением естественного прироста населения, но и ликвидацией ряда предприятий: Артемовского рудника (прекратил работу в 2000 г.), Курагинского леспромхоза (2000 г.), Курагинской сельхозхимии (2001 г.), что повлекло сокращение рабочих мест и выезд граждан трудоспособного возраста за пределы района.

В то же время доля русского населения возросла и составила 93,30 % – 48 399 чел.

Как и в предыдущей переписи, второе место по численности населения заняли немцы – 1032 чел. (1,98 %). Далее шли украинцы – 769 (1,48 %), татары – 258 чел. (0,49 %), белорусы – 219 (0,42 %), азербайджанцы – 135 (0,26 %), чувашаи – 112 (0,21 %).

Из малочисленных народностей были отмечены 1 ненец, 2 кета, 3 эвенка, 32 шорца. Доля граждан немецкой национальности уменьшилась по причине их выезда за пределы страны – на историческую родину, в Германию.

Азербайджанцы появились в населенных пунктах района вследствие миграции. Расселились они

семьями и трудоустроивались в основном в сферах обслуживания и сельского хозяйства.

С начала 1990-х гг. в Курагинский район стали приезжать последователи учения Виссариона, которые впоследствии образовали религиозную организацию «Церковь Последнего Завета». Они селились в населенных пунктах района и более компактно – в таежных поселениях Черемшанского сельсовета, на горе Сухой («Город Солнца»). На ноябрь 1995 г. на территории района насчитывалось 917 последователей разных национальностей, прибывших из различных регионов России [12].

Тем не менее Всероссийская перепись 2010 г. определила дальнейшее уменьшение численности населения района, которая составила 47 690 чел. [13].

Это объясняется опять же снижением естественного прироста населения и ликвидацией ряда предприятий: ОАО «Курагинская сельхозтехника» (ликвидировано в 2003 г.), ОАО «Ирбинское рудоуправление» (2005 г.), ОАО «Краснокаменское рудоуправление» (2009 г.) и других, что повлекло сокращение рабочих мест и выезд граждан трудоспособного возраста за пределы района.

Количество граждан русской национальности составило 44 112 чел. (92,49 %), что меньше, чем по итогам предыдущей переписи населения. На втором месте по-прежнему немцы – 655 чел. (1,37 %). Далее в списке расположились украинцы – 549 (1,15 %), татары – 208 (0,43 %), азербайджанцы – 100 (0,20 %), чувашаи – 84 (0,17 %), армяне – 44 (0,09 %). Армяне появились в районе вследствие поиска рабочих мест и трудоустроились в основном в сфере строительства.

Надо отметить, что граждане немецкой национальности в граничащих с Курагинским районом территориях также являются вторым по численности этносом: в Каратузском районе они составляют 1,25 % населения, Краснотуранском – 5,89 %, Манском – 1,86 %, Минусинском – 1,14 %.

Анализ переписей, проходивших в XXI в., позволяет сделать вывод, что изменение национального состава населения Курагинского

района происходило в связи с миграцией, снижением естественного прироста.

За период XX – начала XXI в. в Курагинском районе по разным причинам менялся национальный состав жителей. Но толерантность и уважение к народным традициям граждан разных национальностей, проживающих в районе, позволили на протяжении многих десятилетий сохранять мир и стабильность, развивать экономику территории.

Отдавая дань памяти своим предкам, нынешнее поколение курагинцев продолжает чтить и сохранять межнациональное единство, развивает национальные культуры, расширяет и укрепляет культурные связи региона.

С 2009 г. на территории района проводится фестиваль «Дети разных народов», в котором принимают участие школьники. Каждая команда представляет одну из местных национальностей: рассказывает ее историю, презентует музыкальный номер.

В 2015 г. в Курагино при поддержке управления общественных связей губернатора

Красноярского края, депутатов Законодательного Собрания Красноярского края впервые состоялся I Межнациональный фестиваль «Хоровод дружбы». Он начал добрую и яркую традицию укрепления межнационального согласия.

II фестиваль, прошедший 29 июня 2016 г. в рамках краевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Красноярского края», стал более масштабным. В нем приняли участие представители и других районов юга края: Краснотуранского, Идринского, Минусинского, Каратузского, а также г. Минусинска [14].

В 2017 г. участниками фестиваля стали представители Республики Тыва, в 2018 г. – Республики Хакасии.

Курагинцы также принимают активное участие в краевых межнациональных мероприятиях и конкурсах. Следуя народной мудрости, они бережно хранят и приумножают национальные традиции, что является залогом добрососедства на курагинской земле.

Источники и литература

1. Курагинский районный архив. Р-112. Оп. 4. Д. 4. Л. 12.
2. Там же. Р-112. Оп. 4. Д. 4. Л. 1–12.
3. Там же. Р-9. Оп. 1. Д. 23. Л. 94.
4. Там же. Р-9. Оп. 1. Д. 143. Л. 269.
5. Там же. Р-167. Оп. 1. Д. 4. Л. 39. Л. 82.
6. Там же. Р-178. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.
7. Там же. Р-9. Оп. 1. Д. 142. Л. 22.
8. Там же. Р-9. Оп. 1. Д. 317. Л. 1–7.
9. Там же. Р-112. Оп. 4. Д. 13. Л. 16, 34, 157.
10. Там же. Р-9. Оп. 1. Д. 806. Л. 13. Д. 807. Л. 17.
11. Всероссийская перепись населения 2002 г. Национальный состав населения по регионам России. Официальный сайт переписи населения 2002 г. Росстат.xls.
12. Курагинский районный архив. Р-1. Оп. 1. Д. 1715. Л. 24.
13. Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав населения по регионам России. Официальный сайт переписи населения 2010 г. Росстат.xls.
14. Калюга А. Е. Народная дружба и братство дороже всякого богатства (о межнациональном фестивале в Курагинском районе) // Альманах «Этно-Мир на Енисее. О народах Красноярского края». – 2017. – № 15. – С. 64–67.

УДК 94(47).084.3 (571)

Капустина Я. В.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ДИНАМИКА И ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматриваются социальный состав, динамика и численность населения Красноярска в период политических, экономических, социальных потрясений 1917–1920 гг.

Ключевые слова: рабочие, буржуазия, военные, беженцы, революция, Гражданская война.

В годы революции и Гражданской войны в Красноярске сохранились и продолжали существовать основные социальные слои и группы – рабочие, буржуазия, средние слои, но под воздействием кардинальных сдвигов в политическом строе общества, перемен в экономике менялись их численность, состав, роль в жизни города.

Спад промышленного производства, закрытие ряда красноярских предприятий в 1917–1918 гг. прямо сказывались на численности городских рабочих, которая постепенно сокращалась. Часть их превращалась в безработных, часть уходила из города в деревню. Немало рабочих, продолжая числиться на том или ином предприятии, в действительности не работали. Об этом свидетельствовала растущая безработица. Торговые заведения, промышленные предприятия осаждались толпами людей, предлагавших свой труд. Почти везде прием служащих и рабочих был прекращен, наблюдались столкновения между безработными и уже имеющими работу [1]. По сведениям «Бюро труда» на 28 марта 1918 г., в Красноярске насчитывалось до 3200 безработных. Подавляющее большинство из них составляли чернорабочие, конторщики и слесари [2].

Когда у городской управы или кооперативных обществ возникала возможность предоставить работу жителям города, в прессе публиковались такие объявления: «...городская управа предлагает безработным, желающим получить работу в Дровяной комиссии, записываться в артели. Условия работы: рабочий 8 руб. в день (за 8 часов), конно-рабочие по вывозу

леса из воды и подвозке дров 200 руб. в месяц, конюх 210 руб. в месяц» [3]; «Сибирский работник» – промышленное кооперативное общество – приглашает граждан способствовать восстановлению промышленных заведений и постройке новых фабрик и заводов» [4].

Рабочих мест в городе постоянно не хватало. Так, с 8 по 14 сентября 1918 г. число рабочих, посетивших биржу труда, составило 759 человек, а общее число свободных рабочих мест на тот момент – 199 [5].

Это означало, что предлагаемых рабочих мест было в 4 раза меньше, чем людей, предлагавших свой труд.

Последствия революции и Гражданской войны сказались на материальном и бытовом положении рабочих. Отсутствие достаточного количества продовольствия и одежды вынуждало некоторых из них покидать производство, уходить на заработки либо в деревню, либо в частные кустарные мастерские или вообще заниматься изготовлением зажигалок и починкой всевозможных предметов домашнего обихода. Все это отрицательно сказывалось на восстановлении производства, порождало у части рабочих безразличное отношение к нуждам предприятий, вело к большому количеству прогулов и невыходов на работу без уважительных причин [6. С. 62].

В годы социальных потрясений буржуазные слои городского населения также переживали большие перемены. В конце октября 1917 г. были

освобождены от должностей многие высокопоставленные чиновники, начиная от губернского комиссара Временного правительства и руководителей большинства административно-управленческих структур. Некоторые из них подвергались аресту, другие покидали город.

В отчетах на пленарном заседании Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов 8 ноября 1917 г. его председатель А. И. Окулов докладывал: «Все чиновники, в руках которых находится громадный аппарат по различным отраслям хозяйственной и политической жизни, забастовали, и в этом громадная опасность. Остановка функции почты, телеграфа, банка и прочего может внести громадную разруху в жизнь, в этой разрухе потопить и власть и поставить крест над русской революцией»; далее член Губернского народного комиссариата В. Н. Яковлев знакомил собрание с тем, «как трудно налаживать работу в губернском управлении, когда бывшие чиновники правления дошли до того, что расхитили из управления ключи от шкафов, пишущие машинки, передвижной телефон и даже канцелярские принадлежности» [7. С. 253].

Численный урон понесла и предпринимательская буржуазия, переживавшая национализацию, закрытие и разорение предприятий, прямое давление властей, особенно в период Советов в первом полугодии 1918 г. Уход большевиков из Красноярска и отмена всех их решений сформировали условия для возрождения деловой активности городской буржуазии, которая начала создавать организации для защиты своих интересов. Так возникли всевозможные союзы промышленников, домовладельцев, торговцев и пр. [8. С. 291].

Развитие крупного предпринимательства осложнялось нехваткой капиталов. Непростым делом стало и восстановление частной собственности, за которое выступали представители крупного капитала. В ряде случаев денационализация тормозилась необходимостью концентрации экономических и финансовых ресурсов для ведения войны.

«Енисейский вестник» в феврале 1919 г. писал: «По данным фабричной инспекции, в Енисейской губернии числилось 102 фабрично-заводских предприятия, 32 предприятия в на-

стоящее время не функционируют по разным причинам. Большевиками было национализировано 23 крупных предприятия. Согласно последней переписи, на крупных фабриках и заводах работает 2237 мужчин (из них 190 военнопленных), 160 мальчиков и 388 женщин» [9].

С поражением белой армии и отступлением ее из Красноярска в январе 1919 г. многие предприниматели с семьями, представители крупной буржуазной интеллигенции выехали на восток. Часть их оказалась в эмиграции, но некоторые позже вернулись в город.

Революция не оставила в покое и мелкобуржуазные слои. С ухудшением экономической ситуации немало мелких производителей разорились и пополнили ряды полупролетарских и деклассированных элементов населения. Значительная часть мужского населения была призвана в белую армию, в 1919 г. призыв охватил интеллигенцию и студенчество. Так, 20 марта 1919 г. была объявлена всеобщая мобилизация в белую армию. В этих условиях совет Красноярского учительского института пошел навстречу тем преподавателям и студентам, которые призывались на военную службу. Специально для студентов лекционный курс зачитывался по ускоренной программе, с тем чтобы они могли закончить учебу к мобилизации [10. С. 118]. Многие погибли на фронте или во время тифозной эпидемии в городе. Вместе с тем в среду мелкой буржуазии переходили некоторые бывшие крупные предприниматели и домовладельцы.

Интеллигенция вынуждена была выживать в сложившихся условиях, поэтому газеты практически каждый день публиковали рекламные предложения такого содержания: «Даю уроки музыки, пения, рисования» [11]; «Зубной врач Л. А. Абрамович предлагает лечение, пломбирование и удаление зубов» [12] и т. п.

В годы революции и Гражданской войны в Красноярске произошло увеличение так называемых прочих слоев населения, прежде всего военных. В 1917–1918 гг. в город возвратилось много солдат Первой мировой войны. Городские власти старались решать их проблемы, особенно это касалось вернувшихся из плена. Так, на заседании городской думы в конце 1918 г. городской

голова Алексей Платонович Музыкин отмечал: «...окончание войны выдвинуло в первую очередь вопрос об организации помощи возвращающимся на родину русским солдатам, находившимся в плену в Германии и Австро-Венгрии...» [13. Л. 43].

Около города находился военный городок, где располагался военный гарнизон. В 1917 г. в Красноярском гарнизоне пребывали по преимуществу мобилизованные на фронт крестьяне, численность войск колебалась от 15 до 25 тысяч человек [14. С. 205].

Помимо русских, во время Гражданской войны в Красноярске размещались воинские части чехословаков. Их проживание в городе описал в своих воспоминаниях Е. Е. Колосов: «В месте расквартирования 3-й стрелковой дивизии в распоряжении чехов находилась огромная площадь так называемого «провиантного пункта», и кроме того, от вокзала к мосту раскинулся, как и в Томске, целый городок из железнодорожных теплушек. На улице постоянно встречались военные в чешской форме. Несколько больших зданий занимали чехи также в центре города, не говоря уже о том, что под их контролем находился весь Военный городок» [15. С. 176].

Кроме чехословаков, в Красноярске находились небольшие отряды сербов, румын и итальянцев. Тот же Е. Е. Колосов отмечал: «Дольше других (из европейских армий) задержались итальянцы... Итальянцы представляли собой настоящую колониальную армию со всеми свойственными ей недостатками. К нам их привозили из Китая, и на сибиряков они смотрели, как на китайских «кули»... Чувствовали они себя здесь, по-видимому, как где-нибудь в Абиссинии. Ходили до смешного укутанные в меха и зимой не знали, куда девать время от праздности и скуки. Летом скучать им было некогда, но стало для них еще хуже. На «манском» фронте их жестоко побил повстанцы. После летних боев итальянцы эвакуировались, распродав не без выгоды свое военное имущество. Несколько в ином роде были румыны и сербы. В массе они были еще менее культурны, чем итальянцы, и просто грубы, в политическом отношении ненадежны. Было рискованно в этом

случае иметь с ними дело. У них, собственно у сербов, была одна хорошая черта: они бойко торговали казенными лошадьми, пуская их на смену, и казенным оружием. Благодаря этому винтовки от них попадали на повстанческие фронты» [15. С. 149].

Весьма заметным фактором социальной жизни города в годы революции и Гражданской войны стали беженцы. Город не был готов к постоянно прибывавшему потоку переселенцев. Так, по данным городского комитета по делам беженцев в 1918 г., на учете состоял 4051 человек [16. Л. 43].

В Красноярск и через него бежали купцы, ремесленники, учителя, инженеры, врачи, архитекторы и многие другие далеко не бедные в прошлом люди. Все они, включая и местное население городов, попали в трудное материальное положение и вынуждены были отказывать себе в самом необходимом (продуктах питания, одежде, нормальном жилище). Дороговизна и спекуляция усугубляли трудности.

К августу 1919 г. приток беженцев в Енисейскую губернию заметно увеличился. Всего в губернию было предназначено переселение 30 000 беженцев. Существовал план распределения их по городам: Красноярску – 1500 человек, уезду – 3000; Ачинску и уезду – 7000; Канску – 5000. Делами беженцев ведало бюро, состоявшее из представителей Городского комитета помощи беженцам, Комитета помощи военнопленным, уполномоченного МВД господина Орлова и представителя Красного Креста. К участию в распределении беженцев по уездам и селениям привлечены были также губернские и уездные земства. Для размещения беженцев реквизировались школы, церкви, административные учреждения, торгово-промышленные предприятия [8. С. 292].

7 августа 1919 г. газета «Свободная Сибирь» писала: «Каждый день через Красноярск движется громадная волна беженцев. За три дня с 28 июля по 1 августа прошло через Красноярск на восток более 1500 человек, кроме того, из Челябинска и других мест ожидается еще большее количество беженцев. Беженцы, остановившись на станции Красноярск, узнают, что в городе нет совершенно

комнат, берут билеты и едут далее, но некоторые из них на свой риск остаются в Красноярске и стараются найти квартиру или комнату, предлагая большие деньги. К регистрации относятся очень халатно, это видно из того, что с 1 июля по 1 августа зарегистрировалось около 500 человек, на самом деле в Красноярске остановилось беженцев значительно более» [17]. В сентябре эта же газета

сообщила: «За август месяц в Красноярск прибыло беженцев: мужчин – 895, женщин – 705, детей – 448. На восток через станцию Красноярск за этот месяц последовало: мужчин – 12 434, женщин – 9368, детей – 7076» [18].

Последствия Гражданской войны сказались и на численности населения города Красноярска и городов Енисейской губернии (табл. 1) [19. Л. 34].

Таблица 1. Население городов Енисейской губернии по данным профессиональной и демографической переписи 1920 г.

Название города	М	Ж	Итого
Ачинск	5821	5832	11 652
Енисейск	3866	4005	7692
Канск	7031	6862	13 893
Красноярск	36 523	35 258	71 781
Минусинск	7761	8149	15 910
Всего по губернии	60 822	60 107	120 929

Численность населения Красноярска осталась практически неизменной – на уровне 71 781 человек (по данным Всероссийской городской переписи, к началу революции в городе проживало 70 327 человек; по численности жителей он занимал второе после Иркутска место в Восточной Сибири и являлся крупным административно-экономическим центром региона). Для сравнения: на 25 июня 1918 г. в Красноярске насчитывалось 68 035 постоянных и 3500 временных [20. Л. 23] жителей. Сохранение показателя численности может объясняться тем, что в Красноярске обосновались беженцы: по-

ток эмигрантов и беженцев из европейской части страны был огромным.

В годы революции и Гражданской войны в Красноярске существовала довольно динамичная социальная структура населения, в которой заметное место принадлежало рабочим и предпринимательской буржуазии. Значительную долю составляли мелкобуржуазные слои, немалый вес имели военные, интеллигенция и служащие. Также Красноярск был наполнен так называемыми прочими слоями населения: беженцами, маргиналами, люмпенами, не вписывавшимися в городскую среду.

Источники и литература

1. Дело рабочего. – 1918. – 29 января.
2. Голос народа. – 1918. – 28 марта.
3. Воля Сибири. – 1918. – 10 июля.
4. Там же. – 1918. – 14 июля.
5. Там же. – 1918. – 18 сентября.
6. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК ВКП (б) и ВКП (б) ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике 1917–1953. – М.: Демократия, 1999. – 869 с.
7. Красноярский Совет, март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов Советов, пленумов, исполкома и отделов. Сб. документов. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1960. – 582 с.

8. Красноярск: этапы исторического пути. Гл. 6. Красноярск в годы революции и Гражданской войны. Отв. ред. П. И. Пимашков. – Красноярск: Изд-во «Буква», 2003. – 559 с.
9. Енисейский вестник. – 1919. – 8 февраля.
10. Яблоков Ю. Н., Кузнецова О. А. Основание и деятельность Красноярского учительского института (1916–1920 гг.) // Народное образование в Красноярском крае. III краеведческие чтения. – Красноярск, 2002. – 198 с.
11. Свободная Сибирь. – 1919. – 27 февраля.
12. Енисейский вестник. – 1919. – 12 августа.
13. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2425. Л. 43.
14. Шейнфельд М. Б. Сибирский Кронштадт // Красноярск и красноярцы. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1978. – 512 с. – С. 202–208.
15. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания. Материалы. Документы. – Петроград: Изд-во «Былое», 1923. – 190 с.
16. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2427.
17. Свободная Сибирь. – 1919. – 7 августа.
18. Там же. – 1919. – 9 сентября.
19. ГАКК. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 26.
20. Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 2425.

УДК 81`23

Карабулатова И. С.

СИБИРЬ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ МИГРАНТА В СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

***Аннотация.** Сибирь издавна является центром притяжения мигрантов. Современные миграционные процессы приводят к изменению сферы употребления слов и расширению их лексического значения. Лексема «мавр» в современном русском языке является одним из таких примеров: в настоящее время носители русского языка используют ее в обозначении мигрантов (Тюменская, Омская и Томская области). Приграничные российские регионы испытывают большую миграционную нагрузку, что приводит к изменению социального и речевого поведения.*

***Ключевые слова:** Сибирь, мигранты, миграционные процессы, транскультурная языковая личность, мавр, трудовая миграция.*

Ни для кого не секрет, что сибирский характер складывался из множества языков и культур [6]. Межъязыковое взаимодействие народов-контактеров в условиях полиэтнического пространства Сибири вырабатывает местный колорит, выраженный условиями региональной материально-духовной культуры и языка. Переструктуризация этнической структуры приводит к изменению самобытности национального языка на периферии или этнической границе, однако ядро национального языка продолжает выступать в качестве определителя этноса. Новый конструкт «транскультурная языковая личность» включает в себя, прежде всего, билингвов постсоветского пространства, которые говорят по-русски, – при этом в их ментальной картине мира многие элементы замещены инонациональными компонентами даже при наличии русского варианта, – а также молодых полилингвов, выросших в условиях глобализации [7; 8].

В условиях современного глобализирующего мира вопрос о вариативности русскоязычной языковой личности является отнюдь не праздным, а определяющим витальность русского языка как такового в новых социально-экономических реалиях. Вместе с тем это вопрос жизнеспособности не только русского языка, но и русской культуры, русского этноса. Так, например, русскоязычная языковая личность Сибири

включает в себя огромный пласт заимствований из тюркских языков, также прослеживаемый на всех языковых уровнях [5].

Миграционные потоки оказывают влияние на этническую, демографическую, религиозную, лингвистическую, политическую, социально-экономическую ситуацию и в единственной стране, и снаружи, в более крупных геополитических предприятиях. Современные этнолингвистические процессы на глобальных, государственных и региональных уровнях продолжаются на фоне усиления процессов миграции в ситуации объединения мирового социально-экономического, культурного и политического пространства, которое типично для текущего этапа развития общества на его электронно-цифровой стадии. Мы сталкиваемся с огромным пространством нового переселения народов, которое неизбежно влечет за собой большое разнообразие преобразований и среди мигрантов, и в сообществе хозяина.

Миграционные процессы на территории Сибири исследуются специалистами различных научных направлений [3; 6; 8].

В современном русском языке под влиянием миграций появились новые устойчивые выражения с лексемой «мавр»: аульный мавр, тупой мавр, черный мавр, белый мавр (!).

Фразеологический словарь русского языка Т. Волковой (2014) приводит синонимы к слову «мавр»: **араб, мавританец, мондиар, мориск, негр** [9]. Судя по произведениям русских классиков, они имели свое представление о маврах. Так, в книгах и поэмах XIX века к маврам относили всех темнокожих африканцев. Можно сказать, что в русском языке слова «мавр» и «негр» были синонимами. Россия находилась в стороне от европейских событий, она только освободилась от татаро-монгольского ига, и здесь имелось свое название для чернокожих представителей Африки. И это слово было не «мавр», а «арап», которое прославил предок Александра Сергеевича Пушкина Ибрагим Ганнибал. Уже упомянутый словарь Т. Волковой приводит лишь одно известное крылатое выражение со словом «мавр»: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить!», которое восходит к произведению Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (1783). Хотя известны и другие устойчивые выражения: **черный, как мавр, ревнивый, как мавр**. Для многих слово «мавр» звучит синонимом слова «негр», а все благодаря герою пьесы В. Шекспира «Отелло», где главный герой был мавром, и именно чернокожим. Но отождествлять эти два понятия не стоит, потому что мавр – это не всегда чернокожий и даже не всегда африканец.

Однако возникает справедливый вопрос: какое это имеет отношение к Сибири? В настоящее время слово «мавр» включено в разговорные русские фразеологизмы для обозначения мигрантов в некоторых сибирских городах и регионах: Тюмень, Томск, Омск. Однако носители русского языка называют маврами не мигрантов из стран Ближнего Востока, а вообще всех мигрантов из стран Центральной Азии. Мы впервые зафиксировали данный фразеологизм в приграничных областях России и Казахстана: Тюменской и Омской областях. Также отмечено появление этого фразеологизма в Томской области.

На наш взгляд, мы имеем дело со вторичной метафоризацией: **черный, как мавр – черные** (как обозначение прибывающих мигрантов вообще, двойное значение: а) внешний вид и б) неквалифицированные чернорабочие). Гово-

рят «понаехавшие мавры», «аульные мавры», «тупые мавры». Данная идиома не обозначает «выходец из Марокко, араб»: современные носители русского языка используют это выражение только в обозначении неквалифицированных мигрантов из стран ближнего зарубежья. Кроме того, производное слово «мавританец» используется в значении «инородец», «нерусский». Лексема «мавр» имеет ярко выраженный негативный коннотат в понимании носителей русского языка.

В связи с этим возникает вопрос о социализации низкоквалифицированного трудового мигранта в принимающем сообществе. Когда мы анализируем образцы речи мигрантов, то видим, что их речь сама по себе не гомогенная, поскольку отражает социальную принадлежность. Здесь мы встретим как носителей элитной речевой культуры (как правило, эти мигранты получают специальный тип виз для высококвалифицированных специалистов, ученых, художников, спортсменов и т. д.), так и обычных представителей конкретной этнической группы (эти мигранты получают временные рабочие визы и не обладают никакими преимуществами в принимающем сообществе). Кроме того, специальная группа – это криминальные мигранты (нелегальные иммигранты и т. д.), у которых также есть свои специфические особенности.

Эти и другие процессы деятельности мигрантов были уже в различной степени отражены в современной беллетристике. Например, российский автор киргизского происхождения Муса Мурзалиев написал роман «Вторжение мигрантов» в 2013 году, а в 2017 издал роман о мигрантах «Гастарбайтер», описывая жизнь киргизских трудовых мигрантов в России. Не будем останавливаться на причинах миграции: данный аспект достаточно широко освещен специалистами в этой области.

Страна исхода не всегда поддерживает мигрантов в их этнолингвистической и культурной уникальности, а страна приема в первую очередь хочет видеть в прибывающих мигрантах новых членов общества, воспринимающих язык и культуру новой страны [2]. В то же время

ситуация ухудшена активным вторжением глобализации цифрового общества в сферу языкового взаимодействия [1], которое позволило М. А. Кронгаузу говорить о вступлении в эру языкового хаоса [4]. Это диалектическое противоречие живучести этнолингвистических подат идентичности, по нашему мнению, служит основанием для эволюции стран и регионов, изменяя этнолингвистическую и геополитическую картину мира в целом.

Мигранты, которые попадают в новую социокультурную и лингвистическую окружающую среду, оказываются в ситуации социокультурного дискомфорта, поэтому начинают жить двойной жизнью: принимающего сообщества и диаспорального сообщества. Этот аспект так или иначе находит свое отражение в формировании портрета мигранта как в новой этнолингвистической окружающей среде, так и в родной среде страны происхождения.

В непоследовательном космосе на тему «миграция» все множество текстов о мигрантах мы распределяем по следующим многочисленным группам: 1) документальные тексты (интервью, первоклассные истории и т. д.) в раз-

личных жанрах и стилях; 2) художественные тексты (пьесы, мюзиклы, истории, романы); 3) артистические тексты (мюзиклы, спектакли, художественные фильмы).

Первая группа текстов чаще всего возникает в научной, официально-деловой, журналистской, телевизионной и юридической сфере. В этой разнородной группе, которая может быть классифицирована по другим компонентам, мы исследовали европейские публикации о мигрантах с включениями, помещенными в электронные СМИ. Вторая группа текстов ориентирована на художественное переосмысление портрета мигранта.

В результате исследования было создано два главных социопсихоллингвистических портрета мигранта в СМИ: герой / помощник / защитник – и нарушитель закона. Эти два портрета широко эксплуатируются различными исследователями, кинематографистами, писателями и журналистами.

Работа выполнена по гранту РФФИ 17-04-00607ОГН.

Источники и литература

1. Агаюлова С. И., Галичкина Е. Н., Горошко Е. И., Ильясова С. В., Каалистратидис Е. В., Карабань Н. А., Карасик В. И., Качанова А. А., Колокольцева Т. Н., Кочетова Л. А., Красавский Н. А., Кудрявцева А. А., Лутовинова О. В., Митягина В. А., Рыжков М. С., Черкасова И. С., Шарифуллин Б. Я., Шестак Л. А., Штукарева Е. Б. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Коллективная монография, 3-е изд. – М.: Флинта, 2016. – 328 с.
2. Карабулатова И. С., Ракишева Г. М., Абибулаева А. Б. Транскультурный конфликт как этносоциальная девиация современного мира в эпоху глобализации // Научное обозрение. Серия 2: гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 3–18.
3. Катцина Т. А. Роль общественной и частной инициативы Восточной Сибири в сфере образования (вторая половина XIX – начало XX в.) // История науки, образования и культуры в Сибири: сб. матер. Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, Красноярск, 23–24 октября 2007 г. / ГОУ ВПО «Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева». – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет, 2008. – С. 70–76.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 320 с.
5. Рендашкина А. Н. Межкультурный диалог русских и поздних переселенцев-татар в Восточной Сибири (на примере Красноярского края нач. XIX–XXI в.): дисс. ... канд. культур. наук. – Кемерово, 2015. – 166 с.

6. Ступина Т. В. Современные миграционные процессы в культурологическом дискурсе (на материалах Красноярского края): дисс. ... канд. культурологии. – Красноярск, 2017. – 150 с.
7. Ebzeeva Y., Karabulatova I. Transcultural language personality: statement of the problem and conceptual space // Man in India. – 2017. – № 97 (23). – P. 255–262.
8. Ebzeeva Y. N., Karabulatova I. S., Nakisbaev D. A. The Problems of Transformation of the Personal Identity in a Modern Migrant. – 11 (1), VI. – Astra Salva, 2018. – P. 729–738.
9. Волкова Т. В. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Вече, 2014.

УДК 314. 04 (571. 51)

Катцина Т. А., Пашина Н. В.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация.** В статье представлена в динамике за 2010–2017 гг. специфика демографической ситуации в Красноярском крае, основанная на данных официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и ее территориального органа по Красноярскому краю (Красноярскстат). Цель данной работы – оценить демографический потенциал, под которым понимается совокупность населения с определенными количественными (численность, плотность, уровень урбанизации) и качественными показателями (структура и состав), необходимыми для социально-экономического развития территории. Показано, что ухудшение ключевых демографических параметров Красноярского края в среднесрочной перспективе вызывает потребность возмещения естественной убыли населения положительным миграционным сальдо. Верифицировано имеющееся в литературе по проблемам народонаселения суждение, что низкий демографический потенциал является значительным ограничением для развития территории.*

***Ключевые слова:** Красноярский край, демографический потенциал, народонаселение (население), рождаемость, смертность, миграционное движение населения, численность населения, промилле (‰).*

Красноярский край обладает высокой значимостью для обеспечения экономического развития и сохранения территориальной целостности Российской Федерации; важным фактором, определяющим развитие его производительных сил, являются демографический и трудовой потенциалы. На формирование населения края существенное влияние оказывают суровые природно-климатические условия, географическая отдаленность от экономических и культурных центров России, окружающая среда.

Источниками улучшения качественных характеристик демографического потенциала являются: увеличение продолжительности жизни, воздействие на возрастную структуру смертности, изменение направлений миграционных потоков, снижение заболеваемости населения в трудоспособных возрастах. Определение источников позволяет сформулировать мероприятия по развитию демографического

потенциала, скорректировать демографические процессы [17. С. 104].

Первичной характеристикой населения является его численность, выражающая суммарный результат экономической, социальной и культурной деятельности людей.

По статистическим данным, за последние пять лет число жителей Красноярского края увеличилось незначительно: с 2828,2 тыс. человек в 2010 г. до 2876,5 тыс. человек в 2017 г. (данные на 31 декабря). При этом состав населения принципиально не изменился: в нем преобладают женщины (53,3 %), городские жители (77,4 %). Красноярский край, занимая по площади второе место в Российской Федерации, характеризуется малой плотностью населения: 1,2 человека на кв. км при среднероссийском показателе 8,55 человека. Такой демографический потенциал края явно недостаточен для освоения его природных богатств. Заселенность

территории имеет неравномерный, «очаговый» характер: значительная часть населения – практически треть – сосредоточена в краевом центре, около 80 % населения края живут к югу от Ангары – на одной десятой его территории.

Отсутствие единой системы расселения, рассредоточенность и социально-территориальная изолированность населенных пунктов друг от друга, громадные масштабы и неравномерность заселения требуют огромных материальных затрат на преодоление пространства и развитие инфраструктуры в регионе [13. С. 30].

Основными компонентами изменения численности населения являются естественный и миграционный приросты. Естественный прирост населения служит наиболее общей характеристикой интенсивности роста населения, измеряется обычно коэффициентом естественного прироста населения как разницей между рождаемостью (количество рожденных людей на 1000 жителей) и смертностью (количество умерших людей на 1000 жителей) в промилле (‰), соответствующей одной тысячной доле числа.

В 2009 г. Красноярский край впервые после 1992 г. вышел на положительный естественный прирост населения: 0,2 ‰ в 2009 г., 0,1 ‰ – в 2010 г., 0,5 ‰ – в 2011 г., 1,5 ‰ – в 2012 г. С 2013 по 2015 г. включительно коэффициент естественного прироста оставался на уровне 1,7 ‰. С 2016 г. этот показатель вновь устремился вниз и к концу 2017 г. достиг планки в 0,1‰. Весьма скромный естественный прирост населения в Красноярском крае все же выше среднероссийского, так как в целом по регионам страны в 2016 г. смертность превысила рождаемость на 0,1 ‰, в 2017 – на 9 ‰. Суммарный коэффициент рождаемости по краю в 2017 г. составил 1,67, но даже в период своего роста (с 1,61 в 2010 г. до 1,80 в 2014 г. и 1,82 в 2016 г.) он оставался низким и не достигал рубежа простого воспроизводства [12. С. 61–63].

Ключевыми негативными факторами в социально-демографической сфере, определяющими тенденции и результаты воспроизводства

населения в Красноярском крае, стали рост числа неполных семей и свободных браков, отсутствие замещения поколений, старение общества, сокращение доли репродуктивного контингента и его постарение, деформация половозрастного состава [14. С. 212–213]. Все чаще современные исследователи оценивают сложившуюся демографическую ситуацию в России как катастрофическую [4, 5]. Аналогичные выводы были сделаны участниками Всероссийской научно-практической конференции «Демографическое развитие России: задачи демографической политики и усиления поддержки населения», проходившей в Москве 19–20 апреля 2011 г. Аналитическому обзору материалов этого мероприятия посвящена статья Р. А. Галецкой [1. С. 120–131].

В 2016 г. по общему коэффициенту рождаемости (13,9 ‰) и смертности (12,5 ‰) край занял в Российской Федерации соответственно 22 и 28 места, а по показателю младенческой смертности (5,9 ‰) оказался на 40 месте среди 85 субъектов Российской Федерации [12. С. 61–68]. Между тем младенческая смертность (смертность детей на первом году жизни) является одним из основных показателей, характеризующих здоровье человека, а ее снижение способствует повышению показателей ожидаемой продолжительности жизни [7. С. 239].

Согласно «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», ожидаемая продолжительность жизни населения России должна была увеличиться к 2015 г. до 70 лет, а к 2025 г. – до 75 лет [9]. Несмотря на положительную динамику средней продолжительности жизни всего населения Красноярского края, с 67,57 года в 2010 г. до 70,01 года в 2016 г., эти показатели ниже общероссийских в среднем на 1,8 года. Сохраняется разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин, горожан и сельчан Красноярского края: в 2016 г. разница составила 11,35 (64,32 и 75,67 соответственно) и 5,2 года (71,1 и 66,5 соответственно) [12. С. 73–78; 10. С. 43].

По среднему варианту прогноза, ожидаемая продолжительность жизни при рождении

по Красноярскому краю составит к 2025 г. 72,8 года, что ниже заданного параметра; убыль населения (отрицательный коэффициент естественного прироста) обозначится уже в 2022 г. [11], что актуализирует вопрос о замещающей миграции. Однако здесь нужно учесть ряд факторов. Во-первых, динамику коэффициентов миграционного прироста (на 10 тыс. человек): в Красноярском крае он составлял 28 в 2011 г., 13 – в 2012 г., 5 – в 2013 г., 3 – в 2014 г., 10 – в 2015 г. и 17 – в 2016 г. В 2016 г. краевой показатель коэффициента демографического прироста так и не догнал общероссийский (18 человек на 10 000 человек населения) [12. С. 85–86]. Во-вторых, миграционные процессы оказывают негативное влияние на развитие наркоситуации в Красноярском крае [8]. В-третьих, Красноярский край не является привлекательным для мигрантов в силу суровых природно-климатических условий и высокого уровня загрязнения окружающей среды.

В последние годы изменения климата рассматриваются как один из важных факторов, оказывающих влияние на здоровье и смертность населения наряду с такими традиционными факторами риска индустриальной эпохи, как загрязнение атмосферного воздуха и питьевой воды, курение, наркотические вещества и другие. По оценкам ВОЗ, климатические изменения в настоящее время являются причиной примерно 150 тыс. преждевременных смертей в мире и 55 млн человеко-лет нетрудоспособности в среднем в год, что составляет, соответственно, 0,3 % и 0,4 % мировых показателей смертности и нетрудоспособности [3. С. 120–121].

Значимо также действие на состояние здоровья экологических факторов. Несмотря на то, что в Красноярском крае реализуются природоохранные меры, экологическая ситуация в нем остается сложной. Заболеваемость увеличивается из-за роста накопления загрязняющих веществ и атмосферных выбросов в урбанизированных районах. Исследования Института экономики и организации промышленного производства СО РАН показали, что негативное влияние экологического фактора на здоровье значительно проявляется среди взрослого

населения. Дети более подвержены влиянию экономических и социально-психологических факторов: в период формирования детский организм больше реагирует на санитарно-гигиенические условия, качество питания, отдыха и т. д. При условии сохранения сложившегося уровня загрязнения атмосферного воздуха вероятность заболеть раком у жителей Красноярска соответствует верхней границе приемлемого риска, риск развития хронических заболеваний превышает приемлемый уровень в 5,8 – 18,1 раза. Высокая запыленность городов края обуславливает прирост общей смертности от 6,4 до 22,7 %, при этом число дополнительных случаев смертей ежегодно может составлять от 82,5 до 261,5 [6. С. 179].

Численность трудоспособного населения Красноярского края в период 2018–2030 гг. сократится на 200–360 тыс. человек (11–20 % от численности трудоспособного населения в 2008 г.), что связано с волнообразным характером демографических процессов и изменением возрастной структуры населения [16. С. 114].

Сокращение численности населения рассматривается специалистами Института экономики и организации промышленного производства СО РАН как одна из угроз формированию демографического потенциала [15. С. 99–107].

Падение рождаемости (ее уровень обуславливается комбинированным влиянием физиологических, брачно-семейных, социально-экономических факторов) сказывается на снижении числа лиц трудоспособного возраста, доля которых в общей численности населения Красноярского края составила 60,6 % в 2014 г., 59,7 % – в 2015 г. По среднему варианту прогноза она уменьшится до 56,7 % в 2019 г., 54,9 % – в 2025 г. [11. С. 44].

Дефицит трудовых ресурсов может стать главным лимитирующим фактором развития региона. Снижение трудового потенциала будет идти не только за счет сокращения численности, но и за счет старения трудоспособного населения. Согласно международным критериям (классификации Организации Объединенных Наций) население считается старым, «если доля людей в возрастах 65 лет

и более во всем населении превышает 7 %» [2]. Целый ряд регионов Российской Федерации, где доля пожилых и престарелых граждан составляет более 20 %, можно назвать «зонами демографического бедствия». В их число входит и Красноярский край, где в настоящее время почти каждый пятый житель (т. е. 20,62 % населения) находится в возрасте старше трудоспособного [подсчитано по: 10. С. 37]. Это увеличивает число иждивенцев в расчете на одного трудоспособного, ведет к росту социальных расходов на поддержку всей инфраструктуры,

обслуживающей пожилое население, требует увеличения налоговой нагрузки на экономику и реформирования пенсионной системы. Возможно, расходы на заботу о пожилых людях растут не в результате увеличения доли этой группы среди населения, а вследствие общего удорожания медицинского и социального обслуживания на душу населения. В любом случае удовлетворение потребностей в медицинском обслуживании и социальной защите пожилых людей зависит от демографических факторов и развития науки и техники.

Источники и литература

1. Галецкая Р. А. Демографическое развитие России в первой четверти XXI в. и задачи усиления социальной поддержки населения // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 6. – С. 120–131.
 2. Демоскоп Weekly. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (443-444), 15–28 ноября. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/barom02.php>.
 3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации / под общ. ред. С. Н. Бобылева. – М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013. – 202 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0567/biblio04.php>.
 4. Жук В. А., Ложко В. В. Связь демографических процессов с социально-экономическим развитием регионов и совершенствование демографической политики // Проблемы современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 192–196.
 5. Жуков В. И. Демографический потенциал России и стран мира // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2013. – № 1. – С. 4–15.
 6. Казанцева Л. К., Тагаева Т. О. Влияние окружающей среды на здоровье населения регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока // ИнтерЭкспо. Гео-Сибирь. – 2014. – № 1. – С. 175–180.
 7. Каткова И. П. Младенческая смертность // Народонаселение: энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 239 с.
 8. Килин А. З., Коновалова О. В., Путимцев А. Б. Миграционные процессы и развитие наркоситуации в Красноярском крае // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 2 (28). – С. 18–24.
 9. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 09 октября 2007 г. (1351) (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 01 июля 2014 г. (483)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71673/7a46cb13de731db333fcd77a4f7887e468287e3/.
 10. Красноярский краевой статистический ежегодник: 2017. Статистический сб. № 1.37.4. – Красноярск, 2017. – 513 с. [Электронный ресурс]. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/publications_official_publications/electronic_versions/.
- Официальная статистика. Население. Демографический прогноз. [Электронный ресурс]. URL: http://krasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krasstat/ru/statistics/population/.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. Статистический сб. – М., 2017. – 1402 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14p/Main.htm.
12. Славина Л. Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2007. – 472 с.
13. Славина Л. Н. К двадцатилетию депопуляции: региональный аспект демографической трагедии // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2013. – № 4 (26). – С. 208–213.
14. Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В. Риски в формировании демографического потенциала Сибири // Регион: Экономика и социология. – 2011. – № 4. – С. 93–115.
15. Человеческий капитал Красноярского края: форсайт-исследование – 2030 / Аналитический доклад; под ред. В. С. Ефимова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – 126 с.
16. Чурайда А. М., Отставнова Л. А. Государственная политика занятости на рынке труда // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2011. – № 4. – С. 101–107.

Кышпанаков В. А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ХАКАСИИ В XX–XXI вв.

Аннотация. Данное сообщение отражает исторические особенности формирования и развития населения Хакасии в XX – начале XXI в. Сделан вывод о принципиальных отличиях демографических процессов в советский период от дореволюционных. Отмечено, что в 1990-е гг. население Хакасии вступило в полосу депопуляции. Выделена роль миграции как источника роста населения.

Ключевые слова: Хакасия, население, воспроизводство, миграция.

Формирование и развитие населения Хакасии в XX–XXI вв. представляет собой сложный, многообразный и непрерывный демографический процесс, детерминированный хозяйственным освоением региона. Рассматривая демографию как науку в широком смысле, мы включаем в него и миграцию, так как именно она оказала решающее влияние на бурный рост населения Хакасии в XX в.

Выявленная нами ранее периодизация историко-демографического развития Хакасии [3] позволила проследить главные изменения, произошедшие за это время. Принципиальное отличие их от дореволюционных заключается в том, что в советский период рост населения стал весьма динамичным, соответственно столь же быстро менялась его структура. Во второй половине XIX в. рост населения происходил в основном за счет его естественного движения, при этом воспроизводственные процессы были стабильными, можно сказать, консервативными при патриархально-феодальной системе ведения хозяйства в целом с элементами капиталистических производственных отношений, возникших в нарождающейся горнорудной промышленности. В годы Столыпинской реформы на юг Енисейской губернии, в том числе и на территорию современной Хакасии, хлынул поток переселенцев из западных районов Российской империи, а также Полтавской, Черниговской и других областей Малороссии (Украины). Однако лишь в советский период коренным образом изменились как

масштабы переселенческого потока, его направления, так и способы хозяйственного освоения территории. До Октябрьской революции 1917 г. Хакасия не имела названия и какой-либо формы автономии, а ее современная территория входила в состав трех округов и двух губерний, приобретая законченный вид лишь к началу 60-х гг. XX в.

В советский период к числу наиболее важных особенностей формирования и развития населения Хакасии относятся следующие:

- быстрый рост общей численности населения;
- значительные масштабы и интенсивность миграции, во многом обусловившие высокие темпы роста населения, особенно в довоенные годы;
- более высокий по сравнению со средними показателями по стране на протяжении длительного времени уровень естественного прироста;
- ускоренные процессы урбанизации и быстрый рост городского населения, которые обусловили «очень высокий» уровень этого показателя (по Э. Россету), превосходивший аналогичный по СССР;
- соответственно сельское население к концу XX в. имело более низкий удельный вес, чем в среднем по стране;
- радикальные изменения в половозрастной структуре населения, обусловившие переход от молодой структуры к стареющему типу;

- глубокие сдвиги в национальном составе населения региона, выразившиеся в переходе от дуонационального к многонациональному населению, что привело к утрате хакасским народом своего преобладающего значения: он стал миноритарной частью всего населения Республики Хакасия в XXI в. В целом за советский период, по данным переписей 1926–1989 гг., население Хакасии увеличилось в 6,4 раза (СССР – в 1,9 раза, РСФСР – в 1,6 раза) [2. С. 5; 4. С. 8–9; 5. С. 73, 74].

Громадные масштабы хозяйственного освоения территории для столь маленького региона оказали сильное воздействие на перестройку норм репродуктивного поведения населения. В городской местности быстро сформировалась модель малодетной семьи. Население Хакасии втянулось в сложный процесс демографического перехода, вторая стадия которого завершилась в 1960-е гг.

Быстрый рост численности населения Хакасии определялся высоким уровнем естественного прироста и разнообразными миграционными потоками, интенсивность которых прямо зависела от масштабов пространственного развития производительных сил Восточной Сибири в целом. На разных этапах соотношение этих факторов было неодинаковым: от преобладания миграции в 1926–1939 гг., 1941–1945 гг. до превалирования естественного прироста в конце 1950–1960 гг., а затем их примерно равного соответствия. Генеральной тенденцией в динамике естественного прироста было его снижение, вызванное падением рождаемости и сокращением смертности.

Снижение рождаемости и смертности было достигнуто в результате определенных качественных изменений в половозрастной структуре населения. С конца 1960-х гг. население Хакасии вступило в третью стадию демографического перехода. При этом у коренного населения во многом еще сохранялись черты старого типа воспроизводства, особенно у сельских жителей: более высокая, чем у остального населения, рождаемость, высокая смертность, меньшая продолжительность жизни. Однако его численность не могла оказать сколь-нибудь

заметного влияния на процесс воспроизводства населения области в целом.

В основе миграционных процессов 1970–1980-х гг. лежало активное перераспределение рабочей силы между аграрными и индустриальными отраслями экономики, другими экономическими районами страны и Хакасией.

В результате село перестало быть источником рабочей силы для города, сохранив минимально необходимый резерв рабочих рук. Несмотря на большой объем миграционного движения, приживаемость переселенцев была достаточно низкой из-за слабого развития социальной инфраструктуры.

С момента последней Всесоюзной переписи населения СССР и по настоящее время численность населения Хакасии варьировалась от 566,9 тыс. человек в 1989 г. до 581,2 тыс. человек в 2000 г. и до 536–537 тыс. человек в настоящее время [7. С. 5; 6. С. 32]. Миграция как фактор роста населения утратила свое значение: годы устойчивого механического прироста сменяются годами столь же устойчивой механической убыли, основная часть которой в разрезе городов и районов республики приходится на г. Саяногорск. Однако обращает на себя внимание миграция в национальном разрезе. За последнее десятилетие в Хакасии резко увеличилась численность мигрантов из Киргизии, диаспора которых составила 11,5 тыс. человек, – по численности киргизы уже занимают 3–4 места среди народов и народностей Хакасии [1]. Естественный прирост населения продолжает оставаться тем важнейшим фактором, который удерживает численность населения Хакасии на постоянном уровне в последние годы. При этом в естественном движении населения региона наметились положительные моменты. К ним относятся: рост суммарного коэффициента рождаемости с 1,3 в 2000 г. до почти 2 (1,986) в 2015 г., что показывает изменение показателей воспроизводства населения Хакасии от суженного до близкого к простому; рост нетто-коэффициента воспроизводства, достигшего величины 0,944 в 2015 г.; рост коэффициента фертильности с 35,9 промилле в 2000 г. до 60,4 в 2015 г.;

снижение младенческой смертности вдвое, с 17,5 промилле в 2005 г. до 8,8 промилле в 2015 г. [2. С. 9, 12]. Эти изменения были обусловлены не только определенными мерами демографической политики на уровне федеральной власти, но и улучшением материальной

базы здравоохранения в республике. Введение в строй в Абакане в 2017 г. крупнейшего на юге Сибири перинатального центра уже позволило и позволит в будущем качественно уменьшить младенческую смертность и увеличить рождаемость в Хакасии.

Источники и литература

1. Абакан. – 2017. – 20–26 сентября.
2. Здравоохранение Республики Хакасия в 2000–2015 гг. Статистический сб. – Абакан, 2016. – 92 с.
3. Кышпанаков В. А. Население Хакасии. 1917–1990-е гг. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 348 с.
4. Население СССР. 1987. Статистический сб. – М.: Финансы и статистика, 1988. – 250 с.
5. СССР в цифрах в 1990 г. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 212 с.
6. Экономика Республики Хакасия в 2000 году. Статистический ежегодник. – Абакан, 2001. – 330 с.
7. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. – Абакан, 1990. – 100 с.

УДК 314.93

Славина Л. Н.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Аннотация. В статье на основе итогов всесоюзных переписей населения дана характеристика национального состава сельских жителей края, определены его общице и специфические черты, прослежена динамика за 30 лет. Выявлены детерминировавшие национальный состав факторы, оценено состояние населения в конце советского периода.

Ключевые слова: этнический состав, сельское население, Красноярский край, урбанизация, ассимиляция.

Национальный (этнический) состав населения Красноярского края, как и всей России, плохо изучен историками. Его значение недооценивается, хотя опыт последних десятилетий доказал, что он играет первостепенную роль в общественном развитии. Чтобы наконец получить точное представление об этническом облике всех частей российского общества, необходим его глубокий анализ в территориальном, временном и социальном разрезах.

Цель настоящей работы – охарактеризовать в динамике национальный состав сельских жителей Красноярского края (в границах до 1991 г.) в 1950–1980-х гг. и подвести итоги его развития в советский период. Единственным источником сведений о нем являются результаты всесоюзных переписей населения о численности и структурах этносов, их расселении, занятиях, образовании и владении языками, браке и семье. Только переписи позволяют сравнить народы в разных проекциях, во времени и пространстве.

Красноярский край – уникальная по национальному составу населения территория. В последние советские десятилетия в его деревнях жили представители большинства – свыше 100 – народов СССР. Наряду с аборигенными народами в регионе проживали представители титульных национальностей всех союзных и автономных республик страны и ряда этносов, имевших государственные образования за ее пределами (немцы, финны и т. д.). В крае были

представлены индоевропейская, монголоидная расы и их внутривидовые вариации и основные конфессии – православные, католики, протестанты, иудеи, мусульмане. Этнотипы различались численностью, уровнем социально-экономического и культурного развития. Они по-разному взаимодействовали друг с другом, что отражалось на внутри- и межэтнических процессах.

Многонациональность деревень стала результатом переселений в край в досоветское и советское время. Национальную структуру красноярцев «скорректировали» принудительные депортации в сталинский период, в ходе которых репрессированные народы размещались в большинстве своем в сельской местности. Во второй половине 1950-х гг., когда они после реабилитации стали покидать край, этническая структура сельчан вновь изменилась.

По переписи 1959 г., удельный вес лишь шести живших в деревнях края народов превышал 1 % (табл. 1). Абсолютное большинство составляли русские, удельный вес которых (82,1 %) был выше, чем в селах Восточной Сибири (78,4 %) и РСФСР (78,9 %) [1. С. 308, 380]. За ними шли немцы (3,7 %), хакасы (3,3 %), украинцы (2,2 %), татары (1,4 %) и чуваша (1,3 %). Вместе эти народы составляли 94,0 %. Удельный вес прочих измерялся долями процента.

Сельское и городское население края имело однотипный, но различавшийся пропорциями

национальный состав. Города тоже были полиэтничными. Однако доля русских, украинцев и белорусов в них была выше, а коренных народов – ниже, потому что большинство прибывавших туда мигрантов составляли восточнославянские народы, прежде всего русские.

Русские доминировали в деревне абсолютно. На них «держались» ее производственная и социальная сферы. Они определяли образ сельской жизни, начиная с воспроизводства новых поко-

лений, играли главную роль в этнических процессах благодаря повсеместному расселению. Вместе с ними восточных славян представляли украинцы и белорусы, переселявшиеся в Сибирь с конца XIX в. В изучаемый период еще встречались села, где они жили компактно и сохраняли свой язык и культуру. Но эти «национальные гнезда» быстро «растворялись». Из славянских народов в крае также проживало 2,8 тыс. поляков.

Таблица 1. Численность и удельный вес наиболее крупных народов в сельской местности Красноярского края в 1959–1989 гг*.

Народы	Тыс. чел.				%			
	1959	1970	1979	1989	1959	1970	1979	1989
Русские	1082,4	930,7	805,4	802,6	82,1	82,3	82,2	82,2
Немцы	49,3	36,1	30,7	27,4	3,7	3,2	3,1	2,8
Хакасы	43,6	46,9	44,5	42,9	3,3	4,2	4,5	4,4
Украинцы	28,7	17,7	17,5	23,3	2,2	1,6	1,8	2,4
Татары	18,0	18,2	15,6	14,5	1,4	1,6	1,6	1,5
Чуваши	16,3	19,0	15,1	12,1	1,3	1,7	1,5	1,2
Мордва	12,3	10,9	8,0	6,4	0,9	1,0	0,8	0,7
Белорусы	10,9	7,4	6,4	7,3	0,8	0,6	0,7	0,7
Народы Севера	8,0**	12,0	10,7	12,7	0,6	1,0	1,2	1,3
Прочие	49,8	31,9	25,8	27,6	3,7	2,8	2,6	2,8
Всего	1319,3	1130,8	979,7	976,8	100,0	100,0	100,0	100,0

* Рассчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566. Л. 34, 35, 180; Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – С. 143.

** В общую сумму не включены долганы, не учтенные переписью 1959 г.

Сравнительно большие группы составляли этносы Поволжья – три народа тюркской языковой группы (татары, чуваша, башкиры) и три финно-угорской (мордва, удмурты и марийцы). Благодаря компактному проживанию во многих местах они неплохо сохраняли свой язык и культуру.

Перепись 1959 г. учла в деревнях 28,8 тыс. человек из прибалтийских народов (2,2 % населения), из них 12,2 тыс. литовцев, 8,1 тыс. латышей и 8,5 тыс. эстонцев [5. Л. 34, 35]. Часть их составляли спецпереселенцы 1940-х гг., часть – потомки мигрантов более раннего времени, поселившихся компактными группами в разных районах. Большого смешения их с сибиряками не отмечалось. Мешали раз-

ное вероисповедание, национальные традиции и т. п.

Немцев, второго по численности народа в сельском населении, насчитывалось в 1959 г. 49,3 тыс. человек. В основном это были прибывшие в годы войны и после нее спецпереселенцы и их дети, поскольку в 1939 г. в крае жили лишь 3962 немца, из них в деревне 2735 человек [6. Л. 105]. Немцы расселялись по краю вперемешку с другими этносами. Чисто немецких поселений почти не было, но в некоторых немцы составляли по 10–20 % жителей. Еще одним «следом» депортации народов являлись калмыки, прибывшие в начале 1944 г. Часть их погибла на спецпоселении, другая уехала на родину после реабилитации. Перепись учла лишь их остатки – около 1,5 тыс. человек.

Около тридцати народов представляли выходцы с Кавказа – азербайджанцы, грузины и т. д. Их этнические группы были малочисленными, некоторые по несколько человек. Кавказцы дисперсно расселялись среди других этносов, как и выходцы из Средней Азии и большинство некоренных народов.

Коренные народы Севера и Сибири, составлявшие в сельском населении 3,9 %, отличались друг от друга численностью, расселением, наличием или отсутствием собственных автономий. Характер их проживания играл большую роль, так как определял крепость связи между лицами своей национальности и, значит, степень распространения смешанных браков, демографическое поведение и т. д. Хакасы в основном жили в Хакасской автономной области. В 1959 г. там было учтено 86,6 % хакасов России. Как и все коренные народы, на территории своего исконного проживания они были в меньшинстве и составляли в селах области лишь 22 % населения [1. С. 382–384].

Самым крупным в крае северным этносом являлись эвенки. Из учтенных в 1959 г. в РСФСР 24,6 тыс. эвенков в сельской местности края, в основном в Эвенкийском автономном округе, жили 4,1 тыс. человек. В сельском населении округа они составляли 39,7 % [1. С. 382–384]. В Таймырском АО жили долганы (около 4 тыс. человек), которые не попали в перепись 1959 г. Остальные северные народы размещались по северу края на двух третях его территории.

Численность каждого этноса и динамику национального состава сельчан в 1960–1980-х гг. определяли три главных фактора – естественное движение, миграции и этнические процессы. Влияние четвертого фактора – последствий войны – ослабевало, но росла роль пятого – урбанизации, которая в разной степени затронула все народы. Важную роль играло этническое самоопределение людей. Оно проявилось в 1970–1980-х гг., когда начался рост численности большинства этносов. Многие прежде записывавшиеся русскими стали «возвращаться к своей национальности». Это было вызвано не ростом национализма, а желанием пользоваться квотами, предоставляемыми го-

сударством нерусским народам. Этническое самосознание людей еще возросло в годы перестройки. Это зафиксировала перепись 1989 г., выявившая повышенный прирост численности многих народов, прежде всего коренных.

Важным регулятором этнической структуры выступало государство. Форсируя индустриальное освоение края, власти планировали получить часть рабочей силы за счет мигрантов и тем самым запрограммировали изменение национального состава населения городов и деревень и ускорение урбанизации этносов. Индустриальное развитие стало главным фактором динамики этнического состава населения в 1960–1980-х гг. Оно стимулировало приток в города мигрантов из других частей страны и из местных деревень. Внешние переселенцы увеличивали в городах численность «своих» народов и тем повышали общий уровень урбанизированности этих этносов в крае.

Урбанизация стала главным фактором перемен и в самих этносах. Степень включенности в нее определила масштабы и темпы изменений всех их характеристик. В конце 1950-х гг. этносы были затронуты ею в разной степени. Часть некоренных народов уже достигла среднего и даже высокого уровня урбанизированности. В 1959 г. горожанами являлись 50,9 % проживавших в крае русских, 55,5 % белорусов, 66,4 % украинцев [5. Л. 34, 35], из которых формировались кадры городских рабочих и служащих в предыдущие десятилетия. Татары, чуваша и мордва оставались «сельскими» этносами. В деревне жили 73,9 % немцев [5. Л. 34, 35]. Прикрепив их к месту спецпоселения на полтора десятилетия, государство затормозило их урбанизацию и стало виновником отставания в этом процессе от русских на четверть века.

Индустриальное освоение севера и юга края до конца 1950-х гг. мало затрагивало жившие там аборигенные народы. Их урбанизированность была низкой, особенно в автономиях. В Хакасии доля горожан у хакасов составляла 14,1 %, в Таймырском округе у народов Севера – 3,0 %, в Эвенкии у эвенков – 5,4 % [1. С. 330–334, 356–360]. В большинстве этносов

мужчины были более урбанизированы, так как прежде чаще женщин переселялись в города.

В 1960–1980-х гг. доля сельской части каждого этноса стала сокращаться быстрее. Активнее покидали деревню некоренные народы. До очень высокого уровня урбанизированности (более 70 % горожан) поднялись русские, украинцы, белорусы и татары. В 1970-х гг. «городскими» стали народы Поволжья и немцы, преодолевшие 50%-й рубеж, отделяющий «городское» состояние этноса от «сельского». К 1989 г. абсолютное большинство некоренных народов края стали «городскими». В деревне остались лишь 19,6 % украинцев, 21,4 % белорусов, 25,8 % русских, 28,9 % татар [2. С. 140, 143–145].

Урбанизация народов Севера и Сибири, по сути, в этот период только началась. Удельный вес горожан повышался у них на фоне увеличения численности сельской части и достиг к 1989 г. лишь 38,1 % у хакасов, 25,4 % у эвенков, 22,6 % у нганасан, 13,8 % у долган, 13,2 % у кетов [2. С. 140, 143–145]. Коренные народы так и остались «сельскими».

Из деревни уезжала чаще молодежь. У русских и прочих некоренных народов в городах сконцентрировалось большинство ее представителей, а у коренных основная часть еще оставалась в деревне, что сохраняло их демографическую «молодость». Из имевшихся в 1989 г. в крае 20–29-летних русских лишь 22,7 % жили в деревнях, из украинцев – 18,8 %, татар – 25,3 %, но из хакасов – 52,7 %, эвенков – 70,8 %, кетов – 79,7 % [3. С. 13–48]. Вырос отток из села женщин. У большинства народов, включая коренные, они стали урбанизированнее мужчин. В 1989 г. в городах жили у хакасов 36,8 % мужчин от общей их численности в этносе и 42,9 % женщин, у эвенков – соответственно 23,2 и 31,2 %, у долган – 12,3 и 17,5 % и т. д. [3. С. 13–48]. Половозрастные диспропорции вели к росту межнациональных браков, этнической ассимиляции. В этносах унифицировался процесс воспроизводства поколений. Главная тенденция – снижение рождаемости и падение естественного прироста – наблюдалась у всех.

Решающее влияние на развитие народов оказывала ассимиляция, происходившая на основе совместной учебы и труда на общественном производстве и связанная с миграцией, ростом смешанных браков. Ее ускорили урбанизация этносов, дисперсное расселение большинства из них по территории.

Первой стадией выступала языковая ассимиляция. Перепись 1959 г. показала, что народы находились на разном ее уровне. Русских она вообще не касалась. Напротив, русский язык был почти единственным, который ассимилировал другие языки. По степени восприятия его в качестве родного этносы группировались так: на высоком уровне языковой ассимиляции (50–70 % численности этноса считали родным русский язык) находились белорусы, на среднем (30–50 %) – украинцы, мордва, на невысоком (10–30 %) – татары, чуваша, немцы, на низком (менее 10 %) – народы Севера и Сибири.

За 1960–1980-е гг. сельчане основательно обрусели. Во время переписи 1989 г. 99,96 % русских назвали родным свой язык. А среди других народов язык своей национальности продолжали считать родным 38,2 % белорусов и 42,8 % немцев, 55,9 % украинцев, 57,8 % чувашей, 78,2 % татар, 86,7 % хакасов, 90,9 % народов Севера, живших в Таймырском округе, и 96,0 % в Эвенкии [3. С. 49–156]. Остальные перешли в основном на русский язык.

Ведущей тенденцией развития этносов являлась межнациональная интеграция, проявлением которой было двуязычие. Русские иных языков не знали, а прочие народы учили в основном русский язык. Русскоговорящими стали свыше 95 % жителей деревни – все русские и лица нерусской национальности, считавшие родным русский язык или владевшие им как вторым.

Языковая ассимиляция подготавливала этническую, проявлявшуюся в смешанных в национальном отношении браках. Они стали массовым явлением в крае. В 1959 г. 91,3 % сельских семей являлись однонациональными, а 8,7 % – смешанными (в селах РСФСР – 7,7 %). В 1970 г. их уровень у красноярцев поднялся до 13,7 [4. С. 73, 347], а к 1989 г. – до 19,3 %.

С конца 1970-х гг. доля смешанных семей в деревнях края стала выше, чем в городах.

Перепись 1989 г. показала, что за тридцать лет национальный состав сельского населения края, численно сократившегося на 26,0 %, претерпел эволюцию. Но радикальных сдвигов в его пропорциях не произошло (табл. 1). Все время одни и те же народы входили в шестерку самых крупных, их иерархия по численности не менялась. Лишь немцы опустились на третье место, пропустив вперед хакасов. Количество русских уменьшилось на 342,5 тыс. человек – на 25,9 %, но их удельный вес был стабильным, чуть превышая 82 %. Процесс сокращения русских сильно смягчался ассимиляцией ими других этносов.

Удельный вес большинства некоренных народов уменьшился, большинства коренных вырос. Темпы роста или сокращения у каждого были свои. Среди самых крупных некоренных народов больше всех сократилось количество мордвы (в 1,9 раза) и немцев (в 1,8 раза). Число украинцев и татар уменьшилось на 23,3–23,6%, чувашей – на 34,0 %, белорусов – на 50,6 %. Численность эстонцев сократилась в 2,6 раза, латышей в 2,8, а литовцы из-за малочисленности перешли в группу «прочих народов» [2. С. 140, 143].

Численность северных этносов в целом выросла с 1970 по 1989 г. на 5,6 %. Количество хакасов

за те же годы сократилось на 8,6 % [2. С. 140, 143]. С начала 1970-х гг. на юге Красноярского края формировался Саянский ТПК – он ускорил отток в города местных сельчан и хакасов в том числе.

В национальной структуре сельского населения края снизилась доля большинства некоренных народов, но восточнославянских чуть выросла (с 85,1 % в 1959 г. до 85,3 % в 1989 г.). Доля коренных этносов поднялась с 3,9 до 5,7 %. Благодаря им был «смягчен» процесс общего сокращения сельского населения края. Но они, конечно, не могли компенсировать убыль некоренных этносов ни в количественном, ни тем более в качественном отношении.

Дисперсное расселение людей разных национальностей, высокий процент межнациональных браков, активная языковая ассимиляция сформировали в регионе благоприятные межнациональные отношения. Индустриальное развитие и вызванная им урбанизация «ломали» внутренние перегородки между народами, сближали их. Хотя однозначного «расцвета и сближения наций», как планировалось, не произошло, положительные установки населения на межнациональное общение на всей территории были прочными. Это позволило избежать катаклизмов в национальной сфере во время распада СССР, когда этнический состав красноярцев снова подвергся ломке в связи с выходом из состава края бывших автономных образований, и в дальнейшем.

Источники и литература

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. – М., 1963. – 456 с.
2. Национальный состав населения РСФСР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М., 1990. – 747 с.
3. Социально-демографические показатели, характеризующие национальный состав населения Красноярского края: стат. сб. – Красноярск, 1991. – 273 с.
4. Число и состав семей в РСФСР (по материалам Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). – М., 1974. – 429 с.
5. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 1566.
6. ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 2. Д. 37.

УДК 316.4 (571.513)

Тугужекова В. Н.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ХАКАСИИ

Аннотация. В статье анализируются этнические и этнодемографические процессы в Хакасии. Особое внимание автор уделяет хакасам – коренному этносу Республики Хакасия, который в XIX в. жил на территориях Минусинского, Ачинского и Кузнецкого округов. Самоназвание «хакасы» инородцы (минусинские татары) получили в 1917 г. Характерной особенностью региона в советский период было бурное индустриальное развитие, которое привело к большому миграционному потоку и росту населения. Негативно отразились на состоянии этноса либеральные реформы 1990-х гг.: начался процесс депопуляции. Адаптация населения к изменившимся условиям произошла только в начале 2000-х гг.

Ключевые слова: революция, С. Д. Майнагашев, Хакасия, население, хакасы, миграция, рождаемость, смертность, адаптация.

Февральская революция 1917 г. активизировала деятельность сибирских областников и национальных элит, выступающих за политические права инородческого населения. Коренные этносы Сибири активно включились в движение за свои права и создание органов самоуправления на местах.

Лидер хакасского национального движения С. Д. Майнагашев Февральскую революцию воспринял как важнейшее событие в истории России, которое могло дать свободу инородцам. Он выступил за переустройство жизни хакасского народа, ликвидацию территориальной разобщенности, объединение хакасов Ачинского и Минусинского уездов и создание органов местного самоуправления [14].

В преддверии демократических реформ национальные лидеры стремились придать организационный характер процессам переустройства жизни хакасов. В улусах среди коренного населения они проводили собрания, сходы, во время которых принимались указы для предстоящих инородческих съездов.

Именно в 1917 г. благодаря активной деятельности национальной элиты на втором инородческом съезде в аале Чарков было принято решение о самоназвании народа. Обосновал самоназвание С. Д. Майнагашев – он, в частности, сослался на то, что учеными А. А. Спицыным (1858–

1931), Д. А. Клеменцем (1848–1914), И. П. Кузнецовым-Красноярским (1851–1916) коренное население Хакасии уже именуется как этническая общность «хакасы» [1. С. 29]. Позднее известный сибирский ученый и общественный деятель Н. Н. Козьмин (1872–1938) писал о национальных деятелях тех лет: «К великой революции хакасы выдвинули из своей среды ряд общественных и научных деятелей, уже не порывавших связей с народной средой. Если профессор-турковед Н. Ф. Катанов работал и жил вдали от своих соплеменников, то молодые деятели из хакасов стремились к созданию местных культурных очагов и научно-просветительных центров. Безвременно погибший молодой сагай С. Д. Майнагашев не только выдвинулся среди хакасов, но и привлек внимание ученых центра своими талантливыми исследованиями в области шаманизма и фольклора» [7. С. 204–205].

В прошлом году (2017) наш институт совместно с Советом старейшин провел конференцию, посвященную 100-летию самоназвания этноса [13. С. 80].

За этот исторический период, с момента выделения районов с хакасским населением – от Хакасского уезда (1923), Хакасского округа (1925), Хакасской автономной области (1930) до республики (1991), – Хакасия была тесно связана с Енисейской губернией (1822–1925), Сибирским краем

(1925–1930), Западно-Сибирским краем (1930–1934) и Красноярским краем (1934–1991).

3 июля 1991 г. вышел Закон РСФСР, согласно которому Хакасская автономная область была преобразована в Хакасскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР, а 29 января 1992 г. она стала называться Республикой Хакасия. Республика имеет собственную Конституцию, флаг (1992), герб (2006), гимн (2015). Конституция Республики Хакасия была принята 25 мая 1995 г. [8].

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность населения Хакасии составила 532 403 человека [2. С. 835].

Всего в республике проживают представители 108 национальностей: русские (427 647 человек), хакасы (63 643), немцы (5976), украинцы (5039), татары (3095), чувашаи (1824 человека) и др. [3. С. 116–117].

Большой вклад в изучение демографических процессов, происходивших в Хакасии в XX в., внес В. А. Кышпанаков [12. С. 185, 348], в изучение этнических процессов во второй половине XX в. и начале XXI в. – В. П. Кривоногов [10. С. 144; 11. С. 252], а также ученые ХакНИИЯЛИ совместно с коллегами из Москвы и Новосибирска [9].

Основная черта формирования населения Хакасии за годы советской власти – опережающие темпы роста по сравнению со среднесоюзными. За период с 1926 по 1989 г. население Хакасии увеличилось более чем в шесть раз, а по стране – в два раза. Это было обусловлено прежде всего естественным приростом и значительным миграционным потоком. Всплеск миграции в Хакасии наблюдался особенно в 1950-е, годы освоения целины, и в 1970-е, в период формирования Саянского территориально-производственного комплекса, и продолжался до середины 1980-х гг. Положительное сальдо миграции в Хакасии оставалось стабильным до 1987 г. [12. См. Население Хакасии. 1917–1990-е гг. С. 48, 234].

Начиная с 1988 г., когда наметился спад производства, впервые за многие годы в Хакасии произошло абсолютное сокращение численности работающих в народном хозяйстве, появилась безработица. Однако в целом тенденция роста числен-

ности населения сохранилась. На 1 января 1989 г. численность населения Хакасии достигла почти 567 тыс. человек: рост за 10 лет составил почти 70 тысяч [подсчитано автором].

Миграционные процессы в республике влекут изменения не только демографической ситуации, но и национального состава населения. С 1926 по 2010 г. численность коренного населения в Хакасии возросла с 45 870 до 63 643 человек. В то же время доля хакасов в общей численности населения Хакасии резко сократилась: с 50 % в 1926 г. до 12 % в 2010 г.

Распад СССР и реформы в России изменили политическую и социально-экономическую ситуацию в стране. В этих условиях чрезвычайно обострились социальные проблемы.

Спад экономики, затяжной кризис привели к снижению жизненного уровня населения России и особенно Сибирского региона. Это повлекло за собой сокращение численности населения Сибири. В последние годы отмечается процесс выезда населения из районов Севера и Сибири в европейскую часть страны.

Наблюдается тенденция сокращения прироста населения Хакасии за счет миграции.

Так, за период с 1990 по 2000 г. ежегодный прирост населения Хакасии за счет миграции сократился с 4246 до 1413 человек [17, 18].

Всего прирост населения за счет миграции за 11 лет (1990–2000 гг.) составил 25 735 человек [подсчитано автором]. Но ежегодный прирост населения за счет миграции сократился в 3 раза. Миграционные процессы в Хакасии в начале XXI в. уже не играют важной роли в формировании населения, как это наблюдалось во 2-й половине XX в.

В миграционном процессе участвуют разные этнические группы. Так, в статистических материалах Хакасстата проходят представители разных национальностей, которых можно разбить на 3 группы:

- народы и этнические группы РФ;
- мигранты коренных национальностей стран СНГ;
- мигранты других стран.

В первой группе большая миграционная подвижность отмечается среди таких народов, как русские, хакасы, татары, тувинцы, чуваша. Во 2-й группе это украинцы, белорусы, азербайджанцы, армяне, узбеки, таджики. В 3-й – немцы, корейцы, поляки, китайцы.

За последние годы приток мигрантов стабилизировался. Миграционный прирост незначительный: так, за 2015 г. он составил 313 человек, за 2016 г. – 190 человек, т. е. число прибывших и число выбывших почти выровнялось: в 2016-м было 24 539 прибывших и 24 349 выбывших [16. С. 93].

По национальному составу во 2-й группе мигрантов сейчас преобладают киргизы. Так, в связи с 15-летием образования общественной организации «Мой Кыргызстан» (регистрация 20 сентября 2002 г.) председатель организации Азизбек Чериков в интервью газете «Абакан» сказал, что в настоящее время на территории Хакасии проживают 11,5 тыс. выходцев из Кыргызстана [6. С. 7]. По переписи 2010 г. киргизов в Республике Хакасия было всего 1875 человек [3. С. 117].

С 2014 г. работает программа «Оказание содействия добровольному переселению в Республику Хакасия соотечественников, проживающих за рубежом» – за два года (2015–2016 гг.) по ней переселились в Хакасию 790 человек. Это переехавшие из Украины (50 % от числа переселившихся), Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Армении, Азербайджана, Молдовы, Германии [5. С. 7, 8].

Итак, сегодня миграционные процессы не играют той роли, которая принадлежала им в период бурного индустриального развития Хакасии. Возникли проблемы и с естественным приростом населения. Поэтому численность населения Хакасии с переписи 1989 г. до 2017 г. сократилась на 29,1 тыс. человек, а с переписи населения 2010 г. – на 14,5 тыс. человек [подсчитано автором].

Важную роль в росте населения региона в советский период кроме миграции играл естественный прирост населения.

Общий коэффициент рождаемости хакасов на уровне 23,5 промилле был стабильным до середины 1980-х гг., после чего в связи со сложными социально-политическими процессами в стране

показатель рождаемости сначала подскочил вверх до 28,8 промилле (к причинам этого можно отнести некоторую эйфорию начального периода перестройки, успехи в борьбе с пьянством и другие), а затем, в начале 1990-х гг., резко упал – до 18,7 промилле и далее продолжал падать [10. С. 13]. Как считает исследователь В. П. Кривоногов, дальнейшие изменения в уровне рождаемости прогнозировать довольно сложно из-за слишком непредсказуемых социально-политических процессов в стране, которые прямым образом влияют на рождаемость.

В последние годы в связи с мерами поддержки рождаемости в стране и в Хакасии отмечался небольшой естественный прирост населения. Однако с 2017 г. в Хакасии отмечается убыль населения (-98 человек) [16. С. 106].

В сложные 1990-е гг. перед нашим институтом стояла задача изучения процессов, происходящих среди коренного народа в условиях глобальных изменений. Из-за отсутствия в тот период своих собственных специалистов мы привлекли исследователей из академической науки Новосибирска и Москвы. Совместно с Институтом философии и права СО РАН и Институтом этнологии и антропологии РАН были проведены исследования, которые уже опубликованы [9].

Результаты исследований выявили проблемы, возникшие в ходе реформ: только в начале 2000-х гг. население Хакасии начало адаптироваться к новым условиям.

С середины 1990-х гг. в Республике Хакасия стала создаваться нормативно-правовая база, в которой в той или иной форме отражались задачи сохранения и развития хакасского этноса. Большое внимание уделялось Государственной программе по сохранению и развитию языков народов Республики Хакасия, которая реализовывалась на основании закона «О языках народов Республики Хакасия» (1992). С 2013 г. действует Государственная программа «Сохранение и развитие малых и отдаленных сел Республики Хакасия» (2016–2018 гг.).

Итоги исследований по хакасскому этносу институт подвел на состоявшейся в сентябре 2013 г. Всероссийской научной конференции «Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.» [19].

Источники и литература

1. Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920. Очерки жизни и деятельности. – Абакан, 1999. – 64 с.
2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. – Т. 1. Численность и размещение населения. – М., 2012. – 1071 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В 11 т. – Т. 4. Книга 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М., 2012. – 847 с.
4. Как живешь, Хакасия? Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе–сентябре 2016 г. // Хакасия. – 2016. – 3 ноября. – С. 3.
5. Карачакова О. Вчера – соотечественники из зарубежья, сегодня – родные абаканцы // Абакан. – 2017. – 11–17 января. – С. 7, 8.
6. Карачакова О. Кыргызской организации – 15 лет // Абакан. – 2017. – 20–26 сентября. – С. 7.
7. Козьмин Н.Н. Избранные труды: Хакасы. Туба. Князь Иренак. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае / сост. В.К. Чертыков, С.А. Угдыжеков. – Абакан, 2010. – 311 с.
8. Конституция Республики Хакасия (на русском и хакасском языках). – Абакан, 2000. – 139 с.
9. Костюк В. Г., Попков Ю. В., Тугужекова В. Н. Проблемы развития хакасского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг. (социологическая экспертиза). Абакан, 2000. – 72 с.; Костюк В. Г., Попков Ю. В., Тугужекова В. Н. Этнос Сибири в условиях современных реформ (социологическая экспертиза). Новосибирск, 2002. – 126 с.; Анайбан З. В. Женщины Тувы и Хакасии в период российских реформ. – М., 2005. – 243 с.; Постсоветская Хакасия. – М., 2005. – 482 с.; Гончарова Г. С., Савельева Л. Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири. – Новосибирск, 2004. – 286 с.; Логачева А. С. Современная Хакасия: этносоциальные процессы. – Абакан, 2006. – 115 с.; Южная Сибирь в эпоху перемен: адаптационные возможности населения / отв. ред. З. В. Анайбан. – М., 2007. – 246 с. и др.
10. Кривоногов В. П. Хакасы. Этнические процессы во второй половине XX в. – Абакан, 1997. – 144 с.
11. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI в.: современные этнические процессы. – Абакан, 2011. – 252 с.
12. Кышпанакоев В. А. Население и трудовые ресурсы Хакасии. – Абакан, 1989. – 185 с.; Население Хакасии. 1917–1990-е гг. – Абакан, 1995. – 348 с.
13. Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Проблемы этногенеза хакасского народа», посвященной 100-летию первых съездов хакасского народа и возрождению народного имени, 23–25 августа 2007 г. – Абакан, 2017. – 80 с.
14. Майнагашев С. Д. Иногородцам Минусинского и Ачинского уездов // Свобода и труд. – 1917. – 20 апреля.
15. Население России за 100 лет (1897–1997). Статистический сб. – М., 1998. – 222 с.
16. Социально-экономическое положение Республики Хакасия в январе 1917 г. // Доклад. № 1.37.1.РХ. Красноярскстат. – Абакан, 2017. – 108 с.
17. Текущий архив Хакастата. Статистические материалы за 1990–2001 гг.
18. Тугужекова В. Н. Влияние миграционного процесса на этническую структуру Республики Хакасия (конец XX – начало XXI в.) // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Вып. 5. – Абакан, 2004. – С. 112–122.
19. Хакасский этнос на рубеже XX–XXI вв.: матер. Всеросс. науч. конф. с междунар. участием, 27–28 сентября 2013 г. – Абакан, 2013. – 120 с.

УДК 316.422, 332.145

Фомин М. В., Безвербный В. А.

«ВТОРЫЕ» И «ТРЕТЬИ» ГОРОДА СУБЪЕКТОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ТОЧКИ РОСТА ИЛИ ЗОНЫ РАВНОВЕСИЯ?

Аннотация. В докладе рассмотрены вопросы пространственного развития Сибирского федерального округа. Представлен перспективный пространственный каркас макрорегиона на основе узлов опережающего роста (т. н. вторые и третьи города субъектов по правилу «ранг – людность»), а также рассмотрены актуальное состояние инфраструктуры в субъектах округа и современные демографические тенденции.

Ключевые слова: пространственное развитие, территориальное планирование, федеральный округ, макрорегион, узел опережающего роста, «второй» город, «третий» город.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в стадии обсуждения и доработки находится проект Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. В Стратегии выделено несколько типов территорий: крупные города и городские агломерации, малые, средние города и сельские поселения, а также геостратегические территории [1].

Статуса основных центров роста удостоилось 20 крупнейших городских агломераций (вклад в совокупный ВВП страны более 1 %), еще 20 названы дополнительными (вклад в ВВП менее 1 %). Другими словами, на всю страну (без Москвы и Санкт-Петербурга) определены 40 «точек роста». Ориентир – повышение вклада в ВВП от 1 % до 3,7 % в 2025 г. и суммарное обеспечение до 65 % экономического роста страны к 2035 г. [2].

В послании Федеральному собранию в марте 2018 г. президент России В. Путин в качестве ключевого аспекта будущего нашей Родины предложил развернуть масштабную программу пространственного развития, включая развитие инфраструктуры городов и других населенных пунктов. Что и подкрепил после инаугурации новым майским Указом «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» [3].

В нем одним из поручений правительству предписано «на основе стратегии пространственного развития Российской Федерации» разработать (с участием органов государственной власти субъектов) и «утвердить комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры». В том числе – «повысить уровень экономической связанности территории Российской Федерации посредством расширения и модернизации транспортной инфраструктуры» всех типов. Отдельным подпунктом акцентировано «поэтапное развитие транспортных коммуникаций между центрами субъектов Федерации и другими городами – центрами экономического роста, включая ликвидацию инфраструктурных ограничений на имеющих перспективы развития территориях» [3].

Пока не представляется возможным утверждать, какой из вариантов сценария пространственного роста будет принят правительством в рамках Стратегии: будет ли это консервативный вариант или сценарии конкурентного либо диверсифицированного роста. Учитывая фактически упущенные конец 1980-х и все 1990-е гг., в то время как весь цивилизованный мир утвердился на фундаменте пространственного развития, наш эффект «низкой базы» может обеспечить рост любого сценария.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема пространственных диспропорций поднималась отечественными учеными уже неоднократно. Тем более острой является ситуация, стоящая перед Россией в XXI в., – обеспечить социальное, экономическое и культурное развитие Сибири в условиях депопуляции на среднесрочную перспективу.

Существует ряд показателей, вызывающих особую тревогу. Сибирский федеральный округ, с одной стороны, занимает 30 % территории России, а с другой, здесь проживает всего 13 % граждан страны. Кроме того, достаточно высока степень городского населения (73 %) при непропорциональном числе городов – 132, или менее 12 % всей городской среды России. В Сибири три города-миллионника, а по списку Минэкономразвития – 4 агломерации с вкладом свыше 1 % ВВП (Иркутская, Красноярская, Новосибирская, Омская) и 4 с вкладом менее 1 % (Барнаульская, Кемеровская, Новокузнецкая, Томская) [1].

Уровень экономической активности различается: от кризисных банкротов (Республика Хакасия) до отсталых (республики Бурятия и Тыва, Алтайский край) и кризисных реципиентов (8 субъектов). Субъекты-доноры отсутствуют. По классификации Григорьева – Урожаевой – Иванова [4], «развитыми» являются Новосибирская («с диверсифицированной экономикой»), Иркутская и Омская области («с опорой на обрабатывающую промышленность»), а также Красноярский край, Кемеровская и Томская области («с опорой на добывающую промышленность»). Остальные 6 субъектов причислены к «средне-» и «менее развитым».

Средняя плотность населения в Сибирском федеральном округе составляет 3,75 чел./км². Но «за вычетом практически непригодных для жизни территорий мы имеем плотность порядка 20 чел./км², что обеспечивает стране так называемую продовольственную безопасность, однако этого решительно недостаточно для интенсифи-

кации и модернизации производства» [5]. Очевидно, что селективная уплотнительная реконструкция системы расселения назрела давно.

Более того, не является секретом, что в силу демографического сжатия России территории ряда субъектов могут оказаться растянуты между крупнейшими узлами экономического тяготения, а в среднесрочной перспективе и утратить жизнеспособность. В то же время действующая система расселения была выстроена под уходящие задачи: центры по факту уже не всегда таковыми являются.

Альтернативный вариант пространственной организации, чаще всего называемый «геоструктурным подходом»¹ [6], подразумевает переформатирование каркаса развития макрорегиона на основе комплекса узлов опережающего роста и связи между ними (т. н. вторые и третьи города субъектов макрорегионов по правилу «ранг – людность» и скоростные транспортные оси между ними). Соответственно, в перспективе важно превентивное (проактивное) планирование перспективного развития таких узлов и связей. Структурно примеры достаточно известны: Иркутск – Братск – Усть-Илимск; Красноярск – Ачинск – Канск и т. д. Нами были выделены из 132 городов макрорегиона 19 «вторых» и 22 «третьих» (табл. 1). В основном «вторых» города несопоставимы по размеру и уровню экономической активности с «первыми», но есть и исключения, когда они начинают если не превосходить, то догонять центры субъектов.

Обращает на себя внимание и эффект некоторых «третьих» городов. Они могут быть меньше по численности населения и более удалены от центра субъекта, но уровень их экономической активности (в т. ч. скрытой) превышает уровень «вторых» городов или находится на нем. Если подойти к вопросу переформатирования пространства макрорегионов через узлы «вторых» и «третьих» городов, это позволит структурировать новую планировочную сетку экономической активности [2].

¹«В нашей стране его адептами были Л.И. Василевский, И.М. Маергойз, П.М. Полян, отдал ему дань Г.М. Лаппо, в рамках этого подхода работал (правда, не декларируя этого) Е.Е. Лейзерович. У них структура географического пространства предстает не в виде совокупности неких полигонов, обладающих площадью, а в виде некоего рисунка из линий и узлов; именно узлы и линии (города и транспортные артерии) обладают смыслом, тогда как территория, на которую такая сеть наложена, выглядит просто инертным вместилищем. У нашего ведущего теоретика географии Б.Б. Родомана эта идея приняла изящную форму учения о «поляризованной биосфере»: деятельность человека сосредоточена в небольших по площади узлах, они соединены транспортными артериями, а остальная часть планеты предоставлена Природе» [6].

Таблица 1. Система узлов опережающего роста Сибирского федерального округа

Субъект	«Первый» город	«Второй» город	«Третий» город
Республика Алтай	Горно-Алтайск	Майма ²	Кош-Агач ²
Республика Бурятия	Улан-Удэ	Северобайкальск, Гусиноозерск, Кяхта	Закаменск
Республика Тыва	Кызыл	Ак-Довурак	Шагонар, Чадан
Республика Хакасия	Абакан	Черногорск	Саяногорск
Алтайский край	Барнаул	Бийск, Рубцовск	Новоалтайск
Забайкальский край	Чита	Краснокаменск	Борзя, Петровск-Забайкальский, Нерчинск
Красноярский край	Красноярск	Норильск, Ачинск	Канск, Железногорск, Минусинск
Иркутская область	Иркутск	Братск, Ангарск	Усть-Илимск, Усолье-Сибирское
Кемеровская область	Кемерово, Новокузнецк	Прокопьевск	Междуреченск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск
Новосибирская область	Новосибирск	Бердск	Искитим, Куйбышев
Омская область	Омск	Тара, Исилькуль, Калачинск	Называевск, Тюкалинск
Томская область	Томск	Северск	Стрежевой

Источник: авторская разработка.

Также представляется важным провести специальное разделение территории макрорегиона по признаку федерального присутствия. Если в начале 2000-х гг. «вторые» города, как правило, не нуждались в федеральной поддержке, так как основные экономические объекты принадлежат достаточно крупному бизнесу, то уже сейчас они, так же как и «третьи» города, испытывают очевидную потребность в обязательной поддержке и развитии инфраструктуры, особенно транспортной. В этой связи достаточно информативно и корректно исследование компании InfraOne «Инфраструктура России: индекс развития» [7], в котором были сведены общедоступные статистические данные о количестве и качестве транспортной, энергетической, социальной, коммунальной и телекоммуникационной инфраструктуры.

Наибольшее значение индекса – в Иркутской области, 6,16; наименьшее – 4,65 в Республике Тыва. Среднее значение индекса по стране – 5,7 (максимальное в Москве – 7,78 из 10 возмож-

ных). Минимальные потребности в инфраструктурных инвестициях (на 2019 г.) также разнятся: от 4,3 млрд руб. в Республике Алтай до 74,5 млрд руб. в Красноярском крае. Если в целом по стране минимальная инвестиционная потребность – 2,6 трлн руб., то в Сибирском федеральном округе – 335 млрд руб., или 12,9 % всей потребности минимальных инвестиций РФ.

В связи с многокомпонентностью описываемых явлений в нашем Институте – ИСПИ РАН – был разработан ряд карт (автор – Т. Р. Мирязов, масштаб – 1:22 000 000), комплексно отображающих актуальные показатели описываемой территории. Карта «Уровень развития инфраструктуры в регионах Сибири и Дальнего Востока» позволяет комплексно проанализировать социально-экономическое состояние рассматриваемой территории. Карта позволяет не только оценить качество инфраструктуры в рассматриваемых регионах, но и сравнить его с уровнем экономической активности (рис. 1).

² Поселения не в статусе городов.

Рис. 1. Карта «Уровень развития инфраструктуры в регионах Сибири и Дальнего Востока».

Источник: ИСПИ РАН

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Дальнейшая классификация «вторых» и «третьих» городов возможна по перспективам их жизнедеятельности на «точки роста», «зоны равновесия» и депрессивные поселения. Нами был проведен анализ, когда города распределяются по данным типам при совпадении четырех и более положительных («точки роста») или отрица-

тельных («депрессивные поселения») значений таких показателей, как «прирост/убыль населения»; «рост/падение бизнес-активности МСБ»; «близость/удаленность от экономических центров»; «приграничное расположение» (да/нет); «рост/снижение безработицы»; «индекс развития инфраструктуры» (5,7< или 5,7>). При паритете показателей (3:3) город причисляется к «зонам равновесия». Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2. Типология «вторых» и «третьих» городов Сибирского федерального округа

Сибирский федеральный округ			
Субъект	«Точки роста»	«Зоны равновесия»	Депрессивные поселения
Республика Алтай	Кош-Агач	Майма	-
Республика Бурятия	-	Кяхта, Закаменск	Северобайкальск, Гусиноозерск
Республика Тыва	Чадан	Ак-Довурак, Шагонар	-
Республика Хакасия	-	-	Черногорск, Саяногорск
Алтайский край	Бийск	Рубцовск	Новоалтайск
Забайкальский край	-	Борзя, Нерчинск	Краснокаменск, Петровск-Забайкальский
Красноярский край	Норильск, Канск, Железногорск	Ачинск, Минусинск	-
Иркутская область	Братск, Ангарск	-	Усть-Илимск, Усолье-Сибирское
Кемеровская область	-	-	Прокопьевск, Анжеро-Судженск, Междуреченск, Ленинск-Кузнецкий
Новосибирская область	Бердск	Искитим	Куйбышев
Омская область	Калачинск	Тара, Исилькуль, Называевск	Тюкалинск
Томская область	Северск	Стрежевой	-

Источник: авторская разработка.

«Точки роста» основываются на стратегии поляризованного развития и способны оказать развивающее влияние на смежные территории. Основные интересанты – представители среднего бизнеса, нуждающегося в качественной инфраструктуре. Отмечается отсутствие или, как минимум, невыявление таковых среди нашей выборки «вторых» и «третьих» городов в республиках Бурятия и Хакасия, Забайкальском крае, Кемеровской области. Это связано как с убылью населения и миграционной непривлекательностью (низкое качество жизни, безработица), так и с отсутствием условий для предпринимательской активности (инфраструктуры, бизнес-климата)³.

«Зоны равновесия» – это территории, «на которых можно говорить об относительно устойчивом самоподдержании населения при медленном росте потребления и (отчасти) производства, слабо поддающегося выявлению

в официальном измерении» [5]. Здесь также есть регионы с отсутствием «зон равновесия» из «вторых» и «третьих» городов: это Республика Хакасия, Иркутская и Кемеровская области⁴.

Основное отличие депрессивных поселений, в том числе и кризисных моногородов, от «зон равновесия» – настолько критическое ухудшение ситуации, что без федерального присутствия они находятся на грани социальной катастрофы. Такого рода поселения не выявлены среди «вторых» и «третьих» городов республик Алтай и Тыва, Красноярского края, Томской области. Но депрессивные поселения в этих регионах, в принципе, есть.

На основе проведенного анализа была разработана карта «Система узлов опережающего роста», в которой отображена типология городов по дальнейшим перспективам их развития (рис. 2).

Рис. 2. Карта «Система узлов опережающего роста Сибири и Дальнего Востока»

Источник: ИСПИ РАН

³ Выборка проводилась только по «вторым» и «третьим» городам. Расчетные данные Росстата, Рейтинга инвестпривлекательности регионов России (ИРА) и Индекса развития инфраструктуры регионов РФ (компания InfraOne). Если город включен в правительственный список 319 моногородов, то при нахождении в категории «город со стабильной ситуацией» он подвергается анализу по типологии, в двух других – «с наиболее сложным социально-экономическим положением» или «рисками ухудшения социально-экономического положения» – причисляется к «депрессивным территориям».

⁴ Причины парадоксов Республики Хакасия и Кемеровской области – отсутствие «точек роста» и «зон равновесия» среди «вторых» и «третьих» городов, но причисление всех таковых к депрессивным поселениям различно. Если в Кемеровской области суть проблемы, по-видимому, в предпринимательском унынии из-за общей политической ситуации в регионе, то в Хакасии очевидно влияние кризисной экономической ситуации (фактическое банкротство субъекта). Прим. авторов.

ВЫВОДЫ

Геоструктурный подход к изучению возможностей пространственного развития регионов Сибири позволяет структурировать имеющиеся показатели, отображающие современные тенденции и возможные перспективы. Картографирование не только визуализирует имеющиеся данные, но и помогает рассмотреть проблему комплексно. На наш взгляд, сложившаяся уникальность пространств нашей страны базируется на трех «китах»: 1. Дифференциация природных ландшафтов – от комфортных до абсолютно неблагоприятных, помноженная на изменчивую суровость климатических условий; 2. Система расселения как производная от экономической модели, а российская система – это данность от советской догоняющей милитаризованной индустриализации; 3. Действующая рентно-сырьевая экономическая модель.

Всего в России 1114 городов, из которых 3 федерального значения, 83 – центры субъектов и 319 – моногорода. Кроме Москвы, в стране еще 15 городов-миллионников (с учетом догоняющих и стратегически важных городов – 20). В выбранных в проекте Стратегии пространственного развития 40 агломерациях проживает 50 % населения страны. Таким образом, на оставшиеся 800 городов страны (к 40 агломерациям относятся порядка 320 городов), сельские поселения и прочие территории (другие 50 % населения), по прогнозам, будет приходиться 35 % экономического роста.

Учитывая существующий инфраструктурный дефицит (по оценке компании InfraOne, минимальная инвестпотребность – 2,6 трлн руб., максимум индекса развития инфраструктуры – в Москве – 7,78 из 10, среднее – 5,7), скорее всего, только агломерации и попадут как в маги-

стральный план инфраструктуры, так и в нацпроект «Безопасные и качественные дороги». Соответственно, продолжится стягивание в них населения⁵.

Между тем прогнозируется дальнейшее сокращение численности средних и малых городов, особенно до 50 тысяч человек, где население может уменьшиться вдвое. Безусловно, тренд гиперполисов (в т. ч. агломераций, конурбаций и пр.) растет, и экономика будущего будет строиться на экономике крупнейших мировых городов: на 280 из них уже приходится почти 50 % мирового ВВП. Но в такой территориально протяженной стране, как наша, с ее пространственными диспропорциями и региональным неравенством [9], простой арифметический подход и разбрасывание городами недопустимы.

Исторически территориальная структура населения Земли до недавнего времени была совокупностью ареалов или районов, где и складывались некие территориальные общности населения, объединенные, прежде всего, социокультурными и экономическими взаимосвязями. Но время не стоит на месте – в результате районная структура трансформируется в линейно-узловую, когда география пространства предстает в виде конкретных рисунков из узлов (города) и линий (транспортные артерии).

Купирование проблем не только не способствует формированию новых «точек роста», но и ведет к причислению как минимум к «отстающим» существующих. В свою очередь, скоординированное и поступательное развитие инфраструктуры может как существенно повысить инвестиционную и миграционную привлекательность, так и способствовать удержанию местного населения Сибири.

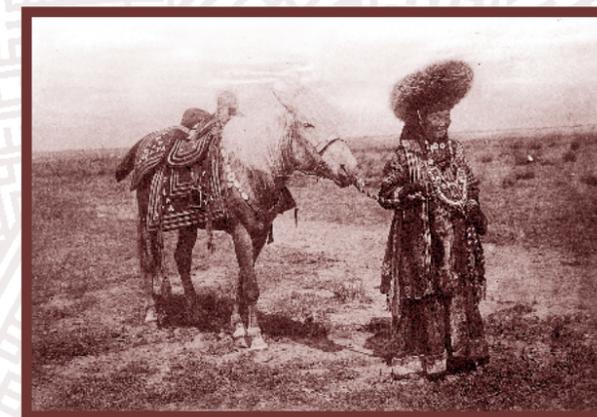
Источники и литература

1. Проект Стратегии пространственного развития РФ / Минэкономразвития России. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b/spr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=4e13f48c-257a-4878-858f-c2159aa5320b>.

2. Фомин М. Зачем развивать «вторые» города // Ведомости. – 2018. – №179.

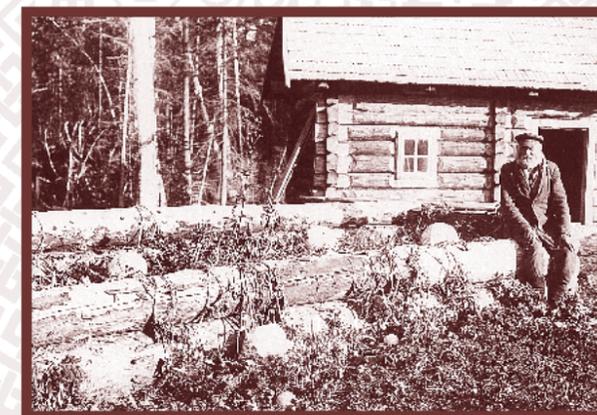
⁵ Продвижение идеи агломерации – основной способ «быстрого» увеличения плотности населения до средних показателей Московской области и фактор улучшения производительности (но и в противовес Москве и Санкт-Петербургу) [10].

3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
4. Григорьев Л. М., Урожаева Ю. В., Иванов Д. С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики / Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич. – М.: ТЭИС, 2011.
5. Россия. Пространственное развитие: докл. 2004. – М.: Архитектура-С, 2004.
6. Смирнягин Л. В. Система расселения России: тенденции к переменам // Городской альманах. – Т. 4. – Фонд Института экономики города Москва, 2009. – С. 200–209.
7. Инфраструктура России: индекс развития. InfraONEResearch. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://infraone.ru/analitika/Index_razvitiia_infrastruktury_Rossii_InfraONE_Research.pdf.
8. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru.
9. Фомин М.В. Устойчивое (не)развитие // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 5. – С. 73–83.
10. Караваяева С. В., Багинский С. М., Мельников А. А., Мизюркин Ю. А., Фомин М. В., Агеев А. И. Вихри глобальных рисков и стратегия развития России // Экономические стратегии. – 2011. – №5. – С. 32–43.

ЧАСТЬ 2

Этнические процессы в Сибири в дореволюционный период >

Асочакова В. Н.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ХРИСТИАНИЗАЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОГО КРАЯ (XVII–XIX вв.)¹

Аннотация. Политика христианизации коренных народов Сибири являлась средством интеграции многонационального и поликонфессионального сибирского сообщества в общероссийском социуме. На примере хакасского этноса проанализированы этнокультурные последствия христианизации и механизм формирования религиозного синкретизма и двоеверия.

Ключевые слова: христианизация, хакасы, народы Сибири, религиозный синкретизм, двоеверие, шаманизм, ассимиляция.

Проблемы освоения Сибири сохраняют свою политико-идеологическую и научную актуальность. В последнее тридцатилетие в научный оборот наряду с понятиями «освоение», «колонизация», «присоединение» введены термины «инкорпорация», «фронтир» и другие. Фронтир (религиозный, духовный, этнический) понимается как пограничная зона совместного проживания различных социумов, этносов, где наиболее интенсивно происходят социокультурный обмен и межэтнические контакты. Томский историк Л. И. Шерстова считает, что в Сибири отсутствовал такой «этнокультурный феномен, как фронтир», поскольку не было резкого противостояния русского и аборигенного этносов [24. С. 67–71]. Другая группа исследователей выделяет три стадии фронта: внешний, внутренний и внутрицивилизационный. Внешний – время появления контактных зон между пришлым и коренным населением. Внутренний – процесс огосударствления новых территорий, в ходе которого идет взаимодействие и взаимовлияние различных хозяйственно-культурных типов и этносов. В условиях внутрицивилизационного фронта формируется новое сообщество или новый вариант старой общности на основе различных типов взаимодействия [25. С. 101].

Третьи отмечают, что теории колонизации и фронта означают сходные процессы засе-

ления, освоения и вхождения в состав государства новых территорий, но понятие «фронтир» более соответствует реалиям истории США, а колонизация – Сибири. Эвристическая же значимость теории фронта как дополнительного методологического инструмента в рамках концепции колонизации для современного сибиреведения заключается в выявлении не только этносоциальных особенностей, возникающих в результате долговременного взаимодействия русского и коренного населения, но и специфики эволюции и развития отдельных регионов Сибири в исторической перспективе с конца XVI по начало XX в. [23. С. 113].

Коренное население Хакасско-Минусинского края, втянутое в орбиту исторического развития российской цивилизации, как и другие нерусские народы империи, подвергалось христианизации. Видимые результаты христианизации как составляющей аборигенной политики российского правительства прослеживались в формально-количественных показателях. К началу 60-х гг. XIX в. в православие было обращено 49,4 %, к концу 90-х гг. XIX в. – 93 % населения [8]. К этому времени в Казанской епархии было крещено 86,7 % татар, 67,7 % марийцев, 69 % чувашей [22. С. 68–69], 90,6 % удмуртов [2], завершено крещение селькупов, ненцев [16. С. 84, 130–131], хантов, обских

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Хакасия в рамках научного проекта № 18-49-190002.

угров [15], примерно 50 % калмыков [7. С. 32, 116], около 70 % бурят Иркутской губернии [18], в Якутии завершился процесс «вовлечения местного населения в православную веру и православную культуру» [25].

Православие в разной степени утвердилось среди автохтонов Сибири; в большей степени оно сказалось на верованиях иртышских, кондинских, среднеобских (кодских) хантов, западных и кондинских манси, т. е. тех групп населения, у которых были более интенсивные и длительные контакты с русскими [16. С. 125].

Хакасский этнос находился на стадии консолидации, но внутреннее деление на родовые общины-сеоки сохранялось. Более всего подверглись христианизации койбалы и кызыльцы, а сагайцы и бельтыры формально приняли православие; меньше всего было крещено качинцев.

Формирование религиозного синкретизма происходит там, где сталкиваются жизнеспособные мировоззренческие системы, соприкасаются различные религиозные верования, происходит ломка одних представлений и замена их другими [3. С. 263–265].

Под влиянием христианизации с середины XIX в. у хакасов стала нарушаться родовая экзогамия, на смену сеокам пришли фамилии. При сохранении многоженства под влиянием русского окружения появилось единобрачие. Проявились некоторые перемены и в быту. А. Н. Костров замечал, что при внешней схожести устройства юрт «с левой стороны дивана, от входа в юрту, у крещеного качинца стоят на сундуке иконы; у нехристианина тут лежат седла, уздечки» [12. С. 22–23]. Стал формироваться двойной календарь: русский юлианский и традиционный лунный хакасский из 13 месяцев.

Крещеные хакасы на Рождество, в Пасху, Николин день посещали церковь, но не выставляли всей церковной службы, ставили свечи и уходили. В Аскизском приходе в 1816 г. на исповеди отсутствовало 93 % крещеных хакасов [5. Л. 187–192]. В отчете о миссионерской деятельности за 1887 г. в Енисейской епархии за-

писано: «Нет сомнения, что они верят в бога, искренне чтят христианские праздники, но в то же время преданны шаманам, боятся их и верят в их чудесничество, т. е. задача миссионерских приходов заключается в утверждении инородцев в православной вере, особенно среди качинцев, которые, в отличие от всех инородцев, имеют склонность к образованию» [19. С. 102–106].

А. Н. Костров писал: «Прося помощи Всевышнего, он просто говорил (на родном языке): «Господи! Избави меня от всех худых дел! Господи, создавший мою душу! Спаси меня от всех грехов!». Принося клятву, говорили: «Бог убьет меня!» или «Бог рассудит», они знают, что «Эрлик-хан – злой дух и источник всего дурного». Из всех праздников почитают Рождество Христово (Аргымак), Крещение (Мылтык-кюнь), Петров день (Петров-кюнь), Николин день (Миколин-кюнь), Светлое Христово воскресенье (Христов-кюнь). В праздничные дни в каждой юрте зажигали свечи, и все семейство молилось богу [12. С. 22–23].

Член Красноярского подотдела Русского географического общества, юрист, политик и этнограф Д. Е. Лаппо отмечал, что «...крещеные качинцы не крестят детей, твердо веруют в могущество шаманов, женятся без венчания, даже бракосочетавшись по-христиански, легко разводятся, имеют по две жены и детей от них. Они говорят: «Миром правит Кудай» [15. С. 11]. В народном представлении священник являлся виновником бедствий: «Слепой старик рассказывал, что к нему привязался дух «Чик Кёрмес», насылающий болезнь на глаза; прежде от нее избавляли шаманы; когда священник стал запрещать это, дух окончательно осилил его; теперь он слепой» [17. С. 111].

Миссионер Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии В. Вербицкий в 1861 г. писал: новокрещеные хакасы «не хотят крестить детей, считают, что от крещения младенцы скоро умирают, поэтому, ссылаясь на бедность, отдают детей родственникам», чтобы не крестить и при этом «чтобы своим беззаконием не навлечь на себя гнева божьего» [20. Л. 8, 16 об., 61]. Один из новокрещеных во время тяжелой болезни отправил за «крещеным камом», чтобы тот с молитвою

принес «идольскую жертву для выздоровления» [20. Л. 18]. В ответ на просьбу бедного «инородца» благословить на охоту, поскольку «счастье уходит к богатым», священник ответил: «Зато бедным умирать легче» [20. Л. 20].

В. Вербицкий писал, что «в числе слушающих (проповедь. – В. А.) был шаман, который, в общем, ему не противоречил, только не согласился с тем, что шайтан не может сделать зла человеку без допущения божьего», утверждая, что бог не могущественнее Эрлик-хана. Среди хакасов ходила поговорка «Кому не должно умереть, того камы не отнимут, кому от голода умереть, того и бог не спасет» [20. Л. 20 об.].

Христианизация затронула и погребальные обычаи хакасов: они стали устанавливать на могилах деревянные сооружения в виде «домика», деревянного столбика или креста в изголовье или ногах, обносить кладбища оградой, располагать умерших головой на восток. На погребенных обнаруживают нателенные кресты и бумажные венчики. Важнейшим элементом собирания покойного «на тот свет» в XVIII–XX вв. стало изготовление гроба. Вместо гроба в XVIII – начале XX в. некоторых зажиточных хакасов хоронили в «ирбитских» сундуках. После сооружения надмогильного холма над головой крещеных ставили деревянные кресты, некрещеных – деревянные столбики или вертикальные каменные плиты [1. С. 36–38].

После смерти близкого человека родственники съезжались и привозили с собой вино, хоронили на третий день. После погребения резали несколько баранов или быков, варили мясо и потчевали гостей. И только после этого ехали в церковь и отпевали умершего [13. С. 115–116]. Кызыльцы сочетали православные обряды и традиционные, например, молодые после венчания в церкви еще какое-то время жили в юртах родителей, и только отпраздновав свадьбу по национальным обычаям, начинали жить вместе. В то же время описаны случаи благословения у них молодоженов иконой. Рождение ребенка также вначале праздновалось в кругу родственников: резали корову или двух баранов.

Н. Ф. Катанов отмечал своеобразный симбиоз христианских обрядов и традиций хакасов: в Крещение вместе с погружением креста в воду стреляли из ружья; традиционные виды хозяйственной деятельности соотносили с христианскими праздниками. Церковные праздники получили хакасские названия: 6 января – «Хысхы мылтык» («зимнее ружье»); 3 февраля – день Святого Симеона Богоприимца – «Хысхы Сомоноп»; Масленица – «Сырыг хайах» («желтое масло»); Пасха – «Кызыл намырха» («красное яйцо»); 9 мая – «Часхы Муколин» – весенний Николин день; 24 июня – «Алыг Пориис»; 25 декабря – «Коледы»; 1 августа – «Чайгы мултык» («летнее ружье») [10. С. 2–3].

В хакасский фольклор проникли сюжеты из библейской истории. Например, о Всемирном потопе или принесении Авраамом сына своего в жертву: «Сошла с неба бумага к Аврааму, когда он решил складным ножом распороть брюхо своему сыну. В этой бумаге предписано: ежегодно совершать нагорные жертвоприношения в месяц Петрова дня (июнь) под белой березой. Этим объясняют татары свои жертвоприношения горному духу» [11. С. 43]. Семь Кудаяв (творцов), которые, по шаманским представлениям, обитают на небе, под влиянием православия трансформировались в одного Кудая. Духи – специальные покровители человека с момента рождения, Ымай, – превратились в ангелов-хранителей [4. С. 12–13]. По представлениям хакасов, на небе в большой юрте живет Бог, на земле летают духи огня, воды, гор, а под землей живет Сатана (Эрлик-хан), принимающий у себя шаманов и их последователей. Бог постоянно преследует дьявола, который прячется то за деревом, то где-либо в другом месте, и поражает его огненной стрелой, называемой молнией, и кричит на него, отчего и гремит гром [11. С. 128]. Н. Ф. Катанов считал, что вера в Кудая и Эрлик-хана появилась под влиянием христианства, поскольку их имена никогда не встречаются в шаманских молитвах и камланиях [11. С. 170–171].

К концу XIX в. нагорные моления у некоторых хакасов стали соединяться с библейскими

представлениями о жертве, которую принес отец верующих иудеев на горе. «Качинцы и сагайцы в июне месяце на высокой горе между грудой камней вставляют ветвистую березу, подле которой из ее же ветвей устраивают столбик о четырех ножках, вбитых в землю. Затем трижды обходят березу, ведя с собою белого холощенного барана с согнутой правой передней ногою и кропя молоком» [9. С. 254–255].

В сюжеты хакасских сказок проникают персонажи, связанные с церковью и православной верой. Например, поповский работник, которого боятся черти, Николай Угодник, помогающий беднякам, – его призывают на помощь даже воры, когда им надо увести чужую лошадь или корову [10. С. 126–127]. У бельгиров сложились поверья и поговорки, связанные с христианством: «Если идущему по дороге человеку встретится священник, или шаман, или заяц, то случится несчастье; также случится несчастье, если увидеть их во сне»; «Увидеть во сне икону – к болезни; выносить из дома икону – к смерти» [10. С. 156].

Н. Ф. Катанов отмечал: «насколько прочно держится шаманство, настолько слабо прививается христианство, распространяемое среди них миссионерами» [11. С. 218–238]. В 1887 г. из 43 000 хакасов некрещеными остались 2000 человек, из крещеных всего 2400 человек совершили христианские обряды: причастились, исповедались, венчались или освятили погребение умершего [19. С. 102]. К 90-м гг. XIX в. в хакасском языке появились русские слова (264), значительная часть которых связана с христианством; между тем 30 лет назад, во времена В. В. Радлова, они встречались лишь изредка [10. С. 65].

В 1894 г. аскизский священник Василий Суховский писал: «Принявшие крещение в 1876 г. 3003 человека, все без изъятия, живут по татарскому обычаю, и все они живут в без-

законном браке» [6. Л. 4]. В 1891 г. только 50 % прихожан из новокрещеных совершили причастие и были на исповеди в Усть-Фыркальском приходе, около 40 % – в Усть-Есинском, 60 % – в Боже-Озерском.

Таким образом, христианизация автохтонов Хакасско-Минусинского края была объективным процессом, обусловленным как политикой светских и духовных властей, так и разнообразными межэтническими контактами в различных сферах жизнедеятельности – «снизу», в зонах смешанного проживания. В контактных зонах процесс христианизации сопровождался аккультурацией и незначительной ассимиляцией коренного населения.

В ходе взаимодействия местных политеистических культов с одной из мировых религий сформировался религиозный синкретизм. Это было результатом проникновения христианства «снизу», в контактных зонах. Оказывал влияние и этносоциальный фактор. Русское крестьянское окружение исповедовало бытовое православие и в силу присущего ему прагматизма не проявляло религиозной нетерпимости, более того, воспринимало некоторые идеи шаманизма.

В результате христианизации не произошло смены этнического самосознания и этнической идентичности. Религиозные верования хакасов были более приспособлены для традиционного уклада и соответствовали их образу жизни. Православие, не отрицая злых духов-«шайтанов», выбивало почву изпод христианства в глазах коренного населения. Сохранялось известное противостояние между миром языческим и православным, но в силу давней традиции сосуществования и прагматичного взаимообмена культурными традициями и хозяйственно-бытовыми навыками в местах компактного проживания оно не переросло в антагонизм.

Источники и литература

1. Арчимачева М. Ю. Культурные взаимовлияния в погребальном обряде хакасов // Межкультурная коммуникация: исторический опыт и современные социально-гуманитарные проблемы: матер. межрегион. науч.-практ. конф., г. Абакан, 31 марта 2009 г. / отв. ред. Л. В. Анжиганова. – Абакан, 2009. – С. 36–38.

2. Берестова Е. М. Социально-культурная деятельность православной церкви в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX в.): дисс. канд. ист. наук: 07.00.02. – Ижевск, 2003. [Электронный ресурс].
3. Введение христианства на Руси. / отв. ред. А. Д. Сухов. – М.: Ин-т философии АН СССР, 1987. – 302 с.
4. Гладышевский А. Н. К истории христианства в Хакасии. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2004. – 136 с.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 592. Оп. 1 Д. 136.
6. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 78.
7. Доржиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). – Элиста: АПП «Джанагр», 1995. – 128 с.
8. Извлечение из отчета Енисейского епархиального комитета высочайше утвержденного Православного миссионерского общества за 1898 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1899. – № 14.
9. Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. / сост. С. А. Угдыжеков. – Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. – 260 с.
10. Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ. – Казань, 1897. – 240 с.
11. Катанов Н. Ф. Сказания и легенды минусинских татар // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание / под ред. Н. М. Ядринцева. Приложение к Восточному обозрению. – 1886. – Кн. 1. – С. 218–238.
12. Костров Н. А. Качинские татары. – Казань: Типография губернского правления, 1852. – 66 с.
13. Костров Н. А. Койбалы // Записки Сибирского отдела. Исследования и материалы. Западно-Сибирское отделение Русского географического общества. Кн. 1. – Омск, 1879–1852. – С. 115–116.
14. Кузьмина А. С. Христианизация коренных народов Обского севера; культурологический аспект: дисс. канд. культурол. наук: 24.00.01. – М.: РГБ, 2003. [Электронный ресурс].
15. Лаппо Д. Е. Троеверы. Из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. – СПб.: Тип. Тов-ва «Общая польза», 1905. – С. 9–52.
16. Мавлютова Г. Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. – 177 с.
17. Майнагашев С. Д. Отчет о поездке к турецким племенам долины р. Абакан летом 1913 года // Известия Русского комитета для Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. – Сер. II. – Пг., 1914. – № 3.
18. Михайлова В. Т. Православие в духовной культуре бурят (30-е г. XVII в. – 1917 г.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999. – 396 с.
19. Отчет о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1887 г. // Енисейские епархиальные ведомости. – 1888. – № 8. – С. 102–106.
20. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1256.
21. Таймасов Л. А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX в.: дисс. докт. ист. наук: 07.00.02. – М.: РГБ, 2005. – С.68–69. [Электронный ресурс].

22. Хромых А. С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. матер. III региональной молодежной науч. конф. / отв. ред. Р. Е. Романов; Институт истории СО РАН. – Новосибирск, 2009. – С. 108–113.
23. Шерстова Л. И. Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX в.: сб. науч. ст. – Новосибирск, 2004. – С. 61–71.
24. Шиловский М. В. Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. – Новосибирск, 2003. – Вып. 3. – С. 101–119.
25. Юрганова И. Ю. Деятельность Русской православной церкви в Якутском крае: инкорпорация в русскую государственность (XVII – нач. XX в.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00. – Иркутск, 2017. – 42 с.

УДК 94(571.1/5)

Болонкина Е. В.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ПОДАТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1820-1860-е гг.)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности изменения численности податного населения Енисейской губернии на протяжении второй четверти XIX в. Показана роль царского правительства в этом процессе. Дана сравнительная характеристика естественного и механического прироста.

Ключевые слова: Енисейская губерния, податное сословие, миграция, «штрафная колонизация», ясачное население, купцы, крестьяне, мещане, этническая группа.

Втягивание Енисейской губернии в систему социально-экономических отношений Сибири и России в течение 1820 – начале 1860-х гг. обусловило общие тенденции эволюции податных сословий. Царизм в первую очередь подчинял интересы Сибири нуждам имперского центра. Данная политика была направлена на дальнейшее земледельческое и торгово-промышленное освоение края. Все это способствовало постепенному росту численности податного населения Енисейской губернии. Этот процесс происходил за счет расширения легальных переселений крестьян европейской части России, внутрисибирских миграций, а также «штрафной колонизации». С экономической точки зрения интенсивному росту непривилегированных групп русского населения в 1820–1850-е гг. способствовало бурное развитие золотодобывающей промышленности в Приенисейском крае, а также усиление роли Московско-Сибирского тракта в хозяйственной жизни губернии. К демографическим факторам увеличения численности податных сословий следует отнести высокий уровень естественного прироста этой группы населения по сравнению с неподатными сословиями.

Источники пополнения податных сословий Приенисейского края определили их национальный состав. Абсолютное большинство составило русское население, доля которого за 1820–1850-е гг. выросла с 80 до 85 % от об-

щей численности непривилегированного населения губернии. При этом произошло снижение доли ясачного коренного населения края: с 20 до 14,4 %, что было связано с низким уровнем рождаемости и процессом ассимиляции. В целом с 1823 по 1863 г. общая численность податных сословий губернии увеличилась практически в два раза (с 151 341 до 296 645 душ обоих полов, д. об. п.) [1. Табл. I; 2. С. 158–184].

Соотношение полов у податных сословий в 1823 г. характеризовалось преобладанием женского населения (54,8 %) над мужским, а к 1863 г., наоборот, выросла доля мужчин (52 %). Это было связано с несколькими факторами. Во-первых, увеличилась доля ссыльных (22 % от общих показателей прироста населения по губернии). Во-вторых, в естественном приросте преобладали мальчики (53,8 %). В-третьих, у ясачного населения мужчины составляли большую часть (51 %) [1. Табл. VII; 2. С. 158–184]. Непосредственно у крестьян наблюдалось преобладание женского населения (50,1 %) над мужским (49,9 %), что указывает на превалирование естественного прироста над механическим. Подобное соотношение было характерно для мещан и цеховых, а у купцов мужчины составляли всего 45 %.

Основную массу среди непривилегированных групп населения составляли крестьяне, численность которых выросла в 2 раза (со 101 064 до 193 555 д. об. п.) [1. Табл. I; 2. С. 158–184]. В первой половине XIX в. в го-

сударственные крестьяне зачислялись жители небольших городов, объявленных заштатными и безуездными (Туруханский край); лица, исключенные из духовного звания; вольноотпущенные; дети канцелярских служащих, непригодные к канцелярской и военной службе (по выбору); представители других национальностей; переселенцы, высланные в Сибирь за счет рекрутов и причисленные затем из ссыльнопоселенцев по истечении льготного срока. Небольшую группу среди крестьянского населения составляли экономические крестьяне, принадлежавшие крупным монастырям (Туруханский Троицкий, Енисейский Спасский). Юридически к разряду государственных крестьян относились приписные крестьяне, которые были причислены к частным и казенным мануфактурам и фабрикам и другим государственным учреждениям [3. С. 240–245]. Количество владельческих крестьян в Енисейской губернии оставалось небольшим и определялось естественным приростом.

Основная масса крестьянского населения Приенисейского края была представлена категорией государственных крестьян. К 1820 г. в Красноярском, Енисейском и Туруханском уездах доля государственных крестьян составляла 94,3 %, экономических – 5,2 %, помещичьих – 0,5 % [4. С. 62–63]. К началу 1860-х гг. государственные крестьяне продолжали составлять основную массу крестьянства (88,5 %). Важно отметить, что более 11 % были крестьянами из поселенцев. К 1863 г. в Красноярском округе крестьянство составляло 65,8 % от общей численности населения, в Канском – 70 %, Енисейском – 81 %, Ачинском – 71 %, Минусинском – 53 %, а в Туруханском крае только 17,5 %. Подобная ситуация была вызвана рядом важных экономических причин. Во-первых, дальнейшее падение производства в золотодобывающей промышленности в 1850-е гг. во многом обусловило отток крестьян, работавших на приисках, обратно в сельскую местность. Во-вторых, из-за слабого развития городов в торгово-промышленном плане продолжались постоянные перемещения городского населения в деревни. В-третьих, огромные земельные пространства позволя-

ли крестьянам иметь достаточное количество земли, что обусловило их слабый отток в города для получения дополнительных заработков [2. С. 214–225].

Благодаря постепенному укреплению городов губернии в административном и экономическом плане, усилению переселенческого потока из Европейской России, внутругубернских миграций и ссылки произошло заметное увеличение податных групп городского населения. С 1823–1863 гг. в городах изменялась доля купечества, мещан и цеховых. Так, численность мещан и цеховых по городам губернии увеличилась примерно в 1,8 раза (с 7080 до 11 555 д. об. п.). Исключение составил только Енисейск, где число мещан и ремесленников в течение 1823–1851 гг. оставалось постоянным, а к 1863 г. уменьшилось в 1,3 раза. Скорее всего, это было связано с падением золотопромышленности, что обусловило некоторый отток городского населения в центральные и южные районы. Численность гильдейского купечества в Красноярске и Енисейске за 40 лет возросла в 5 раз, а в Канске, Ачинске и Минусинске – в 20 раз. Удельный вес крестьян в городах был достаточно высоким. Например, в Красноярске их проживало до 18 % от общего количества городского населения, в Енисейске – до 11 %, в Ачинске – 16 %, в Канске – 30 % и в Минусинске – до 26 %. Среди всего торгово-ремесленного населения преобладали мещане и цеховые (80 %), далее шли крестьяне – 15 % и купцы – 5 % [1. Табл. VIII; 2. С. 158–184].

Изменения в численности приенисейского купечества во второй четверти XIX в. были связаны как с социально-экономической политикой государства, так и с ходом хозяйственной жизни губернии. В середине 1820-х гг. постепенный рост численности купечества в некоторой степени был связан с проведением в 1824 г. гильдейской реформы и с развитием новых окружных центров – Ачинска, Канска и Минусинска. Так, к 1827 г. в Красноярске количество купцов увеличилось до 15 человек, а к 1835 г. – до 20. В Ачинске в 1820–1830-е гг. число купеческих семей третьей гильдии увеличилось с двух до девяти. К 1835 г. в Канске

насчитывалось трое владельцев купеческих капиталов, а в Минусинске – 6. Только в заштатном Туруханске не произошло никаких изменений, так как здесь не было заявлено ни одного капитала [5. Л. 32 об. – 35; Л. 2 об. – 5 об.; Л. 4 об. – 7; Л. 4 об. – 7].

В связи с началом развития золотопромышленности в Енисейской губернии в 30–50-е гг. XIX в. произошли значительные изменения в динамике численности купечества. В этот период, хотя и в разной мере, происходил рост купечества во всех городах губернии. С 1835 по 1845 г. более всего увеличилось купечество в Канске – в 4,7 раза, а менее всего в Енисейске – в 1,1 раза. В Ачинске с 1835 по 1851 г. численность купцов, по торговым свидетельствам, увеличилась с 23 до 83 [6. С. 141]. В Минусинске в 1835 г. насчитывалось 6 купеческих семей, а к 1851 г. там было уже 3 капитала второй гильдии (5 д. об. п.) и 24 капитала третьей гильдии (104 д. об. п.). К первой половине 1863 г. количество купеческих капиталов второй гильдии увеличилось до 9, а третьей гильдии – до 54.

Среди купечества губернии можно выделить четыре этнические группы: русские, западноевропейцы, евреи и сибирские «инородцы». Наиболее многочисленной была группа русских, к которой принадлежало более 90 % глав купеческих семей во всех приенисейских городах. Конечно, в эту группу могли попасть и принявшие крещение представители других народов [7. С. 96–97].

Появление среди купцов выходцев из стран Западной Европы было связано с началом золотой лихорадки. Именно в это время в число жителей городов губернии стали записываться принявшие российское подданство иностранцы. Так, в 1852 г. в Енисейской губернии проживало 22 иностранца. К 1850 г. купцы из числа иностранцев составляли 3,8 % среди всех владельцев капиталов в приенисейских городах (Г. Брюкнер, К. Шпейер, Ф. О. Доссер, И. Фетер, И. И. Дамман) [8. Л. 1 об. – 20, 37 об. – 52, 76 об. – 94, 101 об. – 126, 139 об. – 146; Л. 3 об. – 9; Л. 20 об. – 25; Л. 3 об. – 11 об.; Л. 5 об. – 46, 804 об. – 806; Л. 1 об. – 25].

Главной особенностью развития городского населения в Енисейской губернии являлось то, что часть горожан, как и в XVIII в., проживала в сельской местности. Например, по X переписи к 1858 г. в Минусинске проживало 1925 д. об. п. мещан. В том числе на заимках проживало 762 д. м. п. и 720 д. ж. п., а в Малой Минусе – 129 д. м. п. и 122 д. ж. п. [9. С. 10–16]. На территории Красноярского и Енисейского округов некоторая часть мещан, так же как и на юге губернии, продолжала проживать в сельской местности. Так, в 1840 г. в селах Березовском, Ясаульском, Атамановском Красноярского округа проживало 45 д. об. п. мещан. [10. Л. 2, 21, 28; Л. 10–186 об.; Л. 31–73 об.; Л. 152, 353, 386 об.]. Администрация губернии пыталась решить проблему путем выделения земельных наделов для населения городов. Казне в целом удалось привести в соответствие место жительства и род занятий с сословной принадлежностью городского населения. Все это указывает на старофеодальные методы формирования определенных групп населения.

Особую группу населения составляли каторжные и ссыльные, за счет которых происходило пополнение рядов ремесленников, рабочих на золотых приисках и земледельческого населения. В течение данного периода их численность возросла в 3,6 раза (12 114 – 44 994 д. об. п.). В процентном отношении их число увеличилось с 7,6 до 14 % от общей численности населения всей губернии [1. Табл. I; 2. С. 158–184].

Изменения, которые происходили в численности ясачного населения Енисейской губернии в 1820-е гг. – начале 1860-х гг., были тесно увязаны с политикой царского правительства, проводимой по отношению к «инородцам». Кроме того, количественные изменения ясачных были связаны и с территорией проживания инородцев. Так, на юге губернии из-за благоприятных природно-климатических условий проживало большее количество ясачного населения, чем на севере. В абсолютном количестве за 40 лет численность «оседлого» населения увеличилась примерно в 9 раз, «кочевого» – в 2,75 раза, а «бродячих

инородцев» – в 1,6 раза [1. Табл. I; 2. С. 158–184]. Прослеживалась четкая тенденция увеличения именно оседлого населения губернии, что, скорее всего, было связано с политикой царского правительства, а также с развитием торгового и сельскохозяйственного потенциала юга губернии.

С 1827 по 1859 г., по данным А. П. Степанова и П. И. Третьякова, в северных областях губернии, Туруханском крае и Енисейском округе произошло весьма незначительное увеличение численности инородцев (с 3952 до 5102 д. об. п.). [11. С. 25, 34, 35, 45–50, 55; 12. С. 159]. Практически за 30 лет (1830–1858 гг.) численность инородческого населения Ачинского, Минусинского и Канского округов увеличилась всего в 1,2 раза (с 20 753 до 24 639 д. об. п.) [1. С. 37; 13. С. 39–55; 14. С. 82–125]. В целом же тенденций к вырождению не отмечалось. Это указывает на неколониальный характер политики царского правительства по отношению к коренному населению губернии.

По этническому составу на севере губернии в 1820-е гг. преобладали тунгусы – 47,6% и остяки – 32,8% от общей численности инородцев. К 1858 г. в 4 раза увеличилась доля самоедов. Их доля составила 21,4 % от числа коренных народностей. При этом сократилась до 29,2 % доля тунгусов. Незначительную часть населения составляли юраки и якуты [11. С. 25, 34, 35, 45–50, 55; 12. С. 159].

Численность этнических групп ясачного населения Ачинского, Минусинского и Канского округов на протяжении 1830–1850-х гг. остава-

лась стабильной. Основную массу инородцев составляли качинцы, сагайцы – по 35 %, а также кызыльцы – 21 % от общей численности коренного населения. Доля кайбалов и милетских татар составляла всего 4–5 % [1. С. 37; 13. С. 39–55; 14. С. 82–125].

Таким образом, увеличение численности податного населения Енисейской губернии на протяжении второй четверти XIX в., помимо естественного прироста, было связано с политикой самого царского правительства, которое было заинтересовано в освоении окраин государства. Более всего это отразилось на вольной крестьянской и «штрафной» колонизации сибирских окраин. Огромное влияние на формирование податных групп населения оказало развитие золотопромышленности в 1840–1850-е гг.: оно способствовало их численному увеличению и привело к некоторым качественным изменениям. В частности, численность крестьянства, основной группы населения края, выросла в 2 раза. Развитие торговли и промышленности способствовало росту городского населения (в 1,8 раза). Особую группу, пополнявшую ряды ремесленников, рабочих на золотых приисках и земледельцев, составили ссыльные. Их численность в изучаемый период выросла в 3,6 раза. Все это, несомненно, оказало влияние и на национальный состав податного населения. Возросла доля русских (до 85 %), но при этом произошло сокращение доли ясачного коренного населения губернии: до 14,4 %.

Источники и литература

1. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. В 3 ч. – СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии. – Ч. 2. – 748 с.
2. Памятная книжка Енисейской губернии. – СПб., 1865.
3. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск: Наука, 1982. – 502 с.
4. Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков (1793–1863). – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-е, 1965. – 239 с.
5. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. 173. Оп. 1. Д. 195; Д. 270; Д. 456; Д. 322.
6. Лопаткин Г. Летопись города Ачинска. – Ачинск: Свет, 2000. – 543 с.

7. Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.). – М.: Academic, 2006. – 384 с.
8. ГАКК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 257; Оп. 3. Д. 490; Д. 492; Д. 538; Д. 674; Оп. 2. Д. 19. Л. 1 об. – 25.
9. Ватин В. А. Город Минусинск. – Ч. 1. Исторический очерк. – Минусинск, 1916–1922.
10. ГАКК. Ф. 592. Оп. 2. Д. 168; Д. 274; Д. 287; Ф. 819. Оп. 1. Д. 194.
11. Степанов А. П. Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997. – 223 с.
12. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. – СПб., 1871. – 316 с.
13. Чудновский С. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). – Томск, 1885. – 190 с.
14. Пестов И. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. – М., 1833. – 308 с.

УДК 9(47)08

Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.

ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ И КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

***Аннотация.** В статье ставится задача выяснить на основе использования опубликованных в досоветский период работ чиновников, ученых, общественных деятелей, как они воспринимали проблемы взаимоотношений коренных малочисленных народов Севера и русского населения Туруханского края на протяжении более 95 лет существования Енисейской губернии.*

***Ключевые слова:** коренные малочисленные народы Севера, аборигены, Туруханский край, купцы, традиционный образ жизни коренных народов Севера.*

Сегодня много говорится о необходимости восстановления традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в едином многонациональном сообществе граждан Российской Федерации. Исследованием различных аспектов истории русской колонизации северных территорий Сибири в разное время на разных методологических платформах занимались П. Н. Павлов, Л. М. Дамешек, Г. Ф. Быконя, А. В. Ремнев, Ч. Г. Андреев и многие другие историки [1].

Но они не ставили задачу исследования комплиментарности коренных северян и пришлого русского населения. Поэтому нам показалось полезным вернуться к восприятию их взаимодействия теми людьми, которые были знакомы с указанной проблемой в режиме реального времени.

Характеристика этих народов и их взаимоотношений с русскими в первые годы существования губернии была дана в нескольких книгах ее высших чиновников. В 1827 г. была издана книга председателя губернского суда А. И. Мартоса «Письма о Восточной Сибири». В 1833 г. вышла книга председателя губернской казенной палаты И. С. Пестова «Записки о Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года». И, наконец, в 1835 г. свет

увидела работа первого губернатора А. П. Степанова под названием «Енисейская губерния».

Взгляды и рассуждения этих людей интересны тем, что они работали в одной команде и в своей деятельности руководствовались Уставом об управлении инородцев, принятым в 1822 г.

Российское государство коренные малочисленные народы Севера интересовали как поставщики ценной северной пушнины. В Туруханском крае Енисейской губернии, образованной в 1822 г., проживало, в пересчете на мужские души, около 4152 коренных северян [2. С. 50].

А. П. Степанов, А. И. Мартос, позже другие чиновники и многие общественные деятели досоветского периода признавали, что покорение северных территорий осуществлялось прежде всего военным путем, и его коренные жители пытались противостоять завоевателям. Но покорение они рассматривали как свершившийся процесс и не высказывали сожаления по этому поводу.

Способы объяснения коренного населения были разными, но в конечном счете они имели целью принуждение ранее свободного населения к признанию власти российского

царя и уплате ясака в его пользу. К середине XVII в. все коренное население Енисейского Севера уже было объяснено и утратило свою независимость [2. С. 185].

В силу особенностей движения русских на восток в XVII–XVIII вв. коренные малочисленные народы Енисейского Севера первыми в Восточной Сибири столкнулись с казаками, купцами и другим авантюрным элементом русского происхождения. Следом за казаками к коренным северянам шли торговцы, которые за копейные товары брали у них пушнину [2. С. 182]. «Неэквивалентная» торговля стала одним из основных способов ограбления коренных малочисленных народов Севера в досоветский период.

Одновременно с торговцами на север шли русские охотники-промысловики (промышленники), занимавшиеся пушным промыслом, с которыми у коренных жителей было немало конфликтов по поводу использования промысловых угодий. Можно предположить, что многие коренные северяне видели в русских чужих и безжалостных людей, которые в период завоевания убивали их сородичей, насиловали женщин, несли с собой тяготы и болезни.

Со временем в связи со сдвигом русского населения в более комфортные для проживания районы численность русских в Туруханском крае стала уменьшаться. Но какая-то их часть, оседающая на севере, вынуждена была приспосабливаться к жизни в экстремальных условиях и налаживать отношения с аборигенами. К концу XVIII в. это привело к складыванию новой сибирской этнической группы долган – смешанного эвено-якуто-русского происхождения [3].

По мнению А. И. Мартоса, русские, взяв коренное население Восточной Сибири под свое покровительство, принесли северянам общественное спокойствие [4. С. 187]. Но на практике можно говорить о том, что в досоветский период на территории Туруханского края между коренным и русским населением сложилось несколько типов взаимодействия. Главным из них было принуждение аборигенов в разных формах со стороны представителей госу-

дарства, купцов, русских промышленников. В районах близкого или совместного проживания наблюдалось некоторое взаимопроникновение образа жизни и, наконец, на очень ограниченных по размеру территориях – ассиляция пришлого и коренного населения.

Отношение чиновников Енисейской губернии к покоренному населению, судя по указанным выше работам, было пренебрежительно-снисходительным или снисходительно-сострадательным. Первый енисейский губернатор А. П. Степанов называл коренных северян дикарями и сравнивал их с «сиротами усыновленными». А. И. Мартос считал ангарских тунгусов свирепыми из-за того, что они защищали себя от вооруженных огнестрельным оружием казаков, а их обреченное на поражение сопротивление называл кичливым [4. С. 193].

Но государственные чиновники понимали, что без коренных северян невозможно получить высококачественную пушнину. Для контроля за ними государство создало в Туруханском крае стационарные и передвижные хлебные магазины, к которым оно приписало абсолютно все ясачное население. Аборигены, взяв муку под оплату по результатам пушного сезона, затем были обязаны выходить к магазинам, платить ясак и погашать задолженность [4. С. 152].

Вряд ли у них могли складываться искренние дружеские отношения с вахтерами магазинов и казаками, охранявшими их. Во-первых, выход к магазинам был обязательным способом демонстрации подчиненности чужой для них власти, принудившей платить ясак. Во-вторых, по утверждению исследователя Туруханского края П. Третьякова, коренные жители не могли не ощущать, что их обманывают, так как вахтеры магазинов из личной выгоды приписывали северянам большее количество муки и даже записывали долг на тех, кто никогда эту муку не брал. В-третьих, не исключено, что у некоторых аборигенов возникали опасения о попадании в зависимость от хлебных магазинов.

А. Миддендорф, проводивший исследования на Таймыре в 40-е гг. XIX в., писал, что

енисейские остяки, которые привыкли жить за счет получения муки, уже утратили способность обеспечивать себя охотой и были обречены на гибель [5. С. 743]. В конце XIX в. в Караконско-Остяцкой орде дело доходило до каннибализма, и представители других родов боялись близко подходить к стойбищам Тазовских остяков [6. С. 290].

Енисейские купцы, как признавал губернатор А. П. Степанов, бессовестно пользовались тем, что северяне готовы были платить несоразмерно высокие суммы за привозимые товары и алкоголь, и целенаправленно занимались их закабалением, продавая товары «по малой цене», давая в долг и угощая вином. В результате аборигены превращались в вечных должников, долги которых продавались вместе с ними или переходили по наследству [6. С. 112]. Хотя коренные северяне и называли купцов, с которыми они вели дела, «друзьями», эта дружба имела сомнительный характер, так как их еще не родившимся детям уже была уготована участь должников торговцев.

Втягивание коренных жителей Севера в торговые отношения с русскими купцами заставляло их перейти к добыче диких зверей не для еды и одежды, как это было раньше, а для сдачи ясака и продажи. Это стало одной из главных причин разрушения традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности народов. Если прежде они жили внутри экологической системы, сохранение которой являлось условием их выживания, то теперь перешли к ее разрушению ради получения доступа к несвойственным им товарам, продуктам и разрушающему их здоровью и личность алкоголю. Приобретение для этого огнестрельного оружия привело к увеличению добычи, но обернулось, как писал С. Л. Чудновский, быстрым подрывом базы для собственного обеспечения [7. С. 47].

Со временем в Туруханском крае появились новые участники процесса ограбления коренного населения. Таковыми стали поселенцы станков и северных сел, жители которых должны были заниматься перевозкой чиновников и доставкой административных распоряже-

ний. По информации П. Третьякова, станки в Туруханском крае стали создавать в 1812 г. по решению Государственного совета с завоза из Боготольского и Краснореченского заводов семейных пар и неженатых поселенцев для создания семей. В случае несогласия на брак их нещадно били и венчали. Из первого завоза на станках замерзло несколько человек. А из поселенцев, завезенных в 1813 и 1814 г., зимой погибла половина [8. С. 333, 334]. По данным И. С. Пестова, на огромной территории Туруханского края в 20-е гг. XIX в. было примерно четыре десятка сел и деревень, в которых насчитывалось от одного до нескольких домов и примерно сто зимовий [посчитано по 9. С. 226–236].

Со временем многие поселенцы, видя прибыльность неэквивалентной торговли, переключились на скупку пушнины у аборигенов, расплачиваясь с ними брагой, самогоном и казенной мукой, взятой в хлебных магазинах. Они стали использовать труд аборигенов на заготовке сена, вылове рыбы на продажу [10. С. 304]. В отчете о поездке губернатора Л. К. Теляковского в Туруханский край в 1893 г. отмечалось, что жителей станков отличали недоверчивость, лукавство, хитрость, эгоизм и даже жестокость, если дело касалось личных интересов [10. С. 335].

Первый губернатор Енисейской губернии видел проблемы, вызванные отношениями коренных жителей с русскими купцами, но, тем не менее, считал их жизнь вполне благополучной [10. С. 51]. Однако, как свидетельствуют данные более позднего периода, проблемы, появившиеся в первое десятилетие существования Енисейской губернии, были только первыми симптомами прогрессирующей социальной болезни.

Государство столкнулось с сокращением ясачного населения из-за болезней и голода. В связи с колебаниями природных факторов местные жители не каждый год могли обеспечить себя продовольствием на зимний период, а попадая в зависимость от купцов, не могли тратить на себя время, необходимое для заготовки продовольственных запасов. Енисейский врач

М. Ф. Кривошапкин писал, что во время эпидемий гнилой горячки и оспы в 1850–1851 гг. в лесах валялось много трупов, пожираемых хищными зверями [11. С. 19]. Коренные жители Туруханского края связывали эпидемические заболевания с русскими и по возможности старались держаться от них подальше во время вспышек эпидемий.

У представителей коренного населения края были все основания ожидать неприятностей от появления новых контингентов русских. В середине XIX в. на Север пришло много русских охотников-промысловиков. Они стали захватывать районы промысла коренных северян, оттесняя их в менее продуктивные уголья, что, в свою очередь, обернулось для местных снижением добычи пушнины, вылова рыбы и уменьшением заготовок продовольствия на зиму. Русские, по утверждению С. Л. Чудновского, в погоне за прибылью истребляли зверя и рыбу с остервенением [7. С. 95]. К этому добавились пожары, связанные с работой приисков, которые уничтожали кормовую базу животных, диких и домашних оленей, что в совокупности вызвало многократное сокращение численности пушных зверей.

Многие охотники из коренных северян вынуждены были переквалифицироваться в рыбаков, что радикально меняло не только традиционный образ хозяйственной деятельности, но и образ жизни. Они были вынуждены влачить жалкое существование. Енисейский глава А. А. Мордвинов отмечал, что в середине XIX в. часть тунгусов с Нижней Тунгуски от голода, поборов и притеснений со стороны русских вынуждена была переселиться к станкам и на Ессейское озеро [12. С. 37, 45].

А. А. Мордвинов в середине XIX в. писал, что скупкой пушнины занимались купцы, казаки, вахтеры хлебных магазинов и жители станков [12. С. 37]. По официальным данным, в Туруханском крае в начале 1889 г. проживало 2469 душ русского населения обоего пола, часть которого превратилась в скупщиков пушнины [6. С. 289, 291]. Долги коренного населения росли по мере того, как увеличивалось число таких скупщиков.

По утверждению А. А. Мордвинова, в низовьях Енисея было 15 купеческих зимовий с приказчиками, и каждое скупало за зиму до 90 000 песцовых шкур. Причем в с. Дудинском и возле р. Авама шкурки песца могли брать за рюмку водки [8. С. 501, 504]. «Алкогольные технологии» скупки пушнины применялись повсеместно и сопровождалась ростом заболеваемости и смертности населения [9. С. 201, 205].

Развитие во второй половине XIX в. в низовьях Енисея рыбной промышленности заставило владельцев пароходов через выдачу «обстановки» или кредита втягивать в вылов рыбы охотников и оленеводов тех районов, население которых прежде редко общалось с русскими. Им платили очень мало, а будучи заняты на путине, они утрачивали возможность самостоятельно делать полноценные запасы для своих семей. Купцы-рыботорговцы зачастую ловили рыбу на участках, принадлежавших аборигенам [6. С. 294]. Число обездоленных местных жителей, вырванных русскими купцами из традиционного для них образа жизни, быстро росло. Причем каждый русский на промыслах, как писал В. Исаченко, считал своим долгом обмануть инородца [13].

Это свидетельствовало о том, что государство, обобрав аборигенов, не могло остановить их дальнейшее ограбление частными лицами, принадлежавшими к русскому миру. В результате они оказались на грани вымирания.

Несмотря на то, что большинство коренных северян формально было крещено, они, как писал А. Мартос, не приняли нравов, языка и религии русских [4. С. 216]. Северяне считали, что за пределами храмов Бога нет, поэтому в повседневной жизни руководствовались своими языческими представлениями [10. С. 337]. Так что русские и коренные северяне лишь условно являлись братьями и сестрами во Христе, что давало возможность части русского населения не соблюдать христианские заповеди по отношению к аборигенам.

Вместе с тем совместное проживание русских и аборигенов на территории Туруханского края обусловило некоторое заимствование

элементов образа жизни друг друга. Русские перенимали у аборигенов способы выживания в суровых природно-климатических условиях севера, заимствовали необходимую для общения разговорную речь. Так, русские жители Туруханска по образу жизни мало отличались от коренных северян, ели мясо и рыбу сырыми, и часто без соли. Немногочисленные русские крестьяне в низовьях Енисея в начале XX в. брали в жены женщин из родов, кочующих в Затундринской зоне [14. С. 272]. Но такие браки на территории Енисейской губернии были немногочисленными.

Уровень заимствования, по мнению А. Миддендорфа, во многом зависел от частоты общения. Например, тунгусы, жившие вблизи приисков, по утверждению Латкина, утратили свой природный облик, так как представляли собой помесь от отношений русских приискателей с тунгусскими женщинами. Одевались они как русские мастеровые, но от русских приобрели лишь худшие черты [15. С. 126]. А вот

тунгусы, обитавшие в заполярной таймырской зоне, которые гораздо реже встречались с русскими, строже придерживались своих нравов, обычаев и одежд и даже сумели уклониться от принятия христианства [5. С. 578, 693].

С. Л. Чудновский на рубеже XIX–XX вв. писал о том, что, приобщая тунгусов к цивилизации, русские познакомили их с водкой, оспой и голодным тифом, из-за чего они вымирают и вырождаются [7. С. 41]. А немного позже Латкин сделал вывод, что тунгусов и прочих северных инородцев довели до того, что им остается одно из двух: или вымереть, или окончательно обрусеть [15. С. 125].

Так что, скорее всего, дружбы русского народа и коренных малочисленных народов Севера или хотя бы взаимного учета интересов на территории Енисейской губернии в досоветский период не случилось. К концу этого периода было три варианта дальнейшего развития ситуации: вымирание, ассимиляция или перезапуск отношений на иной основе.

Источники и литература

1. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986; Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. – Красноярск, 2013; Павлов П. Н. Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярский педагогический институт. – Красноярск, 1974; Андреев Ч. Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // 60-е гг. XIX – октябрь 1917 г.): модернизация и традиционный образ жизни: монография. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. с.-х. акад., 2001; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1997.
2. Степанов А. П. Енисейская губерния. – Красноярск: Горница, 1997.
3. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в.: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – 2-е изд., доп., осуществленное по первой авт. редакции. – Красноярск, 2013.
4. Мартос А. Письма о Восточной Сибири. – М.: Университетская типография, 1827.
5. Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Отдел VI. Коренные жители Сибири. – СПб., 1878.
6. Туруханский край. Описание, составленное из официальных документов статистического комитета. Подпись: На материалах комитета обработал и составил Г. Хотунцов. Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 год с адрес-календарем / под ред. Г. А. Хотунцова. – Красноярск: Издание Енисейского губернского статистического комитета, 1889. – С. 290.
7. Чудновский С. Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири. Статистико-публицистические этюды. – Томск: Типография «Сибирской газеты», 1885.

8. Третьяков П. И. Туруханский край // Записки Императорского русского географического общества по общей географии. – СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1869.
9. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831. – М.: Университетская типография, 1833.
10. Из поездки енисейского губернатора в 1893 году в Туруханский край // Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896. Издание Енисейского губернского статистического комитета. – Красноярск: Енисейская губернская типография, 1896.
11. Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Издание Русского географического общества. – СПб., 1865.
12. Мордвинов А. А. Записки о Туруханском крае // Записки Императорского русского географического общества по общей географии (Отделения географии физической и математической.). Т. 2. – СПб.: Типография В. Безобразова и комп., 1860.
13. Исаченко В. Л. Материалы по исследованию Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. V. Орудия и способы лова. – Красноярск: Типография М. И. Абалакова, 1911.
14. Хоменко Д. Ю. Коренное и русское население на Енисейском Севере во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2013.
15. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. – СПб.: Типография В. А. Тиханова, 1892.

УДК 929.53

Гантимурова М. И.

ИСТОЧНИКИ ПО ГЕНЕАЛОГИИ ИНОРОДЦЕВ XIX – НАЧАЛА XX в. В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье представлен краткий обзор источников по истории инородцев Забайкалья за период XIX – начала XX в., которые хранятся в Государственном архиве Забайкальского края (ревизские сказки, материалы Всероссийской переписи населения 1917 г., послужные списки и т. д.). Отмечаются особенности выявления документов по указанному вопросу. Одним из новых источников в генеалогических исследованиях стали карты расселения кочующих инородцев.

Ключевые слова: генеалогия, архивные источники, Забайкалье, ревизские сказки, перепись населения.

Генеалогические исследования в последние годы вызывают все больший интерес. Не только история известных личностей становится объектом изучения. Актуальным является представление и интерпретация данных по истории малой родины, отдельных семей, роли человека в истории. Но среди исследователей, занимающихся поиском сведений по истории своей семьи, часто наблюдается попытка собрать документы только из метрических книг, то есть о рождении, бракосочетании, смерти. Однако, как и в любом исследовании, в изучении родословной необходим комплексный подход: расширение круга источников, интервьюирование родственников, знакомых на предмет выявления первичных сведений (что тоже наблюдается очень редко среди обратившихся в архив).

В данной статье представлен краткий обзор и примеры источников из фондов Государственного архива Забайкальского края, которые могут помочь в поиске сведений по генеалогии коренных народов Забайкалья. На основе архивных документов регулярно публикуются результаты исследований истории вопроса как российскими, так и зарубежными учеными и краеведами. Можно выделить труд А. В. Соломина, в котором рассматривается история происхождения рода Гантимуровых, родственных связей, описания владений и т. д.

[25]. В научных работах Р. Г. Жамсарановой приводятся данные о происхождении, расселении коренных народов, их численном составе, вероисповедании и т. д. [23; 24].

В Государственном архиве Забайкальского края наиболее востребованными являются документы, связанные с восстановлением родословных казачьего и крестьянского сословий второй половины XIX – начала XX в. Большой проблемой остается выявление сведений по истории семей коренных народов Забайкалья, которые в документах определяются терминами «инородцы», «братские народы», «тунгусы», «буряты» и т. д. Архив располагает источниками с генеалогической и биографической информацией об истории инородцев, но не в большом объеме. Сложность заключается в том, что в случае, если инородцы не приняли крещение, их метрические данные выявить практически невозможно. А население шаманского и буддийского вероисповеданий чаще всего фиксировалось только в статистических материалах. Таким образом, круг источников сужается. По мнению Р. Г. Жамсарановой, «к переписи 1858 г. почти все тунгусское население было приведено в православие» [23. С. 14]. В метрических и исповедных книгах коренное население также фиксируется в конце XVIII – начале XIX в.,

но уже в большинстве случаев с русскими фамилиями и именами, данными при крещении. Факт принятия православия тоже отражается в метрической записи, в которой отмечались возраст, происхождение и другие сведения. Среди таких документов начала XIX в. можно выделить «Метрическую книгу ясашных новокрещеных тунгусских родов о родившихся, бракосочетавшихся и умерших в 1810 г.» [17]. Кроме того, сведения о смене фамилий и имен при крещении содержатся в таких документах, как, например, «Дело о даче трехлетней льготы инородцам за принятие ими святого крещения в 1859 г.» [12].

Базовыми в составлении родословных инородцев по документам госархива дореволюционного периода выступают такие классические источники по генеалогии, как ревизии населения. Например, документы ревизий хранятся в фондах «Нерчинский горный округ» (фонд № 31), «Забайкальское областное правление» (фонд 1), «Урульгинская степная дума» (фонд 29). В них содержится информация о составе семьи, возрасте, названии рода, названии инородного ведомства, населенном пункте (в случае оседлости). Из наиболее ранних вышеуказанных источников можно выделить «Ревизские сказки хоринских бурят и тунгусов Баргузинского округа» за 1795 г., «Ревизскую сказку Баунтовских оленных эвенков» за 1813 г., «Ревизские сказки тунгусов Нерчинского уезда Иркутской губернии» за 1816 г. [19; 18; 16].

Материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916–1917 гг. хранятся в фонде «Забайкальский областной статистический комитет», а в фонде «Забайкальское губернское статистическое бюро» находятся документы сельскохозяйственной переписи за 1923 г. В них содержатся сведения о составе семей, их имуществе.

Интересным источником для первичного поиска информации по расселению инородцев выступают карты. В ГКУ ГАЗК подобных карт несколько.

Среди источников можно также выделить сведения о переходе из одного рода в другой, о смене ведомств, инородных управ [9. Л. 49

об. – 74; 13; 14; 15]. В документах инородных управ, степных дум представлены списки семей по населенным пунктам. Особо отметим отчетные документы инородных управ, где также находятся посемейные списки инородцев с их территориальной принадлежностью.

Формулярные и послужные списки – главные документы о службе чиновников гражданского и военного ведомств, а также канцелярских служащих – отложились в фондах «Забайкальское областное правление» (фонд № 1), «Военный губернатор Забайкальской области» (фонд № 13). В этих фондах представлены документы о назначении переводчиков, личные дела (урядника Тархаева, Гонбо-хана Чимытова, Санжиева, Доржиева, Абидуева Гармы Жимбеевича и др.), списки [4; 5; 8; 10; 11]. В указанных фондах находятся документы о выборах на общественные должности, в Государственную думу. Среди подобных источников можно выделить дела «Об утверждении инородцев в общественных должностях», в которых содержатся приговоры родовых старост на монгольском языке с русским переводом, образцы подписей, характеристики и списки претендентов в управах и управлениях инородцев в 1890–1894 гг. [6; 7]. В фонде «Забайкальское областное правление» (врачебном отделении) также встречаются дела о назначении на должности оспопрививателей. В них иногда находятся фотографии и анкеты слушателей оспопрививательных курсов: Дойнхора-Жаб Очирова, Шири-Загда Базарова, Радна Ширапова и др. [1. Л. 7; 2. Л. 37; 3. Л. 43].

Документы персонального учета военно-служащих и военнообязанных представлены в фондах присутствий рекрутских и по воинской повинности. Например, в фонде Р-867 «Читинское уездное воинское управление» хранится «Дело со списками о призыве тунгусов, родившихся в 1898–1900 гг., Читинского уезда» за 1919 г. [22].

Кроме биографических сведений, можно выявить интересную информацию об учебных успехах родственников, а также их фотографии в фондах учебных заведений, таких как «Вторая Читинская женская гимназия» (фонд

№ 74), «Читинская мужская гимназия» (фонд № 61) и др.

Одним из вспомогательных источников могут стать карты расселения инородцев. Их использование позволяет не только сориентироваться, где проживали те или иные народы, но и выявить названия родов, их миграции и т. д. Кроме того, по картам можно проследить переход или появление новых родов. Среди подобных документов можно выделить «Планшет части 2-й дачи села Александровского и пусто-порожных земель, занимаемых князем Гантимуровым и инородцами Хоринского и Агинского ведомств разных родов» за 1863 г., «Сводную карту земель инородцев Долбагинского и Бадинского Булукских обществ Хар-

ганатской волости улуса Баляга Гочитской волости и крестьян сел Тарбагатайского и Кулевского Петровской волости» за 1909 г. и др. [20; 21].

Таким образом, исследование генеалогии инородцев – перспективное направление, которое требует дальнейшего выявления и фиксации источников. Работа по исследованию родословных своих семей вносит большой вклад в воспитание патриотизма, восстановление исторической памяти. Круг источников постоянно расширяется. Отдельного внимания заслуживают документы XX в., где также можно выявить генеалогическую информацию по потомкам бурят, эвенков и других народов Забайкалья.

Источники и литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1 (вр). Д. 251.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (вр). Д. 252.
3. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (вр). Д. 253.
4. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2316.
5. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2445.
6. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2802.
7. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2814.
8. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 2879.
9. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 3314.
10. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 5449.
11. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 6507.
12. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 11870.
13. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 13246.
14. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 13630.
15. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 16136.
16. Там же. Ф. 1. Оп. 1 (общ). Д. 17513.
17. Там же. Ф. 282. Оп. 1. Д. 106.
18. Там же. Ф. 300. Оп. 1. Д. 25.
19. Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 351а.
20. Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 2215.
21. Там же. Ф. 31. Оп. 5. Д. 3268.
22. Там же. Ф. Р-867. Оп. 1. Д. 8.

23. Жамсаранова Р. Г. Вероисповедание и численно-родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 3 (19). – С. 11–17.

24. Жамсаранова Р. Г. Концептосфера средневековой монгольской этнонимии: монография. – Чита: Экспресс-издательство, 2013. – 288 с.

25. Соломин А. В. Князья Гантимуровы. – М.: Старая Басманная, 2013. – 268 с., XVI с. илл.

УДК 93/94

Исупов В. А.

ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ (XVI–XIX вв.)

Аннотация. В статье на основе источников, часть которых впервые вводится в научный оборот, рассматриваются ведущие тенденции заселения Сибири в XVI–XIX вв. Показан процесс формирования людского потенциала региона, накопления численности его населения. Выявлены основные механизмы заселения Сибири в их историческом развитии.

Ключевые слова: заселение, численность, структура населения, динамика демографического развития, историческая демография.

О численности, структуре и воспроизводстве населения Сибири в период до начала ее освоения русскими нет никаких сведений. Получить количественные оценки, хотя бы в первом приближении характеризующие численность и структуру населения огромного региона того периода, практически невозможно. Даже самые изощренные методы расчета бесполезны там, где полностью отсутствуют первичные статистические данные. В таких условиях ученые в состоянии только предполагать.

Сегодня мы уверены лишь в том, что необъятные пространства Северной Азии были населены чрезвычайно редко. На огромной территории восточнее Уральских гор проживало, предположительно, 100–150 тыс. человек. По существу, Сибирь являла собой потенциально богатую, но пустынную страну, по которой передвигались малочисленные кочевые племена скотоводов, охотников и рыболовов.

Новгородские промышленники и купцы проникали в Сибирь, главным образом в Югру (северное Приобье), еще в XII в. Однако эти спорадические проникновения не означали ни заселения, ни присоединения сибирских земель к Руси. Русские приходили и уходили, а территория Сибири оставалась пустынной.

Начало энергичному захвату Сибири русскими было положено только во второй половине XVI столетия. Но поход Ермака открыл всего

лишь первоначальный этап военной колонизации. Он означал не более чем формальное присоединение новых земель к Российскому государству. Задачи заселения и хозяйственного освоения новых пространств даже не ставились. Вслед за отрядом Ермака в Сибирь хлынула масса авантюристов, основной целью которых было не освоение новых земель, а быстрое обогащение на спекуляциях пушниной. На постоянное жительство в Сибири оставались немногие смельчаки.

Аналогичные цели – в первую очередь пополнение казны путем обложения местных народов ясаком – преследовало и царское правительство. Этап военной колонизации Сибири, которая, по сути, равноценна захвату территории, не закончился со смертью Ермака в 1585 г., а продолжался и в XVII столетии. Цели и способы первоначальной военной колонизации восточных земель диктовали и формы расселения русских. Служилые люди вместе с казаками и вольными промышленниками основали первые за Уралом населенные пункты. Это были военные крепости, так называемые остроги. Они играли тройную роль: во-первых, были центрами сбора ясака с покоренных сибирских народов; во-вторых, охраняли захваченную территорию от набегов воинственных автохтонных племен и тем самым закрепляли новые земли за российской короной; в-третьих, являлись опорными пунктами дальнейшего

продвижения русских в восточном направлении. В XVI столетии в Сибири было возведено шесть городов-крепостей: Тюмень (1586 г.), Нарым (1591–1594 гг.), Березов (1593 г.), Сургут (1593 г.) и Мангазея (1600 г.) [1]. Эти небольшие населенные пункты располагались в районах, мало пригодных для земледелия, но богатых пушным зверем. Между тем в те годы одно только хлебопашество имело своим результатом полновесное хозяйственное освоение и заселение территории. С учетом доминировавших в XVI в. технологий без возникновения и развития земледелия как основы, на которой формируется целостная система населенных пунктов, прежде всего сельских, появление постоянного, оседлого населения было в принципе невозможно.

Создаваемые в Западной Сибири XVI в. города-крепости были немногочисленны и малоллюдны. Они практически не имели постоянных жителей. Первоначальное население Тюмени состояло из 300 казаков и стрельцов. В Таре в 1594 г. внутри острога насчитывалось 218 казачьих дворов. В Сургуте проживало около 155 казаков [2]. Перед временными обитателями острогов не стояли задачи освоения и заселения прилегающей к острогам территории. Их целью было присоединение к Российскому государству новых земель, установление военно-административного контроля над захваченными землями, сбор ясака и дальнейшее безостановочное продвижение на восток. Таким образом, задачи, которые ставили перед собой «новые» сибиряки, были скорее военно-колонизационными, чем хозяйственными.

В первой половине XVII в. русские первопроходцы проникли в Восточную Сибирь. Здесь были основаны еще несколько острогов. Всего в XVII в. русскими в Сибири было заложено 28 городов-крепостей. Однако увеличение числа городов свидетельствует о быстром нарастании потока пришлого населения из европейской части России – служилых людей, казаков, промышленников, купцов. Но это не меняло ситуации в принципе – этап военного присоединения огромных сибирских территорий продолжался. Русские продвигались

вглубь пустынных земель. В 1622 г. все население гигантского края насчитывало, по приблизительной экспертной оценке, 196 тыс. душ обоего пола, из которых пришлое население составляло 23 тысячи человек [3].

Новоявленные сибиряки, решавшие военные задачи и занимавшиеся в основном сбором ясака, поисками пушнины, залежей полезных ископаемых, испытывали сильные затруднения с продовольствием. В сущности, зимой и весной, когда кончались запасы хлеба, они балансировали на грани голода. Хлеб приходилось завозить из России, что было чрезвычайно дорого и отнимало много времени. Чтобы обеспечить себя продовольствием, первопоселенцы были вынуждены откладывать оружие и браться за плуг – по собственной инициативе распахать землю, заводить скот, осваивать сенокосы. Процесс изначально медленного и по сути стихийного аграрного освоения земель «за Камнем» усиливался по мере нарастания потока беглых русских крестьян, выталкиваемых на восток скудостью жизни и жестокостями феодальной эксплуатации крепостных.

Вскоре меры по переселению части крестьян на восток стало принимать и правительство, по достоинству оценившее богатство присоединенных территорий и заинтересованное отныне не только в захвате, но и в удержании новых земель. Прочно закрепить новые территории за российской короной можно было только путем их хозяйственного освоения и заселения. За Уралом возникают первые деревни, села и заимки. Их главное принципиальное отличие от острогов – наличие постоянного, оседлого населения. Только с появлением в Сибири крестьян-земледельцев, поднимавших нетронутую человеком целину, начинается заселение края в полном смысле этого слова.

Численность крестьянского населения Сибири быстро увеличивалась. В 1697 г. в Сибири насчитывалось свыше 11 тыс. крестьянских дворов с населением около 27 тыс. человек мужского пола [4]. Учитывая, что женщин в Сибири

на ранних этапах заселения было меньше, чем мужчин, можно оценить численность всего крестьянского населения за Уралом приблизительно в 40–45 тыс. человек. К концу XVII столетия в Сибири сложились четыре земледельческих района, из них два – Тобольский и Томско-Кузнецкий – располагались в западных ее районах. Еще два крупных земледельческих района, Красноярский и Илимско-Ленско-Ангарский, сформировались в Восточной Сибири. По сведениям Я. Е. Водарского, к 1719 г. численность государственных крестьян в земледельческих районах Сибири достигло 180 тыс. человек [5].

Больше всего государственных крестьян было сосредоточено в расположенной непосредственно за Уральским хребтом Тобольской губернии. Здесь в 1719 г. их насчитывалось 125 тыс. человек. В Томской губернии (Томско-Кузнецкий и Красноярский земледельческие районы) проживало 30 тыс. государственных крестьян. В Иркутской губернии (Илимско-Ленско-Ангарский земледельческий район) насчитывалось 25 тыс. крестьян [5]. Помимо этого, в 1719 г. в Сибири проживали 8 тыс. помещичьих крестьян и 16 тыс. крестьян духовенства [5]. Таким образом, в середине – конце XVII столетия в демографической истории Сибири обнаруживаются принципиально новые черты: явственно обозначается поворот от военного захвата территории к аграрному освоению, а следовательно, и полноценному заселению восточных земель.

Меняется и направление миграций. Переселенцы отныне устремляются не только на север, богатый пушниной, но и на юг, пригодный для пашенного земледелия. О повороте миграционных потоков и изменении самого характера заселения края свидетельствует появление городов в южных районах Сибири, таких как Кузнецк (1608 г.), Ялуторовск (1639 г.), Тюкалинск (1664 г.), Ишим (1670 г.). Эти города выполняли более сложные функции, чем остроги. Они не только являлись военными форпостами и административными центрами, но и играли первоначально не очень заметную, однако неуклонно растущую роль земледельческих, торговых и ремесленных центров. Соответственно

увеличивалась и численность посадского населения, постоянно проживающего в городах. Как считает Я. Е. Водарский, количество посадских людей в Сибири за 1701–1719 гг. выросло с 13 тыс. до 25 тыс. человек [5].

Темпы роста численности русского населения нарастали по мере открытия в Сибири залежей рудных ископаемых – золота, серебра, меди. Российская корона, заинтересованная в притоке богатств из Сибири, способствовала или, во всяком случае, не препятствовала перемещению части населения в восточном направлении. По оценке В. В. Покшишевского, к началу XVIII в. (1709 г.) численность русского населения Сибири достигла 229 тыс. человек [6. С. 72].

Появление в Сибири постоянного населения положило начало процессу собственного воспроизводства. Отныне численность сибиряков увеличивалась не только путем притока мигрантов, но и за счет естественного прироста. Неизбежно высокая по условиям жизни тех лет смертность компенсировалась ничем не ограниченной рождаемостью.

Можно, однако, предположить, что уровень рождаемости в Сибири был ниже, чем в освоенных районах Европейской России. В данном случае негативную роль играл структурный фактор. Сибирь, как, впрочем, и любая колонизируемая территория, испытывала острый дефицит невест. Численность женщин репродуктивного возраста была явно недостаточной. Смертность населения Сибири в силу суровых природных условий региона была, по-видимому, выше, чем в освоенных районах. Поэтому естественный прирост населения Сибири увеличился, но не настолько, чтобы заменить приток населения извне. Миграционный прирост оставался, как и прежде, главным источником роста населения.

К первой половине XVIII столетия относится появление новых относительно точных источников сведений о динамике населения России, в том числе и ее окраин. По распоряжению Петра I с 1719 г. в Российской империи проводились так называемые ревизии. Они не могли дать достоверных сведений о насе-

лении в силу изначально ущербной методики сбора данных. Главной целью ревизий было не определение количества и состава населения, а персональный учет налогоплательщиков. Поэтому ревизии охватывали главным образом податные сословия (крестьян, мещан, купцов) и лишь частично неподатные – духовенство, ямщиков, отставных солдат. Соответственно, значительная часть населения оказывалась «за бортом» ревизского учета. На качество ревизий накладывали отпечаток и злоупотребления чиновников, что нашло отражение в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Кроме того, некоторые ревизии не регистрировали женщин. Однако несмотря на присущие этому способу учета недостатки, в XVIII – первой половине XIX в. он являлся, по сути, единственным, а в силу этого чрезвычайно ценным источником о численности населения Сибири. Всего в России было организовано 10 ревизий: первая – в 1719 г., последняя – в 1857 г.

В XVIII столетии (с 1719 по 1795 г.) численность населения Сибири более чем удвоилась. В самом конце XVIII в. Сибирь достигла чрезвычайно важного рубежа в своей демографической истории. Пятая ревизия (1795 г.) зафиксировала в регионе почти 600 тыс. жителей. Но с поправками на погрешности ревизского учета и недоучет представителей неподатных сословий и женщин, а также автохтонных народов сибирское население перевалило, по-видимому, за миллион. В Сибири насчитывалось приблизительно 1200 тыс. душ обоего пола [6. С. 183–184].

Тем не менее, Сибирь оставалась регионом России с крайне редким населением и являла собой, как и прежде, пустынную территорию. По оценке известного русского историка П. Н. Милюкова, в 1724 г. на одну квадратную версту в Сибирской губернии приходилось менее 2 жителей. Для сравнения укажем, что в Московской губернии, к примеру, плотность населения была по меньшей мере в 15 раз выше. Здесь на одну квадратную версту приходилось 29 человек [7]. Малочисленное население Сибири, по данным V ревизии, составляло

по отношению к населению России всего 4 % [4. С. 184].

Российская корона, заинтересованная в освоении огромных природных богатств Северной Азии и закреплении за собой новых территорий, начиная с конца XVIII – начала XIX в. предпринимает все более энергичные усилия по заселению пустынных земель. Растущее значение политического фактора и главным образом появление достаточно сильных конкурентов, претендовавших на «новые» территории, значительно стимулировало деятельность русского правительства. Стимулами российской контрэкспансии были внеэкономические соображения: опередить Китай, объявить о вхождении новых территорий в состав России. В итоге стихийное народное переселение было дополнено целенаправленной государственной колонизацией.

Правительственные переселения, подчас носившие принудительный характер, охватывали отставных солдат, крепостных крестьян, отданных помещиками в счет рекрутов, уголовных преступников. Однако правительственная переселенческая политика оказалась малоэффективной. Бюрократический аппарат империи работал очень медленно, а помещикам как основным держателям трудовых ресурсов было экономически невыгодно отпускать крестьян, составлявших основу дешевой рабочей силы имений. Поэтому главный поток переселенцев на восток, как и прежде, составляли беглые крепостные крестьяне.

Сибирь вступила в XIX столетие под знаком устойчивого демографического роста, что подтверждается быстрым увеличением численности ее населения. В 1820 г. в регионе насчитывалось 1694 тыс. жителей. К 1852 г. численность населения увеличилась до 2712 тыс. человек [4. С. 363]. Таким образом, в первой половине XIX столетия число сибиряков выросло в 1,6 раза.

Население по территории Сибири распределялось крайне неравномерно. Основная его масса сосредоточивалась в Западной Сибири. Здесь, как в районе, пригодном для пашенного земледелия и относительно близком к Евро-

пейской России и Уралу, оседала на свободных землях большая часть переселенцев-крестьян. Географически население расселялось узкой полосой вдоль рек и трактов, главным образом от Тюмени к Томску. Об огромном воздействии Московского тракта на характер расселения населения, особенно городского, в начале XIX в. говорит тот факт, что в 1823 г. удельный вес жителей городов, лежащих вдоль тракта, составлял в Тобольской губернии 87 %, Томской – 86 % [8]. Вместе с тем в Западной Сибири сформировался крупный расселенческий «выступ» в богатый сельскохозяйственными угодьями и полезными ископаемыми Алтай.

Подавляющее большинство сибиряков проживало в сельской местности. Да и сами сибирские города являли собой населенные пункты, жизнь в которых мало отличалась от жизни в деревне. Значительная часть «горожан» вела вполне сельский образ жизни и занималась земледелием. Города Сибири были города-

ми больше по названию, чем по реальной роли в жизни страны. Часто по сути они представляли собой сельские населенные пункты, получившие городской статус из-за нескольких проживавших в них государственных чиновников, олицетворявших верховную власть.

Города немногим отличались от сельских населенных пунктов и по своим размерам. По данным Статистического отделения Совета МВД Российской империи, в 1840 г. самый крупный город Западной Сибири, Тобольск, насчитывал около 16 тыс. жителей, а второй по величине Томск – 12 тыс. [9. С. 14, 48]. Население Омска не превышало 11 тыс. человек, Барнаула и Тюмени – 10 тыс. человек [9. С. 48, 49]. Среди сибирских так называемых городов было немало населенных пунктов, в которых насчитывалось не более 2–3 тыс. человек. В этом смысле говорить об урбанизации Сибири в XVIII и первой половине XIX в. не приходится из-за отсутствия явления как такового.

Источники и литература

1. Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. – Новосибирск, 1991. – С. 106.
2. Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск, 1989. – С. 239, 243, 271.
3. Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, БГ. – Ст. 686.
4. История Сибири. Т. 2. – Ленинград, 1968. – С. 65.
5. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). – М., 1973. – С. 50–51.
6. Покшишевский В. В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). – Иркутск, 1951.
7. Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры. – СПб., 1904. – С. 31.
8. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт как основная сухопутная транспортная коммуникация Сибири XVIII–XIX вв. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – С. 331.
9. Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные в Статистическом отделении Совета министерства внутренних дел. – СПб., 1840.

Копылов И. В., Хоменко Д. Ю.

«УГРОЗАМИ, ГОЛОДОМ, ХОЛОДОМ... ДОБИВАЮТСЯ СОГЛАСИЯ НЕВЕСТЫ»: СВЯЩЕННИКИ-МИССИОНЕРЫ О МАТРИМОНИАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ХАКАСОВ В КОНЦЕ XIX в.

Аннотация. Статья посвящена вопросам матримониального поведения хакасов в конце XIX в. В качестве источниковой базы выступают материалы священников-миссионеров и перепись населения 1897 г. Сделан вывод о модернизации матримониального поведения хакасов под воздействием изменений в экономическом укладе и русского окружения: влияние родительской семьи, обычаев и традиций слабло.

Ключевые слова: матримониальное поведение, хакасы, модернизация, брак, семья, Енисейская губерния.

Одной из целей государственной национальной политики в современной России является сохранение и развитие этнокультурного многообразия народов [9]. Основной проблемой на пути ее реализации являются трудности при передаче социокультурного опыта следующему поколению в процессе социализации. Происходит это из-за современного состояния агентов первичной социализации, прежде всего семьи. В ходе трансформации она приобретает новые и утрачивает традиционные функции, а также теряет устойчивость, о чем свидетельствуют высокие показатели разводимости. В сочетании с культурным аспектом глобализации это ставит под угрозу сохранение этнической самоидентификации коренных народов Сибири, в частности, хакасов.

Изменения в институте семьи и связанных с ним общественных отношениях сибирских народов произошли не одновременно: модернизация началась с активного взаимодействия с пришлым русским населением и ускорилась с проникновением капиталистических отношений. А поскольку развитие общественных институтов – достаточно инертный процесс, его современная конфигурация во многом обусловлена историческими условиями ушедших эпох. В связи с этим данная статья посвящена анали-

зу норм матримониального поведения хакасов в конце XIX в. с целью выявления в них нового и архаичного, способствующего заключению и поддержанию браков и этому препятствующего, что в дальнейшем позволит оценить и сегодняшние модели брачного поведения.

На данный момент существуют значимые теоретико-методологические наработки в изучении модернизации института семьи. Общие тенденции демографической модернизации этого института в дореволюционной России затронуты в фундаментальном труде А. Г. Вишневого [1. С. 45–61]. Более подробно вопросы брачного поведения населения Сибири рассматривал В. А. Зверев [2. С. 125–139]. Матримониальное поведение хакасов, как и других коренных народов Сибири, исследовано во многих этнографических работах. Однако это рассмотрение сводилось, как правило, к обрядовой стороне.

Необходимо отметить, что матримониальное поведение и его эволюция в данной статье рассматриваются через призму теории модернизации: изменения в семье оцениваются с позиций ее перехода в современное состояние и эволюции, а не распада и гибели [подробнее о современной дискуссии в оценках института семьи: 5. С. 8–18].

Источниковая база статьи представлена материалами священников-миссионеров (отчеты, рапорты), которые сохранились в фонде Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества (основан в 1871 г.) Государственного архива Красноярского края. Кроме архивных источников, использованы материалы, опубликованные в газете «Енисейские епархиальные ведомости». Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. использованы в качестве источника статистической информации.

В дореволюционной документации коренное население Ачинского и Минусинского округов именовалось как «минусинские и ачинские инородцы». В материалах Первой всеобщей переписи выделена языковая группа енисейских тюрков. В рамках данной статьи используется термин хакасы как собирательное наименование коренного населения юга Енисейской губернии.

На момент переписи населения 1897 г. в Енисейской губернии проживало 37,1 тыс. хакасов (в Ачинском округе – 7,6 тыс., в Минусинском – 29,5 тыс.). На долю мужского населения приходилось 50,5 % хакасов, женского – 49,5 % [рассчитано по: 8. С. 54].

Хакасы были молодым этносом: на долю пожилых людей (старше 60 лет) приходилось

6,6 % всего населения. Среди мужчин людей старшего возраста было 6,4 %, среди женщин – 6,7 %. При этом на долю лиц младше 20 лет приходилось 47,2 % всего населения. Исходя из этого соотношения можно констатировать, что в конце XIX в. возрастная структура хакасов являлась прогрессивной.

Демографическая структура хакасов в репродуктивных возрастах была достаточно сбалансирована: на 1000 женщин в возрасте 10–19 лет приходилось 1037 мужчин, 20–29 лет – 987, 30–39 лет – 1025, 40–49 лет – 964 [рассчитано по: 8. С. 74–77]. Практически все женщины имели потенциальную возможность найти мужа среди представителей своего этноса.

Несмотря на достаточно благоприятный для всеобщей брачности баланс полов, для хакасов был характерен сравнительно высокий процент холостых мужчин и незамужних женщин (табл. 1). Очевидно, что их значимая доля приходилась на несовершеннолетних, но и среди людей старше 20 лет женаты были не более 73,8 % мужчин, а замужем – не более 76,9 % женщин [рассчитано по: табл. 1; 8. С. 74–77]. Таким образом, можно констатировать наличие определенных препятствий для всеобщей брачности, имеющих социальный, а не демографический характер.

Таблица 1. Распределение енисейских тюрков по семейному положению*, %

	Всего	Холостые и девицы	Состоящие в браке	Вдовы
Мужчины	100,0	58,8	36,3	4,8
Женщины	100,0	54,1	38,3	7,6

* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73. Енисейская губерния. – СПб., 1904. – С. 98.

Одной из наиболее очевидных преград для заключения брака среди молодежи являлся калым, который можно однозначно воспринимать как пережиток традиционного общества. Так, в отчете по Маковской Покровской церкви (датируется примерно 1890-ми гг.) напрямую указано, что «браков бывает очень мало и не каждый год... обычай платить калым заставляет иногда откладывать вступление в брак» [10]. В отчете Енисейского епархиального комитета за 1882 г. «взятие калыма» указано как «часто разоряющее

новобрачных и отдающее в кабалу к богатым» [11]. Священник Божье-Озерской Введенской церкви Ачинского округа связывал бедность многих хакасов с необходимостью уплачивать калым и указывал даже, что «калым простирается иногда и на все имущество за украденную дочь» [12].

Кроме сохранения калыма, для матримониального поведения хакасов конца XIX в. был характерен обычай похищения невесты. Согласно описаниям священников, специально отобранные знакомые жениха под видом случайных

путников останавливались на ночлег в жилище предполагаемой невесты и в удобный момент совершали похищение. По обычаю родители поднимали шум и начинали преследование. «Иногда преследователи настигают похитителей, и при этом начинается страшное побоище: бьют куда попало, палками, оглоблями, камнями» [6].

После того как невеста привозилась в дом семьи жениха, необходимо было получить ее согласие на брак. После этого начиналось пиршество, размах которого зависел от благосостояния родителей жениха. Во время праздника приезжали родители невесты, которым выплачивался калым, после чего между родителями брачующихся заключалась мировая, в ходе которой отец невесты плетью бил отца жениха, причем «от такого родственного угощения нежные родители иногда хворают по нескольку дней» [6]. Доставалось и жениху: «молодые идут для мировой к тестю, при встрече который дает зятю три удара в спину плетью или прутом» [13].

Священники в своей документации указывали на следующие причины сохранения обряда похищения невесты. С одной стороны, церковный брак рассматривался хакасами как законный и нерасторжимый. Они считали «нужным несколько времени пожить с женой, не венчавшись, чтобы ближе познакомиться с нею, узнать ее характер... потом уже закрепить супружеский союз благословением церкви» [3. С. 366]. Кроме того, «заключенные таким степным обычаем браки не имеют у инородцев обязательной силы и могут в любое время расторгнуться по желанию той или другой стороны» [7. С. 156]. С другой стороны, похищение невесты позволяло торговаться с ее семьей о снижении калыма [14].

Священники отмечали, что часто похищение производилось по обоюдному согласию будущих жениха и невесты. В отчете священника Петровской Чебаковской церкви (датирован январем 1893 г.), в частности, указано, что будущий жених подкарауливал «свою невесту... приглашает ее на сожителство с собой, и если она соглашается на предложение, то она снимает с себя крест и подает его жениху» [15]. И уже после этого происходило похищение. Можно предположить, что такое похищение было, в том числе, способом повлиять на волю родителей невесты, поставив их перед

свершившимся фактом. Таким образом, обряд похищения, совершенный по обоюдному согласию, может служить показателем повышения самостоятельности женщины при выборе партнера. Впрочем, не стоит ее переоценивать: в некоторых случаях согласие невесты добывали силой: «угрозами, голодом, холодом... добиваются согласия невесты» [4. С. 12].

Обычай похищения невесты в рассматриваемый период в отдельных случаях выступал в качестве специфической формы модернизации матримониального поведения: при его помощи молодежь стремилась перейти к сожителству без заключения брака или ослабить влияние родительской семьи.

К сказанному следует добавить, что хакасская женщина не обладала существенным набором каких-либо социально-экономических прав, что было обусловлено ее местом в общественном разделении труда и социальной иерархии. Всего 7,8 % женщин проживало самостоятельно (среди женщин старше 20 лет – не более 15,6 %), а не в составе семьи [рассчитано по: 8. С. 74–77, 120]. В основном они работали в качестве прислуги, изготавливали одежду, занимались земледелием и скотоводством. Из женщин, проживающих в семье, 40,7 % занимались земледелием, 50,0 % – скотоводством, где они играли явно вспомогательную роль и не могли рассчитывать на какую-либо экономическую самостоятельность [8. С. 120].

Важным фактором, менявшим матримониальное поведение хакасов в конце XIX в., было влияние русского населения. Священники отмечали, что обряды похищения невесты и выплаты калыма сохранялись в среде хакасов, живших в улусах, в окружении своих соплеменников. Проживавшие в русских селах и деревнях «инородцы» «сватают невест так же, как делается и у русских, а потом обыкновенно тотчас же венчаются в церкви» [3. С. 366].

Таким образом, можно констатировать, что матримониальное поведение хакасов на рубеже XIX–XX вв. модернизировалось. Модернизации подвергались не только модели брачного поведения, но и сами брачные обычаи, когда сохранялась архаичная форма, которую наполняло «современное» содержание.

Источники и литература

1. Вишневецкий А. Г. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневецкого. – М.: Новое изд-во, 1982. – 608 с.
2. Зверев В. А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – 278 с.
3. Извлечения из отчета о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1892 г. // Енисейские епархиальные ведомости (ЕЕВ). – 1893. – № 24. – С. 357–369.
4. Извлечение из отчета о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1892 г. // ЕЕВ. – 1894. – № 1. – С. 8–20.
5. Михеева А. Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.
6. Орфеев Н. Брачные обычаи инородцев Минусинского округа // ЕЕВ. – 1885. – № 23.
7. Отчет Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1899 г. // ЕЕВ. – 1900. – № 6. – С. 147–158.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73. Енисейская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1904. – 185 с.
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70284810/#friends>.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 667. Оп. 1. Д. 44. Л. 46 об.
11. ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 22. Л. 7 – 7 об.
12. Там же. Ф. 667. Оп. 1. Д. 27. Л. 17.
13. Там же. Ф. 677. Оп. 1. Д. 44. Л. 36.
14. Там же. Ф. 667. Оп. 1. Д. 44. Л. 32.
15. Там же. Ф. 667. Оп. 1. Д. 44. Л. 12.

УДК 94(571.1/.5).082/083:[27-725:37]

Мамышева Е. П.

МИНУСИНСКИЕ ИНОРОДЦЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ - ВЫПУСКНИКИ КРАСНОЯРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ И БИЙСКОГО КАТЕХИЗАТОРСКОГО УЧИЛИЩА (конец XIX в. - 1920-е гг.): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье раскрывается актуальность исследования жизнедеятельности минусинских инородцев Енисейской губернии – выпускников Красноярской духовной семинарии, Бийского катехизаторского училища в конце XIX в. – 1920-е гг. Автор анализирует степень изученности проблемы, определяет ее важнейшие теоретические аспекты.

Ключевые слова: инородцы, духовная семинария, катехизаторское училище, выпускники, просвещение, деятельность.

Социально-экономические и политические преобразования в Хакасии в 1920–1930-е гг. проходили при участии представителей молодой национальной интеллигенции. Они оставили свой след в истории: благодаря их энергии функционировали общественные институты, происходили исторические изменения. Осмысление биографий участников исторического процесса на рубеже XIX–XX вв. и в советское время, их сущностного и личностного контекста способствует пониманию происходивших в то время перемен. Кроме того, необходимость обращения к данной проблеме связана с существующим социальным заказом, идущим от преподавателей региональной истории и хакасского языка, которые встречаются с отсутствием биографических сведений об участниках культурного и языкового строительства.

Новые тенденции в развитии современной российской историографии, связанные со вниманием к человеческому измерению истории, с воссозданием индивидуальных (персональных) историй, нашли отражение и в трудах региональных исследователей. В заданном русле были проведены исследования А. П. Шекшеева [10], Н. С. Майнагашевой [5]. Данная проблема явилась ключевой и в коллективной монографии

«Человек и его время в истории Хакасии и сопредельных территорий» [9]. Автором представленной статьи также были предприняты попытки возвращения в региональную историю имен представителей молодой хакасской интеллигенции [6]. Некоторые из них оказались выпускниками таких религиозных учебных заведений, как Красноярская духовная семинария и Бийское катехизаторское училище (С. Д. Майнагашев, К. К. Самрин, А. М. Топанов, А. Т. Казанакон).

На современном этапе историографического освоения темы представляется актуальным проведение научного исследования, позволяющего установить количественный состав выпускников названных учреждений из инородческой среды, раскрыть специфику обучения в религиозных учебных заведениях, выявить их роль в формировании инородческой интеллигенции. Сегодня существует настоятельная необходимость ликвидировать пробелы в биографиях выпускников, которые пошли по пути просвещения или же по пути участия в политической жизни страны. В то же время остро стоит вопрос о восстановлении жизнедеятельности тех выпускников, которые избрали иной путь – путь служения Богу, чьи имена в советской исторической традиции были преданы забвению.

Полнота исследования жизнедеятельности выпускников религиозных учебных заведений возможна только через погружение в исторический контекст. В этой связи необходимо обращение к анализу литературы, посвященной историческому опыту включения сибирских инородцев в орбиту государственных интересов России, роли просвещения в этом процессе. Особенно содержательна историографическая традиция, посвященная истории управления народов Сибири, эволюции политико-правового статуса сибирских народов в Российской империи. Весомый вклад в изучение данного вопроса внесли Л. М. Дамешек [4], А. В. Ремнев [7], И. Л. Дамешек [3], Д. Н. Гергилев [2].

Важное значение для исследования данной проблемы имеет анализ литературы, посвященной конфессиональной политике Российского государства в Сибири, которая являлась частью царской политики в среде сибирских инородцев. Распространение православия в аборигенной среде рассматривалось как часть интеграционного процесса и имело к тому же социокультурные цели. Исследование проблемы предполагает освещение миссионерской деятельности РПЦ: в Сибири стали открываться отделения открытого в Москве в 1870 г. Всероссийского православного миссионерского общества. Значительный вклад в изучение православной миссии в среде минусинских инородцев (хакасов) внесла В. Н. Асочакова [1]. Среди трудов современных исследователей об отдельных аспектах деятельности РПЦ в Сибири следует отметить работы В. В. Хориной [8].

Определения и отдельного анализа требуют каналы, по которым было обеспечено поступление выходцев из инородческой среды в названные религиозные учебные заведения: социальный статус их семей, участие и ходатайства органов местного самоуправления минусинских инородцев – инородных управ, а после их упразднения в 1911 г. – органов волостного управления. Кроме того, необходимо проанализировать процесс адаптации учащихся к совершенно новой иноязычной среде, к непривычным социально-бытовым условиям, образовательным программам. На наш взгляд, возможность выявления количественного состава минусинских инородцев (хака-

сов с 1917 г.) Енисейской губернии, прошедших обучение в православных религиозных учреждениях, может быть обеспечена посредством изучения их личных дел, хранящихся в фондах Красноярской духовной семинарии (Государственный архив Красноярского края) и Бийского катехизаторского училища (Государственный архив Алтайского края). Обучение сибирских инородцев в религиозных учебных заведениях явилось важной составляющей наступления православия на традиционные верования инородцев Сибири. В то же время в среде инородцев Сибири сформировалось положительное отношение к возможности получения образования, поэтому важно рассмотреть степень участия органов местного самоуправления – инородных управ в жизни учащихся, объем материальной и моральной помощи, оказываемой им.

Безусловно, анализ исторических судеб выходцев из инородческой среды, окончивших на рубеже веков религиозные учебные заведения, необходим для определения степени участия этих инородческих кадров сначала в интеграционных процессах, которыми была охвачена сибирская провинция в царское время, а затем в политическом, социально-экономическом и культурном преобразовании в советской Хакасии.

Таким образом, данная проблема ждет своего исследователя, поскольку изучение жизненной канвы выпускников православных учебных заведений позволит шире охватить такие ее аспекты, как интеграция минусинских инородцев в Российское государство, участие органов самоуправления (инородных управ), органов волостного управления в деле просвещения своих соплеменников. Постановка данной проблемы и ее комплексное исследование позволят дополнить отечественную литературу рядом положений и выводов о целях и задачах конфессиональной политики государства, миссионерской деятельности Русской православной церкви, о социальном статусе семей, из которых вышли будущие выпускники, о процессах адаптации учащихся к городским условиям, о мотивах, по которым отдельные выпускники отказались от карьеры священнослужителей, о роли религиозных учебных заведений в просвещении инородцев Сибири.

Источники и литература

1. Асочакова В. Н. Миссионерская деятельность РПЦ в Хакасско-Минусинском крае. – Изд-во LAP LAMBERT Akademik Publishsing & Co. KG Dudweiler Landstr / Saarbrucker, 2012. – 240 с.
2. Гергилев Д. Н. Пути решения проблем административно-территориального устройства России в начале XX в. (на примере Сибири) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 76-80; Гергилев Д. Н. Особенности административно-территориальной политики в первые годы советской власти // Право и образование. – 2018. – № 5. – С. 131–136.
3. Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX в.). – Иркутск, 2005. – 264 с.
4. Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти XVIII – нач. XX в. – Иркутск, 2007. – 320 с.; Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.) Изд. второе, испр. и доп. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2018. – 416 с.
5. Майнагашева Н. С. Жизнь и творчество Александра Михайловича Топанова. – Абакан, 2013. – 203 с.
6. Мамышева Е. П. С. Д. Майнагашев (1886–1920 гг.) – общественный деятель и ученый // Интеллигенция в процессе поиска России будущего: матер. междунар. науч. конф. Ч. III. – Улан-Удэ: Изд-во БурГУ, 2003. – С. 127–130; Мамышева Е. П. К. К. Самрин: человек, просветитель, государственный деятель // Историко-культурное наследие Хакасии: матер. междунар. науч. конф., посвященной 85-летию со дня рождения д-ра исторических наук, археолога Я. И. Сунчугашева, Абакан, 20–21 октября 2011 г. – Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2011. – С. 63–70; Мамышева Е. П. А. Т. Казанак (1886–1950) (к 130-летию юбилею): матер. III междунар. науч. конф., посвященной 155-летию со дня рождения И. М. Штыгашева. – Абакан, 2016. – С. 167–170.
7. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX – начале XX в. – Омск, 1997. – 253 с.
8. Хорина В. В. Научные занятия духовенства Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://sociosphera.com/conference/2012/>.
9. Человек и его время в истории Хакасии и сопредельных территорий / Н. Н. Медведева [и др.]. – Абакан, 2013. – 118 с.
10. Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. – Абакан, 2006. – 593 с.

УДК 94: 355.271.2(571.1/.5)«16/17»

Тарасов М. Г.

БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ В ЗАЩИТЕ ЮЖНЫХ ГРАНИЦ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

Аннотация. В работе изучается участие беломестного казачества в защите южных границ Западной Сибири от южных кочевников: ойратов, казахов, сибирских татар, башкир в XVII – начале XVIII в. Также в статье анализируются причины, условия и процесс формирования на территории Западной Сибири этой сословной группы. Помимо этого уделяется внимание участию беломестного казачества в формировании Сибирской укрепленной линии.

Ключевые слова: беломестные казаки, джунгары, ойраты, Сибирь, граница, колонизация.

Завоевание Сибири, так же как и защиту ее границ, невозможно представить без казачества. Составной частью казачества Сибири в XVII–XVIII вв. были беломестные казаки – особая категория служилых людей, получавших вместо уплаты жалования обеленные, то есть освобожденные от уплаты податей земельные наделы. В настоящей работе предпринимается попытка изучить роль этой категории служилого населения в обороне южных границ Западной Сибири, для чего определяются причины и условия появления беломестных казаков в регионе, прослеживается динамика их численности и характер службы.

На юге Западной Сибири беломестные казаки появились в 1630–1640-х гг. [6. С. 310]. Строительство в 1620–1640-х гг. на юге Верхотурского и Туринского уездов слобод, населенных крестьянами, главной задачей имело снабжение Сибири хлебом. Однако уже в 1630-х гг. усилившаяся военная угроза со стороны степи заставила правительство начать здесь строительство острогов. Гарнизоны сибирских городов не могли дать необходимого числа годовальщиков (служилых людей, направляемых на временную службу) для новых укреплений по причине своей немногочисленности [6. С. 311]. Выход был найден в привлечении на постоянное поселение в остроги крестьян и беломестных казаков [4. С. 131].

В данном случае имели место два взаимозависимых процесса. Рост русских поселений в южных районах Западной Сибири требовал дополнительных мер по их защите от кочевников, в то же время рост численности русского населения в регионе давал возможность рекрутировать из его состава служилых людей. На пересечении этих двух процессов и возникло беломестное казачество Сибири.

Внешнеполитическим фактором, способствующим возникновению беломестного казачества в Западной Сибири, стало появление здесь в 1620-е гг. ойратов. Разгромив и оттеснив ногаев на запад, за Волгу, ойраты стремились установить контроль над степными районами Западной Сибири.

В то же время сами ойраты, испытывая давление с юга от казахов, с востока – от государства Алтын-ханов и с запада – от ногаев, вынужденно смещались на север, к русским владениям в Западной Сибири [10. С. 105]. С 1620-х гг. ойраты проникают на юг Тюменского уезда, уничтожая или забирая под свой контроль тюркское население, признававшее власть России и платившее ясак [5. С. 395]. Неспособность русской власти защитить местных тюрок юга и в то же время стремление собирать с них полный ясак привели в 1628 г. к их восстанию, признанию власти кучумовичей и союзу с ойратами. Восставшими и ойратами

были разорены несколько русских острогов, в частности, Барабинский в 1628 г. и Мурзин городок в 1629 г. [6. С. 77–78].

В 1633 г. русский отряд под началом Ивана Черникова, преследуя кучумовичей, разгромил ойратских тайшей Иркитена и Тепшегина. С этого момента конфликт русских и ойратов перешел в стадию вооруженного противостояния [6. С. 88]. В том же году русский отряд был блокирован ойратами и тюрками-перебежчиками на Ямыш-озере и с трудом смог спастись. Тогда же джунгарский тайша Кула разграбил Барабинскую волость [5. С. 532]. Соединение кучумовичей и ойратов в противостоянии русским в Сибири и присоединение к кочевникам сибирских тюрков, ранее признавших власть России, представляли серьезную опасность. Фактически к середине 1630-х гг. вся округа русских острогов Западной Сибири – Тарского, Тюменского, Тобольского уездов – была разорена, а местное население угнано в степь, уничтожено или находилось под угрозой набегов [13. С. 27].

Все это привело к строительству русских острогов по рекам Тобол и Ишим, для гарнизонов которых и понадобились служилые люди. Таким образом, беломестные казаки изначально формировались как своего рода ополчение сибирских русских территорий. Необходимость защиты границ России в Западной Сибири, отсутствие нужного числа служилых людей заставляли правительство верстать в казаки бродячих людей и крестьян, а отсутствие денег – расплачиваться со вновь набранными казаками «обелением» их земельных наделов. Помимо «обеления» надела, беломестные казаки могли получать и жалование. Так, в 1634 г. в Нижней Ницынской слободе по царской грамоте следовало набрать 10 конных и 10 пеших беломестных казаков, которым полагался денежный оклад: конным казакам – четыре рубля с четью и земельный надел в 12 десятин. Пешие беломестные казаки служили только за хлебное жалование. На этих условиях здесь было набрано 10 человек в 1634 и еще 10 – в 1640 г. [7. Л. 85]. В 1634 г. были набраны 10 конных беломестных казаков и в Верхней Ницынской

слободе с денежной оплатой [5. С. 312]. Лишь с начала XVIII в. казаки Верхотурского уезда несли службу только с пашни [6. С. 320].

В 1635 г. беломестные казаки появились в Невьянской слободе – 17 человек и в Новой Ницынской слободе – 30 человек [7. Л. 86]. В 1642 г. в Чубаровской Верхней и Нижней Ницынской слободах служило по 10 конных беломестных казаков [2. С. 54]. В том же 1642 г. воевода Верхотурского уезда приказал набрать в Невьянской, Тагильской, Ницынской и Ирбитской слободах Верхотурского уезда беломестных казаков из числа гулящих людей и пашенных крестьян общим числом 145 человек – 85 конных и 60 пеших [8. Л. 192].

В Ирбитской слободе в 1645 г. служило 25 беломестных казаков, в 1647 г. в Невьянской слободе было 10 конных и 4 пеших казака, в Новой Ницынской слободе – 14 конных и 9 пеших, в Ирбитской слободе – 5 конных и 11 пеших. В 1646 г. в Армашевской слободе было 16 беломестных казаков, но в том же 1646 г. и в следующем 1647 г. было набрано еще 29 конных казаков [8. Л. 27]. В 1647 г. в пяти слободах Верхотурского уезда насчитывалось 82 беломестных казака. В 1653 г. их число выросло до 113, однако это был максимум. В 1660 г. число беломестных казаков в уезде сокращается до 93, в 1670 г. растет до 100 в восьми слободах, но в 1678 г. падает до 52 [8. Л. 363].

Необходимо отметить, что беломестные казаки нередко возвращались самостоятельно в крестьянское состояние – «выбывали в пашню» [6. С. 315–316]. Это говорит об их крестьянском происхождении и сохранившемся крестьянском менталитете.

Беломестные казаки сыграли заметную роль в колонизации южных районов Сибири [6. С. 315]. В 1650-х гг. русские население занимает земли по берегам р. Исеть. Первыми поселениями здесь были остроги, заселенные служилыми людьми, переведенными сюда из старых сибирских острогов. В 1650 г. верхотурскими служилыми людьми был населен Исетский острог, в 1655 г. – Катайский острог. Уже в 1657 г. в Катайский острог были переведены 30 беломестных казаков с семьями [6. С. 315].

Следует отметить, что беломестные казаки были слабо организованы. Они не имели собственных органов управления, а их властная иерархия ограничивалась одним лицом – атаманом слободы или острога. Подчинялись казаки непосредственно слободскому приказчику или воеводе. Следствием низкой организации беломестных казаков стала невозможность ведения ими скоординированных действий. В результате в ходе восстания башкир в 1662–1667 гг. восставшие нанесли значительный урон казачьим гарнизонам южных районов Западной Сибири, в частности, уничтожили 30 беломестных казаков Катайского острога [9. Л. 91]. Для пополнения состава гарнизонов тобольский воевода набрал добровольцев. Только за один день – 7 мая 1667 г. – в Шадринской слободе в казаки записались 9 человек. Всего же в приисетских острогах на 1667 г. было 160 беломестных казаков [14. С. 25].

В 1668 г. в острогах на реках Ишим и Вагай – Ишимском, Каурдацком, Тебендинском острожках Тарского уезда и Атбашском и Тарханском острожках Тобольского уезда, защищавших русские владения от джунгар, годовальщиков сменили специально для этого набранные беломестные казаки в числе 100 человек. Позднее, однако, в связи с многочисленными челобитными местных татар, недовольных поселением казаков с семьями в ясашных землях, в эти остроги вновь перевели годовальщиков. Исключением стал Атбашский острог. Здесь набранные в 1668 г. 28 беломестных казаков продолжили службу [6. С. 317–318].

1 июня 1671 г. был издан указ, запрещавший верстать крестьян в казаки. Значительное количество беломестных казаков было возвращено в крестьянское сословие. В слободах юга Сибири к 1679 г. в крестьяне было возвращено 138 беломестных казаков и 73 драгуна. Существовал и отток из беломестного казачества обратно в крестьяне по причине тягот службы [6. С. 321–322]. Тем не менее при сдаче своего тягла другим крестьянин мог перейти в беломестные казаки [1. С. 49].

Непростая внешнеполитическая обстановка на юге Западной Сибири в конце XVII в. за-

ставляла правительство увеличивать здесь количество беломестных казаков.

В 1672 г. усиливший свое влияние в ходе междоусобной борьбы среди ойратов Очирту в ультимативной форме потребовал от русского правительства пропустить своих посланцев в Москву. В 1673 г. тайша Дундук, изначально прикочевавший к Тобольску и признавший власть русского царя, «отъехал» в степь, ограбив русских служилых людей [11. С. 351]. В 1673 г. под покровительством тайши Галдана енисейские кыргызы совершили нападения на Томский и Кузнецкий уезды [11. С. 470]. Все это заставляло правительство усиливать оборону границы. В условиях нехватки денег беломестные казаки позволяли с наименьшими затратами «закрыть» от кочевников владения России в регионе.

С 1677 г. практически все племена ойратов объединяются под властью тайши Галдана. Это способствовало резкому усилению ойратов. Начались их столкновения с русскими экспедициями, направляемыми на оз. Ямыш за солью. Посол тайши в Москве прямо говорил, что Галдан – единственный законный правитель тюрков Томского и Красноярского уездов [11. С. 348]. Служилые люди Томского разряда не имели возможности самостоятельно бороться с угрозой. Для их поддержки в 1680 г. в Томск из городов Тобольского разряда были направлены 200 служилых людей [11. С. 353].

По русским сведениям, джунгары были достаточно серьезным противником. Большая их часть владела огнестрельным оружием, а численность войска джунгар даже в неблагоприятный период, 1722–1724 гг., составляла около 60 тысяч человек и при необходимости могла быть доведена до 100 тысяч [3. С. 57]. В 1681–1684 гг. Галдан воевал с казаками, однако поход против казаков в 1686 г. оказался неудачным, и джунгары были вынуждены отступить под их натиском к русской границе [12. С. 83]. Позднее, однако, Галдан смог нанести поражение казакам. Отступившие на север казахи, стремясь компенсировать утраченные доходы от захваченных в 1691 г. джунгарами городов Средней Азии, организовали ряд набегов на русские слободы в южных районах Западной Сибири [6. С. 111].

В последней четверти XVII в. происходит переселение беломестных казаков на юг Верхотурского уезда, вызванное необходимостью его защиты от нарастающей угрозы со стороны кочевников [6. С. 316]. В 1679 г. в острогах юга Западной Сибири по рекам Исети и Тоболу насчитывалось 243 беломестных казака, что составляло более 40 % местных гарнизонов. В 1686 г. здесь из 1000 служилых людей беломестных казаков насчитывалось уже 352 человека, а драгун – 648. Хотя доля казаков и несколько сократилась, их абсолютное число заметно выросло – за семь лет более чем на 50 %. В 1688 г. все служилые люди по прибору, несшие службу в острогах и слободах по рекам Тоболу и Исети, стали называться беломестными казаками. Через 10 лет, в 1698 г., из беломестных казаков Тобольского уезда был сформирован драгунский полк [6. С. 317]. Беломестные казаки Верхотурского уезда в 1694 г. были выведены из подчинения слободских приказчиков и отданы под начало сотнику Камышловской слободы. Связано это было со сложной военно-политической ситуацией на юге Западной Сибири. Беломестные казаки должны были вести разведку и информировать о существующем положении слободских приказчиков и уездного воеводу. В связи с этим была поставлена задача пополнить ряды беломестных казаков, однако оказалось, что «в слободах гулящих людей нет и прибрать некого». Стать беломестными казаками стремились крестьянские

дети, однако слободские приказчики всячески этому противились [6. С. 317–319].

Следует отметить, что в условиях постоянной нехватки служилых людей беломестные казаки служили не только в своих слободах и острогах, но и направлялись на дальние службы. Так, казаки Ирбитской слободы в 1662 г. участвовали в походе за солью на оз. Ямыш [9. Л. 43]. 35 беломестных казаков из Тобольского уезда в 1686 г. во время русско-китайского конфликта были отправлены в Албазин [6. С. 322].

При Петре I создание отрядов беломестных казаков в Западной Сибири продолжилось. Так, в Бергмацкой и Татмыцкой слободах Тарского уезда был сформирован отряд беломестных казаков в числе 200 человек [6. С. 318].

Несмотря на стремление правительства сохранить максимальное число крестьян в качестве плательщиков налогов и поставщиков хлеба для сибирских гарнизонов, в начале XVIII в., в 1710 г., в Сибири было 512 семей беломестных казаков, в том числе: в Тобольском уезде – 83, в Верхотурском – 111, в Тарском – 185 и в Енисейском – 133 казака [4. С. 60].

В начале XVIII в. по инициативе Петра I на юге Западной Сибири создается пограничная укрепленная линия. Беломестные казаки постепенно входят в состав крепостных гарнизонов линии, ставших в начале XIX в. (1808 г.) основой для создания Сибирского линейного казачьего войска.

Источники и литература

1. Александров В. А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // Вопросы истории. – 1973. – № 8. – С. 39–58.
2. Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. А. Миненко. – Екатеринбург: УрО РАН. Ин-т истории и археологии, 1993. – С. 52–58.
3. Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. – М.: Наука, 1979. – 311 с.
4. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма / отв. ред. А. П. Окладников. – Новосибирск: Наука: Сиб. отд-е, 1982. – 504 с.
5. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 2 / отв. ред. И. Н. Винников; ред. тома проф. А. И. Андреев. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 637 с.

6. Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). – СПб.: Алетейя, 2010. – 432 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 14. Придворное ведомство. Оп. 1. Д. 656.
8. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Оп. 3. Ст. 65.
9. Там же. Ф. 1111. Верхотурская приказная изба. Оп. 2. Д. 774.
10. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. документов / отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М.: Изд-во вост. лит., 1959. – 352 с.
11. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сб. документов / отв. ред. И. Я. Златкин, Н. В. Устюгов. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1996. – 559 с.
12. Русско-монгольские отношения. 1685–1691: сб. документов. / отв. ред. Н. Ф. Демидова. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 488 с.
13. Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Т. 1. – Ленинград, 1932. – С. 13–44.
14. Титов А. А. Сибирь в XVII в. – М.: Изд. Г. Юдина, 1890. – 255 с.

Федоров И. Г.

ВКЛАД ЖИТЕЛЕЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО КИТАЙСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Аннотация. В статье раскрывается роль насельников женских и мужских монастырей Енисейской епархии в основании и становлении первого женского православного монастыря в Китае – Пекинского Покровского общежительного женского монастыря.

Ключевые слова: Красноярский Знаменский общежительный женский монастырь, Красноярский Знаменский общежительный мужской скит, Красноярский Успенский общежительный мужской монастырь, монастыри Енисейской епархии, Пекинская духовная миссия, Пекинский Покровский общежительный женский монастырь, Пекинский Успенский мужской монастырь.

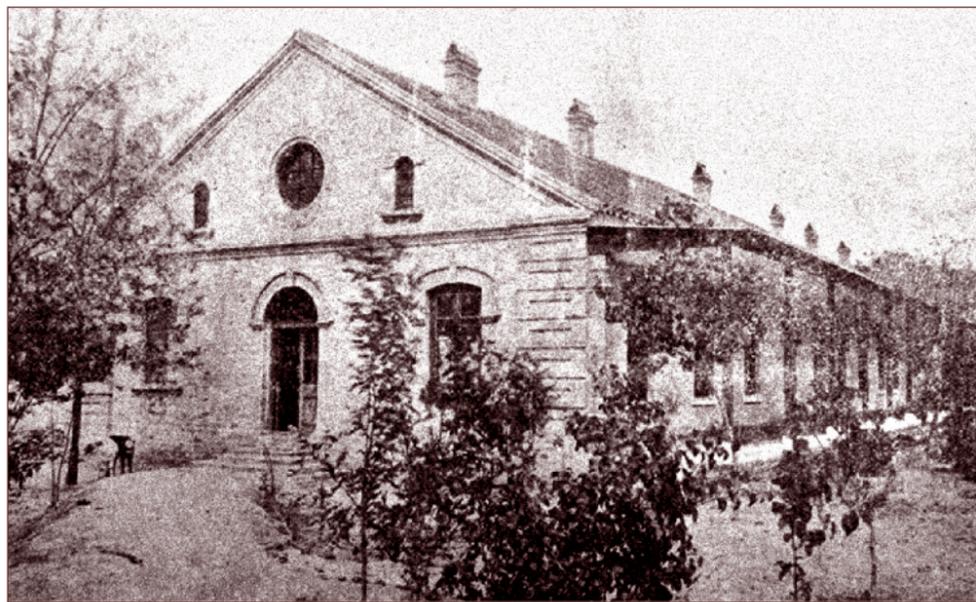

Рис. 1. Пекинский Покровский общежительный монастырь. 1913 г.

Истоки первого православного женского монастыря в Китае восходят к 1903 г., когда по инициативе Преосвященнейшего Иннокентия, митрополита Пекинского, в Пекине была основана первая православная женская община, ядром которой стали монахини из Енисейской епархии.

Первый православный женский монастырь в Китае официально был учрежден указом Свя-

тейшего Синода от 13 июня 1913 г. за № 10930, который предоставил женской Покровской общине в Пекине права общежительного монастыря на такое число монашествующих, какое обитель по своим средствам в состоянии будет содержать [9. С. 202]. Своим основанием Пекинский Покровский общежительный женский монастырь обязан прежде всего Преосвященнейшему Иннокентию, митрополиту Пекинскому.

О жизни и православном служении митрополита Иннокентия Пекинского подробно рассказано в монографии видного российского историка-китаеведа В. Г. Дацышена [8]. Напомним лишь, что будущий митрополит Иннокентий, в миру Иван Аполлонович Фигуровский, был уроженцем Енисейской губернии, окончил Красноярское духовное училище и начал свою деятельность на православном поприще именно в Енисейской епархии [3. Л. 6 об.]. В 1896 г. Иннокентия, тогда еще архимандрита, назначили начальником Пекинской духовной миссии, и спустя 7 лет, в июле 1903 г., он основал в Пекине первую православную женскую общину. Основная цель общины – миссионерская – была обозначена еще в 1900 г., когда Святейший Синод наметил устройство при Русской духовной миссии в Пекине женской общины, которая должна была воспитывать китайских и албазинских девиц в духе православной церкви, – поэтому женскую школу также предполагалось отдать в ведение общины [10. С. 20].

Для создания православной женской общины владыка Иннокентий, с 1902 г. епископ Переславский, пригласил монахинь из Красноярского Знаменского общежительного женского монастыря. 9 июля 1903 г. четыре послушницы под руководством мантийной монахини Евпраксии прибыли в Пекин и первоначально поселились в особом дворике Русской духовной миссии при женском училище для китайских девочек. Вскоре из Харбина прибыли еще две послушницы, родственницы [1. С. 10].

Руководство общиной и сестрами находилось в руках монахини Евпраксии, в миру Екатерины Харитоновны Ермолаевой, крестьянской дочери, девицы. Родилась она в 1860 г. в селе Ермаковском Шушенской волости Минусинского уезда Енисейской губернии. В Красноярский Знаменский общежительный женский монастырь поступила в 1886 г., а спустя два года Указом Енисейской духовной консистории за № 5372 от 15 ноября 1888 г. была зачислена в число послушниц монастыря. При зачислении в ее формуляре было отмечено: «Читать и писать умеет, поведения хорошего; к послу-

шанию усердная» [4. Л. 3 об. – 4]. Отметим, что из 60 насельниц Знаменского монастыря лишь половина умела читать и писать. 11 января 1890 г. Екатерина была пострижена в рясофорные послушницы иеромонахом Филаретом, строителем Красноярского Знаменского скита, по личному благословению Преосвященнейшего Тихона, епископа Енисейского и Красноярского. С 1893 г. рясофорную послушницу Екатерину Ермолаеву назначили учительницей школы грамотности при Знаменской обители [5. Л. 4 об. – 5]. Тридцати двух лет от роду, 12 мая 1902 г., она была пострижена в полное монашество Преосвященнейшим Евфимием, епископом Енисейским и Красноярским, с наречением ей имени Евпраксия. А спустя год, 4 июня 1903 г., монахиня Евпраксия по прошению была уволена из Знаменского монастыря для поступления на жительство в Пекинскую миссию при Успенском мужском монастыре [7. ГАЗК Л. 4].

Энергичная, волевая монахиня Евпраксия сумела быстро организовать устройство своей общины и воспитание порученных ей девочек китайской школы. Помимо молитвы и обыденных занятий по дому и двору, сестры миссии исполняли следующие послушания: учили девочек русскому и славянскому чтению богослужебных книг, церковному пению, шитью белья и платья по европейским образцам, вышиванию гладью и шелками, вязанию чулок, а также кройке и шитью на швейной машинке [1. С. 10].

Сами сестры шили для себя и братии Успенского монастыря, изготовляли просфоры для богослужения, писали святые образа в своей мастерской, активно учили китайский разговорный язык. Вскоре сестры устроили баню – сказалось сибирское происхождение – и прачечную. Они начали приучать китайских девочек к опрятности, чистоте, элементарной гигиене и отучать от разрисовывания лиц красками. В женской школе, которая временно размещалась в китайской фанзе, занимались 12 девочек. Одна из сестер женской общины учила их церковному пению и создала хор из китайских учениц. Епископ Чебоксарский Хрисанф, в то

время начальник Русской духовной миссии в Корее, который побывал в Пекине весной 1904 г., вспоминал: «... в первый же вечер моего приезда мне удалось попасть в церковь к концу всенощной, и здесь я услышал довольно стройное, истинно ангельское пение девочек-учениц, которые чистыми детскими голосами пропели сугубую и просительную ектенью». Но не только пение юных китайок восхитило епископа Хрисанфа. Еще большее удовольствие он получил, посмотрев образцы работ китайских девочек-золотошвеек, которых обучала этому мастерству лично матушка Евпраксия. Особенно понравилась епископу святая плащаница, вышитая золотом по красному бархату [12. С. 756–757].

С первого же года существования общины сестры завели собственный огород, где успешно разводили гречиху, русский картофель и русскую белокочанную капусту. Кроме того, был устроен скотный двор и заведены дойные молочные коровы.

В конце 1904 г. в особом дворе в восточной части миссии был построен отдельный каменный корпус для женской школы с широкими коридорами и кельями для проживания сестер. Рядом построили пекарню и кухню. Весь двор был обнесен кирпичной стеной.

В общину были приняты еще две белицы. Молитва, труд, воздержание и послушание лежали в основе ее организации. Сестры ежедневно посещали богослужение в Иннокентиевской церкви миссии, где собирались вместе для утренних и вечерних молитв. Больших забот требовала женская школа, число учениц которой выросло с 12 до 18. Требовалось немало трудов для того, чтобы отучить девочек от языческих обычаев и приучить к православному благочестию.

Кроме того, в 1904 г. сестры общины служили сестрами милосердия в госпитале Св. Михаила в Пекине, рассчитанном на всех христиан, где с начала военных действий Русско-японской войны находились на излечении раненые и больные русские солдаты. Как отмечал иеромонах Антонин, «настоятельница общины зорко следит за ходом болезни и в экстренных

случаях сносится с подлежащими консульствами, особенно если больного надо напутствовать. Можно с уверенностью сказать, что отход людей в загробный мир без исполнения всех духовных обязанностей всякого христианина – здесь исключительное явление» [2. С. 17]. Иеромонах Антонин, в миру Алексей Ильич Гилев, был также представителем Енисейской епархии. Монашеский постриг и возведение в сан иеромонаха он принял в Красноярском Успенском общежительном монастыре. 4 августа 1903 г., 43 лет от роду, по прошению Указом Енисейской духовной консистории был перемещен в Пекинский Успенский монастырь. За свое миссионерское служение в 1906 г. был награжден орденом Св. Анны III степени. Вернувшись в Енисейскую епархию, в 1907 г. был определен в Красноярский Знаменский мужской скит казначеем, впоследствии стал наместником скита.

В 1905 г. в общине произошло знаменательное событие – приняла монашеский постриг первая китайка. Пелагея Марковна Жуй была албазинкой из потомков русских казаков, взятых в плен и увезенных китайцами в Пекин еще в XVII в. В 1900 г. ее мать, православная христианка, была убита ихэтуанями во время боксерского восстания, отец умер еще до этого. Пелагея, оставшись круглой сиротой, воспитывалась в школе при миссии, затем сама стала учительницей китайского языка. В 1903 г. она вступила в женскую православную общину и решила посвятить свою жизнь служению Богу. Ввиду важности события постриг в мантию с наречением имени Фива совершил лично владыка Иннокентий [8. С. 174].

В 1906 г. в общине была устроена небольшая больница на 5 кроватей для больных насельников подворья миссии, в которой трудилась сестрой милосердия Параскева Чехова.

Осень следующего, 1907 г., принесла общине ряд важных событий. 26 сентября по прошению уволилась из миссии первая настоятельница общины матушка Евпраксия. Возможно, на ее уход повлиял отказ Святейшего Синода предоставить общине право на учреждение самостоятельного женского монастыря. Дальнейшая

судьба монахини Евпраксии сложилась весьма непросто. В 1908 г., вернувшись в Красноярский Знаменский общежительный монастырь, она получила право лишь временного проживания. При этом вступила в конфликт с действующей игуменьей Рахилью. Епископ Енисейский и Красноярский Евфимий встал на сторону игуменьи и выдворил монахиню Евпраксию из монастыря в надежде, что та покинет епархию. Однако Евпраксия вместе с монахиней Магдалиной в 1909 г. поселилась в сторожке при Преображенской часовне в Мало-Инском бору, что в 7 верстах от деревни Малая Иня Тесинского прихода Кочергинской волости Минусинского уезда. Вскоре к ним присоединились еще несколько женщин. Для своего пропитания и проживания они организовали небольшое хозяйство и сбор пожертвований на устройство новой Преображенской женской общины. В 1911 г. обеспокоенный утечкой денег своих прихожан в женскую общину тесинский священник организовал разбирательство гражданских властей и духовной консистории с монахиней Евпраксией. В результате длительной тяжбы Евпраксию перевели в Енисейский Иверский монастырь. В 1915 г., 56 лет от роду, она была откомандирована для служения в Аскизскую церковь Минусинского уезда [6. Л. 28 об. – 29].

А в Пекинской миссии в ноябре 1907 г. скончалась сестра Агафия, став первой почившей в Бозе насельницей женской православной общины.

25 ноября 1907 г. была пострижена в полное монашество рясофорная послушница Степанида с наречением ей имени Августа. Именно монахиня Августа возглавила общину после отъезда Евпраксии. Любопытно, что и Августа, и Евпраксия не только прибыли в Китай из одного Красноярского Знаменского монастыря, но и были землячками, уроженками южных районов Енисейской губернии. Монахиня Августа, в миру Степанида Яковлевна Кондырева, была крестьянской дочерью, девицей. Родилась в 1872 г. в деревне Большая Иня Тесинской волости Минусинского округа Енисейской губернии. В Красноярский Зна-

менский общежительный женский монастырь поступила в 1891 г. При зачислении в ее формуляре было отмечено: «Читать умеет, поведения хорошего; к послушанию усердная». Послушание она несла в просфорной. В 1903 г. рясофорная послушница Степанида по прошению была уволена из Знаменского монастыря для поступления на жительство в Пекинскую миссию при Успенском мужском монастыре [5. Л. 10 об. – 11].

В 1909 г. в женскую православную общину приняли послушницей еще одну китайку – Елену Жуй, которая состояла учительницей в школе. В 1911 г. в общину прибыли 4 новых сестры, но в ноябре скончалась инокиня Манефа, мать владыки Иннокентия, что для всей миссии было большой утратой.

В 1913 г. община состояла из 10 сестер: 2 мантийных монахинь, 3 рясофорных послушниц, 4 послушниц и 1 учительницы женской школы. Хозяйственные работы распределялись между ними следующим образом: двое ткали ковры, двое заведовали молочной фермой. На их попечении лежал также ремонт ризницы. Еще двое занимались в школе. Заметим, что учениц в 1913 г. было уже 34, причем 30 проживали в интернате при школе [10. С. 23].

Сестры общины к этому времени хорошо освоили разговорный китайский язык. Поэтому они могли войти в более близкое общение с местными христианками. Монахини не только объясняли своим китайским единоверкам сущность православного богослужения, но и начали посещать семьи христианок на дому, входя в их нужды и утешая в скорбях.

После преобразования общины в монастырь особых изменений в деятельности сестер не произошло. Монастырь был действующим вплоть до 1950-х гг. Число его сестер пополняли в основном русские женщины белой эмиграции и их дочери. Так, в мае 1941 г. сестры Кирьяковы, Ксения и Валентина, были пострижены в монахини, а монахиня Иоанна покинула монастырь и уехала в США, в распоряжение митрополита Феофила [11. С. 1].

Источники и литература

1. Авраамий, архимандрит. Женская община при Успенском монастыре в Пекине в 1903 г. // Известия братства православной церкви в Китае. Пекин. – 1904. – Вып. 5. – С. 10–11.
2. Антонин, иеромонах. Hospital St-Michel // Известия братства православной церкви в Китае. Пекин. – 1904. – Вып. 14. – С. 17.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 236. Оп. 1. Д. 236.
4. ГАКК. Ф. 322. Оп. 1. Д. 3.
5. Там же. Ф. 322. Оп. 1. Д. 9.
6. Там же. Ф. 674. Оп. 1 Д. 3739.
7. Там же. Ф. 674. Оп. 1. Д. 4918 .
8. Дацышен В. Г. Митрополит Иннокентий Пекинский. – Гонконг: Братство святых первоверховных апостолов Петра и Павла, 2011. – 432 с.
9. Краткая история Русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея ее существования. – Пекин: Типография Успенского монастыря, 1916. – 224 с.
10. Миссионерская деятельность Пекинской духовной миссии за 1912–1913 г. // Китайский благовестник. Пекин. – 1914. – Вып. 7–8. – С. 20–25.
11. Распоряжения начальника миссии // Китайский благовестник. Пекин. – 1941. – № 5. – С. 1.
12. Хрисанф, епископ. Из писем корейского миссионера // Церковный вестник. С.-Петербург. – 1904. – № 24. – С. 755–758.

УДК 908.394

Чернышов В. В.

**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МИНУСИНСКОМ
УЕЗДЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
В XIX - НАЧАЛЕ XX в.
(по документам КГКУ
«Государственный архив Красноярского края»)**

Аннотация. В статье рассматриваются этнические процессы, происходившие в Минусинском уезде в XIX – начале XX в., – изменения в жизни хакасского народа, его отношения с русским старожильческим населением, появление на территории Минусинского уезда национальных диаспор.

Ключевые слова: Минусинский уезд, ясачное население, лютеранские колонии, переселенцы.

Красноярский край представляет собой многонациональный регион, на территории которого живут, создают материальные и духовные ценности представители самых разных народов – русские и эвенки, финны и белорусы, долгане и азербайджанцы. Формирование сложившегося национального состава Красноярского края – следствие сложных этнических процессов, которые происходили на территории Приенисейской Сибири не одно столетие. Ярким примером таких процессов является история Минусинского уезда Енисейской губернии.

История эта находит свое отражение в разных текстах – научных публикациях, художественных произведениях, фольклорном материале. Но важнейшими источниками изучения событий прошлого были и остаются архивные документы. Сведения о населении Минусинского уезда, например, можно встретить в различных досоветских фондах КГКУ «Государственный архив Красноярского края» – «Енисейское губернское управление» и «Енисейская духовная консистория», «Товарищ прокурора Красноярского окружного суда по Минусинскому уезду» и «Красноярская городская дума»; «Енисейский губернский статистический комитет» и «Енисейская губернская казенная палата». Да и многих других.

Из документов видно, что в XVIII в. в связи с заселением русскими переселенцами юга Приенисейского региона окончательно завершилось присоединение большей части Средней Сибири к Российскому государству. Минусинская котловина и прилегающие к ней районы вошли в начале XVIII в. в состав Красноярского уезда, который в свою очередь делился на присуды, а с 1780-х гг. на волости [1. Л. 335].

Одновременно на территории уезда сохранялось 7 ясачных «землиц»: Качинская, Аринская, Камасинская, Яринская, Кайбальская, Удинская и Канская [1. Л. 334.], где проживали в основном представители коренного населения Минусинской котловины – сагайцы, бельтиры, бирюсы, качинцы, кайбалы [2. Л. 15], образовавшие в начале XX в. хакасскую нацию.

Такое административно-территориальное деление просуществовало до образования Енисейской губернии в 1822 г., когда южные волости Красноярского уезда вошли в состав вновь образованного Минусинского округа (с 1898 г. – уезда).

Достаточно быстро между русским и ясачным населением были установлены крепкие экономические связи. Красноярские купцы вели активную торговлю с жителями южных

улусов – качинцами, кызыльцами, кызыльскими татарами [3. Л. 13], закупаая у них лошадей, рогатый скот, кожи, масло, сало, пушнину [3. Л. 3]. Купленные товары частично продавались в Красноярске, частично в Иркутске и Енисейске. А оттуда для продажи по всему уезду поставлялись китайские и российские товары [4. Л. 3 об.]. Производящие же хлеб русские крестьяне Минусинской котловины продавали его тюркоязычным племенам соседнего Кузнецкого округа [4. Л. 335].

Переплетение экономических интересов постепенно приводило к личным отношениям, пониманию между народами, взаимному культурному обогащению. Как писал в 1911 г. член Красноярского подотдела Русского географического общества М. Н. Богданов, «влияние инородческого населения на язык и нравы русских сибиряков сказывается и теперь. На севере, в далеком Якутске, даже русские чиновники за карточным столом ведут беседу на якутском языке. Во многих местах Иркутской губернии и Забайкалья русское население сплошь умеет говорить по-бурятски. В Тункинском краю выработался особый говор русских крестьян с большой примесью бурятских слов. На юге Енисейской губернии, в Минусинском уезде, многие крестьяне и особенно казаки свободно говорят на татарском языке и находят даже, что говорить на татарском «ловчее», чем по-русски. Такое усвоение чужого языка, с чуждыми и непривычными оборотами речи и понятиями, выработанными чуждой культурой, обогащает круг представлений русского населения, налагает особый отпечаток на весь душевный склад русского сибиряка, вырабатывает в нем особую умственную гибкость и эластичность мысли» [5. Л. 2].

В это же время в официальных документах отмечается, что быт кочевых инородцев Минусинского округа настолько изменился, что они по образу жизни и культуре в своем большинстве ничем не отличаются от крестьянского населения округа. Многие из них занимаются хлебопашеством, сенокошением, пчеловодством, доставкой хлеба и овощей своего производства на золотые прииски и заводы. Все они

говорят по-русски, есть среди них и грамотные. В селах Абаканском, Аскизском и некоторых других часть инородцев живет совершенно оседло, дома их представляют собой обычные крестьянские постройки, и сами они по своим привычкам и обычаям больше походят на крестьян, чем на инородцев [6. Л. 79]. Из древних обычаев у них сохранились до настоящего времени умыкание или похищение невесты и погребение умерших без соблюдения установленных обрядов. Но обычаи эти далеко не всегда пользуются симпатиями среди самих инородцев и порой даже служат поводом к жалобам властям с их стороны [6. Л. 79 об.].

О тесной связи коренного населения Минусинского округа с русским населением говорят и те отношения, которые сложились у минусинских инородцев с многочисленными в округе старообрядцами и сектантами, гонимыми и притесняемыми властями. Так, в 1883 г. священник Аскизской Петропавловской миссионерской церкви Минусинского округа Василий Суховский в своем рапорте сообщал, что инородцы, проживающие в деревне Иудина, среди молокан, принимают их веру. Причем настолько прочно, что одна женщина – минусинская татарка поведала ему, что она с малолетства живет среди молокан, которые воспитали ее и «научили по-своему молиться богу» [7. Л. 1]. А потому она, хотя и именуется христианкой, на самом деле принадлежит к молоканской секте, и что если она крестилась в православной церкви, то это сделано помимо ее согласия и без всякого убеждения в истинности православия, а по распоряжению и принуждению думского начальства. Несмотря на увещевания, которые делал в продолжение трех дней священник, женщина эта осталась непреклонной в своих убеждениях [7. Л. 2 об.].

Кроме селений минусинских татар и русского православного населения, в XIX в. на территории Минусинского округа начинают появляться моноэтнические поселения и других народов. Первыми такими поселениями стали лютеранские колонии в Ермаковской волости, основанные финнами, эстонцами и латышами [8. С. 59].

Начало созданию лютеранских колоний положило предложение губернских властей всем желающим лютеранам Западной Сибири переселиться на неосвоенные земли Минусинского округа [8. С. 59]. В 1851 г. группа лютеран во главе с Юрием Кульдемом из лютеранской колонии Чистая Омской губернии основала на территории округа колонию Верхний Суэтук. Поскольку большинство этих переселенцев были по национальности финнами и эстонцами, колония стала считаться финской [8. С. 60].

В дальнейшем население как Верхнего Суэтука, так и других лютеранских поселений стало пополняться сугубо из ссыльных лютеранского вероисповедания или бывших ссыльных и каторжан, оставшихся в Сибири после отбытия срока [9. Л. 2]. Это привело к тому, что в финский Верхний Суэтук в большом количестве стали направлять латышей и эстонцев. В результате произошло национальное размежевание колонистов, и в 1857 г. латыши основали свою отдельную колонию, Нижнюю Буланку, в 20 верстах от Суэтука [8. С. 64]. В 1861 г. последней из лютеранских колоний была основана эстонская колония Верхняя Буланка – в 7–8 верстах от латышской колонии [8. С. 66].

Лютеране, проживающие в лютеранских поселениях Минусинского округа, вдалеке от родины, старались сохранять свою культуру и обычаи. Это отражалось даже на землепользовании, которое осуществлялось всеми колонистами в одинаковых климатических условиях. В латышской колонии, например, выращивались огурцы, арбузы, репа, свекла, морковь, разные сорта капусты, горох, бобы. Финские же колонисты выращивали только картофель и капусту [8. С. 66].

При этом Верхний Суэтук был более богатой колонией. Финансирование религиозной и общественной жизни здесь осуществлялось на деньги финляндского сената. Так, когда в 1878 г. в колонии сгорело здание катехизаторского училища, построенного на общественные деньги, оно было снова восстановлено на сенатские деньги. Интересно, что катехизатору

в Верхнем Суэтуке платили в финских марках, а не в рублях. В самом катехизаторском училище обучалось 14 мальчиков и 8 девочек. Преподавание шло на финском и немного на русском языках. Изучали Ветхий и Новый завет, финский катехизис, финский язык, русский язык, арифметику, начальную географию.

Пастор в Верхнем Суэтуке также назначался финским сенатом. Поскольку латышская и эстонские колонии своего пастора первоначально не имели, на финского пастора власти возложили духовное окормление и других лютеран [10. Л. 3 об.].

После отмены крепостного права в 1861 г., несмотря на действующий запрет переселения в Сибирь, на территорию Енисейской губернии, в том числе и в Минусинский округ, на свой страх и риск устремляются крестьяне разных национальностей из Европейской России. Вследствие этого в 1880-е гг. в округе появляются мордовские села. Жители этих сел достаточно долгое время сохраняли свои обычаи и культуру. Сотрудник мордовской газеты «Од зрямо» сообщал в своем отчете о поездке в Минусинский округ в 1928 г.: «Полностью сохранен старый национальный быт – женщины ходят в национальных костюмах... В селе Алексеевка более 500 душ мордовского населения. В селе Красносельке около 50 человек мордвы. В селе Шалоболдино Курагинского района 50 % мордовского населения. Сохраняются разные бытовые предрассудки, религия, знахарство, колдовство» [11. Л. 102].

Со строительством Транссибирской железной дороги и началом Столыпинской аграрной реформы переселенческое движение усилилось. В этот период на территорию Минусинского уезда переселяется большое количество украинцев, латгалцев. Последние компактно проживали в селах Креславка, Алгаштык, Малиновка Абаканской волости и селе Строгановка Минусинского района [12. Л. 40].

Активно переселялись и немцы. Одно из немецких поселений, деревня Николаевка, было основано в Абаканском уезде в 1908 г. Здесь поселились немцы из Саратовской, Самарской губерний и частично с Кубани. Несмотря на то,

что на своей родине они были людьми небогатыми, в основном батраками, николаевские немцы быстро разбогатели и зарекомендовали себя как прекрасные скотоводы, которые выращивали хорошие породы молочного скота и являлись лучшими производителями сливочного масла в уезде.

Даже через 22 года, в 1930 г., все население Николаевки, в которой числилось свыше 800 жителей, состояло из немцев, за исключением одной эстонской семьи. «Национальная грань здесь не стирается, – писал очевидец, – с 1908 года немцы ни в какие родственные связи с окружающим русским населением не вошли. В результате вся деревня в буквальном смысле перероднилась, переплелась плотной сетью родственных и бытовых отношений. Немецкие крестьяне сильно сплочены. Бедняк и середняк немец не выдает немца кулака, считает его своим близким и действительно сплошь является его родственником. Районные работники о николаевских немцах говорят «народ

этот упрямый, организованный, но если что возьмется сделать, так сделает обязательно». При этом николаевские немцы и на новом месте скрупулезно следовали обычаям своих предков. Так, на молитвенном доме по случаю богослужения или смерти кого-либо из жителей на протяжении десятилетий вывешивался флаг [12. Л. 38.].

Таким образом, к началу Первой мировой войны, практически за сто лет, в национальном составе Минусинского уезда произошли громадные изменения. И на примере его истории видно, что именно рассматриваемый период оказал существенное влияние на формирование современного национального состава всего Красноярского края.

Конечно, приведенные выше сведения являются лишь малой частью того богатого материала, который находится на хранении в Государственном архиве Красноярского края. Многие документы еще ждут своего изучения.

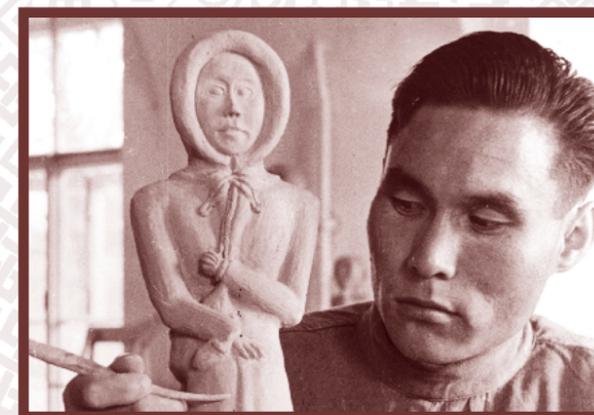
Источники и литература

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. 169. Оп. 1. Д. 8.
2. ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 8.
3. Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 187.
4. Там же. Ф. 173. Оп. 1. Д. 187.
5. Там же. Ф. 217. Оп. 2. Д. 44.
6. Там же. Ф. 595. Оп. 30. Д. 1204.
7. Там же. Ф. 595. Оп. 1. Д. 1199.
8. Библиотека КГКУ «ГАКК». Памятная книжка Енисейской губернии за 1865, 1866 гг. – СПб., 1865. – С. 59.
9. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 5545.
10. Там же. Ф. 277. Оп. 1. Д. 569.
11. Там же. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 779.
12. Там же. Ф. П-60. Оп. 1. Д. 832.

ЧАСТЬ 3

Народы Сибири в советский период

УДК 930.85.

Барабаш В. П.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТУДИИ В ТВОРЧЕСКИХ ВУЗАХ И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕАТРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Аннотация. В статье раскрывается роль высших учебных заведений крупных городов в подготовке актерских и режиссерских кадров для национальных регионов: Бурятии, Хакасии, Тувы. Автор подчеркивает значимость создания национальных студий, подготовивших большие группы актеров, режиссеров и других специалистов театрального дела для региональных театров и национальных трупп. На примере театров Бурятии, Тувы и Хакасии раскрыта преемственность в их деятельности.

Ключевые слова: кадры, национальные студии, творческие вузы, актеры, режиссеры, театральные труппы.

Одной из наиболее труднорешаемых проблем в деятельности театров всех профилей Восточной Сибири была кадровая. Особенно остро стоял вопрос нехватки представителей творческих специальностей, составлявших костяк любого театра: режиссеров и актеров. В Сибири и на Дальнем Востоке до 1970-х гг. не было ни одного вуза, выпускающего специалистов этого профиля. В исторической литературе раскрываются пути решения кадрового вопроса в театрах, но роль национальных студий, специально создаваемых в творческих вузах Москвы, Ленинграда, других крупных вузовских центров, освещена слабо, в основном в отдельных диссертационных или мемуарных изданиях, в контексте отдельных изданий по истории театров. Вместе с тем для ряда театральных коллективов именно набор в национальные студии театральных вузов позволил сформировать труппы, поддержать их творческий потенциал и достичь высокого художественного уровня актерской игры, признания зрителей и развития театра.

Практика создания специальных студий из национальных регионов СССР возникла еще в 1930-е гг. Первым набирать студентов на актерскую и режиссерскую специальности стал в 1939 г. Ленинградский государственный те-

атральный институт (с 1962 г. – ЛГИТМиК, с 1993 г. – СПбГИТМиК, с 1993 г. – СПбГАТИ, с 2015 г. – РГИСИ) [4. С. 1]. Институт организовывал национальные студии из студентов зарубежных стран, союзных и автономных республик и областей: монгольские, болгарские, чехословацкие, молдавские, чувашские, калмыцкие и др. По Восточной Сибири на актерский факультет были набраны группы студентов из Бурят-Монгольской АССР, Тувинской АССР и Хакасской автономной области [4. С. 2].

Так, из Хакасии на студийное обучение в 1939 г. была набрана группа студентов из 22 человек. Среди них Ф. и П. Шурышевы и К. и Б. Коковы, С. Нарылков, А. Кучендаев, В. Толстухин, Д. Янгулов, Ф. Райков, Д. Доможаков, А. и Е. Килижековы, К. Чаркова, А. Заболотникова, Г. Баинова и другие. Актерский курс набирал Б. М. Сушкевич. Мастерство актера вел Я. Н. Фрид. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война порушила планы студентов-актеров. Большинство юношей были призваны в армию и ушли на фронт, часть девушек уехала домой, в Хакасию, часть осталась в Ленинграде. Девушки находились в блокадном Ленинграде до 1942 г., потом были эвакуированы. Некоторые влились в труппу

Хакасского областного национального театра. Среди них – К. С. Чаркова, заслуженная артистка РСФСР. Она была удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Из первой хакасской студии доучились в вузе лишь 4 человека [6. Л. 1].

Вторая хакасская студия была набрана в 1951 г., и после выпуска 1956 г. в театр в Абакане пришли выпускники А. Тодикова, В. Чебодаева, В. Спирина, А. Абдин, И. Добров, Г. Саражаков, М. Татмина, А. Арчелкова, А. Чаптыков, Б. Баинов, А. Щетинин, Н. Баинова, А. Самрин. Это были выпускники творческой мастерской народной артистки РСФСР О. Г. Казико Ленинградского театрального института [6. Л. 2].

В 2018 г. в Хакасском республиканском театре им. А. М. Топанова работают 9 артистов, которые окончили ЛГИТМиК в 1974 году. Это Виктор Сергеевич Коков, Гульфия Гумеровна Кокова, Юрий Иванович Котюшев, Мария Павловна Кыстоякова, Юрий Матвеевич Майнагашев, Татьяна Андреевна Майнагашева, Иван Сайфудинович Салайдинов, Светлана Семеновна Чаптыкова и Людмила Александровна Чертыкова. Артист Георгий Гаврилович Сагалаков трудится в хакасском театре «Читиген». Уже 40 лет эти артисты являются костяком труппы театра, ими сыграно огромное количество ролей как в театре, так и в кино. Многие из них имеют почетные звания заслуженных артистов России и Хакасии, народных артистов Хакасии, заслуженных деятелей искусств Хакасии. В 2011 г. в труппу Хакасского национального театра влились несколько выпускников шестой хакасской студии СПбГАТИ, а студенты седьмой студии из Хакасии, Тувы и других регионов обучаются в РГИСИ Санкт-Петербурга с 2015 г. под руководством профессора В. В. Норенко [10. С. 3].

Национальный музыкально-драматический театр Республики Тыва им. В. Кок-оола, созданный в 1936 г., пополнялся выпускниками актерских студий театральных вузов Ленинграда – Санкт-Петербурга, Москвы, Ярославля. В 1955, 1967, 1978, 1984, 1994, 2003, 2005, 2011, 2016 г. выпускники становились актера-

ми, режиссерами в труппе этого театра и добивались успехов. Тувинские студии по подготовке актеров существовали в ЛГИТМиК, Московских театральных училищах им. Щепкина и им. Щукина, в ГИТИСе.

Так, главный режиссер тувинского театра А. К. Ооржак окончил в 1978 г. тувинскую студию Государственного театрального училища им. Б. Щукина в Москве и Высшие театральные курсы при ГИТИСе в 1984-м. Он сумел создать ярко выраженный национальный театр. Ооржак – заслуженный артист РФ, народный артист РТ, лауреат Государственной премии Республики Тыва [5. С. 6]. Вместе с ним в Щукинском училище учились Г. Мунзук, З. Байыр-оол, А. Салчак, Ч. Ондар, В. Наксыл [5. С. 408].

Выпускник ЛГИТМиК 1967 года В. С. Серен-оол стал известным драматургом, чьи пьесы «Дороги, дороги...», «Когда расцветали таволги», «Энесан-Мерген», «Узоры жизни» и другие поставлены и пользуются успехом у тувинского зрителя [11. С. 3].

В тувинском театре в составе труппы актеров служат С. Оюн, Е. Ооржак, Э. Ондар, А. Алдын-Херел, А. Ховалыг, Л. Кан-оол, Л. Ондур, Л. Шивит-оол, К. Бырынай, О. Ондар, С. Саая, О. Достай. Все они выпускники 1994 г., мастерской профессора А. С. Шведерского. Луиза Мортай-оол, заслуженная артистка РФ, вспоминает: «Надо было работать над речью, осваивать сцендвижение, фехтование, танцы. Руководитель курса Анатолий Самойлович Шведерский, наш мастер, отдавал студентам весь свой талант и душу. Конечно, мы не могли подвести ни его, ни нашу академию, одну из лучших в мире театрального искусства» [11. С. 4]. Директор театра – С. Ириль, также выпускник этого вуза 1994 г. [11. С. 18].

В 2003 г. 18 выпускников СПбГАТИ окончили тувинскую студию актерского мастерства. 12 из них работают в труппе тувинского театра. По отзывам профессора В. В. Норенко, заслуженного деятеля искусств РФ, педагога тувинской студии начала 2000-х гг., «тувинская студенческая группа заявила о себе громко, молодо, талантливо, блестяще» [2. С. 5]. Пять

тувинских студентов в 2005 г. стали актерами тувинского театра после окончания международной студии в Ярославском государственном театральном институте.

Подготовка актерских кадров для театров Бурят-Монголии в Ленинградском театральном институте началась в 1934 г. Было несколько выпусков бурятской студии актерского мастерства: в 1969, 1988, 1911 г. Старейшина театра – актер М. Т. Елбонов, народный артист РСФСР и Республики Бурятия, выпускник мастерской Н. К. Децика и Л. Ф. Макарьева 1969 г. Из этого выпуска продолжают играть вместе с ним на сцене Бурятского государственного академического театра драмы им. Х. Н. Намсараева народные артистки РСФСР М. Ц. Зориктуева и Л. В. Дугарова, заслуженные артисты РФ Д. Сангажапова и Ч. Гуруев [9. С. 5]. Среди актеров труппы этого театра – выпускники ЛГИТМиКа 1988 г., народные артисты РБ Т. Бальжанова, С. Цыдапова, З. Ринчинов, Д. Тангатова.

В 2011 г. из стен бурятской студии СПбГАТИ вышло 8 актеров, работающих в бурятском национальном театре. Актриса Ольга Ранжилова вспоминала: «Когда приехали наши питерские мастера – Арвид Михайлович Зеланд и Анатолий Анатольевич Черных, – мы, бурятские ребята, были очень скромные, зажатые. Они рассказывали потом, что, увидев нас в первый раз, не знали, что с нами делать и кого выбирать. Но потом начали проводить разные тренинги, и мы «ожили». В финале был коллоквиум, где назвали тех, кто поступил. Оказывается, нас было по 5–6 человек на место» [9. С. 1]. Таким образом, труппа Бурятского государственного академического театра драмы им. Х. Н. Намсараева сформирована из выпускников «питерской» театральной школы более чем на 50 %. Часть труппы составляют выпускники актерского факультета ВСГИК [3. С. 62].

Национальные студии актерского мастерства были созданы в Высшем театральном училище им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре. Начиная с первого набора в 1950 г. школа выпустила более 50 национальных студий. Среди

прочих в 2013 г. была набрана тувинская студия под руководством Д. Г. Кознова. Сегодня традиции второй половины XX в. продолжают [8. С. 2]. После открытия актерских факультетов в 1980–1990-е гг. в Кемеровском институте культуры, Красноярском институте искусств, Дальневосточном институте культуры труппы стали пополняться выпускниками этих вузов, а также выпускниками средних профессиональных учебных заведений Красноярска, Новосибирска.

В основу деятельности этих студий был заложен принцип глубокого профессионального освоения профессий актера, режиссера. На кафедрах вузов разносторонне преподавались мастерство актера, пластическое воспитание, сценическая речь, философия, искусствоведение и культурология. При преподавании в национальных студиях учитывались национальные особенности того или иного народа, а учебные отрывки спектаклей и даже дипломные спектакли студенты играли на родном языке. Это было характерно для Щепкинского училища, и такую практику стали применять другие творческие вузы [4. С. 2].

При подготовке специалистов в национальных студиях творческих вузов выявлялись проблемы, связанные с плохим знанием или незнанием русского языка, неприспособленностью к жизни в огромном городе, трудностями быта, особенно в вопросах питания. Часть студийцев не справлялись со всем этим и оказывались отчислены. Из тех, кто преодолевал все трудности, складывался костяк успешных студентов, которые потом на местах, в национальных труппах театров, становились настоящими профессионалами.

Таким образом, можно констатировать, что центральные творческие вузы страны, такие как ЛГИТМиК, ГИТИС, высшие театральные училища им. Щукина, им. Щепкина, Ярославский театральный институт, сыграли основополагающую роль в формировании кадрового состава театральных трупп в национальных театрах Бурятии, Хакасии, Тывы. Они и сейчас продолжают практику подготовки специалистов, набирая студентов в интернациональные

и национальные студии. К сожалению, деятельность национальных студий не изучена в полной мере историками и культурологами. Имеются лишь статьи публицистического характера, интервью и заметки в СМИ и упоми-

нания об этом явлении в отдельных изданиях историков искусства и искусствоведов. Необходимо комплексное изучение данного направления в контексте государственной культурной политики XX в.

Источники и литература

1. Архив выпускников. 1970-е гг. Официальный сайт Театрального института им. Б. В. Щукина. [Электронный ресурс]. URL: <http://htvs.ru/arshiv/galereya-vyipusmirov/70-egodyi.html>.
2. Норенко В. Тувинские таланты в Санкт-Петербурге восхищают, покоряют и... голодают // Люди центра Азии. – 2002. – № 7. – 8–14 февраля. – С. 1–5.
3. ВСГАКИ – первый ВУЗ культуры в Сибири: 50 лет: сб. – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. – 224 с.
4. Государственный институт театрального искусства им. А. В. Луначарского (ГИТИС) // ГИТИС – Энциклопедия «Москва». 1980. [Электронный ресурс]. URL: <http://moc80.ru/t/taganra-institut/gitis.html>.
5. Люди Центра Азии. Т. II. 92 портрета-интервью. – Новосибирск: ГП «Новосибирский полиграфкомбинат», 2001. – 536 с.
6. НАРХ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 25. Л. 1
7. Там же. Ф. 436. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
8. Официальный сайт Высшего театрального училища им. М. С. Щепкина. [Электронный ресурс]. URL: <http://schepkin.maly.ru>.
9. Ольга Ранжилова. Актриса театра. Официальный сайт Автономного учреждения культуры Республики Бурятия «Бурятский государственный академический театр им. Х. Н. Намсараева». [Электронный ресурс]. URL: <http://budram.ru/outrtam/actors/olga-ranzhilova.html>.
10. Персоны. Официальный сайт Хакасского национально-драматического театра им. А. М. Топанова. [Электронный ресурс]. URL: <http://hndt.ru/ptrsons/60-salaydinov-ivan-sayffutdinovich.html>.
11. Тувинский музыкально-драматический театр имени В. Кок-оола // ред. А. Ооржак. – Кызыл: АНО «МАСС-медиа-центр». – 2006. – 30 с.

УДК 347.908

Бибинова В. В.

СТАНОВЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ НА ЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

Аннотация. В статье раскрываются первые мероприятия органов советской власти по становлению судебной системы среди коренного населения на Крайнем Севере.

Ключевые слова: обычное право, туземный суд, «Положение об управлении туруханских туземных племен».

В дореволюционное время судебные конфликты среди коренного населения Севера разрешались по «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. В его основе была идея соединения административной и судебной власти, которая, как считалось, отвечала степени гражданского состояния этих народов. Население оседлых родов обращалось в общие суды, а кочевых – в суд старост, родовые управления и инородные управы. Судом первой инстанции было родовое управление, которое рассматривало дела своего рода. Иностранческой управе вменялось рассмотрение дел разных родов. Туземный суд рассматривал все дела, кроме дел о «возмущении против власти, преднамеренных убийствах, грабежах, насилии, хищении казенного имущества и общественного имущества, фальшивомонетчиков». Князцы и старшины разбирали все гражданские и уголовные дела: таким образом, административные и судебные функции объединялись. Они имели право телесных наказаний своих сородичей и высылки провинившихся из родных мест. Как правило, судебные разбирательства происходили на сугланах, где учитывалось мнение старших мужчин. Важнейшей функцией суда было «заглаживание обиды». Согласие потерпевшей стороны на компенсацию имело серьезное правовое значение. Правонарушение считалось нарушением справедливости, и задача суда состояла в том, чтобы восстановить ее. Суд не был отдален от народа, и в глазах общественного мнения человек, сообщивший о преступлении, являлся человеком, выполнившим свой долг [1. С. 66–67].

Характеризуя состояние правовой культуры среди коренного населения в начале 1920-х гг., В. А. Зибарев писал: «Общественные отношения, с одной стороны, были отношениями сотрудничества и взаимопомощи, унаследованными от первобытно-общинного строя, а с другой – отношениями подчинения и эксплуатации, свойственными классовому обществу» [1. С. 29].

Декретом от 24 ноября 1917 г. был создан советский суд. После установления советской власти в Енисейской губернии в январе 1920 г. в ней началось формирование органов советской власти и правоохранительной системы. В феврале 1920 г. в Красноярск из Туруханского края ушла телеграмма: «Штата милиции нет за отсутствием лиц. Бывший штат милиции уничтожен партизанским отрядом. Образован отдел охраны» [3. С. 4]. Согласно постановлению ВЦИК, губревкомом был утвержден штат милиции для Туруханского края: начальник, помощник, 2 участковых, 5 старших милиционеров, 30 младших [3. С. 15]. 23 марта в должность начальника Туруханской краевой советской рабоче-крестьянской милиции вступил Александр Павлович Спиркин [3. С. 17]. В это же время был создан Енисейский судебный округ. 15 марта 1920 г. в Туруханск пришло распоряжение: «По декрету вводятся единые народные суды в составе постоянного народного судьи и двух очередных заседателей. Судам подсудны уголовные и гражданские дела. Политические преступления рассматриваются революционным трибуналом, который организуется в Красноярске. В Туруханском крае учреждаются два

народных суда: один – до Подкаменнотунгусской границы, Костино; другой – в Монастырском, и временно – одна должность следователя. Кандидаты народных заседателей выдвигаются сельскими и волостными ревкомами, утверждаются Туруханским уездным ревкомом. Рекомендуем Енисейскому уездному ревкому для Туруханского края народными судьями в Монастырском – Журавского Петра Альфонсовича, юриста на Тунгуске – Юнге Василия Михайловича. За Туруханским краем признаны права уезда. Утверждение кандидатов на должности судей и следователя зависит непосредственно от вас» [3. С. 6]. «Заседателями могут быть лица, имеющие право избирать и быть избираемыми в советы рабочих и крестьянских депутатов независимо от вероисповедания, национальности, оседлости, достигшие 18 лет» [4. С. 58].

Уже 30 апреля 1920 г. Енисейский окружной суд получил список народных заседателей, утвержденных Туруханским ревкомом. Народные заседатели были выбраны на станках Карасино, Плахино, Дудинка, Монастырское [5. С. 1]. Камера судьи П. Тунгуски была назначена как пункт с более широкими экономическими перспективами ближайшего будущего по сравнению с Енисейском. Из Красноярска оптимистично советовали: «Тунгусская кооперация могла бы дать более надежный состав заседателей» [2. С. 9]. Однако нужно иметь в виду, что это были суды, обязанные отправлять правосудие для всех жителей Туруханского уезда, кроме кочевого коренного населения. В июне 1920 г. на заседании Туруханского ревкома был заслушан доклад народного судьи 43 судебного участка, который предложил: «Принимая во внимание незначительное количество судебных дел и общей работы суда, возможно слияние двух судебных участков». Однако решение ревкома было однозначным: «Поселения разбросаны на громадные расстояния. Признать необходимым оставить 43 и 44 участки» [4. С. 43].

В декабре 1920 г. состоялся Туруханский краевой съезд советов, на котором были подведены первые результаты судебного реформирования. По вопросу организации судов для

коренного населения было сказано: «Что касается отправления правосудия среди инородцев, то крайревкому поручается обследовать вопрос и выяснить желаемые формы организации суда в инородческой среде, и свои заключения представить губернской власти. Временно же съезд устанавливает следующие положения при разборе инородческих дел:

1. Мелкие дела (с участием 2 заседателей), которые до сих пор разбирались инородческими родами самостоятельно, оставляются в их ведении;
2. Крупные дела (с участием 6 заседателей) разрешаются постоянным народным судом;
3. При разрешении смешанных дел, где участвуют в качестве сторон инородцы и русские, половину числа заседателей должны составлять инородцы, половину – русские» [2. С. 24–32].

31 октября 1922 г. ВЦИК утвердил «Положение о судоустройстве РСФСР», действие которого распространялось на всю территорию РСФСР. Складывалась единая судебная система: народный суд – губернский суд – Верховный суд РСФСР. 25 мая 1922 г. было принято «Положение о прокурорском надзоре». По «Положению о судоустройстве» (1924 г.) народные судьи избирались городскими советами и РИКаами. Но на территории Туруханского края никаких действий по учреждению новой системы управления и суда в кочевых районах не происходило почти до середины 1920-х гг. Установление советской власти на территории Енисейской губернии в 1920 г. не означало автоматического распространения советских законов по всей территории Туруханского края. Подтверждением этого является письмо старосты Тазовского юратского рода Николая Ямкина от 6 декабря 1920 г.: «При прежних порядках в инородческом суде по его устоям и обычаям часто применялись за более важные проступки телесные наказания, хотя не в строгом смысле этого слова. Теперь же таковые не применяются как недопустимые законами советской власти, что известно от русских представителей таковой. В инородческой среде происходит неповиновение

приказанием должностных лиц, что вредит как в частности, так и вообще в государственном устройстве жизни. Также, не предвидя строгого наказания за проступки в виде ссор, драк между собою, прочие увеличиваются. Большинство дел остаются неразобранными в ожидании народного судьи, приезд которого должен состояться в настоящем году, что официально известно от комиссара Тазовского участка» [6. С. 194; 7. С. 301]. Действительно, в конце 1920 г. лишь в Тазовскую тундру был направлен первый народный судья. В первой половине 1920-х гг. в Туруханском крае были организованы народные суды на двух участках, но ни одного не было создано в Илимпейской тундре и на Подкаменной Тунгуске [7. С. 141].

Интеграция судебной системы коренных народов Севера в судебную систему Советской России проходила медленно. Перехода традиционных форм суда и юридических обычаев к государственному суду и праву в 1920-е гг. в Туруханском крае не наблюдалось.

Губисполком разработал в 1923 г. «Положение об управлении Туруханских туземных племен», которое предусматривало разбирательство кочевыми советами дел, возникающих в пределах их кочевий, против здоровья, свободы и достоинства личности и имущественных посягательств. Первой инстанцией являлся суд кочевых советов, второй – окончательной – народный суд с двумя заседателями от туземцев. При решении дел кочевыми советами принималось к руководству обычное право [8. С. 12, 54]. Под термином «обычное право» подразумевалась совокупность доправовых юридических установлений кочевых народов. Юрисконсульт Енисейского губисполкома Дмитрий Евдокимович Лаппо писал: «Нормы обычного права, очищенные от пережитков крепостничества, должны быть использованы в интересах населения. Поэтому необходимо, чтобы местные советы путем обязательных постановлений регулировали охоту, рыбную ловлю, скотоводство туземцев, заимствуя правила из туземного обычного права» [11. С. 3].

Во второй половине 1924 г. в Красноярский губисполком из Москвы поступил про-

ект «Примерного положения об организации судебной части в северных окраинах РСФСР». 24 октября 1924 г. в Туруханске состоялось совещание комиссии по выработке судебных норм для инородческого населения тундр Туруханского уезда и возможности применения отдельных статей Уголовного и Гражданского кодексов РСФСР. Была создана комиссия под председательством помощника прокурора Рогожина. Членами комиссии стали председатель Туруханского исполкома Ф. Я. Бабкин, народный судья Галепов, народный следователь Бабич, инструктор по инородческим делам Е. С. Савельев.

По мнению Ф. Я. Бабкина, «введение в «Положение» статей, карающих преступника лишением свободы до 3 лет, было невозможно ввиду отсутствия в уезде домов лишения свободы и особых условий жизни и природы инородца». Часть статей УК (150–176) он отверг «ввиду того, что эти статьи рассчитаны на преступления, могущие иметь место в более культурных местностях, а не среди инородческого населения, где причин, вызывающих такого рода преступления, у инородческого населения не может быть» и они «не могут иметь места по жизненным условиям среди инородческого населения».

Рассматривая статью об имущественных преступлениях, он указал на ее сложность, так как она предусматривала квалифицированные кражи. Он посчитал эту статью «неприемлемой» для применения в инородческих судах ввиду того, что «в инородческих судах не могут так тонко разграничить и определить состав преступлений, предусмотренный этой статьей». В то же время он признал, что статьи об открытом грабеже без насилия, то есть похищении имущества, «всегда удается истолковывать в инородческих судах». Особо он оговорил статью, карающую не ниже чем 3 годами лишения свободы и являющуюся подсудной губернскому суду. Он считал, что она «введена не должна быть». Также, по его мнению, статьи о мошенничестве, подделках, фальсификации, ростовщичестве не должны были быть введены «как нежизненные среди населения» [8. С. 9].

26 октября 1924 г. эта комиссия рассмотрела вопрос «О применении гражданских норм РСФСР судами родовых советов среди инородческого населения». Нарсудья Галепов указал на необходимость, «вызываемую жизненными условиями инородческого населения, непониманием им русского языка и неграмотностью», отказаться от введения в судебные нормы инородческих судов гражданского права полностью, принятого в наших нарсудах, оставив им лишь брачное право или, в крайнем случае, все те гражданские иски (прошения), кои будут возбуждаться в инородческих судах». Он предложил порядок рассмотрения таких дел: «Прежде разрешения таковых инородческими судами дела направляются для просмотра в народный суд Туруханского уезда, и уже оттуда, с соответствующими указаниями и ссылками на статьи закона, направлять в инородческий суд для рассмотрения». Однако народный следователь Бабич не поддержал эти предложения: «Предварительный просмотр исковых прошений народным судом и указание инородческим судам, какие применять статьи кодекса и чем руководствоваться при рассмотрении исков, не должны иметь места, так как ничего подобного наше гражданское право не знает. Если принять предложение Галепова, то получится, что мы вводим контроль над инородческими судами и до разрешения исков, и после. Нарсуд явится апелляционной или кассационной инстанцией. Невозможно это положение еще и в связи с территориальными условиями уезда, так как может получиться, что исковое прошение, посланное в народный суд для такого рода контроля, будет – ввиду отсутствия в уезде дорог, средств передвижения и специальной почты – тащиться до народного судьи полгода, столько же обратно». Эту точку зрения комиссия поддержала. Помощник прокурора Рогожин предложил отказаться от взимания инородческими судами судебной пошлины и гербового сбора, «дабы не оттолкнуть инородца от суда»: «Мы много не потеряем, раз уж мы нашли возможным освободить инородческое население от налогов. Из гражданского права необходимо ввести исковую давность». Статьи брачного права комиссией были приняты «пол-

ностью» [8. С. 10]. Галепов, обращая внимание на своеобразие инородческих судов, считал, что «их пора изжить». Однако было понятно, что это предложение скорее из области пожеланий, поэтому он предложил «постепенно советизировать туземцев, дать хотя бы некоторые статьи «Гражданского кодекса», жизненно необходимые, в которых они смогут сориентироваться». Бабич был более категоричен: «Раз мы уж дали инородцам уголовное право, не боясь, что с ним они не справятся, то надо быть последовательным и дать им гражданское право, так как у нас нет никаких оснований полагать, что инородческие суды не разберутся с тем минимумом статей из «Гражданского кодекса» и процессуального, который мы намечаем». Члены комиссии единогласно решили ввести нормы ГК в практику работы инородческих судов. При этом комиссия сочла нужным принять решение: «При разрешении гражданских дел также принимается к руководству обычное право туземных племен, поскольку оно не противоречит суду советского законодательства. По всем делам, как гражданским, так и уголовным, производящимся в родовых судах, стороны во всяком положении дела могут кончить его миром» [8. С. 11].

В Красноярск ушло заключение: «Дабы не вносить в умы туземного населения путаницы, постановили, что решению родовых советов должны принадлежать уголовные и гражданские дела по статьям (перечень). При разрешении гражданских дел применяется также обычное право. По всем делам, как гражданским, так и уголовным, дела могут кончить миром» [8. С. 12–13].

Одновременно с рассмотрением судебных норм 5 ноября 1924 г. президиумом Туруханского УИК было утверждено «Положение об управлении туруханских туземных племен», в котором параграфом шестым предписывалось: «Разбирательству родовых советов подлежат все гражданские и уголовные дела, возникающие в пределах кочевий. По всем делам, как уголовным, так и гражданским, производящимся в родовых судах, стороны во всяком положении дел могут кончить их миром. При решении

дел туземцев одного и того же рода принимается к руководству обычное право их рода, поскольку оно не нарушает общих начал, изложенных в перечисленных выше статьях. Высшей инстанцией для обжалования приговора родового суда является народный суд» [8. С. 5].

Практически в это же время в Комитете Севера при Президиуме ВЦИК был разработан проект «Положения о тундровых советах, родовых обществах и родовом суде северных туземных племен», которым предлагалось организовывать «временно действующие специальные суды – туземные родовые суды». В примечании говорилось: «Наркомюсту по соглашению с Комитетом содействия предоставляется в связи с изменением бытовых условий, согласно волеизъявлению туземного населения, вводить на территориях Севера единую систему судебных учреждений на основании ст. 1 «Положения о судостроительстве РСФСР». Туземные родовые суды должны были состоять при туземных родовых советах в составе трех судей: председателя и двух членов, избираемых туземным родовым советом на один год. Решения туземного родового суда обжалованию не подлежали. Непосредственный надзор за деятельностью туземного родового суда принадлежал туземному родовому совету. Туземный родовой суд должен был разбирать и решать все гражданские дела, возникающие в пределах кочевий, рыбных и охотничьих ловов между гражданами, принадлежащими к туземным северным племенам, а также названными гражданами и иными частными лицами, принадлежащими к другим племенным группам Союза ССР. Также ему были подведомственны все деяния лиц, предусмотренные Уголовным кодексом РСФСР, кроме: умышленного убийства и разбоя; государственных преступлений; нарушения правил отделения церкви от государства. Кроме норм местного обычного права, за нарушение обязательных постановлений и других распоряжений местных органов власти туземному родовому суду предоставлялось право налагать взыскания в виде штрафа не свыше 50 рублей с переводом в необходимых случаях по таксе, устанавливаемой туземным родовым советом, на беличьи

или иные меха, или в виде ареста не свыше 2 недель, или в виде принудительных работ без содержания под стражей [8. С. 58–59].

Д. Е. Лаппо писал: «Хозяйство и право северных племен настолько своеобразно, что естественно временно сохранить за ними их племенную автономию судиться и разбираться по своим обычаям в тех случаях, когда эти обычаи не находятся в противоречии с началами советского права» [12. С. 7]. По его мнению, «подчинение северных туземных племен юрисдикции единой системы судебных учреждений по «Положению о судостроительстве», несомненно, привело бы к самым нежелательным последствиям». И он указывал на эти риски: «Наряду с официальными судами будут существовать нерегулируемые законом расправы с нарушителями охотничьего и рыболовного права. Судьи единой системы будут далеки от понимания правосознания северных туземных племен, и, связанные во многих случаях формальными требованиями изданных кодексов, они часто будут выносить решения и приговоры, не соответствующие задачам советской власти по приобщению северных туземцев к строительству и по освобождению порабощенных народностей от ига более культурных наций. В этом случае советская власть незаметно для себя самой в тундре явится тем, чем является законодательство европейских демократий для туземцев в колониях» [12. С. 8].

В Красноярском комитете Севера было решено заседания родовых судов проводить в присутствии северных инспекторов. Запись решений родового суда возлагалась на секретаря родового совета или лицо, его заменяющее. Этим на северного инспектора косвенно возлагалась ответственность за направление дел в родовых судах, за согласованность их решений как с началами Конституции, так и с правосознанием населения [12. С. 9].

29 декабря 1924 г. административно-правовая комиссия Комитета Севера при президиуме ВЦИК обсудила проект постановления ВЦИК и СНК РСФСР «Об организации судебной части в северных окраинах РСФСР». Толерантное отношение к существующему традиционному праву прослеживается в рекомендациях комис-

сии: «При отправлении правосудия родовые и районные суды могут руководствоваться обычаями, причем соблюдение форм, установленных ГПК и УПК РСФСР для единого народного суда, не является обязательным» [9. С. 62]. В зиму 1924–1925 г. северные инспекторы наряду с выборами родовых советов проводили мероприятия по выборам родовых судей.

В марте 1925 г. ВЦИК принял «Примерное положение об организации судебной части на северных окраинах РСФСР». Содержание этого документа подтверждает слова К. Маркса: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [14. С. 19]. В сопроводительной записке к «Примерному положению» говорилось: «Так как компетенция суда в области гражданского права распространяется на дела между туземцами, то необходимо предоставить ему применение обычного права, а чтобы облегчить государственным и кооперативным организациям, работающим на Севере, вести расчеты с туземцами, им предоставлено право по их усмотрению обращаться за разрешением споров с туземцами к родовому суду, чем будет подыматься авторитет самого суда, способствуя воспитанию самостоятельности туземцев [13. С. 7].

Из гражданских дел родовому суду были подсудны все споры, проистекающие из брачных и семейных отношений, споры имущественно-правового характера безотносительно к цене иска, в том числе: о расторжении брака; о решении участи детей при расхождении супругов; о разделе семейного имущества; о правах наследования; об истребовании имущества из чужого владения; о праве пользования пастбищными, рыболовными и другими угодьями. Неподсудны родовым судам были: контрреволюционные, должностные преступления; бандитизм, контрабанда, ложный донос, лже-свидетельство, укрывательство преступников, порча средств сообщения и связи, убийства, нанесение тяжких телесных повреждений, разбой, подлог [13. С. 2].

Таким образом, оформление судов в северных районах Енисейской губернии началось с середины 1920-х гг. Судебные дела до 1927 г. в кочевых родах рассматривались туземными судами, которые руководствовались обычным правом. Параллельно шла разработка советских нормативных документов, предусматривающих распространение общепринятых норм при отправлении правосудия на коренное население Севера.

Источники и литература

1. Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). – Томск, 1990.
2. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. Р. 259. О. 1. Д. 28.
3. ГАКК. Ф. Р. 259. О. 1. Д. 30.
4. Там же. Ф. Р. 259. О. 1. Д. 34.
5. Там же. Ф. Р. 259. О. 1. Д. 38.
6. Там же. Ф. Р. 1303. О. 1. Д. 13.
7. Там же. Ф. Р. 1303. О. 1. Д. 15.
8. Там же. Ф. Р. 1845. О. 1. Д. 2.
9. Там же. Ф. Р. 1845. О. 1. Д. 3.
10. Там же. Ф. Р. 1845. О. 1. Д. 12.
11. Там же. Ф. Р. 1845. О. 1. Д. 53.
12. Там же. Ф. Р. 1845. О. 1. Д. 109.
13. Там же. Ф. Р. 1845. О. 1. Д. 187.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. – Т. 19.

Борисенко Е. А.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТАЛИНСКОГО ПЛАНА ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ НА ТЕРРИТОРИИ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Статья посвящена реализации одной из крупнейших государственных программ XX в., направленных на снижение зависимости сельскохозяйственного производства от природно-климатических факторов. Рассматривается процесс реализации Плана преобразования природы на территории Хакасии в послевоенные годы.

Ключевые слова: Хакасская автономная область, Красноярский край, колхоз, план преобразования природы, лесополосы, оросительная система, пруд.

После окончания Великой Отечественной войны Советский Союз приступил к восстановлению разрушенного хозяйства, но вскоре оказался под ударом природной стихии. Сильная засуха в Черноземье, Украине, Казахстане, Поволжье и на Северном Кавказе погубила первый послевоенный урожай. В результате в 1947 г. в СССР не хватало хлеба и других продуктов питания, и население не было застраховано от повторения голода.

С целью снижения зависимости сельского хозяйства от природных факторов была разработана программа, впоследствии получившая громкое название – «Великий Сталинский план преобразования природы».

Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) предусматривало проведение работ в пострадавших от засухи районах европейской части страны. Но проблемы борьбы с засухой и суховеями существовали и в других регионах, в том числе и в Красноярском крае. Например, воздействию этих природных факторов была подвержена значительная часть сельскохозяйственных угодий в Хакасской автономной области и на юге края. За одиннадцать лет, предшествующих принятию постановления Советом министров СССР и ЦК ВКП(б), эти районы пережили пять засушливых сезонов. В результате была потеряна часть урожая сельскохозяйственных культур и сорва-

на заготовка кормов на стойловый период содержания скота [3. Л. 28–31].

По этой причине руководство Красноярского края в своих обращениях к правительству страны доказывало необходимость проведения полезащитных и мелиоративных работ в южных районах края и Хакасской автономной области. В Минусинском, Шушенском, Краснотуранском, Идринском и Усинском районах, подверженных периодической засухе, посевные площади составляли 349 577 га, из которых под зерновыми культурами было занято 280 413 га. На юге края было развито колхозное садоводство, хорошие урожаи давали овощные и технические культуры. Здесь производился выпас 249 900 овец, 63 400 голов крупного рогатого скота и 38 700 лошадей и заготавливался фураж для их зимнего содержания. Краевой комитет партии ссылался на то, что проведение полезащитных и мелиоративных работ позволило бы краю за счет собственного производства наладить снабжение Енисейского Севера картофелем и овощами, а также закрыть потребности Канской махорочной фабрики в табачном сырье [3. Л. 28–31]. Инициатива краевого комитета была поддержана руководством страны при условии, что при проведении работ край будет опираться на собственные людские, финансовые и материальные ресурсы.

В результате исполком крайсовета и бюро крайкома ВКП(б) совместным постановле-

нием от 11 января 1949 г. образовали Комиссию по подготовке мероприятий по насаждению полезащитных лесных полос, освоению травопольных севооборотов, строительству прудов и водоемов. По предложению комиссии было запланировано создание в Минусинском районе государственной лесной полосы протяженностью 38 км и площадью 1900 га. В связи с тем, что для ее закладки необходимо было провести широкий спектр подготовительных работ, создание полосы наметили на 1954–1955 гг. [7. Л. 37–38].

Помимо этого в 1954–1955 гг. намечалось создание защитных лесных насаждений на полях колхозов и совхозов на площади 48,42 тыс. га. В крае планировалось создать сеть питомников по выращиванию посадочного материала таким образом, чтобы на 2–3 колхоза приходился один питомник, а также к концу 1953 г. оснастить МТС необходимой для посадки саженцев техникой [7. Л. 39–41].

Основное внимание при проведении мелиоративных работ предлагалось направить на засушливые районы Хакасско-Минусинской котловины, где уже использовалось 57,1 тыс. га орошаемых земель [5. Л. 3]. Ее территория находилась в зоне комфортных климатических условий для ведения зернового хозяйства, но испытывала дефицит воды, что сказывалось на урожайности. Например, средний урожай зерновых в колхозах области в 1945 г. составил 2 ц/га, в 1946 г. – 3,2 ц, а на орошаемых участках в эти годы он колебался от 15 до 42 ц/га [5. С. 1–2].

В 1948–1949 гг. было запланировано строительство новых систем для орошения 2630 га, проведение реконструкции уже имеющихся систем, рассчитанных на орошение 3700 га, и проведение работ по улучшению орошения на площади 11 000 га [2. Л. 16]. В пятой пятилетке планировалось увеличить площадь орошаемых земель на 6500 га, в том числе за счет строительства инженерных сооружений на площади 2500 га [2. Л. 16].

Пруды и другие искусственные водоемы могли использоваться также в качестве источника дополнительного дохода колхозов, по-

скольку некоторые артели к этому времени уже освоили разведение рыбы. В годы V пятилетки только в южной группе районов предстояло построить 83 пруда, причем 10 прудов общей площадью более 70 га были рассчитаны на использование под рыбоводство с выходом товарной продукции: 25 тонн зеркального карпа [3. Л. 41].

Несмотря на разработку краевой программы реализации «Сталинского плана преобразования природы», краевой комитет партии и крайисполком пытались дополнительно заручиться адресной поддержкой правительства страны. Совет министров СССР после многократных обращений руководства Красноярского края согласился с его доводами и 10 ноября 1950 г. принял решение «О мероприятиях по развитию орошаемого земледелия, полезащитного лесонасаждения и сельскохозяйственного водоснабжения в Хакасской автономной области». В соответствии с ним на территории Хакасии и южных сельскохозяйственных районов края планировалось за счет строительства новой оросительной системы и восстановления существовавших ранее оросительных сооружений довести площадь орошаемых земель до 100 тыс. га, из них в колхозах – до 86 641 тыс. га., в совхозах – до 13 359 тыс. га [3. Л. 31].

Здесь предстояло наладить эксплуатацию уже построенных Абаканской и Уйбатской оросительных систем. Также планировалось построить Койбальскую оросительную систему, рассчитанную на орошение 60 тыс. га, и входящие в нее Тесинскую систему с площадью орошения в 3 тыс. га, Шушенскую и Ойскую оросительные системы с общей площадью орошения в 5 тыс. га.

Планировалось создание около 10 крупных и 100 небольших колхозных прудов [8. С. 548].

На выполнение этих работ государством выделялось 100 млн рублей [4. Л. 4].

Получение разрешения на участие в реализации «Сталинского плана преобразования природы» дало возможность перевести уже осуществляемые виды работ на качественно более высокий уровень, разработать соответствующие

программы и заручиться государственной поддержкой в развитии орошаемого земледелия в Хакасской автономной области.

Но практическая реализация разработанных программ затруднялась дефицитом рабочей силы, финансовых средств и материальных ресурсов. Например, для выполнения работ в европейской части страны в 1949 г. были созданы 119 лесозащитных станций, в составе которых организовали агролесомелиоративные бригады. Станции получили необходимую им технику [1. С. 123]. Создание первых лесозащитных станций в Красноярском крае было запланировано только на 1951 г. [5. Л. 83]. Скорее всего, это объясняется тем, что при плановой экономике возникали сложности с выделением финансовых средств на работы, начатые уже после утверждения пятилетних планов.

Колхозы и МТС были вынуждены перераспределять часть крайне ограниченной рабочей силы на новое для них направление работы. Поэтому расчет делался не только на максимальное использование возможностей колхозов и МТС, но и на привлечение к работе комсомольцев, пионеров и школьников.

К агитационно-пропагандистской работе по разъяснению плана преобразования природы были привлечены партийные организации, научные работники и специалисты сельского хозяйства. В ней использовались возможности периодической печати, радио и кино, в трудовых коллективах и учебных заведениях проводились лекции и тематические беседы.

Однако главным аргументом в пользу выполнения запланированных мероприятий являлся рост урожайности в хозяйствах, которые провели работы по созданию водоемов и закладке полезащитных лесополос. Очевидный рост урожайности в некоторых колхозах Минусинского района побудил правления одиннадцати колхозов района начать закладку питомников по выращиванию посадочного материала для будущих лесополос. Осознавая важность проведения полезащитных работ в районе, специалисты районного управления сельского хозяйства совместно с колхозами разработали долгосрочный план создания лесополос

на площади 2462 га, рассчитанный на пятнадцать лет [9. С. 1].

1951 г. стал переломным в организации полезащитных работ в связи с тем, что эти работы были включены в пятилетние планы. Теперь в колхозах стали активно создавать специализированные бригады и звенья. Весной 1951 г. в колхозах и совхозах края было создано 25 межколхозных лесопитомников, собрано для высева 560 кг семян деревьев, было организовано 50 лесопосадочных звеньев, что позволило заложить лесополосы на площади 152 га [6. Л. 3].

Реализация намеченных планов проведения полезащитных лесопосадок сдерживалась еще одной серьезной проблемой – нехваткой саженцев. Питомники, заложенные в ряде колхозов в 1948 г., не могли закрыть все потребности в посадочном материале. Для производства саженцев нужно было время, и в большинстве колхозов на первых порах приходилось использовать молодые деревья, выкопанные в окрестных лесах. При этом много посадочного материала гибло из-за повреждения корневой системы, плохой приживаемости, зарастания травой и отсутствия полива. Эти негативные моменты объяснялись тем, что во многих хозяйствах не было опыта закладки и выращивания лесных полезащитных полос. Уход за молодыми деревьями требовал значительных затрат, которые не давали непосредственной экономической отдачи при оценке хозяйственной деятельности колхозов за год. Нередко давление на колхозы со стороны районных партийных и советских органов приводило к штурмовщине, выполнению планов по формальным показателям и последующей гибели участков лесополос.

Несмотря на многочисленные проблемы и ошибки в работе, за 1949–1951 гг. в восьми районах Хакасской автономной области лесополосы были созданы на площади 495 га. Но сохранить их удалось только на 265 га.

Ряд проблем затруднял и запланированное строительство оросительных систем. Во-первых, оно также требовало привлечения специалистов и большого количества рабочей силы. Но на протяжении всех 1940-х гг. в край не было направ-

лено ни одного специалиста по строительству оросительных систем [5. Л. 4–5]. Во-вторых, проведение работ сильно ограничивала нехватка специализированной техники. Созданные при МТС в 1951 г. 8 машинно-мелиоративных отрядов не удалось укомплектовать в нужном количестве ни кадрами, ни техникой [5. Л. 4].

Многие колхозы, которые создали пруды, хотели бы произвести зарыбление новых водоемов или использовать их для разведения водоплавающих птиц. Но ограниченные мощности единственного в крае Ужурского рыбопитомника не позволяли производить запрашиваемое колхозами количество мальков.

Краевая программа преобразования природы внедрялась постепенно. Некоторые направ-

ления давали вполне ощутимые результаты. Это позволяет говорить о начале направленного воздействия людей на природно-климатические условия в ходе сельскохозяйственного производства, что было принципиально новым фактором в работе колхозной системы.

Архивные источники позволили понять, что в выполнении программы преобразования природы отчетливо прослеживался кампанейский подход, обусловивший ослабление внимания к другим не менее важным направлениям работы. Однако если бы эта работа была выполнена в полном объеме, то, вероятно, сельское хозяйство края могло бы получить не только экономический, но и долгосрочный экологический эффект.

Источники и литература

1. Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). – М.: Мысль, 1976.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 20. Д. 508.
3. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 21. Д. 1309.
4. Там же. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 552.
5. Там же. Ф. П-26. Оп. 22. Д. 553.
6. Там же. Ф. П-26. Оп. 24. Д. 579.
7. Там же. Ф. Р-1386. Оп. 4. Д. 127.
8. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг.: сб. документов. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1957.
9. О Сталинском плане преобразования природы // Красноярский рабочий. – 1949. – № 55.

УДК 376.744

Гюнтер О. А.

РОЛЬ КРАСНОЯРСКОГО КОМИТЕТА СОДЕЙСТВИЯ МАЛЫМ НАРОДНОСТЯМ ОКРАИН СИБИРИ В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ - КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья представляет собой обзорное исследование, посвященное истории становления и развития системы национального образования для коренных народностей севера Енисейской губернии Красноярского края и роли в этом процессе Красноярского комитета содействия малым народностям окраин Сибири.

Ключевые слова: Енисейская губерния, национальное образование, образование, учитель, школа.

Произошедшие в 1917 г. революционные события оказали огромное влияние на систему народного образования Советского государства. Изменились не только принципы, формы организации и управления, методика, но и главное – конечные цели образования. Теперь это понятие включило в себя как обучение, так и воспитание цельной, творческой, инициативной личности, идеологически и политически выдержанной, полезной советскому обществу и государству. Образование объявлялось доступным – вне зависимости от пола, вероисповедания, национальности. Для многонациональной Российской республики это был важный и очень смелый шаг. Данные изменения напрямую коснулись и Енисейской губернии, которая исторически являлась многонациональным регионом.

За короткий период (1917–1919 гг.) был принят ряд законодательных актов, сформировавших новую систему образования и выделивших национальные школы в самостоятельную и равнозначную категорию образовательных учреждений. На их основе система образования претерпела коренные изменения, отразившиеся в том числе и на системе национальных школ: частные школы запрещались, вводилось бесплатное всеобщее обязательное обучение вне зависимо-

сти от пола; школа отделялась от церкви, а церковь – от государства; отменялись физические наказания детей; все национальности получили право обучения на родном языке. Соответственно все методические принципы Единой трудовой школы были реализованы и в системе национальных школ – комплексность, политехнизм (практико-ориентированный подход), краеведческий компонент, идейно-политическое воспитание, самоуправление, реализация программы Государственного учебного совета (ГУСа).

Начало делу развития национального образования на территории Красноярского края было положено с момента создания Енисейского губернского отдела народного образования (Енгубоно), организованного 6 января 1920 г. В его ведении находились уездные отделы, Туруханский краевой отдел народного образования, а также вся сеть культурно-просветительных учреждений губернии. В октябре 1920 г. был создан подотдел национальных меньшинств, в 1924 г. – Совет национальных меньшинств из представителей наиболее крупных национальностей [1. Л. 29]. В кратчайшие сроки возникла разветвленная сеть национальных школ компенсирующего типа.

Задача эта была крайне сложной, подчас непосильной. Национальный состав губернии

сложился чрезвычайно пестрый – то были и пришлые народы (поляки, евреи, немцы, украинцы, белорусы, народы Прибалтики и т. д.), и коренные инородцы. И если для первых речь шла по большей части о перестройке школы в соответствии с требованиями времени, то для вторых проблема стояла существенно острее – все упиралось в ликвидацию элементарной неграмотности.

Осложняли ситуацию тяжелое экономическое положение губернии, масштаб территории, разный культурный уровень народов, оторванность от центра, отсутствие опытных педагогов. Требовался особый подход в решении названных проблем, дополнительные усилия со стороны целого ряда ведомств. В ходе длительных обсуждений, споров и компромиссов было принято решение создать дополнительное ведомство для содействия культурному и хозяйственному развитию народностей Севера.

20 июня 1924 г. при президиуме ВЦИК был образован Комитет содействия северным народностям под председательством П. Г. Смидовича. [3. Л. 129]. Подобные комитеты создавались на местах в тех регионах, где проживали малые народности Севера. Основная задача комитета заключалась в том, чтобы «вовлечь северные народности в строительство социализма». Перед комитетом встал и ряд других важных практических задач, в том числе организация народного просвещения с учетом особенностей жизни, быта, языка коренного населения, содействие хозяйственному, культурному развитию народностей и их включение в структуру советского общества.

В русле общесоюзных директивных установок на территории Енисейской губернии в марте 1925 г. был создан Красноярский комитет содействия малым народностям окраин Сибири (далее Комитет). Он сыграл огромную и, пожалуй, основополагающую роль в деле просвещения коренных народов Севера. В соответствии с положением о Комитете были обозначены основные направления его деятельности – содействие в устройстве малых народностей северных районов в хозяйствен-

но-экономическом, административно-судебном и культурно-просветительном отношении, создание национальных кадров.

По инициативе Комитета организовывались научные экспедиции, передвижные медицинские отряды, ветеринарные пункты, культбазы (на р. Туре), школы. Представители малых народностей направлялись на учебу в Институт народов Севера и Ленинградский институт живых языков. Вся работа комитета проводилась через сеть уполномоченных при районных исполкомах. По вопросам культуры и просвещения Комитет работал в контакте с окружными организациями и отделом народного образования, научными учреждениями, исследователями, учеными, родовыми советами. За время существования Комитета Севера в Туруханском крае было создано 5 школ-интернатов.

Нельзя не отметить, что дело просвещения национальных меньшинств севера Енисейской губернии было начато еще в дореволюционный период. Силами миссионеров Русской православной церкви были созданы 4 национальных школы: Туруханская (1889 г.), Верхне-Инбатская (1889 г.), монастырская при Туруханском Троицком монастыре (1863 г.), Тазовская (1890 г.). В новый, переломный период истории система национальных школ региона вступала, располагая определенным практическим опытом и результатами. Однако деятельность Комитета имела совершенно иные масштабы.

Благодаря его работе школьное строительство происходило с учетом особенностей культурного, хозяйственного, бытового уклада северян, их кочевого образа жизни. Именно поэтому в Туруханском крае существовали школы исключительно интернатного типа. Их месторасположение определялось с учетом мнения самих коренных народов. К разработке программ обучения инородцев Комитет привлекал не только методистов и педагогов, но и этнографов.

С 1924 г. в Туруханском крае имелось три школы-интерната – Илимпийская (на оз. Чиринда), Хатангская и Тазовская (на Яновом стане). Двумя годами позже была открыта школа при Туринской культбазе. К 1929 г. число

школ достигло пяти. Средний возраст учеников колебался от 16 до 20 лет. В дальнейшем школьную сеть планировалось существенно расширить.

Изначально отношение к советской школе у местного населения было враждебным. Однако со временем оно менялось – школа становилась центром образования, культуры и просвещения. «Теперь мы можем определенно констатировать перелом у туземцев в отношении к школе. Лед недоверия сломан. Правда, до бурного ледокола еще далеко, но начало положено и задачи нашей дальнейшей работы», – отмечается в отчете Туринской культбазы за 1927 г. [21. Л. 127].

Средний срок обучения в школах составлял 4 года, изучение русского языка начиналось с третьего года обучения. Длительность, начало и окончание учебного года определялись с учетом уклада жизни северян.

Что касается методической базы, то во второй половине 1920-х гг. предпринимались осторожные попытки перехода на программы ГУСа. С 1926 г. в национальных школах Туруханского края под бдительным контролем Комитета началась реализация сибирского варианта программ ГУСа. Природа, трудовая деятельность, общественная жизнь местного населения находили прямое отражение в течении образовательных процессов.

Идеи политехнизма, краеведения, политического воспитания и самоуправления не всегда получалось реализовать на пространстве школ народов севера губернии, однако педагоги прикладывали все силы. Научный сотрудник Ленинградского географического института Прокофьев в докладной записке о деятельности школы на Яновом стане за 1926 г. сообщает: «Школьные занятия сопровождались посещением чумов и экскурсиями в учреждения Культбазы: больницы, ветлечебницу, газокамеру [...] построен был ребятами городок: чум, голомо, балаган [...] Занятия по промысловому уклону сопровождались экскурсиями в лес. Составлена карта распространения промысловых зверей по району [...] С осени при школе была оборудована столярная мастерская» [21. Л. 126].

Также ученики привлекались к работе в школьном хозяйстве – на промысловом участке, в рыболовных угодьях, опытно-показательном питомнике, оленьем стаде и столярных мастерских. Это помогало им не порывать с традиционными промыслами, приобретать новые и совершенствовать имеющиеся навыки.

С 1927 г. при Туринской культбазе приступила к работе вечерняя школа для взрослых. С 1926 г. по инициативе Комитета началась активная разработка учебников для местного населения. В ней участвовали как методисты, так и простые педагоги школ.

В дальнейшем выпускники национальных школ могли продолжить образование в Томском краевом тюркском педагогическом техникуме, Сибирском сельскохозяйственном институте Омска, на Киргизском отделении Омского рабфака и Тюркском отделении Томского рабфака, на Ленинградском рабфаке и в других вузах и техникумах.

На основании постановления пленума Комитета содействия народностям северных окраин при ВЦИК СССР от 11–12 мая 1925 г. было положено начало направлению на географический факультет Ленинградского государственного университета «молодых людей туземного происхождения». Единственным требованием к абитуриентам было сносное владение русским языком и образование, полученное в школе первой либо второй ступени. Студенты обеспечивались комнатой в общежитии и стипендией, оплата дороги до места обучения возлагалась на местный исполком. Первыми студентами стали уроженцы Туруханского края: А. Н. Потапов, А. Я. Вотинков, К. В. Меленин (долган), И. Ф. Дибиков (остяк). Еще через год институт выделил дополнительно 5 мест. Среди студентов были и девушки – тунгуска Пелагея Григорьевна Маюль (1927 г.). К 1928–1929 учебному году обучение прошли 23 представителя Енисейской губернии. Срок обучения составлял 4 года. Этот процесс был обратным – множество выпускников географо-этнографического факультета ЛГУ желали работать в Туруханском крае. Чаще всего их просьбы рассматривались положительно.

В начале 1930-х гг. бурное развитие национальных школ продолжалось. Однако идея коренизации постепенно отживала свое. За этим стоял комплекс идейно-политических, социальных, экономических изменений 1930-х гг. На смену идее коренизации школ пришла идея русифицирования национальных учебных заведений. К середине 1930-х гг. национальные школы были полностью ликвидированы.

За время существования Комитета (до 1932 г.) в Туруханском крае было создано 5 школ, 6 медпунктов, 7 РИКов, 4 ветпункта. В Красноярске была издана карта Туруханского края, в 1926–1927 гг. проведена Приполярная перепись населения, разработан 5-летний план развития народного хозяйства Туруханского края.

Источники и литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 244. Л. 27–29 об., 31.
2. ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–8 об.
3. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 86, 93–94 об., 123–123 об., 129–133.
4. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.
5. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–5, 10–10 об., 13–13 об., 18–20 об., 39, 74–75 об.
6. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 12. Л. 48, 50.
7. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–1 об., 27–27 об.
8. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 8.
9. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 23.
10. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 35. Л. 4–5.
11. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 38. Л. 39, 120–125 об.
12. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–7.
13. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 46.
14. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 57. Л. 42–42 об.
15. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 58. Л. 5 об. – 7.
16. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 76. Л. 27–28, 46–51, 91–91 об., 97, 100, 103–103 об., 118, 119, 212.
17. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 89. Л. 162–165.
17. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 92. Л. 2 об., 11–12 об.
18. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.
19. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 136. Л. 44, 76–76 об., 154, 154 об., 158–158 об.
20. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 143. Л. 6–7, 126, 424–428.
21. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 162. Л. 9.
22. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 163. Л. 6, 209–211.
23. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.
24. Там же. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 185. Л. 9, 10, 12, 17, 45–46 об., 75–75 об., 142–142 об., 187, 215.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВЛИЯНИИ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ 1920-х - НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Аннотация. Из всех репрессий, проводимых в СССР, самое значительное влияние на формирование национального и этнического состава населения как всего Союза, так и Красноярского края оказали сталинские репрессии. В статье рассматривается историография сталинских депортаций на территории Красноярского края.

Ключевые слова: национальный и этнический состав, сталинские репрессии, сталинские депортации.

Тема сталинских репрессий не теряет своей актуальности в российском обществе. На данный момент в исторической науке наблюдается разнообразие мнений о развитии России, и часть исследователей пытается представить сталинское правление как определенную модернизацию, называя сталинскую экономику мобилизационной, с чем согласны не все историки [10]. Наличие такого плюрализма мнений говорит о необходимости более точного философско-исторического осмысления сталинизма. Целенаправленного исследования о влиянии сталинских репрессий на формирование этнического и национального состава населения Красноярского края и историографии данного вопроса на сегодняшний день нет, но данная тема отражается в различных исследованиях, касающихся репрессий и депортаций народов в СССР в целом и в Красноярском крае в частности. Изучение историографии сталинских репрессий поможет выявить основные оценки историков и определиться с оценкой сталинизма в целом.

Сталинские депортации как тип репрессий выделены П. Поляном, и, соглашаясь с ним, их можно рассматривать при изучении влияния репрессий на формирование этнического и национального состава населения Красноярского края в СССР в конце 1920-х – начале 1950-х гг. [22]. Исследования депортаций наиболее показательны в этом вопросе

потому, что они отражают изменения численности представителей тех или иных наций и этносов в Красноярском крае в указанный период времени, а также условия адаптации депортированных народов на новом месте; они же дают оценку сталинским депортациям как явлению.

Работы по изучению сталинских депортаций в Красноярском крае можно разделить по хронологии на советский и постсоветский периоды.

Историография сталинских депортаций на территории Красноярского края советского периода в достаточной степени освещена в авторефератах кандидатских диссертаций Е. Л. Зберовской [5], Е. С. Маменковой [17], А. А. Шадта [25]. Но отечественная историография сталинских депортаций изучена неполностью, в особенности после 2012 г., когда С. А. Кропачевым и Е. Ф. Кринко было опубликовано исследование, затрагивающее этот вопрос [14]. Кроме того, на региональном уровне историография депортаций народов в Красноярском крае в конце 1920-х – начале 1950-х гг. также исследована мало. М. Г. Степанов в своей статье об историографии репрессий в Красноярском крае только частично описал опубликованные исследования по сталинским депортациям в этом регионе [24]. С. А. Кропачев в статье по историографии сталинских депортаций не рассматривает региональные исследования, за исключением территории

Кавказа [13]. Частично историография сталинских депортаций в Красноярском крае рассмотрена в работе Е. А. Борисенко [3].

Исследования по теме сталинских депортаций в Красноярском крае можно разделить на посвященные депортации до Великой Отечественной войны, во время нее и после.

Довоенные депортации в Красноярском крае рассмотрены в исследовании А. А. Макарова, который в своей монографии «Репрессии в Красноярском крае (1934–1938)» приводит мнение начальника краевого УНКВД К. А. Павлова о том, что в 1935 г. в регионе было 69 944 «вредного элемента»: административно высланных перебежчиков из-за границы, белогвардейских офицеров. Также в Красноярском крае находились выходцы из Монголии и Маньчжурии [16. С. 16, 36]. Исследователь отмечает, что в 1937 г. по указанию политбюро в Сибири были развязаны кампании против этнических групп населения [16. С. 56]. Макаров делает вывод о том, что репрессии против различных народов были вызваны внешнеполитической обстановкой [16. С. 150].

О. В. Корсакова в своей кандидатской диссертации указывает, что с 1930 г. в Красноярский край начали прибывать спецпереселенцы из Белоруссии, с Украины, Нижней и Средней Волги, и показывает общую численность крестьян-спецпереселенцев в Красноярском крае в 1930-е гг. [11].

В. Биргер отмечает, что в числе сосланных в Красноярский край в 1930-х гг. по этническому составу преобладали украинцы [2].

Депортации народов в Красноярском крае во время и после Великой Отечественной войны (до 1955 г.) рассмотрены в работах Е. Л. Зберовской [5, 6, 7, 8], Л. А. Кутиловой [15], А. А. Шадта [25], Е. С. Маменковой [17, 18], Е. М. Петровой [21], В. А. Крамного [12].

В своей кандидатской диссертации Е. Л. Зберовская понимает под спецпереселенцами «депортированные контингенты поляков, немцев, финнов, греков, калмыков, «оуновцев», «власовцев», высланных из Прибалтики в 1941 и 1945–1949 гг., «кулаков» из Литвы, высланных в 1951 г., и «указников». Говоря о результатах сталинских депортаций, исследователь отмечает: «Последствия политики

принудительных переселений остро проявились в СССР во второй половине 1980-х гг. Ставшая достоянием общественности историческая правда о депортации народов способствовала оживлению не только их самосознания, но и националистических и сепаратистских настроений. В совокупности с другими проблемами страны эти настроения ускорили разрушение Союза» [5]. В своих исследованиях Е. Л. Зберовская впервые показала особенности размещения спецпоселенцев и динамику их численности в Красноярском крае в 1940–1950-х гг. [5]. Исследователь в отдельных статьях рассматривает сталинские депортации калмыков [6. С. 46], поляков [7] и украинцев [8] в Красноярском крае.

А. А. Шадт в своем диссертационном исследовании спецпоселений российских немцев в Сибири пришел к выводу о том, что никакие экономические, политические и социальные обстоятельства не могут оправдать изоляцию этноса, понижение правового статуса, разрушение национального самосознания, культуры и человеческие потери [25].

Л. А. Кутилова в статье о проблемах украинских переселенцев во второй половине XX – начале XXI в. затрагивает тему сталинских депортаций и отмечает, что принудительные миграции украинцев особенным образом отразились на составе населения северных территорий и заполярного края Приенисейской Сибири [15].

Е. С. Маменкова в своей кандидатской диссертации провела сравнительный анализ режима содержания заключенных немцев-трудармейцев [17]. Также автор в отдельной статье указывает на то, что среди найденных немецких архивных документов нет ни одного, который указал бы на существование каких-либо заговорщических связей между рейхом и немцами, что жили на Днестре, у Черного моря, на Дону или в Поволжье. Кроме того, Е. С. Маменкова указывает на то, что данные Н. Ф. Бугая по численности депортированных ближе к данным, указанным в отчете Красноярского крайкома ВКП(б), чем данные, предоставленные В. Н. Земсковым и А. И. Кокуриным [18. С. 33, 35].

Е. М. Петрова в статье о спецпереселенцах в Эвенкии указывает этапы переселения в данный регион и приводит сведения о численности спецпереселенцев. Указана численность в п. Тура

русских, немцев, латышей, евреев, финнов, поляков. Описывается помощь эвенков прибывшим переселенцам и их адаптация [21].

В. А. Крамной в статье об истории села Бражного в Красноярском крае указывает, что с началом ВОВ в данное село стали прибывать немцы, выселенные из Поволжья. В течение октября 1941 г. в Бражное было эвакуировано 63 немца, не считая детей [12].

Л. Н. Славина в статье о социально-демографическом развитии немцев в Красноярском крае показала динамику их численности в регионе с 1897 по 1989 г. [23].

Необходимо отметить, что подробные исследования 1990-х и начала 2000-х гг. [9, 4] не могли учитывать вышеупомянутые работы, затрагивающие тему депортаций народов в Красноярском крае, по объективным причинам – они опубликованы до проведения этих исследований. Однако ряд современных исследователей в своих публикациях по национальной политике в СССР, затрагивающих тему влияния сталинских депортаций на формирование национального и этнического состава Советского Союза и в том числе Красноярского края, не рассматривают работы красноярских исследователей или рассматривают не все из них, либо же рассматривают, но неполноценно, хотя и учитывают исследования депортаций в других регионах. Как пример можно привести статьи

Ф. Ф. Мифта [19] и А. П. Мякшева [20], а также совместное исследование В. А. Бердинских, И. В. Бердинских и В. И. Веремьева [1].

Тема формирования этнического и национального состава населения Красноярского края в конце 1920-х – начале 1950-х гг. не имеет целостного оформления в том или ином опубликованном исследовании, однако широко освещена в большом количестве публикаций, отражающих влияние сталинских депортаций на жизнь и существование различных народов, таких как русские, украинцы, немцы, литовцы, латыши, греки и калмыки.

Также необходимо отметить, что исследования депортаций 1930-х гг., периода до начала Великой Отечественной войны, не дают подробного анализа национального и этнического состава переселенных народов, в отличие от работ о депортациях 1940-х гг., периода Великой Отечественной войны и после нее.

Что касается положительного или отрицательного влияния депортаций на формирование этнического и национального состава населения Красноярского края в конце 1920-х – начале 1950-х гг., то в работах историков преобладает их отрицательная оценка. Это коррелируется, за небольшим исключением, со мнением исследователей, изучающих сталинские депортации [14. С. 209, 210].

Источники и литература

1. Бердинских В. А., Бердинских И. В., Веремьев В. И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х гг. – Сыктывкар, 2015.
2. Биргер В. Обзор ссыльных потоков и мест ссылки в Красноярском крае и Республике Хакасия. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/BirgerS/10.htm>.
3. Борисенко Е. А. Историография репрессий 1930-х гг. в Красноярском крае. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2010/Boriseko.htm>.
4. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину: согласно вашему указанию ... – М., 1995.
5. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940–1950-е гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006.
6. Зберовская Е. Л. Калмыки-спецпереселенцы в Сибири: проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 3. – С. 46.
7. Зберовская Е. Л. Польские спецпереселенцы в Красноярском крае (1940–1945 гг.) // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: матер. науч.-практ. конф., Красноярск, 4–5 ноября 2003 г. – Красноярск, 2004. – С. 185–186.

8. Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы из Западной Украины в Красноярском крае (1945 – начало 1960-х): процесс социокультурной адаптации // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2014. – № 5. – С. 250–254.
9. Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003.
10. Кириллов В. М. Принудительный труд в СССР: историографический аспект // Уральский исторический вестник. – 2017. – № 3. – С. 81–90.
11. Корсакова О. В. Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг.: на материалах Красноярского края. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2001.
12. Крамной В. А. Из истории села Бражного Канского района Красноярского края // Енисейской губернии 180 лет: матер. IV краеведческих чтений, Красноярск, декабрь 2002. – Красноярск, 2003. – С. 108–114.
13. Кропачев С. А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 23. – С. 100–103.
14. Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения в СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. – М., 2012.
15. Кутилова Л. А. Проблемы украинских переселений и этнокультурных трансформаций в украинской среде в Приенисейской Сибири в исследованиях красноярских историков во второй половине XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 90–95.
16. Макаров А. А. Репрессии в Красноярском крае (1934–1938). – Абакан, 2008. – С. 16–150.
17. Маменкова Е. С. Заключение исправительно-трудовых учреждений – трудовой ресурс НКВД СССР в Красноярском крае в 1941–1945 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013.
18. Маменкова Е. С. Этническая депортация на территорию Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Красноярский край – 70 лет исторического пути: матер. V краеведческих чтений, Красноярск, ноябрь 2004. – Красноярск, 2005. – С. 33–36.
19. Мифт Ф. Ф. Культурно-национальная политика в СССР: проблемы современной историографии // Вестник КАЗГУКИ. – 2017. – № 3. – С. 55–60.
20. Мякшев А. П. Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта // Изв. Саратовского университета. – 2017. – № 1. – С. 46–51.
21. Петрова Е. М. Переселенцы поневоле (спецпереселенцы Эвенки) // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: матер. VII краеведческих чтений, Красноярск, 5 декабря 2012. – Красноярск, 2012. – С. 150–154.
22. Полян П. Не по своей воле. – М., 2001.
23. Славина Л. Н. Немцы в Красноярском крае. Социально-демографическое развитие // Немцы в Сибири: история, язык, культура: матер. междунар. науч. конф., Красноярск, 13–16 октября 2004. – Красноярск, 2005. – С. 76–82.
24. Степанов М. Г. Проблема сталинских политических репрессий (1928–1953 гг.) в постсоветских исследованиях историков Красноярского края и Хакасии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 2. – С. 87–89.
25. Шадт А. А. Спецпоселение российских немцев в Сибири, 1941–1955 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2000.

УДК 394. 37.01

Желенкова Н. О.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1934-1941 гг.

Аннотация: в статье на основе архивных данных рассматривается организация национальных школ в Красноярском крае с 1934 по 1941 г. Раскрыты причины неудовлетворительной работы национальных школ, пути решения возникавших проблем и итоги этого процесса. Национальный вопрос в России всегда был актуален, и данный период не стал исключением.

Ключевые слова: национальные школы, нерусские школы, языки.

Россия – многонациональная страна, в ней соседствуют различные народы и культуры. Вопрос обучения детей разных национальностей всегда был крайне важным. Для того чтобы разобраться в современных проблемах, необходимо понять, откуда они берут свое начало.

В исследуемый период обучение в крае было организовано на девятнадцати языках, включая русский. В момент образования Красноярского края национальных школ было 196, в их I–IV классах обучался 9801 учащийся, в V–VII классах – 1103 учащиеся, в VIII–X – 16 учащихся. Всего в нацио-

нальных школах проходили обучение 10 920 учеников. Политические события 1930–1940 гг. существенно изменили этническую составляющую как Сибири в целом, так и Красноярского края в частности. Ссылки и депортации, первоначально по социальному, а затем и национальному признаку привели к появлению в регионе десятков тысяч поляков, немцев, калмыков, латышей, эстонцев, литовцев, греков, финнов–ингерманландцев, болгар и представителей других народов.

Динамика изменения численности национальных школ в крае представлена в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Распределение школ и учащихся по языку обучения, 1936–1937 учебный год [1]

Языки обучения	Число школ	В них учащихся			Всего
		в I–IV кл.	в V–VII кл.	в VIII–X кл.	
Бурятский	2	69	–	–	69
Латгальский	8	492	50	–	542
Латышский	9	580	216	–	796
Мордовский	3	226	–	–	226
Ненецкий	2	203	–	–	203
Немецкий	4	115	–	–	115
Корейский	1	37	–	–	37
Китайский	2	43	–	–	43
Польский	1	148	–	–	148
Татарский	29	1617	–	–	1617
Украинский	1	20	–	–	20
Чувашский	19	699	–	–	699
Долганский	11	216	–	–	216
Эвенкийский	16	384	–	–	384
Хакасский	69	4143	670	16	4829
Якутский	2	35	–	–	35
Эстонский	15	689	165	–	854
Селькупский	2	83	2	–	85

Из данной таблицы видно, что школ, в которых изучался хакасский язык, было больше всего. Также работало немало татарских и эвенкийских школ. Наименьшим являлось количество школ, в которых изучались корей-

ский, украинский и польский языки. Лидерство хакасского языка объясняется тем, что при формировании Красноярского края в 1934 г. в его состав вошла Хакасская автономная область из шести районов.

Таблица 2. Сведения о национальных школах на 1937–1938 учебный год [2]

Районы	Национальное обучение	Количество школ	Классы		
			в I–IV кл.	в V – VII кл.	в VIII –X кл.
Абанский	Татарский	1	64	–	–
	Чувашский	2	133	–	–
	Эстонский	1	47	–	–
Ачинский	Татарский	2	248	–	–
	Латгальский	6	182	72	–
	Чувашский	3	100	–	–
Балахтинский	Татарский	1	65	–	–
	Чувашский	3	153	–	–
Боготольский	Татарский	2	254	–	–
	Латгальский	1	22	–	–
Бирилюсский	Латгальский	2	116	–	–
	Татарский	2	109	–	–
	Чувашский	1	79	–	–
Большемуртинский	Татарский	1	83	–	–
Даурский	Чувашский	2	68	–	–
Иланский	Татарский	2	134	–	–
Енисейский	Татарский	1	119	–	–
Идринский	Немецкий	1	38	–	–
Красноярский	Татарский	1	103	–	–
Краснотуранский	Латгальский	2	233	–	–
	Немецкий	1	197	–	–
Казачинский	Татарский	2	68	–	–
	Чувашский	2	95	–	–
Каратузский	Латышский	2	141	26	–
	Мордовский	1	40	–	–
	Эстонский	2	228	90	–
Назаровский	Чувашский	2	91	–	–
Нижеингашский	Чувашский	1	70	–	–
	Эстонский	2	128	–	–
	Удмуртский	1	55	–	–
Манский	Бурятский	1	65	–	–
	Латышский	2	59	–	–
	Эстонский	2	53	–	–
Минусинский	Татарский	2	112	–	–

Тасеевский	Чувашский	1	38	–	–
	Татарский	1	23	–	–
Тюхтетский	Латгальский	2	121	–	–
Рыбинский	Латышский	1	71	–	–
Ужурский	Татарский	2	134	–	–
Уярский	Латышский	4	241	52	–
	Татарский	1	21	–	–
Партизанский	Эстонский	1	80	52	–
Пировский	Татарский	14	735	21	–
Хакасия	Хакасский	69	4891	1383	171
	Карельский	1	42	–	–
Эвенкийский	Эвенкийский	15	458	82	–
Туруханский	Ненецкий	2	113	–	–
	Селькупский	4	170	18	–
Таймырский	Ненецкий	9	192	10	–
	Саха-Якутский	9	278	4	–

Как и в предшествующий период, больше всего национальных школ было в Хакасии, Пировском и Эвенкийском районах, где компактно проживали хакасы, карелы, татары, эвенки. После четвертого класса количество учащихся национальных школ снижалось, во многих школах их не было совсем. Данный факт связан с тем, что государство взяло курс на унификацию национальных различий, и многие ученики после четвертого класса переводились в обычные русские школы, поскольку образование, получаемое там, было на порядок выше.

Одной из наиболее важных проблем, стоявших перед национальными школами, была нехватка педагогического состава. Для того чтобы обеспечить национальные школы кадрами, крайонно налаживало связи с национальными педагогическими техникумами других краев и областей. Латышские и латгальские школы обеспечивались учителями, окончившими Ленинградский педагогический техникум и латгальское отделение Ачинского педагогического техникума. В Красноярском и Енисейском педагогических техникумах готовились кадры для селькупских, эвенкийских, ненецких и долганских школ. Кроме того, в Енисейском педагогическом техникуме имелось татарское отделение. На нем в 1936 г. обучалось 67 сту-

дентов. Однако этого количества будущих преподавателей было мало. В 33 татарских школах только девять учителей имели среднее специальное образование, остальные окончили четыре или пять классов школы и прошли краткосрочные курсы [3].

Для повышения квалификации преподавателей национальных школ ежегодно проводились курсы. Например, для татарских учителей они были организованы летом 1936 г. Большинство преподавателей заочно проходили обучение в техникумах. Например, преподаватели красноярской татарской школы № 9 обучались в Тобольском техникуме Омской области, преподаватели Пировского района – в Томском педагогическом техникуме.

Анализ качественного состава педагогических кадров нерусских школ края показал, что свыше 60 % учителей не имели соответствующей квалификации и общеобразовательной подготовки. Многие учителя даже не получили законченного семилетнего образования [4].

На 1941–1942 учебный год потребность в учительских кадрах была следующей: для начальных классов нерусских школ дополнительно к имеющемуся составу требовалось 75 квалифицированных учителей, из них для чувашских школ – 5 человек, татарских – 16 человек, уд-

муртских – 2 человека, мордовских – 4 человека, якутских – 15 человек, ненецких – 4 человека, эвенкийских – 14 человек, хакасских – 15 человек. Для хакасских школ кадры готовились на месте [5].

Для V–X классов требовалось 124 учителя-предметника: 101 для хакасских школ, 16 для татарских и 7 для чувашских. Учителей для хакасских школ должны были готовить на месте, а остальная потребность могла быть удовлетворена только за счет Наркомпроса [6].

Серьезные проблемы возникали с учебниками на национальных языках. Учебники на родном языке, например, эвенкийские и ненецкие, выписывались из Москвы, Ленинграда, Иркутска; татарские – из Казани; корейские – с Дальнего Востока, украинские – с Украины. Книги приходили с очень большим опозданием. Например, в 1936 г. буквари для хакасских школ были получены только в конце второй четверти. Не было организовано внешкольное детское чтение, так как отсутствовала детская художественная литература на национальных языках. За исключением татарских школ Красноярска и Минусинска, национальные школы не имели библиотек. Только в Хакасии издавалась периодическая печать на родном языке. Такая ситуация сложилась в связи с нехваткой бумаги, помещений и оборудования [7].

В постановлении Совета народных комиссаров РСФСР № 1006 о выполнении плана издания учебников для нерусских начальных, неполных средних и средних школ от 28 июля 1936 г. отмечался срыв плана издания учебников. Из 1191 названия учебников тиражом 102 669 экземпляров на 25 июля 1936 года вышло из печати 214 названий и находилось в производстве 329 названий. В особенности плохо обстояло дело с выполнением плана по Черкесскому, Калмыцкому и Латышскому издательствам, а также Крымскому, Адыгейскому и Удмуртскому [8].

В постановлении отмечалось, что срыв плана издания учебников связан с плохой работой СНК АССР и исполкомов автономных областей, Наркомпросов АССР и отделов народного образования автономных областей и неудов-

летворительным руководством Наркомпроса РСФСР.

Многие районы, в которых были национальные школы, не выписывали национальных учебников на 1936–1937 учебный год, а если и выписывали, то не для всех национальностей. Не было ни одного заказа на учебники из районов на 1937–1938 учебный год. Эта ситуация возникла в связи с безответственным отношением к запросам национальных школ со стороны районных отделов образования [9].

Во многих национальных школах не были введены дневники, отсутствовал единый устав.

В постановлении № 3626 Президиума Красноярского краевого исполнительного комитета о результатах обследования работы школ национальных меньшинств Ачинского, Боготольского районов и Красноярского, Ачинского и Боготольского горсовета от 7 августа 1936 г. обращается внимание на то, что в данных школах развитие устной речи и орфографии поставлено неудовлетворительно. Только небольшой процент учащихся мог дать полные исчерпывающие ответы на вопросы.

Успеваемость по родному языку, как правило, была выше успеваемости по русскому языку. Например, в Шепчульской школе Таштыпского района по родному языку успеваемость составляла 84 %, а по русскому – 70 %; в Томнинской школе Уярского района по родному языку она достигала 90 %, по русскому – 80 % [10].

Средняя успеваемость по арифметике в школах Уярского района была следующей: первый класс – 96 %, второй класс – 80 %, третий класс – 88 %, четвертый класс – 93 %. В целом же успеваемость по арифметике в национальных школах имела те же недочеты, что и в русских школах.

Также в данном постановлении указывалось, что программный материал был пройден во всех школах по русскому языку, арифметике и естествознанию. Серьезные затруднения вызывало изучение географии, так как ученики с трудом понимали обозначения на карте. Во всех школах выпускали стенные газеты на родном языке. Во многих из них были организованы хоровые,

музыкальные, драматические кружки, кружки юннатов, моделистов. Однако плохо была поставлена пионерская работа – в связи с тем, что не имелось подготовленных для этой цели пионервожатых.

Большие осложнения в работе с национальными школами были обусловлены нехваткой и недостаточной квалификацией инструкторов национальных школ. Районные школьные инструкторы не могли обслуживать работу национальных школ, так как не знали языка. Инструкторы из местного населения Хакасии не являлись специалистами, поскольку не имели достаточной практики, и в целом неудовлетворительно руководили школой.

В 1939 г. было решено перевести обучение в национальных школах Красноярского края с русского на родной язык. В плане коренизации или перевода обучения на родной язык национальных школ Ачинского района указывалось, что тенденция к превращению русского языка из предмета изучения в язык преподавания ведет к ущемлению родного языка, который должен являться основой преподавания в национальных школах. При этом выпускаемые из четвертого класса национальной школы учащиеся фактически не были подго-

товлены к обучению в пятом классе русской школы, что вело к массовому отсеву и второгодничеству.

Для перевода обучения в национальных школах на родной язык были необходимы учебники на национальных языках. Однако на 1941 г. для одной из самых массовых национальных школ, хакасской, не было издано ни одного из намеченных по плану 11 учебников. Это было связано с тем, что в хакасском издательстве в тот период времени четырех ответственных редакторов мобилизовали в ряды Красной армии, а большое количество шрифтов было занято набором «Краткого курса истории ВКП(б)» на хакасском языке.

Таким образом, можно говорить о том, что в период с 1934 по 1941 г. в Красноярском крае количество национальных школ увеличилось: если в начале периода их было 196, то к концу – около 210. Небольшой рост числа данных школ связан в большей степени со стремлением государства к унификации национальных различий. В работе национальных школ существовало немало проблем, которые были связаны как с нехваткой учительского состава и национальных учебников, так и с недостаточным вниманием к ним со стороны власти.

Источники и литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1383. Оп. 1. Д. 44. Л. 26.
2. Там же. Л. 61–62.
3. Там же. Л. 19.
4. Там же. Л. 20.
5. Там же. Л. 44.
6. Там же. Л. 45.
7. Там же. Л. 20.
8. Там же. Л. 4.
9. Там же. Л. 74.
10. Там же. Л. 22.

УДК 94:332.1(571.51) «1920/1925»

Липатова Н. Ю.

«БРАТСТВУ НАРОДОВ БЫТЬ!»: СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920-1925 гг.)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности мероприятий, проводимых среди национальных меньшинств в Енисейской губернии местными партийными и советскими органами по различным вопросам.

Ключевые слова: национальные меньшинства, становление советской власти, национальная политика.

После Октябрьской революции одной из задач советской власти стало дело воспитания нацменьшинств в духе братства и борьбы против буржуазии, помещиков и капиталистов [1. Л. 11а]. Необходимо было приступить к советскому строительству в тех местностях, где имелись численно значительные, компактные группы нацменьшинств, разъяснить им, что представляет собой советская власть, каковы ее ближайшие задачи в деле осуществления на практике лозунга о праве наций на самоопределение [2. Л. 86]. Национальный состав Енисейской губернии к началу 1920-х гг. сформировался довольно пестрый. По большей части его формировали переселенцы, прибывшие в Сибирь по Столыпинской аграрной реформе, среди которых были латыши, латгальцы, белорусы, украинцы, татары, поляки, эстонцы, а также беженцы из прифронтовых территорий России и военнопленные Германии и Австро-Венгрии, оказавшиеся в Енисейской губернии в связи с событиями Первой мировой войны.

В 1920 г. при Енисейском губкоме РКП(б) действовала иностранная секция, которая занималась проведением агитационной работы среди военнопленных с целью их военной организации и формирования у красноармейцев «ясного и твердого коммунистического сознания» [3. Л. 10]. В феврале 1920 г. была создана польская секция. Вскоре выяснилось, что в польских эшелонах имеются специали-

сты, которых можно было бы использовать в работе этой секции, для чего ее члены ходатайствовали об освобождении их от рубки дров и другой тяжелой работы [4. Л. 12]. Кроме того, в Красноярске из польских легионеров, которых всего насчитывалось около 7000, было создано 24 ячейки сочувствующих коммунистам с общим количеством в 800 членов [5. Л. 39].

С этого же времени при Енгубкоме РКП(б) действовала латышская секция, которая налаживала связь с латышскими колониями на территории Енисейской губернии, а также установила контакт с центром по работе среди латышского населения в Сибири, находившимся в Омске [6. Л. 17].

На заседании иностранных секций при Енгубкоме 20 апреля 1920 г. была обозначена необходимость организации мусульманской секции, что обуславливалось большим количеством мусульманского населения в губернии (примерно 25 000 человек) [6. Л. 70]. 5 мая мусульманская секция объявила принципы своей деятельности: на местах должны работать коммунисты-мусульмане, которые у мусульманского населения пользовались бы большим доверием, чем русские. Также секция намерена была создавать партийные школы, где могли бы учиться те, кто не имеет возможности поступить в русские партийные школы из-за незнания русского языка [7. Л. 58, 59].

7 мая 1920 г. было образовано венгерское бюро пропаганды и агитации для работы среди немецких и венгерских военнопленных, количество которых в начале апреля достигало 2500 человек. 25–30 мая в Омске состоялась областная конференция сибирских агитационных отделений, после которой началась спешная и систематическая политическая работа среди населения, владеющего венгерским языком [3. Л. 21].

На первом губернском совещании работников в деревне Енисейской губернии, прошедшем 13 сентября 1920 г., была обозначена цель работы, проводимой среди бывших военнопленных, – предполагалось, что они по возвращении на родину явятся там главным двигателем революционного движения в духе РКП(б). Тогда же уже было обращено внимание на то, что необходимо учитывать некоторые особенности разных нацменьшинств. Главным образом это касалось татарского населения: к примеру, при проведении партийной работы среди его представителей следовало осторожно держать себя по отношению к религиозным вопросам. А что касается работы с китайцами, корейцами и монголами, считалось, что они довольно легко идут навстречу коммунистической пропаганде [1. Л. 12].

10 октября 1920 г. был организован подотдел нацменьшинств при Енисейском губотделе народного образования, при котором были образованы польская, украинская, мусульманская и эстонская секции [8. Л. 16]. Вскоре были определены тактика и ближайшие задачи работы этого подотдела: проведение мероприятий по воспитанию и образованию нацменьшинств на родном языке в соответствии с понятием советской автономии, реализация принципа свободной советской общедоступной бесплатной единой школы, основа которой – трудовое воспитание [9. Л. 31].

15 октября 1920 г. при Енгубкоме был образован отдел агитпропработы среди юго-славян, количество которых достигало 400 человек [4. Л. 129].

В декабре 1921 г. был создан отдел по делам национальностей Енисейского губернского исполкома [10. Л. 18].

В конце 1920 г. в отчете о работе мусульманской секции за время своего существования ее представители признавались, что из-за недостатка партработников удалось сделать очень мало, но все же отмечались некоторые успехи: при активном участии секции были организованы мусульманские секции при губнаробразе, Ачинском уюке РКП(б), а также Союз коммунистической молодежи мусульман; образована ячейка при табачной фабрике с 16 членами. Кроме того, секцией принимались меры по работе среди женщин-мусульманок, был произведен учет мусульманского населения Енисейской губернии, которого насчитывалось около 30 000 человек, включая примерно 30 членов и кандидатов партии [6. Л. 23].

В соответствии с циркуляром ЦК РКП(б), вышедшим в январе 1921 г., участники как советской, так и партийной работы могли быть сняты с работы чисто национальной и переведены на другое место только при личном согласии и одобрении местного отдела соответствующего нацменьшинства. Национальных работников следовало использовать среди представителей той национальности, язык и нравы которой они знают лучше всего [11. Л. 35].

В апреле 1921 г. при подотделе нацменьшинств Енгубкома действовало 7 секций: венгерская, латышская, немецкая, польская, татарская, эстонская, югославянская. Последняя уже в конце мая была ликвидирована в связи с мобилизацией всех юго-славян из числа коммунистов [12. Л. 32 об.].

В проекте положения о национальных секциях при комитетах РКП(б) от 28 мая 1921 г. обозначались их задачи: поднять на должную высоту коммунистическое сознание членов партии данной национальности; воспитать активных партийных работников; содействовать и идейно руководить через своего представителя отделом народного образования при исполкоме по вопросам национальностей [13. Л. 11].

Уже во второй половине 1921 г. в работе с нацменьшинствами обозначилось новое ударное направление – среди молодежи из нацменьшинств. При эстонской секции Енгубкома РКП(б)

был назначен инструктор для работы с эстонской молодежью губернии. Во всех эстонских колониях и селениях проводилась широкая пропаганда с разъяснением целей и задач юношества при строительстве молодой республики. Молодежь всячески стимулировали к умственному и нравственному саморазвитию и воспитанию, пропагандировались различные виды спорта. Существующие в губернии комсомольские эстонские организации, все члены и кандидаты партии и комсомола эстонской национальности, способные работать среди молодежи, брались на учет [11. Л. 205].

30 июля 1921 г., согласно постановлению Семипалатинского губкома РКП(б), в Красноярск была переведена корейская секция со всеми 34 членами. В Минусинском уезде на тот момент проживало 2000 корейцев, среди которых также начала проводиться работа [14. Л. 32].

В обзоре работы секций подотдела нацменьшинств Енгубкома от 16 августа 1921 г. отмечается, что характерным ее признаком была самостоятельность, стремление к большей независимости от подотдела. Работа венгерской секции протекала под знаком постепенной мобилизации всех венгерцев-коммунистов, были организованы вечерние курсы, посещение которых являлось обязательным для всех венгров, не проходивших каких-либо партийных курсов. Татарская секция в своей деятельности встречала большие затруднения ввиду того, что татарское население находилось в полной зависимости от своего духовенства (мулл) [12. Л. 39, 39 об.].

В августе 1921 г. были определены ближайшие задачи отдела по делам национальностей Енгубкома, которые заключались в проведении мероприятий, ведущих к тому, чтобы «трудовым массам отсталых народностей облегчить и обеспечить хозяйственное, политическое и культурное преуспевание и дать им возможность догнать ушедшую в этом отношении вперед Центральную Россию» [2. Л. 86].

В циркуляре Наркомата по делам национальностей от 9 сентября 1921 г. говорилось о том, что в местностях, отличающихся наличием разных национальных групп, при исполкомах

на равных с другими отделами основаниях организуются отделы по делам национальностей, которые создают при себе нацсекции в соответствии с имеющимися на данной территории нацгруппами и решают следующие задачи: выполнение всех постановлений и заданий Наркомнаца; содействие советской власти в проведении всех намеченных мероприятий среди нацменьшинств (по просвещению, хлебной разверстке, трудовой повинности, мобилизации и т. д.); подготовка свежих кадров советских работников данной национальности [15. Л. 92]. Губотнац стремился всеми силами приобщить трудовые массы различных национальностей и народностей Енисейской губернии «к пролетарскому делу уничтожения старых бытовых форм и строительству новой социалистической жизни Советского государства». Большинство национальностей составляло крестьянское население, следовательно, работе среди крестьянства и уделялось главное внимание [10. Л. 15, 15 об.].

1 ноября 1921 г. было ликвидировано бюро эстонской секции как в губерниях, так и при Сиббюро [16. Л. 5]. 2 февраля 1922 г. на заседании коллегии Енисейского губнаца с представителями секций при губкоме и наробразе было решено оставить при губнаце латышский, эстонский, туземный подотделы [17. Л. 32]. 3 февраля все секции подотдела нацменьшинств Енгубкома перешли в распоряжение губернского отдела по делам национальностей [18. Л. 7].

Во второй половине 1922 г. возникает должность уполномоченного Наркомнаца в местностях Енисейской губернии, населенных нацменьшинствами, представителями которого являлись губернские и районные представители при губисполкоме. На них возлагались защита политических и экономических интересов и прав национальных групп своей национальности в соответствии с Конституцией РСФСР и Декларацией прав трудящихся; содействие развитию и улучшению экономической и культурной жизни отсталых национальностей применительно к особенностям их быта и экономического состояния; вовлечение

трудящихся своей национальностью в русло активного советского строительства [19. Л. 87].

Со второй половины 1922 г. и до осени 1923 г. органы по работе среди нацменьшинств подверглись стремительной реорганизации, в ходе которой проследить их функции было сложно, но, тем не менее, работа среди нацменов не стояла на месте, а велась в соответствии с политикой советской власти. Например, весной 1923 г. были проведены определенные мероприятия по распространению среди нацменьшинств идей сельскохозяйственной кооперации [20. Л. 89].

7 сентября 1923 г. отдел национальностей при Енгубисполкоме был реорганизован в подотдел нацменьшинств при Енгубкоме РКП(б). Все административные функции переходили в отдел нацменьшинств при отделе управления губисполкома, партийные – в подотдел нацменьшинств при Енгубкоме РКП(б), по народному образованию – в губотдел наробразования [20. Л. 165]. При подотделе создавались латышская, эстонская, татарская секции [21. Л. 25, 25 об.].

В январе 1924 г. началась работа по выдвижению актива из представителей западных национальностей (немцы, эстонцы, латыши), что выражалось в обязательной замене организаторов в волостях, где преобладающее большинство населения состояло из нацменьшинств, комсомольцами из преобладающей национальности. Таким образом происходило укрепление союзного аппарата работниками из нацменьшинств, которых на тот момент не было совершенно [22. Л. 13].

В это время меняются формы работы среди нацменьшинств, проводятся определенные мероприятия среди рабочих, в частности, татаро-башкир, особенно молодежи, с вовлечением их в профсоюзы, партию, профессионально-технические школы, рабфаки, выдвижением на практическую партийно-профессиональную работу [23. Л. 55, 56]. В совпартшколах, комвузах, педтехникумах и других учебных заведениях выделялось как можно большее количество мест для татаро-башкирской молодежи, в том числе для подготовки из ее среды «крас-

ных» татаро-башкирских учителей [23. Л. 69, 70]. Также комсомольская работа проводилась и среди татаро-киргизской молодежи [24. Л. 6–8]. Среди детей нацменьшинств начинает развиваться пионерское движение: особое внимание уделялось тому, чтобы в общехотрады юных пионеров вовлекались исключительно пролетарские дети. Национально-бытовые праздники нацменьшинств используются в целях распространения идей физической культуры, развития спорта. Религиозные праздники по примеру православных превращаются в антирелигиозные праздники молодежи с широким распространением естественно-научных знаний и сельхозпропагандой [24. Л. 40, 41].

В области просвещения особое внимание уделялось работе татарских школ. В связи с тем, что постановлением Президиума ВЦИК допускалось изучение религиозного вероучения в мечетях детьми-мусульманами школьного возраста, татарские школы выделялись в особую группу по снабжению, а преподавательский состав этих школ находился под особым вниманием: работа его оплачивалась лучше, чем в остальных школах, и заработная плата не должна была задерживаться [25. Л. 5].

К середине 1920-х гг. начинается обстоятельная работа среди женщин-наценок. Характерным можно считать документ о работе среди татаро-башкирок. В состав губернских татаро-башкирских бюро и губотделов работниц вводилось по одной татаро-башкирке с решающим голосом по насущным вопросам, организовывались курсы кройки и шитья, огородничества, по ликвидации общей и политической безграмотности. При проведении практических мероприятий по организации масс работниц и крестьянок руководствовались методами работы женотделов. В Коммунистическом университете трудящихся Востока создавалась женская секция, курсанток которой посылали в рабочие районы для практической работы [24. Л. 109, 109 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что в первые годы советской власти на территории Енисейской губернии среди национальных меньшинств проводилась активная, отве-

чающая требованиям и принципам молодого государства и затрагивающая все значимые стороны их жизни политика, вовлекая людей в активное строительство нового общества, полноправными гражданами которого они являлись.

Источники и литература

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 22.
2. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 88.
3. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88.
4. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3.
5. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 9.
6. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 90.
7. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 77.
8. Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 16.
9. Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 41.
10. Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 86.
11. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 97.
12. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 225.
13. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 224.
14. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 89.
15. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 223.
16. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 228.
17. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 392.
18. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 259.
19. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 226.
20. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 227.
21. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 583.
22. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 585.
23. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 588а.
24. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 229.
25. Там же. Ф. Р-93. Оп. 4. Д. 20.

УДК 94(57)[394/339.3: 658.6] "1960/1985"

Погребняк А. И.

ТОРГОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ЖИТЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ СИБИРИ (1960-1980-е гг.)

Аннотация. В статье показано, как в связи с масштабным освоением восточных территорий в 1960–1980-е гг. грандиозное строительство развернулось на территориях национальных автономий Сибири, что вызвало необходимость экстренного расширения материально-технической базы торговли и общественного питания, совершенствования форм и методов обслуживания старожил и новопоселенцев.

Ключевые слова: сибирский регион, национальные автономии, государственная и кооперативная торговля, торговая сеть, товарооборот, формы и методы торгового обслуживания.

Завершающие десятилетия советского периода запомнились активным освоением восточных территорий страны. Правительство осуществляло крупные капиталовложения в промышленное и транспортное строительство в Сибири, создавало там всё новые и новые объекты, а комсомол проводил оргнаборы первостроителей и шефствовал над многочисленными ударными комсомольскими стройками.

Характерной особенностью названного процесса было то, что основная часть новостроек развертывалась на территории сибирских национальных автономий: в Таймырском (Долгано-Ненецком) национальном округе шло формирование Норильского промышленного узла, в Хакасии активно строился Саянский территориально-производственный комплекс (ТПК), Бурятия оказалась в зоне строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ), а Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа – в районе закладки Западно-Сибирского нефтегазового комплекса.

Гигантское строительство вызвало небывалый демографический прирост в прежде малонаселенных национальных автономиях Сибири, что создало чрезвычайную напряженность в системе товароснабжения и поставило целый комплекс проблем перед сферой торгового обслуживания.

В 1960–1980-е гг. в состав сибирского региона входили две автономные республики, две

автономные области и шесть национальных округов – и почти повсюду создавалась до предела обостренная ситуация в торговле и общественном питании, вызванная дефицитом товаров и продуктов, отсутствием в продаже необходимых для жизнедеятельности рабочих и строителей предметов быта – и, соответственно, очередями, а также низким качеством обслуживания.

Чтобы представить себе, какого накала достигла демографическая ситуация, достаточно взглянуть на данные табл. 1.

Как свидетельствуют приведенные в табл. 1 данные, по количеству проживающего населения к началу исследуемого периода и по соотношению горожан и сельчан национально-административные территории совершенно не похожи друг на друга. В то же время отчетливо просматривается объединяющая все территории тенденция к увеличению общей численности населения (за исключением Усть-Ордынского Бурятского национального округа). В этих районах количество населения выросло в 2 раза, что значительно опередило темп его роста в целом по Сибири; а в таких национальных округах, как Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, за 1960–1986 гг. прирост населения превысил рекордные показатели – 600 и 800 % соответственно [5. С. 6–7; 6. С. 8–9; 8. С. 21–22].

Таблица 1. Рост численности населения экономических районов, автономных республик и областей и национальных округов Сибири в 1960–1980-х гг. [5. С. 6–7; 6. С. 8–9; 8. С. 21–22]

Национально-административные и экономические районы и территории	Численность населения				В % ко всему населению	
	на начало года				гор.	село
	1960	1970	1980	1986		
Бурятская АССР	712	816	917	1014	62	38
Тувинская АССР	186	235	267	284	45	55
Горно-Алтайская авт. область	157	168	173	179	29	71
Хакасская авт. область	411	446	503	547	73	27
Агинск. Бурят. нац. округ	46	66	70	77	30	70
Таймырский нац. округ	33	38	46	54	66	34
Усть-Ордын. Бурят. нац. округ	146	146	131	129	19	81
Ханты-Мансийский нац. округ	124	271	616	1047	88	12
Эвенкийский нац. округ	11	13	16	21	30	70
Ямало-Ненецкий нац. округ	62	80	176	383	78	22
Всего:	1888	2279	2915	3736		
Восточная Сибирь	6743	7500	8337	8875		
Западная Сибирь	11598	12111	13225	14358		
Сибирь в целом:	18341	19611	21562	23233		
В % к населению Сибири	10,3	11,6	13,5	16,1		

Из показателей табл. 1 видно, что удельный вес жителей национальных автономий в течение исследуемого периода возрос с 10,3 % до 16,1 % по отношению ко всему сибирскому населению. Поэтому двукратный общий прирост и увеличение удельного веса жителей национально-административных районов Сибири потребовали принятия неотложных мер по ускоренному расширению торговой сети, улучшению системы товародвижения и совершенствованию обслуживания жителей автономий.

Исторически сложилось так, что в предшествующий период освоение Сибири осуществляли разные отраслевые министерства, применяя очаговый метод. В результате в торговом обслуживании населения сибирских национальных автономий принимали участие многочисленные организации, при-

надлежащие к различным системам государственной и кооперативной торговли. Например, в национальных автономиях Западной Сибири торговлю осуществляли 11 разных систем, что значительно усложняло и затрудняло управление отраслью. На долю этих систем приходилось 95 % залежалых товаров, поскольку, не координируя свою деятельность, они параллельно заказывали одни и те же товары [1. С. 46].

Другой причиной возникновения множественности торговых организаций являлось отсутствие четко сформулированного и в законодательном порядке закрепленного положения, предусматривающего возможности и условия создания новых торговых организаций, особенно входящих в систему промышленных, строительных и транспортных министерств.

Таблица 2. Численность предприятий розничной торговли и общественного питания государственной и кооперативной торговли в национальных автономиях Сибири [3. С. 94; 6. С. 264, 266, 268; 11. С. 160]

Национальные автономии	На начало года					
	1961	1966	1971	1976	1981	1986
Число предприятий розничной торговли						
Бурятская АССР	2242	2533	2656	2761	2858	2994
Тувинская АССР	452	606	677	720	770	804
Горно-Алтайск. авт. обл.	649	757	749	786	746	751
Хакасская авт. обл.	1137	1489	1408	1446	1509	1577
Агинск. Бурят. нац. окр.	118	161	162	203	197	157
Таймырский нац. окр.	103	110	108	115	120	121
Усть-Орд. Бур. нац. округ	510	580	576	590	613	628
Ханты-Манс. нац. округ	703	939	1089	1398	1581	2019
Эвенкийский нац. округ	55	65	59	61	63	74
Ямало-Ненец. нац. округ	303	296	350	418	576	953
Всего по нац. автономиям	6272	7536	7834	8498	9033	10078
Всего по Сибири:	50246	56319	58043	57932	57811	59419
В % к Сибири	12,5	13,4	13,5	14,7	14,7	16,9
Число предприятий общественного питания						
Бурятская АССР	548	648	847	955	1122	1239
Тувинская АССР	107	165	194	241	273	310
Горно-Алт. авт. обл.	113	232	189	193	224	271
Хакасская авт. обл.	257	417	517	588	656	722
Агинск. Бур. нац. окр.	21	31	48	65	80	81
Таймырский нац. окр.	24	24	50	51	64	68
Усть-Орд. Бур. нац. округ	56	79	90	112	123	132
Ханты-Манс. нац. округ	111	235	418	800	1412	2316
Эвенкийский нац. окр.	6	11	14	16	23	32
Ямало-Ненец. нац. округ	48	54	78	151	266	645
Всего по нац. автономиям	1291	1896	2445	3172	4243	5816
Всего по Сибири:	12834	15580	19429	22277	24959	28361
В % к Сибири	10,1	12,2	12,6	14,2	17,0	20,5

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что в 1960–1985 гг. розничная торговая сеть в Бурятии, Горном Алтае, на Таймыре, в Эвенкии

и Усть-Ордынском Бурятском национальном округе развития почти не получила. В то же время в Хакасии был налицо значительный

прирост предприятий торговли, а в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах отмечался трехкратный прирост сети магазинов, палаток, ларьков. Последнее было вызвано небывалым для этих мест процессом освоения богатейших нефтяных запасов Сибири и значительным притоком населения.

Чтобы накормить огромную массу прибывших в Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Саянский ТПК и зону БАМ, пришлось резко наращивать сеть общественного питания. Подавляющее большинство новопоселенцев составляли мужчины молодого возраста, приехавшие «за романтикой и за запахом тайги», а также чтобы подзаработать в начале своего жизненного пути. Именно для них число предприятий общественного питания в исследуемый период в национальных автономиях Сибири возросло в 4,5 раза.

На основе данных табл. 2 можно заключить, что рост числа предприятий розничной торговли в административно-национальных территориях соответствовал росту населения этих районов, а вот прирост сети общественного питания значительно обгонял увеличение там народонаселения. Это объяснялось тем, что первостроители были преимущественно несемейными, быт беспокоил их мало, и менее всего он озадачивал чиновников главков и министров.

В целом же количественный рост предприятий розничной торговли государственной и кооперативной сети по автономным республикам и областям, а также по национальным округам сибирского региона в 1961–1986 гг. составил 161 %, а предприятий общественного питания – 451 %. Удельный же вес предприятий торговли в национальных округах возрос на 4,4 % по отношению ко всей Сибири, а предприятий общепита – на 10,4 % [3. С. 94; 6. С. 264, 266, 268; 11. С. 160].

Как видно из приведенных расчетов, сеть предприятий общественного питания получила значительное развитие в 1960–1980-е гг. Это было вызвано необходимостью обеспечить бесперебойную работу бесчисленных партий

строителей, нефтяников, газовиков, энергетиков, путеукладчиков и т. д.

Несмотря на значительный рост материально-технической базы торговли в изучаемых районах, планы ускоренного сооружения торговых предприятий постоянно срывались. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах, где приток населения был самым большим, капитальные вложения в развитие сети торговли и общественного питания в лучшей по показателям XI пятилетке были освоены лишь на 65 %. В сибирской печати периодически отмечалось, что сроки сооружения многих объектов торговли и общепита в 2–3 раза превышают нормативы. Так, в самом крупном торговом объединении Тюменского Севера – УРСе «Главтюменьнефтегаз» – из запланированных в 1985 г. 111 объектов торговли подрядными организациями был введен только 31 [1. С. 46].

В условиях хронического невыполнения планов ввода объектов торговли обеспеченность торговой площадью населения национальных автономий к концу исследуемого периода была далека от нормативов и составляла в Сургуте 59 %, Нягани – 56 %, Нефтеюганске – 54 %, Ноябрьске – 44,2 %, Когалыме – 41 %, Новом Уренгое – 37,8 %, а в Лангепасе только 31,4 % [1. С. 47].

В сельской местности национальных автономий торговая сеть была развита лучше, чем в городской. И по темпам прироста магазинов в 1970–1980-е гг. сельская местность обгоняла города и рабочие поселки. Например, в Бурятии в 1976 г. было 834 магазина госторговли и потребкооперации, находившихся в городах и рабочих поселках, и в 1980 г. их количество возросло до 866; в сельской же местности было 1441, а стало 1518 магазинов. В Тувинской АССР в 1976 г. в городах и поселках городского типа было 185 магазинов, в 1980 г. стало 196; в сельской местности было 345, а стало 362 [9. С. 219, 221].

Для того чтобы сопоставить уровень развития системы массового питания, существует следующий показатель – число мест в пред-

приятных общепита в расчете на 1000 чел. населения. В 1975 г. по РСФСР он составлял 56, тогда как по Бурятии равнялся 46, по Туве – только 25. В 1980 г. этот показатель по России возрос до 66, а в Бурятии достиг общероссийского уровня 5-летней давности; в Туве он составил меньше половины российского показателя – 31. Темпы же его роста в сибирских автономиях были большими, чем по России в целом [9. С. 280–281].

В общественном питании существует еще один показатель для характеристики уровня его развития – это число мест на одно предприятие. Вот по этому показателю общепита в госторговле и потребкооперации националь-

ные автономии Сибири критически отставали от центральных и даже восточных районов страны. Тува же была рекордсменом в России по минимальному уровню развития системы общественного питания [9. С. 282–283]. Объяснялось это приверженностью коренного населения традициям семейного очага и домашнего питания.

Учитывая крайне низкую обеспеченность национальных автономий общетоварными складами, в 1970–1980-е гг. на их территории высокими темпами велось сооружение соответствующих объектов организациями государственной торговли и, особенно мощно, потребкооперации.

Таблица 3. Рост товарооборота в розничной сети государственной и кооперативной торговли национальных автономий Сибири, включая общественное питание, в ценах соответствующих лет, млн руб. [3. С. 93; 6. С. 249, 267]

Национальные автономии	По итогам соответствующего года					
	1960	1965	1970	1975	1980	1985
Бурятская АССР	269	354	521	743	978	1184
Тувинская АССР	58	85	140	194	249	288
Горно-Алтайск. авт. обл.	54	68	94	136	169	214
Хакасская авт. обл.	156	206	297	409	526	653
Агинск. Бурят. нац. окр.	15	20	30	42	51	63
Таймырский нац. окр.	17	18	49	64	87	97
Усть-Орд. Бур. нац. округ	35	48	70	95	113	131
Ханты-Манс. нац. округ	61	131	299	602	1059	1748
Эвенкийский нац. округ	6	7	13	19	27	38
Ямало-Ненец. нац. округ	32	44	75	160	283	635
Всего по нац. автономиям	703	981	1588	2454	3542	5061
В % к Сибири	10,3	10,9	12,4	13,7	15,5	17,6

Из приведенных в табл. 3 данных отчетливо видно, что по всем национально-административным территориям наблюдается значительный рост объемов товарооборота: самый наимень-

ший прирост за исследуемый период сложился в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе – из-за отсутствия новостроек, трудностей в сельском хозяйстве, некоторого сокраще-

ния жителей сельской местности (а удельный вес последних в общей численности населения округа на начало 1986 г. составлял 81 %) – в 3,7 раза; в Горно-Алтайской автономной области он возрос в 4 раза, в Агинском Бурятском национальном округе и Хакасии увеличился в 4,2 раза, в Бурятии – в 4,4 раза, в Туве – в 5 раз, на Таймыре – в 5,7 раза, в Эвенкии – в 6,3 раза; самый же рекордный рост объемов товарооборота по Сибири и в целом по стране в 1960–1985 гг. отмечен по Ямало-Ненецкому (в 19,8 раза) и Ханты-Мансийскому (в 28,7 раза) национальным округам. По Сибири в целом за эти годы товарооборот увеличился в 4,2 раза, а по ее национальным автономиям – в 7,3 раза.

Если к началу 1960-х гг. товарооборот национальных автономий в общесибирском товарообороте составлял только 10,3 %, то к середине 1980-х гг. удельный его вес достиг уже 17,6 %. Если данные табл. 3 сравнить с показателями табл. 1, то можно наблюдать, что рост товарооборота значительно обгонял рост численности населения в национальных автономиях сибирского региона. А особенно ускоренно и значительно более опережающими темпами в сравнении с численностью населения товарооборот рос в районах промышленного и транспортного освоения Сибири [4. С. 5–8, 266–269; 7. С. 427, 428].

Приведенные выше данные и их анализ показывают, что в период активного масштабного освоения восточных регионов одновременно с индустриальным осуществлялось и социальное строительство, в частности, возводились магазины, столовые, базы, склады, холодильники и прочие объекты, неотъемлемая часть социальной инфраструктуры. Как правило, наспех введенные в эксплуатацию, они тут же начинали обслуживать большие партии строителей, геологов, нефтяников и других работников, что привело с учетом больших заработков (особенно в северных и заполярных районах) к такому значительному росту товарооборота.

Сравнивая цифровые показатели табл. 2 и 3, можно заключить, что число предприятий розничной торговли отставало от роста товарооборота, количество же предприятий общепита его несколько опережало. В целом по национальным

автономиям Сибири отмечалось замедленное развитие материально-технической базы торговли по сравнению с товарооборотом. А это, в свою очередь, отрицательно сказывалось на культуре обслуживания.

В то же время товарооборот в национальных автономиях Сибири распределялся между отдельными автономными республиками и областями, национальными округами крайне неравномерно. По данным на конец 1985 г., в Агинском Бурятском национальном округе показатель розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли в расчете на душу населения составлял только 817 руб., в то время как в Таймырском (Долгано-Ненецком) национальном округе он достиг уровня 1803 руб., то есть был в 2,2 раза больше. В 1985 г. по России этот показатель составлял 1285 руб. Бурятская и Тувинская АССР, Горно-Алтайская и Хакасская автономные области, Агинский и Усть-Ордынский Бурятские национальные округа отставали от этого уровня. А вот Ханты-Мансийский, Эвенкийский и Ямало-Ненецкий национальные округа значительно превосходили общероссийский показатель. Таймыр, как мы уже отметили, был рекордсменом в этом: жители заполярного национального округа покупали товаров больше, чем в целом по РСФСР, в 1,4 раза [4. С. 5–8, 266–269; 7. С. 427, 428].

Росту товарооборота в национальных автономиях Сибири способствовало широкое внедрение в торговую сферу в течение IX–XI пятилеток прогрессивных методов обслуживания, особенно самообслуживания. Если на 1 января 1981 г. по этому методу работало 43 % к общему числу магазинов Бурятии, то по товарообороту эти магазины составляли 52 %. Таким образом, мы видим, что в республике больше половины товаров было продано методом самообслуживания, а эти показатели превышали средний уровень по РСФСР. Однако остальные национальные автономии не дотягивали по прогрессивным методам обслуживания до общероссийского уровня, а некоторые (например, Тувинская АССР) систематически не выполняли задания отраслевых министерств по приросту количества магазинов, торгующих с применением новых форм обслуживания [9. С. 222–223].

Дефицит подготовленных торговых кадров, удаленность от товаропроизводящих центров, повышенные транспортные издержки оборачивались в национальных автономиях Сибири завышенными расходами на реализацию товаров. Так, издержки обращения основных торгующих организаций Бурятии за 1980 г. составили 8,5 % к объему товарооборота, а в Тувинской АССР – даже 11,4 %, в то время как по РСФСР они достигали только 6,6%. Издержки в общественном питании составляли в том же году по Бурятии 26,12 %, по Тувинской АССР – 26,82 %, тогда как по России лишь 23,25 % [9. С. 177–178].

Из этих сравнений видно, что торговля и общественное питание в национальных автономиях Сибири оборачивались для государства большими, чем в центральных районах и в целом по РСФСР, расходами. Видимо, потому оно стремилось сэкономить на обновлении и ремонте предприятий этой сферы, на подготовке кадров для нее, внедрении нового торгово-технологического оборудования и прогрессивных форм и методов обслуживания.

Вышеназванные причины, а также удаленность от центров власти и ослабленный контроль приводили в национальных автономиях Сибири к систематическим нарушениям правил торговли и обслуживания покупателей. Например, в Бурятской АССР в 1976 г. было зафиксировано растрат и хищений на сумму 390 тыс. руб., в небольшой по численности жителей Тувинской АССР – на 269 тыс. руб.; в 1980 г. по Бурятии сумма растрат и хищений сократилась до 290 тыс. руб., а по Туве почти не изменилась, составив 247 тыс. руб. В 1970–1980-е гг. по растратам и хищениям в расчете на 1 млн руб. товарооборота Тува была одним из лидеров в России, занимая второе место в РСФСР после Калмыкии [9. С. 192–193]. В материалах проверок уровня торгового обслуживания, проводимых местными органами власти, профсоюзом и комсомолом, отмечались многочисленные факты нарушений правил торговли и указывалось на «крайне низкий уровень обслуживания, особенно на ударных комсомольских стройках» [11].

Но не повсеместно дела в торговле выглядели тревожно. В Бурятской АССР, например, уде-

лялось весьма серьезное внимание развитию торговли, ее организации, совершенствованию методов продажи товаров, улучшению качества обслуживания. Эти вопросы часто обсуждались на коллегиях министерства торговли республики, партийно-хозяйственных активах, выносились на страницы республиканской печати и т. д. Бурятия являлась единственной из национально-административных территорий Сибири, где в 1960–1970-е гг. выпускалась отраслевая газета «Работник торговли Бурятии» [2].

В 1960–1970-е гг. отмечалось сокращение поставок по рыночному фонду в отдаленные и труднодоступные районы Сибири ряда продовольственных товаров: мяса, мясных консервов и мясных продуктов. Особенно резко в 1980-х гг. были снижены по этим товарам поставки из государственных ресурсов организациям потребительской кооперации. Это было вызвано обострением продовольственной проблемы в стране. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. стали проявляться тенденции государственного диктата в торговой сфере, что привело к кризису потребкооперации и кооперативной торговли и завершилось полным развалом сельской торговли. Больше других от этого пострадали жители Усть-Ордынского Бурятского, Эвенкийского, Агинского Бурятского национальных округов и Горно-Алтайской автономной области, где удельный вес сельского населения превышал 70 % [5. С. 6–8, 112–114].

Таким образом, масштабное индустриальное освоение территории Сибири в 1960–1980-е гг. вызвало стремительный прирост населения, особенно в национальных автономиях. Это, в свою очередь, ускорило развитие социальной инфраструктуры региона, в том числе и системы торгового обслуживания. Однако, несмотря на семикратный рост товарооборота и увеличение удельного веса национальных автономий с 12,2 % до 17,6 % в общем товарообороте Сибири, состояние, уровень и формы торговли в этих районах в течение исследуемого периода отставали от роста населения и не соответствовали нормативам [рассчитано по: 6. С. 249, 257; 9. С. 166–169; 12. С. 12]. Все это отрицательно влияло на культуру обслуживания и негативно отражалось на уровне жизни в регионе и миграционных процессах.

Источники и литература

1. Аверин А. Н., Антропов Е. П. Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. – М.: Советская Россия, 1988. – 112 с.
2. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1496. Л. 18–23; Д. 1556. Л. 34–36; Д. 1612. Л. 12–18; Ф. 3543. Оп. 1. Д. 18. Л. 150.
3. Народное хозяйство Агинского Бурятского национального округа. 1937–1972: юбилейный стат. сборник. – Чита: Стат. управление Читинской области, 1972. – 114 с.
4. Народное хозяйство РСФСР в 1980 г.: стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 406 с.
5. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1986. – 400 с.
6. Народное хозяйство РСФСР за 60 лет: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1977. – 367 с.
7. Народное хозяйство СССР в 1980 г.: стат. ежегодник. – М.: Статистика, 1981. – 582 с.
8. Население СССР. 1987. – М.: Финансы и статистика, 1988. – 440 с.
9. Розничная и оптовая торговля РСФСР за годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.). – М.: ЦСУ РСФСР, 1982. – 573 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 1М. Оп. 35. Д. 79. Л. 18; Д. 571. Л. 14–16; Д. 636. Л. 3–7.
11. Советская торговля в РСФСР: стат. сборник. – М.: Госстатиздат, 1958. – 343 с.
12. Торговля СССР: стат. сборник. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 480 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА В 1917-1940 гг.

Аннотация. В статье рассматривается развитие народов Приенисейского Севера после второй российской революции 1917 года в 20–30-е годы XX века. В это время им пришлось переосмыслить прежний традиционный путь развития и встать на дорогу социалистических экспериментов вместе со всем советским народом. Это время весьма противоречиво: большие социальные достижения соседствуют с серьезными противоречиями, надуманными, ложными коммунистическими гипотезами.

Ключевые слова: Туруханский край, потребительская кооперация, типы индивидуальных хозяйств, комитет Севера, родовые советы, национальные округа, обычное право, здравоохранение, культбазы, модернизация.

Модернизация Енисейского Севера происходила медленно и крайне непоследовательно. Сказывалась не только низкая плотность населения, но и неготовность советской власти оптимально провести модернизацию традиционного уклада коренных народов и перевод их на социалистический путь развития.

Важным инструментом социально-экономической модернизации северных районов стала потребительская кооперация, которая была развита еще в дореволюционный период и играла важную роль в осуществлении взаимодействия коренных народов и государственной власти. Жители тундры могли получить необходимые товары, обменяв их на свои продукты традиционного промысла: или у купцов-«тунгусников», или у кооператоров. Последние стали активными проводниками новой советской политики в Енисейской губернии, в том числе и среди северян.

В начале 1918 г. правление Енгубсоюза потребкооператоров учредило специальный отдел по работе среди национальных меньшинств. Отдел в дальнейшем изучал хозяйство и быт коренного населения на севере губернии, собирал сведения о его занятиях. Енгубсоюз

в низовьях Енисея и по Ангаре создал ряд обществ потребителей. Главная цель их заключалась в культурном обслуживании и вовлечении в кооперацию местных жителей. Но этот план потерпел неудачу, поскольку многие общества попали в руки купцов-«тунгусников», которые продолжали жестоко эксплуатировать местное население.

Поэтому союз решил обслуживать северян через специальные фабрики. В 1918 г. в низовьях Енисея действовали 8 постоянных и 20 сезонных (на время ловли рыбы) фабрик. В каждой фабрике работали заведующий, конторщик, приказчик, засольщик рыбы и другой обслуживающий персонал. В целях привлечения местного населения к управлению хозяйственными делами предлагалось выбрать специальные советы из его представителей. При фабриках организовали жилье и круглосуточное питание для приезжающих сюда охотников и рыбаков.

Весной 1918 г. инструктор Енгубсоюза М. Г. Робустов совместно со служащим торгового отдела Е. А. Калининым совершил поездку по Туруханскому краю для сбора статистических сведений о рыболовстве и с целью

инструктажа кооператоров по работе среди национальных меньшинств, выбору мест для складов, выяснению ассортимента товаров, изучению условий труда и быта местных охотников и рыбаков. В условиях бездорожья и сурового климата они проделали огромную работу и собрали большой фактический материал, что в дальнейшем способствовало торговой и заготовительной деятельности Енгубсоюза в этом необъятном крае [2].

Заметное развитие на Севере кооперативная торговля получила еще с 1921 г., когда Кежемское потребительское общество Енгубсоюза решило взять на себя снабжение жителей Подкаменной Тунгуски товарами первой необходимости, чтобы окончательно вырвать их из рук местных купцов-«тунгусников». В июне 1921 г. на фабрике Оскоба состоялось собрание эвенков, решивших организовать кооператив. 16 ноября 1921 г. «Красноярский рабочий» сообщил о нем как о первом национальном кооперативе на Туруханском Севере [1].

Создание в 1922 г. в Енисейском губисполкоме Полярного подотдела, а в 1924 г. – специального Комитета Севера позволило потребительской кооперации сыграть важную роль в оказании экономической помощи коренному населению Енисейского Севера: основные усилия направили на ограничение и вытеснение частника, регулярное кредитование северян, лучшее удовлетворение их производственно-промысловых нужд.

В 1925 г. на Енисейском Севере 7 потребительских обществ объединяли уже 5400 северян. Одно из них, созданное в декабре 1923 г. на Тазе под названием «Возрождение», собрало 301 хозяйство. В апреле 1924 г. Суломайское общество потребителей охватило сразу 60 хозяйств, в 1925 г. организовались Сымское, Норильское, Хатангское, Черноостровское потребительские общества. В течение 1921–1925 гг. на севере Енисейской губернии открылись 70 фабрик с кооперативными лавками [2. С. 38].

Кооперативный план советской власти предусматривал вовлечение в социалистическое строительство не только мелкотоварных, но и патриархально-натуральных производителей

лей. Это относилось, прежде всего, к народам Крайнего Севера, где кооперация развивалась как потребительская и снабженческая. Кооперативы доставляли северянам товары первой необходимости, охотничий и рыболовный инвентарь. Взамен население сдавало продукцию пушного и рыбного промыслов и оленеводства. Чтобы поднять в тех условиях кооперирование на более высокую ступень, создавалась интегральная (смешанная) кооперация, объединявшая функции потребительско-снабженческой и производственной.

Создание в 1927 г. интегральной кооперации по решению СНК РСФСР исключительно для районов Крайнего Севера, населенных племенами, которые вели комплексное промыслово-охотничье, рыболовное и оленеводческое хозяйство, позволило развернуть среди малочисленных коренных народов следующие виды простейших товариществ: а) смешанное северное товарищество, б) оленеводческое, в) рыбацкое, г) товарищество охотников. К 1930 г. на Енисейском Севере организовалось 45 простейших товариществ, из них 33 рыболовецких и 7 оленеводческих. Процент коллективизации населения составил 9,3 %. Классовый состав первых товариществ был следующим: батраков 8 %, бедняков 52 % и середняков 40 % [2. С. 39–40].

Одновременно советская власть подталкивала северян к созданию коллективных оленеводческих хозяйств. В 1928 г. один колхоз возник в Тазовской тундре, второй в левобережье реки Енисея. В это время также было образовано 5 рыболовецких колхозов. В состав их входили исключительно маломощные бедняцкие хозяйства [4. С. 375–376].

Следует отметить, что в 1930 г. на Крайнем Севере имелось несколько типов индивидуальных хозяйств. Первый тип – кочевое оленеводческое хозяйство в тундре. Кочевники в качестве вспомогательного промысла выбирали охоту на морского зверя, песца, дикого оленя и рыбалку.

Второй тип находился в полосе лесотундры; это кочевое охотничье-рыболовно-оленинское хозяйство.

Третий тип: таежное оседлое и полуседлое охотничье рыболовное хозяйство с зачатками животноводства и огородничества.

Четвертый тип: прибрежный зверобойный промысел.

Пятый тип: сельское хозяйство с животноводческой основой.

Шестой тип: хозяйство, специализирующееся на перевозке грузов [4. С. 389–390].

В 1930-е годы началось индустриальное развитие на севере нашего края – строился Норильский комбинат. Этот процесс не был однозначным. Первоначально бытовали весьма утопичные ожидания, что северные народы будут работать на современных промышленных предприятиях.

Однако традиционный уклад жизни северян плохо поддавался ускоренной социалистической модернизации. Возникали серьезные социальные противоречия и коллизии. Лишь гораздо позднее методом проб и ошибок удалось прийти к выводу, что нельзя грубо вмешиваться в естественный ход истории северных народов. Помогать, поддерживать – это хорошо. Ломать и навязывать чужое – плохо.

Крайне противоречиво и форсированно осуществлялась и политическая модернизация коренных народов. Революция 1917 года разрушила старые формы управления. Северяне оказались в совершенно беспомощном положении. Необходим был специальный аппарат управленцев для охраны труда, жизни и здоровья северных жителей, без которых «край обратится в пустыню...» [3].

В 1922 г. Полярный отдел исполкома Туруханского края предписывал местным жителям, особенно богатым, подчиняться родовому совету. Положение об управлении Туруханских племен от 1923 г. устанавливало, что каждое местное родовое племя управляется своим собственным родовым советом. Этот совет являлся высшим органом власти и исполнял свои обязанности в соответствии с Конституцией РСФСР и советскими законами. Трудовые и гражданские споры решались в соответствии с обычным правом

племен. Уголовные наказания не должны были нарушать Уголовный кодекс РСФСР.

13 февраля 1923 г. Дудинский волостной исполком провел общее собрание князей-старшин Туруханского края. Собравшиеся постановили приступить в каждом отдельном северном роде к организации родовых советов по принципу советского государственного строительства. 3 апреля 1923 г. Туруханский крайисполком принял решение организовать в Хатангской тундре родовые советы. Частная торговля в тундре теперь сворачивалась, самогонщики, торговцы спиртным немедленно задерживались и арестовывались. Представители русского населения без разрешенных законом определенных занятий из тундры выселялись.

3 октября 1923 г. Туруханский крайисполком ввел налог мехом на каждого северянина-охотника мужского пола в возрасте от 16 до 55 лет в количестве 30 белок. Этот процесс контролировали северные краевые инспекторы, родовые советы, а при отсутствии последних – князья и старшины племен.

Туруханский крайисполком постановил в 1923 г. избрать на должность северных инспекторов людей, по возможности изучавших государственное право и управление в РСФСР, местные обычаи и культуру населения. На этих инспекторов возлагался надзор за проведением в тундре государственной политики в области промыслового труда и охраны здоровья, различных образовательных мероприятий.

Для управления регионом предполагалось собирать районные съезды родовых советов. Эти съезды избирали делегатов на Туруханский краевой съезд. 14 мая 1924 г. Енисейский губисполком принял специальное постановление «О мерах охраны жителей Приенисейского края и северного русского населения». Этот документ запретил ввоз спирта, спиртосодержащих веществ и игральные карты в пределы Туруханского края, а также в места кочевья и пребывания северных племен на территории Красноярского и Канского уездов.

Торговлей могли заниматься только представители госучреждений, кооперативных

организаций и акционерных обществ с государственным участием. Список торговых представителей и агентов составлялся Енисейским губисполкомом и утверждался Сибревкомом.

Услуги частных комиссионеров категорически запрещались. Органы Главного политического управления (чекисты) постоянно контролировали въезд и выезд на северных территориях [3. С. 120–125].

В 1930 г. постановлением Президиума ЦИК РСФСР «Об образовании национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» создаются Таймырский и Эвенкийский автономные округа. В декабре 1934 г. после возникновения Красноярского края эти округа вошли в его состав. Тогда же на их территории

действовали 13 культурных баз. Эта новая форма комплексного обслуживания коренных народов просуществовала с 1924 по 1939 г. Здесь северяне получали административную поддержку, медицинское обслуживание, ветеринарную помощь, повышали уровень своего образования и пр. [5]. Культбазы размещались в районах традиционного выпаса оленей – тем самым решалась проблема доступности их услуг коренным народам.

Неоправданно высокая интенсивность трансформации традиционного уклада жизни коренных народов вызывала недоверие к мероприятиям властей, однако в 1920–1930-е гг. народам Енисейского Севера удалось сохранить свою самобытность и продолжить путь в историческое будущее.

Источники и литература

1. Рогачев А. Г., Максимов С. В. Динамика и модернизация российских социально-политических, экономических процессов 1917–1918 гг. на историческом поле Сибири: монография. Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1999. Рогачев А. Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925-е гг.). Краснояр. гос. агр. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск, 2008. Рогачев А. Г. Исторический опыт отечественных модернизаций в России (V–XXI в.): монография. Филиал НОУ ВПО Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Красноярске. – Красноярск, 2010. Рогачев А. Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие. Краснояр. агр. ун-т. – Красноярск, 2015. Рогачев А. Г. Исторические модернизации государства и права в России в IX–XXI веках. Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2015. Рогачев А. Г. Актуальные вопросы отечественной истории: социально-политическое развитие общества и государства от Древней Руси до современной России: учеб. пособие. Краснояр. гос. агр. ун-т. – Красноярск, 2017.
2. Рогачев А. Г. От «Самодельности» до системы агропромышленного комплекса. Из истории потребительской кооперации Красноярского края. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1984. – С. 26–27.
3. Красноярский край в истории Отечества. Кн. 2. 1917–1940. Хрестоматия для учащихся старших классов средних школ. – Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1996. – С. 116–119.
4. Агропромышленный комплекс Красноярского края. 1920–1970 гг. Документы и материалы / отв. сост. Северьянов М. Д. Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1991. – С. 373–375.
5. Красноярье: пять веков истории. Учебное пособие по краеведению. Ч. II. – Красноярск: группа компаний «Платина», 2006. – С. 42.

Шекшеев А. П.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ХАКАСОВ (1917-1930-е гг.): НОВЫЙ И ОБОБЩАЮЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ

Аннотация. Данное сообщение освещает крайне актуальную и в прошлом политизированную тему – национальное движение одного из сибирских народов, начиная с участия хакасов в революционных событиях 1917 г. и завершая их полным переходом к советскому строю. Статья показывает, что его составной частью являлись протестные действия, а также антирусские и антисоветские настроения, способные воздействовать на политику советской власти.

Ключевые слова: бандитизм, земельные отношения, коллективизация, коммунисты, налоговая и продовольственная политика, национальное движение, переселенцы, повстанчество, репрессии, советская власть, хакасы.

Массовое стремление лиц разных национальностей воздействовать на окружающий мир в интересах своего этноса называется национальным движением. Целью его является освобождение, объединение людей по национальному признаку и решение народами собственных экономических, политических или языково-культурных задач. Для Хакасии, безусловно, оно состояло из деятельности национального представительства по консолидации своего общества и его самоопределения в форме особого образования, а также усилий самих хакасов по улучшению социально-культурной жизни. Данная проблематика уже изучалась местными историками, например, в обобщающих трудах и отдельных публикациях [1].

Между тем объявленное коммунистами в качестве одного из принципов существования СССР равенство народов являлось зачастую декларируемым и в первые десятилетия советской власти вынуждало национальные элиты бороться за свои права и свободу. Деятельность их в этом направлении отечественными историками представлена весьма ограниченно. Так, в той же Хакасии по-прежнему игнорируются непростые отношения лиц разной национальности, аборигенов и коммунистов [2], что, несомненно, упрощает и даже фальсифицирует

историю этого региона. Такое освещение прошлого заставляет нас вернуться к реалиям действительной жизни хакасского общества и попытаться наконец обобщенно высказаться по этому вопросу.

Представляя сообщества лиц, живущих в родстве с природой, занятых в основном собственным сохранением и воспроизводством, местное коренное население, названное хакасами, прежде всего стремилось к консолидации своего социума, разбросанного по трем уездам двух губерний, определению его правового положения. Впервые возникшее как следствие ослабления Российского государства в результате Русско-японской войны, его национальное движение начиная с 1917 г. действительно заявляло о себе съездами инородческого представительства, которое приветствовало падение самодержавия. Оформившийся в сложных жизненных условиях культурный облик населения способствовал выделению из него лишь немногих интеллигентных индивидов [3. С. 263, 106]. Располагая слабыми возможностями для консолидации и суверенизации, хакасская общественность независимо от политической окраски существующей власти вынужденно находилась у нее на службе. Но искомое создание взамен определенной национальной

территории со своим «степным» самоуправлением так и не состоялось [4. С. 215–216]. Вызванное Гражданской войной затягивание сибирскими управленцами признания этого важнейшего принципа существования народа заставило хакасов подчинить свои интересы выживанию путем приспособления к новым жизненным реалиям.

Сосредоточившись в основном на просветительстве неграмотных скотоводов, местная интеллигенция была не в состоянии в полной мере отстаивать экономические и культурно-национальные интересы своего народа [5. С. 129]. Само распространение здесь советской власти сдерживалось прежде всего отсутствием соответствующих работников из числа коренного населения. Внешне, на официальном уровне, национальные отношения в Хакасии, отношения между хакасами и коммунистами смотрелись вполне пристойно. В частности, Советское государство с самого начала декларировало защиту земельных интересов [6. С. 30], а затем решало социально-культурные запросы инородческого населения.

Обусловленные издержками русского заселения, появлением красных партизанских отрядов и лишь затем большевистской политической военной коммунизма, первые протесты инородцев были инициированы отдельными представителями местного коренного этноса. Состоявшееся их знакомство с идеями сибирских просветителей вело к пробуждению национального самосознания. В основном же мотивы поведения хакасов определялись внешним фактором – политикой государства, деятельностью его представителей и просто лиц, пытавшихся решить свои проблемы за счет коренного населения. Переселение из голодных регионов страны в начале 1920-х гг. приняло стихийный характер, форму «повального бегства» целыми деревнями. Проникновение русского населения вглубь территории, заселенной хакасами, сопровождалось захватами их земель, которые затрудняли развитие традиционного хозяйствования местных скотоводов, вызывали у них недовольство властями и переселенцами, переходящее в откровенную вражду. Воспринимая землю как свою собственность и от-

стаивая право на нее, наследуемое от предков, определенные лица и целые общества хакасов отказывали русским переселенцам в предоставлении земли, пытались организовать выселение последних за пределы инородческой территории. Но предпринимаемые усилия, наталкиваясь на апатию бедноты, быстро угасали [7. Л. 171, 207; 59, 82, 91, 134; 134].

В то же время, осуществляя зачистку территории от остатков колчаковцев, советские воинские отряды, случалось, изымали у местного населения продукты и имущество, а по подозрению в контрреволюционности прибегали к уничтожению не только одиночных жителей. Несмотря на то, что ощущение враждебности не было для хакасов постоянным и охватывающим все их общество, появление вслед за повстанцами воинских частей, отрядов милиции и коммунистических ячеек встречалось населением со страхом и настороженно.

Протестные настроения инородцев вылились в своеобразную форму поведения, почти лишенного политического облика. Инородческое повстанчество представляло собой множество мелких групп, успешно грабивших население, кооперативные и советские учреждения и исчезавших при появлении вооруженных представителей новой власти. К весне 1921 г. выдвинутые против восставших крестьян воинские силы уничтожили очаги их сопротивления, но разгромить инородческое повстанчество, которое поддерживалось населением, они оказались не в силах. Требуя в кратчайшие сроки выдать повстанцев, вооруженные лица распространяли слухи о нахождении в каком-либо селении «банды», врываются в него, подвергая жителей арестам и расстрелам, а затем мародерствовали. Бесчинства осложнили обстановку настолько, что инородцы стали собираться на сходки, которые выносили постановления о создании для их проживания новой административно оформленной территории. Случалось, что хакасы мстили своим обидчикам, наказывая крестьян целых переселенческих селений [8. Л. 255; 20].

К этому времени обозначились и отрицательные последствия принятия чрезвычайных

мер в проводимой советской властью продовольственной и налоговой политике. Взимание продразверстки, а затем и продналога привело к тому, что из-за постоянного недоедания среди хакасов стали распространяться тифозные заболевания. Заготовки скота сопровождались его гибелью и резким ухудшением отношения населения к коммунистическому режиму [9. Л. 31; 76].

Наблюдаемое среди хакасов сопротивление государственной продовольственной политике являлось часто более успешным по сравнению с противодействием русских крестьян. Используя знание местности, коренные жители, когда начиналось выявление объектов налогового обложения, перегоняли скот из одного района в другой и тем самым затрудняли его учет. Порой главными действующими лицами этого саботажа становились сельские власти.

Недовольные советской властью, хакасы стали уходить в горы или тайгу. Вместе с мужчинами скрывались или увозились и женщины, которые являлись не только соучастницами вооруженной борьбы и ограблений, но и организаторами семейного очага. Для выяснения причин бегства и ознакомления с нуждами населения обеспокоенные власти создали чрезвычайную полномочную комиссию. Деятельность ее способствовала переходу к мирной жизни некоторых повстанцев и показала, что мирное сосуществование инородцев с русскими и советской властью возможно лишь на платформе национального суверенитета. Осенью 1921 г. Енисейский губернский комитет РКП(б) согласился с необходимостью образования самостоятельной единицы из хакасских волостей [10. С. 78, 246–247]. Но процесс создания нового административно-территориального образования был временно прерван начавшимся взиманием продовольственного налога, отнимавшим все силы коммунистов, а вмешавшаяся в отношения с инородцами военщина рецидивами красного бандитизма способствовала новому распространению повстанчества.

Несмотря на попытки отдельных советских служащих из коренного населения влиять на повстанчество, в целом национальная ин-

теллигенция воздействия на него почти не имела. Лозунг «За самостоятельность инородцев или независимость Хакасии», вероятно, был придуман русскими повстанцами для привлечения новых сторонников. Повстанчество, называемое коренными жителями «хасхылар», то есть понятием, которым обозначались народные защитники и мстители, имело антирусскую и антикоммунистическую окраску, являлось одновременно вооруженной борьбой с представителями советской власти, ее воинскими отрядами и уголовным бандитизмом.

При этом повстанчество воспринималось инородцами в их отношениях со властью в качестве второстепенного и запугивающего фактора. Оно не только какое-то время выступало в качестве защиты местного населения от очередного насилия и своеобразной формой сохранения его традиционного образа жизни. Возможно, это явление способствовало ускорению национально-государственного строительства.

Событием, приветствуемым коренными жителями и совпавшим с ликвидацией повстанчества, стало образование, согласно постановлению ВЦИК от 14 ноября 1923 г., Хакасского уезда. Его создание позволило увеличить бюджет региона и предоставить населению льготы финансового, налогового и правового характера. Некоторые свободы, дарованные новой экономической политикой, и признание коммунистами права хакасов на суверенность лишили повстанцев народной поддержки, численность их стала сокращаться. Состоявшие из инородцев-добровольцев «истребители» уничтожили основные «банды».

Вместе с тем среди хакасов наблюдались отказы от выполнения «грабительской» налоговой политики. Создание уезда в рамках губернии не удовлетворило национальную интеллигенцию, она не сразу пошла на службу советской власти и длительное время оставалась источником сепаратистских настроений. В условиях сохранения русско-хакасских противоречий все больше сторонников приобретали планы создания единой тюркской автономии [11. С. 50]. Последующее образование по постановлению ВЦИК от 25 мая 1925 г. в составе

Сибирского края Хакасского округа способствовало развитию данной территории. Однако округ представлял собой национальную административную единицу, у которой отсутствовал такой признак автономного образования, как наличие специального закона о правовом статусе. Он не имел представительства в государственном Совете национальностей. Преобладание на партийно-советских должностях лиц русской национальности оценивалось хакасской интеллигенцией как «захватническое». Местная организация ВКП(б) переживала резкое проявление русского шовинизма и хакасского национализма [12. С. 51–52].

Наряду с этим действовавшие в середине 1920-х гг. специальные комиссии показывали середняка как главную фигуру на селе. Сохранившаяся родовая знать пользовалась наряду с шаманами большим влиянием на сородичей и местные органы власти. Попытки государства путем защиты хозяйственных интересов коренного населения и землеустройства решить здесь земельный вопрос не увенчались успехом. Основной массив хакасских земель по-прежнему оставался у зажиточного населения, сохранялись и прежние порядки землепользования, потворствующие земельным захватам [13. Л. 82; 158; 45; 94; 110; 37]. Сильным оставалось среди коренного населения и отношение к религии. Многие хакасы проявляли свои религиозные воззрения даже в массовом порядке [14. Л. 90; 1; 43].

Напряженной была и криминогенная обстановка. В советское время в регионе выросли конокрадство и скотокрадство, которые всегда являлись своеобразным протестом против нищеты, промыслом и способом жизнедеятельности определенных лиц. Их распространение было вызвано голодом, слабостью правоохранительных органов и незначительностью наказания, а также особенностями жизни коренных жителей. Несколько раз начиная с 1925 г. объявив Сибирь неблагополучной по бандитизму, расстреляв и выслав несколько десятков хакасов, обвиняемых в рецидивизме, государство толкнуло население к новым побегам в тайгу. В деятельности появившихся и лик-

видированных «банд» элементы политической борьбы все больше заменялись уголовщиной [15. С. 99–102].

Начавшийся с середины 1920-х гг. хлебозаготовительный кризис, осложнение международного положения и ухудшение снабжения деревни промышленными товарами привели к паническим настроениям среди населения. Возвращение государства к жесткой политике изъятия налогов и продовольствия уже летом 1928 г. вплотную придвинуло хакасов к голоду [16. Л. 88; 126, 176]. Еще более раскалывая местное общество, «чрезвычайщина» вызвала ответственное сопротивление со стороны отдельных его представителей и целых селений. Они использовали преувеличение реального количества членов семей, запись посевов на бедноту или части хозяйства на родственников и прочее. Случалось, что хакасское население активно защищало своих зажиточных сородичей, пользующихся еще и авторитетом кормильцев. Кое-где хакасы пытались из-за непосильных налогов дробить свои хозяйства. Налоговые изъятия сопровождались вспышками прямого и яростного воздействия так называемого кулачества на представителей местной власти и активистов. В апреле – июне 1929 г. вся территория округа была охвачена хлебным кризисом: при полном отсутствии хлеба на рынке наблюдались голодовки бедноты.

Осенью того же года началась новая заготовительная кампания с использованием так называемого урало-сибирского метода – поселенного и подворного наделения крестьян «твердыми» заготовительными заданиями. Обходя дворы, коммунисты и комсомольцы запугивали население кратным обложением так, что оно сдавало весь имевшийся хлеб, не оставляя его на семена и пропитание. Некоторые хакасы как могли сопротивлялись хлебозаготовкам, затягивая их сроки, избивая представителей советской власти, и в свою очередь подвергались репрессиям [17. С. 51–54].

Проводившаяся в 1927–1929 гг. продовольственная и налоговая политика вызвала в Хакасии сопротивление со стороны даже советских функционеров, лиц, руководивших сельским

хозяйством. Оно позволило сибирскому руководству втянуть местных коммунистов во внутривластную борьбу и переложить на них вину за объективные трудности, возникшие в этой сфере [18]. В этих условиях наблюдались лихорадочные поиски хакасами духовного равновесия, и коренному населению было присуще сложное мироощущение, состоявшее из элементов разных религий [19. С. 281–283].

Начавшаяся массовая и насильственная коллективизация сопровождалась принятием превентивных мер, направленных против возможного саботирования ее со стороны национального чиновничества, и внутривластной борьбой. Происходившие из зажиточной среды служащие районных аппаратов снимались с работы, исключались из ВКП(б). Наряду с русскими крестьянами часть хакасского населения подверглась сначала индивидуальному обложению, немедленному изъятию налогов и лишению избирательных прав, а затем и раскулачиванию с передачей имущества в создаваемые колхозы и выселением. Масштабы и методы раскулачивания не поддерживались даже в партийной организации округа. Так называемые «правые» коммунисты сопротивлялись проявлениям крайностей в политике, проводимой государством в деревне, но к лету 1930 г. были разгромлены. Изгнанные из партии, они вернулись вновь к идее создания Тюркской республики. В хакасском обществе набирали силу националистические и антисоветские настроения [20. Л. 105, 111; 38; 10; 99; 9–10; 3. С. 10–12]. Некоторые хакасы, как и русские, скрываясь от раскулачивания, начали вновь сбиваться в «банды». Наряду с ними существовали протестные группы, стихийно возникающие непосредственно в селениях. Однако вскоре они были ликвидированы [21. С. 95–100].

Продолжавшаяся коллективизация сопровождалась созданием Хакасской автономной области. Этот акт был обусловлен не только необходимостью ускорения темпов «социалистического преобразования» хакасского общества. Он стал насущным для решения конкретных проблем, возникших в отношениях

между определенным населением и властью и потребовавших усиления государственного контроля над становлением хакасского этноса на «рельсах социализма» [22. С. 53; 90. Л. 154–155, 294–295]. В условиях коллективизации, требовавшей быстрого реагирования и оперативного руководства со стороны местных властей, округа как промежуточные звенья между краями и районами начали превращаться в административную надстройку, тормозившую процессы дальнейшего развития территорий. Создание области, произошедшее в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК РСФСР от 20 октября 1930 г., расширило полномочия местных властей и сопровождалось укреплением их финансового положения. Но часть управленческих функций оказалась переданной сначала Западно-Сибирскому, а затем Красноярскому краевым исполкомам.

Депортации вновь обнаруживаемых кулаков продолжались. Вместе с ними была ликвидирована и «старая» верхушка хакасских родов. Коллективизация наконец упразднила земельные противоречия. Передав сельскохозяйственные угодья в колхозное коллективное пользование, она обезземелила все население независимо от его национальной принадлежности. Опасность для жизни, исходившая от советского правосудия, сурово каравшего расхитителей «социалистической» собственности, в конечном итоге привела и к сокращению преступности.

Предоставлением автономии и финансовой поддержкой Советское государство расплатилось с населением Хакасии за его трансформацию в новое общество, где все его члены, этносы, утрачивая свою самобытность, становились подконтрольными и развивались по общему стандарту, декларируемому коммунистической идеологией. Создание автономной области способствовало переходу какой-то части коренного населения на позиции советской власти.

Выросшее при поддержке коммунистического режима поколение хакасских управленцев наконец добилось для своего народа автономии, но, предупредив властные инстанции о своей

возможной нелояльности, попало под репрессию. В 1934 г. разгрому подверглась так называемая состоявшая из представителей национальной интеллигенции Ойротии, Хакасии и Горной Шории контрреволюционная националистическая организация «Союз сибирских тюрков». Во время «большого террора» 1937–1938 гг. репрессии охватили значительную часть руководителей области и национальной интеллигенции [23. С. 46, 48, 50, 52–53, 56]. Расправа над ними в обществе, которое консолидировалось на принципах интернационализма, являлась неизбежной.

Таким образом, национальное движение коренных жителей Хакасии после 1917 г. существовало не только в форме съездов и деятельности местной общественности и некоторых интеллектуалов по суверенизации своего народа путем создания специальных территорий и автономии. Безусловно, составной частью его было решение таких вопросов, которые способствовали улучшению социально-культурной жизни хакасского этноса. Однако в какой-то степени национальное движение хакасов заключалось и в протестных

действиях в форме бегства из мест проживания и повстанчества, направленных на защиту своего существования и традиционного образа жизни. Оно состояло из борьбы коренного населения за землю, действий по саботажу государственной налоговой и продовольственной политики, а также противодействия раскулачиванию и колхозному строительству.

В основном же свое недовольство и возмущение диктатом окружающего мира и советской власти местные жители выражали в рамках антирусских и антисоветских настроений, которые оказали большое влияние на политику соответствующих органов. Последнее не столько свидетельствовало о слабости национального движения, сколько говорило о привычке местного населения к выживанию и способности саморазвития. Эти эмоции характеризовались длительностью существования и редкими обострениями, но со временем под воздействием собственного менталитета, ценностей иной культуры и совместных переживаний с лицами других национальностей они приобрели тенденцию к исчезновению или смягчению.

Источники и литература

1. Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1963. – 420 с.; Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. – 672 с.; Мамышева Е. П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы. – Абакан: Изд-во «Бригантина», 2011. – 246 с.; Мамышева Е. П. Исторический опыт национально-государственного строительства в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2017. – 35 с.; и др.
2. Данькина Н. А. Интеллигенция и национальное движение в Хакасии 1917–1930 гг.: современная историография проблемы // Краевед Хакасии: сб. краевед. ст. Вып. 1. – Абакан: Изд-во «Бригантина», 2013. – С. 24–26; Данькина Н. А. Интеллигенция и национальное движение в Южной Сибири в начале XX в.: современная историография проблемы // Алтай – Россия: через века в будущее: матер. Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 260-летию добровольного вхождения алт. народа в состав Росс. гос-ва и 25-летию образования Респ. Алтай, 9–12 июня 2016 г. Т. 2. – Горно-Алтайск, 2016. – С. 3–7.
3. Асочаков В. А. Формирование советской интеллигенции в Хакасии (1917–1937 гг.) // Историческая наука в Сибири за 50 лет (Основные проблемы истории советской Сибири). – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1972. – С. 262–272; Данькина Н. А. Интеллигенция Хакасии в конце XIX – 30-е гг. XX века. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2004. – 125 с.
4. Шекшеев А. П. Национальное движение хакасов в 1917–1919 гг. // Экономическое развитие Сибири: матер. Сибирского исторического форума, Красноярск, 12–13 октября 2016 г. – Красноярск: Резонанс, 2016. – С. 213–218.

5. Дацышен В. Г. Хакасская автономия на переломном этапе (к истории национального движения в первой половине 1920-х гг.) // Хакасия и Россия: 300 лет вместе (матер. междунар. науч. конф., посв. 300-летию вхождения Хакасии в состав Российского государства, 12–13 дек. 2007 года. Т. II. – Абакан, 2008. – С. 127–131.

6. Декреты Советской власти. Т. VI. – М.: Политиздат, 1973. – 584 с.

7. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ НА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 73; Д. Обзор политического состояния Хакасского округа за август, сентябрь 1926 г.; Оп. 4. Д. 12.

8. Муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф. 25. Оп. 1. Д. 225; Д. 304 а.

9. Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 119; Ф. 25. Оп. 1. Д. 334.

10. Мамышева Е. П. Хакасия: от степных дум к автономии (1822–1930 гг.). – Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. – 123 с.; Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2009. – 334 с.

11. Шекшеев А. П. Национальная политическая элита Хакасии: вхождение во власть, борьба за суверенитет и судьба (1920–1930-е гг.) // Мир Евразии: науч. журнал. История, археология, этнография. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2011. № 1 (12). С. 48–57.

12. Шекшеев А. П. Национальная политическая элита Хакасии...

13. ГКУ РХ НА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 51; Ф. 14. Оп. 1. Д. 5; Ф. 16. Оп. 1. Д. 34; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 669; Д. 2123; Д. 1154.

14. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-49. Оп. 2. С. Д. 139; ГАНО. Р-20. Оп. 2. Д. 94; Доброновская А. П. Русская православная церковь в Енисейском регионе в 1920-е годы // Возрожденная епархия: историко-публицистический и литературно-художественный альманах. Вып. 1. – Красноярск, 2005. – С. 38–43.

15. Шекшеев А. П. Хасхылар: протестное поведение хакасов (конец 1919 – начало 1930-х гг.) // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 93–106.

16. ГКУ РХ НА. Ф. 16. Оп. 3 с. Д. 1; Д. 5.

17. Шекшеев А. П. Продовольственные заготовки в Хакасии конца 1920-х гг. // Научное обозрение Саяно-Алтая: рецензируемый науч. журнал. Серия: история. Вып. 1. – Абакан, 2011. – С. 48–55.

18. Советская Сибирь (Новосибирск). – 1929. – 11 ноября.

19. Шекшеев А. П. Религиозная ситуация на юге Приенисейской Сибири в 1920-е годы // Православие, Россия: размышление о прошлом, взгляд в будущее: матер. науч. конф. с междунар. участием, Красноярск, 12–14 окт. 2011 г. – Красноярск: Изд. дом «Восточная Сибирь», 2012. – С. 268–286.

20. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 104; Д. 114; ГКУ РХ НА. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1; Ф. 2. Оп. 1. Д. 3; Д. 14; Д. 53; Резолюции 5-й Хакасской окружной партконференции. – Минусинск, 1930.

21. Шекшеев А. П. Политический бандитизм в Хакасии начала 1930-х гг. // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: матер. Междунар. науч. конф., посв. 70-летию Хакасского НИИ языка, литературы и истории, 24–26 сент. 2014 г. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2014. – С. 94–101.

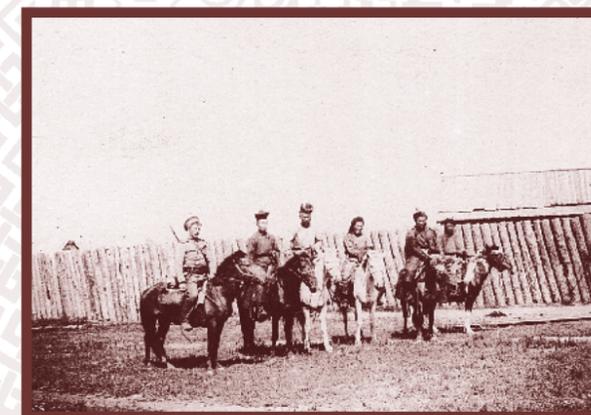
22. Санжиев Г. Л. Переход народов Сибири к социализму, минуя капитализм. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1980. – 368 с.; Мамышева Е. П. Хакасия: от степных дум...; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1089.

23. Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии. – Абакан: Изд-во ХГУ, 1998. – 111 с.

ЧАСТЬ 4

Проблемы межнациональных отношений в Сибири

Александрович В. Ю.

ВЫХОДЦЫ ИЗ БЕЛОРУССИИ, УЧАСТНИКИ ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 г. - ПОЛИТССЫЛЬНЫЕ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-1870-е гг.

Аннотация. Статья посвящена польским политическим ссыльным, отбывавшим наказание на территории Енисейской губернии в 1860–1870-х гг. Автором установлены численность и районы размещения польских ссыльных, а также условия их жизни и быта в ссылке.

Ключевые слова: Сибирь, Енисейская губерния, польское восстание, политические ссыльные.

Революционная ситуация, которая сложилась в России на рубеже 1850–1860-х гг., захватила Польшу, Литву и Белоруссию. Наиболее остро революционный кризис проявился в Польше, где борьба крестьян за землю сочеталась с мощным национально-освободительным движением. Сильный импульс этому движению дали события 27 февраля 1861 г. в Варшаве, когда во время демонстрации против российского царизма было убито пять человек и ранено несколько десятков демонстрантов. С этого момента национально-освободительное движение в Польше стремительно нарастало и перекинулось на Беларусь. В западных губерниях (Гродненской и Виленской) чиновниками были в основном поляки или полонизированные белорусы, стремившиеся освободиться от власти России. В Вильно открыто продавались брошюры революционного содержания. Так же как и в Польше, в городах Белоруссии и Литвы начались манифестации. Осенью 1861 г. литовское дворянство обратилось к российскому императору Александру II с просьбой присоединить Литву (вместе с белорусскими землями) к Польше. В это же время предводитель дворян Рогачевского уезда Могилевской губернии Богущ подал верховным властям прошение с требованиями, по сути, пропольского характера. Население городов Белоруссии – ремесленники, мелкие торговцы, интеллигенция, ученическая молодежь – активно помогало демокра-

тическим силам, участвовало в манифестациях в знак солидарности с борцами за независимость Польши. Гимназисты в Пинске, Слуцке, Мозыре издавали рукописные прокламации и расклеивали их в городе. Складывалась ситуация, когда в западных губерниях власть уходила из рук российского правительства.

В конце 1862 г. польская антироссийская конспиративная организация готовила и планировала вооруженное восстание на весну 1863 г. С конца 1862 г. руководство подготовкой, а затем и ходом восстания в Белоруссии и Литве возглавил Кастусь Калиновский.

Викентий Константин Семенович Калиновский родился 2 февраля 1838 г. в деревне Мостовляны Гродненского уезда в многодетной семье безземельного шляхтича, владельца небольшой фабрики льняных изделий. При крещении по принятому у католиков обычаю Калиновский получил два имени – Викентий и Константин. Именем Кастусь (по-белорусски) он впервые был назван в 1920-е гг. После окончания юридического факультета Петербургского университета в марте 1861 г. он возвратился на родину и приступил к созданию революционной организации.

К лету 1862 г. Калиновский вместе с товарищами создал подпольную типографию и начал издавать первую в стране революционно-демократическую газету «Мужицкая праўда»

(«Мужицкая правда»). Издавалась она на белорусском языке от имени «Яські-гаспадара з-над Вільні» («Яськи-хозяина из-под Вильно»). В 1862 г. вышло шесть номеров этой газеты, которые широко распространялись преимущественно в Гродненской, а также в Виленской, Минской и Витебской губерниях. Последний, седьмой, номер вышел в 1863 г. уже во время восстания. В газете говорилось, что крестьяне должны сами завоевать свободу и построить новый общественный порядок.

Кредо К. Калиновского – «не народ для ўрада, а ўрад для народа» («не народ для правительства, а правительство для народа»).

Однако прямых призывов к захвату помещичьих земель, к борьбе за государственную самостоятельность Белоруссии газета не содержала, хотя сам К. Калиновский выступал против «слития с Польшей». Об этом упоминал русский военный историк-исследователь В. Ратч, в 1864 г. помощник начальника артиллерии Виленского округа [9. С. 140]. Калиновский хотел, чтобы отношения между Белоруссией, Литвой и Польшей строились на основе равноправия и суверенитета. Вопрос о будущем государственно-территориальном устройстве он оставлял за народами этих земель.

Восстание началось с публикации Временным национальным правительством Польши Манифеста и аграрных декретов 10 января 1863 г. Было обнародовано также обращение к населению Литвы и Белоруссии с призывом поддержать восстание в Польше. Первые военные действия на территории Белоруссии начали повстанческие отряды, прибывшие из Польши. В Гродненской губернии весной 1863 г. действовали 5 повстанческих отрядов, в которых насчитывалось 1700 человек [12. С.219]. Воеводским комиссаром был К. Калиновский. Паролем повстанцев выбрали следующие слова: «Каго любіш? – Люблю Беларусь! – Так узаемна!» («Кого любишь? – Люблю Беларусь! – Взаимно!»). В мае 1863 г. повстанцы провели более 20 боев с российскими войсками. С середины 1863 г. подавление восстания взял в свои руки новый виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев. От Александра II он

получил чрезвычайные полномочия. Повстанческие лидеры были арестованы, часть из них казнены. Предвидя неизбежное поражение, местные помещики перестали поставлять повстанцам одежду, продовольствие и т. п. Многие из них стали отказываться от уездных и окружных начальственных должностей, занятых ими в начале восстания. В этих условиях Центральное национальное правительство предлагает К. Калиновскому вернуться в Вильно, чтобы возглавить восстание. С 22 августа 1863 г. в руках Калиновского оказалась вся полнота власти. Но эти меры уже не могли повернуть развитие событий в пользу восставших. К началу сентября 1863 г. восстание было практически подавлено.

После поражения восстания царское самодержавие жестоко расправилось с теми, кто находился в повстанческих отрядах, помогал им. По официальным данным, в Литве и Белоруссии было казнено 128, выслано на каторгу 853, в Сибирь на поселение – 504, лишены всех прав – 825 человек. 320 участников восстания отправили рядовыми в армию, 767 – в арестантские роты. Всего из региона было выселено 12 483 человека [9. С. 157]. Преобладание дворянства среди участников восстания (около 70 %) дает основание считать его акцией польских дворян и католического духовенства. Однако абсолютное большинство дворян имело лишь сословное звание: по социально-имущественному положению это были мелкие чиновники, представители интеллигенции, малоземельная и безземельная шляхта. Помимо дворян, в рядах повстанцев находились представители духовенства (6 %), крестьян (18 %) и незначительное число мещан [2. Л. 58].

По разным статьям за участие в восстании 1863 г. были сосланы в Енисейскую губернию 4419 человек [1. С. 135]. Ссыльные участники, вышедшие на поселение, проживали в самых отдаленных и глухих местах Минусинского, Ачинского, Канского округов губернии. Несколько человек как самых опасных поселили под Туруханском. Десятки ссыльных проживали в Красноярске.

В Государственном архиве Красноярского края в фонде 595 (Енисейское губернское управление) содержатся сведения о проживании в Енисейской губернии ссыльных польских поселенцев – участников восстания 1863 г. В качестве основных причин ссылки указываются: участие в мятеже (за это в Енисейск, например, был отправлен Франц Висковский, дворянин Могилевской губернии, титулярный советник [5. Л. 231]), нахождение в шайке мятежников (за это были сосланы Нарциф Эйсмонт, писарь уездного казначейства, 19 лет; Станислав Чиж, ученик гимназии, 18 лет; Эразм Гейштоф, 23 года, – все из Слуцка Минской губернии [5. Л. 19]), хранение запрещенных стихов и гимнов (так попал в ссылку Петр Янковский, помощник казначейства Гродненского правления, 51 год [5. Л. 3]), сбор денег для мятежников (за что были наказаны отец и сын Антон и Иосиф Гриневицкие, шляхтичи Гродненской губернии), участие с мятежниками в ограблении жителей (за это оказался в Сибири Александр Клович, крестьянин Витебской губернии [2. Л. 59]). Вероисповедание большинства указывается как римско-католическое, и только крестьяне в основном были православными. Однако среди них встречались и старообрядцы (Аггей Бохилёнок, 29 лет, и Афанасий Сидоров, 50 лет, – уроженцы Витебской губернии [7. Л. 112–113]). Возрастные рамки сосланных были достаточно широкими: от 17 до 62 лет.

Власти боялись селить вместе ссыльных – выходцев из одной местности, товарищей. В рапорте Казачинского волостного правления от 11 августа 1864 г. сообщается, что 9 августа того же года прибыли на причисление в здешнюю волость отосланные из Красноярска политические преступники Станислав Дзеванович, 17 лет, и Владислав Гнездовский, 17 лет (оба – дворяне Гродненской губернии). Преступники были водворены порознь в разные деревни, а именно: Дзеванович в д. Лопатовскую, а Гнездовский – в д. Зелееву, расположенные в стороне от почтового тракта. Водворение прошло согласно Указу Енисейского губернского правления от 12 ноября 1863 г. [3. Л. 231].

Условия жизни в Сибири были тяжелыми, и особенно для людей, приехавших из другого климата, другой культурной и исторической среды. Понятно, почему многие ссыльные болели и, если получалось, обращались за помощью к медикам. В именном списке политических преступников, находящихся из-за болезни в Красноярской острожной больнице, перечисляются фамилии больных, а напротив них – названия болезней, которыми страдали несчастные. Это оспа, раны от огнестрельных орудий, ревматизм, органические болезни сердца, туберкулез, простудная лихорадка, катар желудка, язвы на ногах и др. [3. Л. 31]. Даже не будучи хорошо осведомленным в медицине, можно понять, насколько тяжело болели ссыльные, как они страдали – и физически, и душевно. Положение этих людей осложнялось еще и тем, что у большинства из них не было теплой одежды, и зимой их существование было достаточно проблематичным. По прошествии некоторого времени высланные в Сибирь уже как-то приспособились к сложным условиям, но поначалу им было очень трудно.

Некоторым помогали богатые родственники, оставшиеся на родине. Они присылали деньги, вещи. Богатые и влиятельные родные помогали ссыльным даже на местах, где те отбывали наказание. В донесении Главного управления Восточной Сибири енисейскому губернатору (декабрь 1863 г.) говорится, что Александр Борк, помещик Могилевской губернии, отставной майор, за участие в восстании был выслан в июне 1863 г. в Оренбургскую губернию. Он обратился к государю императору с просьбой освободить его, так как он невиновен, его оклеветали его же крестьяне. Просьба эта была передана на рассмотрение Виленскому генерал-губернатору М. Н. Муравьеву, который объяснил: Борк наказан за то, что пытался склонить своих крестьян на сторону мятежников, чему было много свидетелей. Поэтому наказание остается в силе. Тогда за майора взялся хлопотать его родной брат – енисейский жандармский штаб-офицер, полковник Борк, который жил в Красноярске. Полковник хлопотал о брате, указывая, что у майора Борка расстроено здоровье, и он должен находиться на по-

печении близких. Полковник просил поселить брата у него дома в Красноярске под полное собственное поручительство. И енисейский губернатор разрешил майору Борку приехать в Красноярск и проживать у брата дома под секретным наблюдением начальства [5. Л. 1].

Однако остальным ссыльным надо было выживать. Власти предлагали им заняться хлебопашеством, но далеко не все оказались готовы к нему. Достаточно быстро приступили к этому занятию немногочисленные ссыльные крестьяне. Кроме упомянутых ссыльных из Витебской губернии, это были, к примеру, Ян Бура, Матеус Чернецкий, Франц Кочковский и другие крестьяне из Гродненской губернии, которых поселили в деревнях Канского округа [6. Л. 12]. Дворяне по понятным причинам заниматься хлебопашеством не могли. В многочисленных прошениях дворян указывается, что по причине слабого здоровья они не могут заниматься тяжелым физическим трудом – как правило, эти ссыльные просили перевести их в город или большое село, где можно было найти себе пропитание какими-либо другими занятиями. Поскольку дворяне (и мелкопоместная, и даже безземельная шляхта) были образованны, они надеялись получить работу по письменной части. И такая работа для них находилась. Некоторым удавалось устроиться учителями детей зажиточных горожан, поскольку в то время в Енисейской губернии, как и во всей Сибири в целом, учителей было мало. Среди ссыльных дворян были и те, кто окончил университеты. Конечно же, как специалисты они были очень нужны. В своем прошении к канскому окружному начальству Мартын Снигурский (из дворян Гродненской губернии) говорил о том, что по причине плохого здоровья хлебопашеством не занимался и не собирается, но как выпускник физико-математического факультета Киевского университета мог бы вести геодезические, геометрические и инженерные работы [7. Л. 115]. И он действительно получил такую работу. В докладной записке (июнь 1864 г.) заведующего военным отделением Красноярской городской больницы лекаря Стеффенца говорится: «...имею честь покорнейше просить находящегося здесь в острожном замке политического

преступника Константина Окулича из минских дворян, окончившего курс медицинского факультета Киевского университета, выдать мне в услужение при больнице по случаю крайнего недостатка в фельдшерах». На докладную было наложено решение: отдать в больницу Окулича под поручительство лекаря и секретный полицейский надзор, выдать Окуличу паспорт на полгода [4. Л. 141]. Но ссыльные понимали, что на всех бумажной работы не хватит и что работа по полученным знаниям найдется не всегда. Самые предприимчивые (как правило, представители мелкой шляхты) поняли, что заработать себе на хлеб можно ремеслами. Они стали обращаться к властям с просьбой выдать ссуду на развитие своих занятий. Александр Нодзвецкий (гродненский дворянин) получил ссуду в 25 рублей серебром на башмачное мастерство [8. Л. 138]. Андрей Жуковский и Казимир Грабовский (шляхтичи Гродненской губернии) стали заниматься военным и штатским портным мастерством и попросили на расширение производства 100 рублей серебром. Им выдали ссуду [8. Л. 247]. Карлу Рудницкому (дворянину Витебской губернии) выдали 30 рублей. Он употребил их на приобретение оборудования для литья свечей и мыловарения [8. Л. 346]. Януарий Сикорский и Лукаш Вдовяк (из Виленской губернии) попросили ссуду в 110 рублей серебром, так как уже 6 месяцев в Красноярске делали колбасу и ветчину, выпекали хлеб и продавали эти продукты. Ссуду они получили [8. Л. 240]. Можно с уверенностью сказать, что до этих ссыльных в Красноярске подобных мясных деликатесов никто не производил, поскольку они изготавливались по традиции европейской гастрономии. А Федор Сквирчинский так успешно сапожничал, что содержал при себе работников. Ему дали ссуду в 100 рублей на пять лет [8. Л. 110]. Феофил Пахоминский получил 50 рублей ссуды для перчаточного и галантерейного ремесла [8. Л. 32]. Марцелий Доманьский, Франц Гибиньский, Иван Кособудзкий получили ссуду в 330 рублей серебром для открытия в окрестностях Красноярска заводов: каменно-глиняной (фарфоровой посуды), изразцов или кафелей, по выделке черепицы, кирпича [8. Л. 35]. Авантюрно настроенные Станислав

Дыминский и Станислав Оршевский 26 февраля 1867 г. попросили ссуду в 150 рублей серебром на содержание биржи. Им отказали [8. Л. 48]. Золотопромышленник Иван Григорьев из Енисейска в 1864 г. обратился к властям с просьбой предоставить политического преступника Наполеона Бобровича (дворянина из Витебской губернии) под личную ответственность Григорьева в Енисейск с целью изготовления мебели для своего дома. Григорьеву разрешили забрать Бобровича на поруки на полгода [4. Л. 11–12]. По этому перечислению занятий и ремесел польских политссыльных можно сделать вывод о том, что они несли в Енисейскую губернию другую, новую западную культуру.

Но не всем удалось найти свое дело. Некоторые, как Иван Рокеуский и Юлиан Михневич (дворяне Минской губернии), проживали в работниках на почтовой станции в Ачинске [5. Л. 235]. А другие ссыльные вообще демонстративно не занимались ничем. Викарный ксендз Владислав Байковский из Гродненской губернии проживал в Ачинске и целыми днями только и делал, что читал божественные книги. Он жил на пособие в 6 рублей в месяц [5. Л. 231].

Среди ссыльных было много молодежи. Естественно, в ссылку бунтовщики убывали одни. Жены, матери, сестры оставались на родине. Но среди этих женщин было много желающих уехать на поселение к своим сосланным близким. В уведомлении из канцелярии начальника управления Могилевской губернии от 18 августа 1864 г. сообщается о том, что Казимира Галинов-

ская, жена титулярного советника Юлиана Галиновского, просит выслать ее с мужем под надзор полиции на постоянное место жительства в Енисейскую губернию. Ее просьба была удовлетворена [5. Л. 11]. В списках польских политссыльных, высланных в Канский округ Енисейской губернии, имеется запись о том, что при Якове Соколовском, 48 лет, уроженце Гродненской губернии, находится его семейство: жена и дочь Анна [6. Л. 5]. Поскольку, как уже указывалось, среди ссыльных было много молодых, то, естественно, нередко вставал вопрос о браке. Ссыльные польские поселенцы были сориентированы на внутриэтнический брак. Но таких союзов было очень мало: не так уж много дочерей и сестер приезжало к поселенцам, чтобы все их друзья могли жениться на девушках-польках. Браки с девушками-сибирячками обществом ссыльных осуждались, но тем не менее они случались. В статейных списках на политических ссыльных из дела Общего губернского управления в 1875 г. отмечается, что у Антона Гриневицкого жена Фекла Афанасьевна была уроженкой Сибири [2.Л. 44]. Там же упоминается Франц Петровский (из шляхтичей Гродненской губернии), женатый на сибирячке. В его семье, кроме жены Анны, было три сына. Также отмечен Владислав Мацкевич (дворянин из Гродненской губернии): указано, что он вступил в брак с крестьянской девицей Фоминою [2. Л. 83].

После 1874 г. некоторым ссыльным разрешили вернуться на родину. В течение нескольких лет они покидали Сибирь, Енисейскую губернию и уезжали в свои края. Но другие так и остались в местах своей ссылки.

Источники и литература

1. Береговая Е. П. Просветительская деятельность ссыльных участников Польского восстания 1863 г. в Енисейской губернии // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. – Красноярск, 2007.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 4.
3. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7.
4. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 11.
5. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 12.
6. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 15.
7. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 17.

8. Там же. Ф. 595. Оп. 63. Д. 20
9. Гісторыя Беларусі з 1795 г. да вясны 1917 г.: Вучэб. дапам. / І. І. Коўкель, Ю. П. Крэнь, Л. У. Бярэйшык і інш.; Рэд. калегія: І. П. Крэнь, І. І. Коўкель. – Мн.: Аверсэв, 2001. – 400 с.
10. Грыцкевіч А. П. Задачы беларускай генеалогіі // Наш радавод. – Ч. 1. – Гродна. – 1993. – 383 с.
11. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. – М.: Наука, 2005.
12. Чигринов П. Г. История Беларуси. – 2-е изд., доп. – Мн.: Полымя, 2002. – 432 с.

Вафеев Р. А., Саурбаев Р. Ж.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗАХСКОГО, ОФИЦИАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ (на примере Павлодарской области Республики Казахстан)

Аннотация. Среди основных путей, способов и приемов воздействия общества на функционирование языков определяющим является языковая политика государства. Главой государства Н. А. Назарбаевым объявлена политика развития триединства языков. В настоящем исследовании рассматривается, какие проблемы и перспективы существуют в ходе реализации данной программы. Следует отметить, что практически во всех документах языковой политики стержневой идеей является необходимость овладения гражданами Республики Казахстан (РК) государственным языком. Оптимальное решение этой проблемы является основным фактором стабилизации межнациональных отношений, укрепления сплоченности людей, сохранения общественного согласия, создания толерантной языковой среды как фактора единения народа Казахстана. Языковая ситуация – предмет социологического анализа, так как языковые процессы отражают изменения, происходящие в современном обществе. Каковы реалии проведения отмеченной языковой политики? На этот вопрос мы попытались дать ответ на основе социолингвистического исследования, проведенного коллективом ПГПИ в отдельном регионе Республики Казахстан.

Ключевые слова: государственная языковая политика, государственный официальный язык, миграция, толерантность.

Современная государственная языковая политика РК ориентирована на полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства при сохранении языков всех этносов, живущих в Казахстане.

Как отметил глава государства Н. А. Назарбаев, «мы должны приложить все усилия для дальнейшего развития казахского языка, который является главным фактором объединения всех казахстанцев. В то же время необходимо создать благоприятные условия, чтобы представители всех проживающих в стране народностей могли свободно говорить, обучаться

на родном языке, развивать его» [1]. В Доктрине национального единства государственный язык определен ключевым приоритетом, главным фактором духовного и национального единства. Овладение им должно стать долгом и обязанностью каждого гражданина Казахстана, стимулом, определяющим личную конкурентоспособность и активное участие в общественной жизни [2]. Функционирование казахского языка в качестве государственного языка страны отличается ростом национального самосознания носителей этого языка, всевозрастающим интересом представителей других этносов к государственному языку, их

толерантным отношением к проводимой в Республике Казахстан языковой политике. Казахский язык стал средством выражения и сохранения национальной государственности, дальнейшей выработки идеологического, духовного и культурного единства народа.

Логика современного языкового строительства обусловлена наличием в РК ряда проблем:

1. Неравномерный уровень владения государственным языком в обществе. Данная проблема напрямую связана с отсутствием единой методологии и стандартов обучения государственному языку, единых стандартов деятельности инфраструктуры обучения, системы стимулирования и мониторинга процесса овладения государственным языком, низким уровнем подготовки преподавателей и специалистов казахского языка.
2. Недостаточное внедрение государственного языка в социально-коммуникативное пространство страны. Проблемные вопросы в данном направлении связаны, прежде всего, с расширением сфер активного применения государственного языка в области международных коммуникаций, досуга и развлечений, развития его в качестве языка закона, науки, новых технологий. Наряду с этим имеется перечень вопросов повышения престижа его употребления, популяризации как семейной ценности, преодоления ряда негативных мифов и стереотипов в языковой сфере;
3. Снижение языковой культуры казахстанцев. По сути, дальнейшее развитие лингвистического пространства затрудняется проблемами в сфере терминологии, антропонимики, ономастики, необходимостью совершенствования культуры речи и письменности, а также создания толерантной языковой среды;
4. Необходимость сохранения и укрепления лингвистического капитала казахстанцев. В данном аспекте существует блок проблем, связанных с сохранением уровня владения русским языком как конкурентного преимущества казахстанцев, созданием условий для развития языков этносов, формирующих языковое многообразие культуры РК, изучением английского и других иностранных языков как средств делового международного общения.

Источниковой базой исследования послужили итоги опроса специально подобранной группы респондентов, дающих информацию о себе и своем мнении. Общий массив выборочной совокупности составляет 3000 жителей трудоспособного возраста от 18 до 60 лет.

Одним из важных факторов, влияющих на языковые процессы, является возможность социальной адаптации широких масс населения. Здесь на первый план выходят личные чувства индивидов, уровень психологической комфортности, степень личной сопричастности, восприятия или отторжения тех или иных явлений. Наиболее существенным индикатором данного ряда выступает национальная и языковая идентичность. Бесспорным является факт: чем выше уровень идентификации населения с гражданством своей страны, тем выше социальная устойчивость и социальная стабильность государства.

Проведенные исследования выявили высочайший уровень гражданской идентификации жителей Павлодарской области независимо от этнического происхождения с РК и ее будущим. В частности, в исследованиях разных лет в среднем около 98 % опрошенных граждан идентифицировало Республику Казахстан как свою Родину.

Результаты ежегодно проводимых социологических исследований демонстрируют постепенное расширение сферы применения казахского языка в социально-коммуникативной системе Павлодарской области. Овладение им является не только долгом и обязанностью каждого гражданина РК, но и стимулом, определяющим личную конкурентоспособность, активное участие в общественной жизни. Это ключевой приоритет, главный фактор духовного и национального единства народа Казахстана.

Однако в РК по-прежнему достаточно высок процент некоренного населения, владеющего государственным языком в недостаточной степени или совершенно не владеющего им. Почти половина всех опрошенных граждан (41,1 %) отмечает, что проблем (в том числе и по причине свободного владения языком)

из-за незнания казахского языка не возникает (в 2017 г. таких было 48,2 %, в 2016 г. – 43,2 %). При этом в отличие от казахов (62 %, в 2016 г. 57,2 %) среди русских (21,1 %) и представителей других некоренных национальностей (31,5 %) процент таких лиц несколько ниже, хотя при сравнении с данными прошлого года (12,9 % и 24,8 % соответственно) в этом вопросе отмечается положительная тенденция.

Как показано в табл. 1, основную проблему для жителей Павлодарской области представля-

Таблица 1. Проблемы, с которыми сталкиваются граждане разных национальностей из-за незнания казахского языка (в % от числа опрошенных)

Проблемы	Все в целом		Казахи		Русские		Другие	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Составление деловых писем на казахском языке в делопроизводстве	28,4	31,8	23,9	24,9	37,0	41,2	40,6	35,3
Ограничивает в продвижении по службе	17,9	21,8	14,1	12,2	26,7	35,4	20,6	25,4
Препятствует в получении работы, приносящей высокий заработок	17,0	14,6	12,0	7,7	28,9	24,0	18,2	18,0
Ограничивает круг общения, ведет к изоляции от общества	10,5	12,8	10,2	9,5	10,8	17,9	13,9	12,9
Приводит к бытовым конфликтам	5,4	5,6	4,6	5,7	7,0	5,8	6,1	4,4
Не возникает никаких проблем, так как владеют казахским языком	43,2	35,3	57,2	52,8	12,9	13,6	24,8	17,6

Таким образом, проблемы незнания казахского языка существуют не только в сферах профессиональной деятельности и карьерного роста граждан (поскольку при занятии многих вакантных должностей нормой становится обязательное знание государственного языка), но и в социально-коммуникационной сфере. Поэтому жители Павлодарской области предпочитают давать своим детям образование на казахском языке.

Как видно из табл. 2, наибольшие перспективы в будущем имеет казахоязычное дошкольное образование, которому отдают предпочтение 57,6 % респондентов – 85,3 % казахов, 22,2 % русских и 33,6 % предста-

ют трудности при составлении деловых писем на казахском языке – 31,8 % ответов (в 2016 г. – 28,4 %). Наряду с этим значительно увеличился процент представителей некоренных национальностей, ощущающих ограничения в продвижении по службе из-за незнания государственного языка. К этому следует добавить, что каждый четвертый опрошенный русский (24 %) отмечает, что незнание казахского языка препятствует в получении работы, приносящей высокий заработок, и вызывает беспокойство за будущее детей, за их карьеру.

вителей других национальностей (табл. 2). Не менее перспективно и школьное образование на государственном языке, за которое высказались 52,4 % респондентов (80,2 % казахов, 17,8 % русских и 24,7 % представителей других национальностей). В пользу средне-специального образования на казахском языке выступили 46,6 % участников опроса (71,9 % казахов, 14,8 % русских и 23,4 % представителей других национальностей). Желание дать своим детям высшее образование на казахском языке отмечают 44,9 % опрошенных жителей Павлодарской области (70,7 % казахов; 12,3 % русских и 21,4 % представителей других национальностей).

Таблица 2. Предпочтения в отношении образования детей (в % от числа опрошенных)

Язык обучения	Все в целом		Казахи		Русские		Другие	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Дошкольное образование								
Казахский	70,8	7,6	90,5	85,3	30,0	22,2	35,8	33,6
Русский	34,9	41,1	14,1	13,6	78,2	76,2	70,3	64,7
Английский	13,5	1,3	11,6	1,1	15,8	1,6	24,8	1,7
Школьное образование								
Казахский	69,6	52,4	88,5	80,2	30,0	17,8	37,0	24,7
Русский	38,1	44,3	17,3	17,5	81,6	78,4	72,7	68,1
Английский	18,6	3,3	16,3	2,3	22,7	3,8	24,8	7,1
Средне-специальное образование								
Казахский	66,6	46,6	84,0	71,9	30,7	14,8	35,2	23,4
Русский	38,2	41,5	18,8	18,3	79,0	72,2	70,3	56,9
Английский	21,7	11,9	19,3	9,8	25,0	13,0	33,9	19,7
Высшее образование								
Казахский	65,2	44,9	81,4	70,7	31,9	12,3	34,5	21,4
Русский	35,5	36,7	18,0	13,8	72,2	67,3	63,6	50,8
Английский	28,7	18,4	24,9	15,5	35,6	20,3	40,0	27,8

Однако большинство опрошенных русских и представителей иных некоренных народов отдают предпочтение образованию на русском языке. В отношении высшего образования у представителей всех народов Казахстана несколько снижено предпочтение казахского и русского языков – возрастает влияние и значение английского.

Некоторое снижение предпочтительности казахоязычного образования и рост предпочтительности русскоязычного в течение года можно объяснить трансформацией языковой конъюнктуры под влиянием формирования единого социально-экономического пространства в рамках Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, где русский язык является одним из факторов развития интеграционных процессов.

Злободневный вопрос, вызывающий тревогу, – миграция населения. В ранее проведенных исследованиях однозначный ответ о том, что они собираются уехать из страны, дали

10,2 % респондентов (7 % казахов, 16,6 % русских, 18,4 % представителей других национальностей). Чтобы выяснить, связаны ли миграционные настроения населения с языковой ситуацией, респондентам задавали вопрос о причинах, по которым они планируют уехать из Казахстана. Желание покинуть Казахстан оказалось связано в основном с семейными и социально-экономическими проблемами. Ущемление национальных интересов чувствуют 3,6 % опрошенных русских и 0,6 % представителей некоторых других некоренных национальностей. Незнание казахского языка в качестве причины отъезда из страны отметили 6,3 % опрошенных русских, хотя среди представителей малых народов РК этот показатель ниже – 0,6 %. Незнание государственного языка объективно мешает человеку, например, занять определенную вакансию, получить новую должность. Такое личностное несоответствие определенным должностным требованиям воспринимается как проявление дискриминации по языковому или национальному признаку.

Как показали данные социологических исследований разных лет, проблема незнания и нежелания русскоязычного населения изучать казахский язык не связана с оттоком данной категории населения из Казахстана (рис. 1).

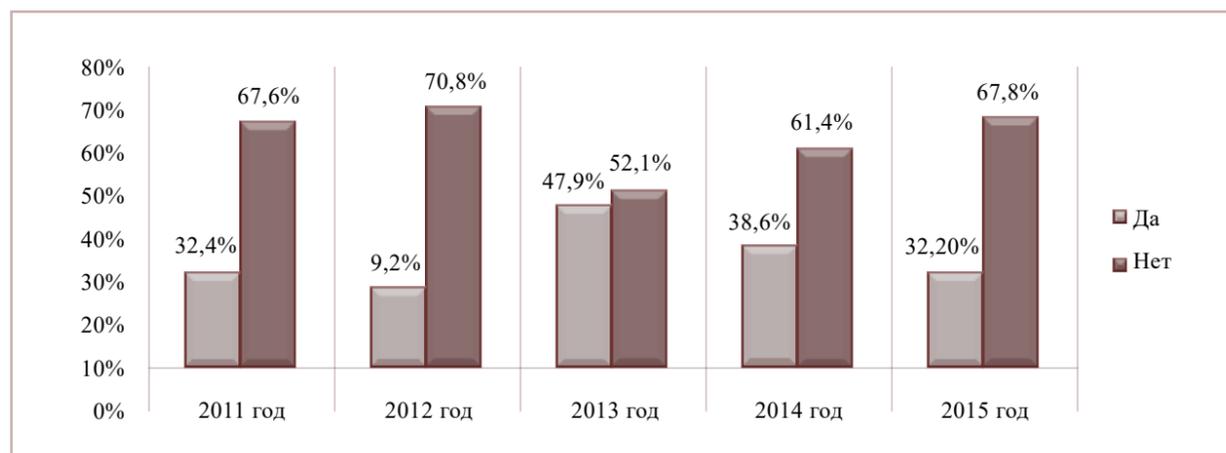

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Связан ли отток русскоязычного населения из РК с проблемой незнания и нежелания изучать казахский язык?» (в % от числа опрошенных)

При оценке проводимой государством языковой политики опрашиваемые традиционно отмечают ее направленность на поддержание национального согласия. Таким образом, отток русскоязычного населения из Казахстана не связан с проблемой незнания казахского языка, что в очередной раз свидетельствует о высоком уровне развития межнациональных отношений, складывающихся на территории Павлодарской области. Сохранение межэтнического согласия осуществляется именно благодаря гибкой и мудрой политике равного соотношения в применении казахского и русского языков в Республике Казахстан.

Как видно из табл. 3, при оценке перспектив развития языков в ближайшие 10 лет почти половина (45,9 %) опрошенных граждан желает (в 2017 г. 51,3 %, в 2016 г. 46 %), чтобы все осталось по-прежнему, без изменений (казахский язык – государственный, русский – официальный). На втором месте вариант ответа, что казахский язык должен постепенно вытеснить русский из всех сфер регулирования государства и стать единственным государственным и официальным языком РК – такое мнение разделяют 33,2 % опрошенных (в исследованиях прошлых лет соответственно 39 %; 37,5 %; 33,2 %; 47 %; 35,5 %; 32,3 %; 33,9 %). Это мнение в большей степени выражает казахская мо-

лодежь в отличие от более толерантных других возрастных групп.

По нашему мнению, представления о том, что казахский язык должен постепенно вытеснить русский из всех сфер регулирования государства, или о том, что русский язык должен стать государственным языком РК, являются нежелательными для современного общества. Более того, такие мнения должны осуждаться гражданами независимо от национальной принадлежности.

В настоящем исследовании в очередной раз получил подтверждение и показал позитивную динамику феномен толерантности и общественного согласия, выявленный в исследованиях прошлых лет. Так, 49,2 % (в 2017 г. – 48,1 %) русских считают, что в вопросах языкового строительства всё следует оставить без изменений (казахский язык – государственный, русский – официальный). Небольшая часть русских по-прежнему полагает, что единственным государственным и официальным языком РК должен стать казахский язык – 10,7 % (русские студенты в 2007 г. – 6,6 %; русские рабочие в 2008 г. – 8,9 %; русские горожане в 2009 г. – 14,5 %, русские жители области в 2010 г. – 8 %; в 2011 г. – 13,4 %; в 2012 г. – 14,9 %, в 2013 г. – 11,8 %, в 2014 г. – 13,4 %). Табл. 4 показывает, что по прогнозу 51,6 % (в 2016 г.

– 42,6 %, в 2011 г. – 60,9 %, в 2017 г. – 48,2 %, в 2016 г. – 44,3 %) опрошенных граждан (казахи – 62,8 %, русские – 32,2 % и другие национальности – 37,9 %) в ближайшие 10 лет казахский язык станет доминирующим языком во всех сферах общественной жизни.

Таблица 3. Ответы на вопрос: «Как, по вашему мнению, должно проходить развитие языков в РК?» (в % от числа опрошенных)

Варианты языкового строительства	Все в целом		Казахи		Русские		Другие нац-ти	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Всё следует оставить без изменений (казахский язык – государственный, русский – официальный)	46,0	45,9	44,9	42,7	48,1	49,2	46,4	50,9
Единственным государственным и официальным языком должен стать казахский язык	33,9	33,2	46,4	49,2	13,4	10,7	24,5	18,9
Русский язык должен получить статус государственного языка	20,1	20,4	8,7	8,1	38,5	40,1	29,1	30,2

Таблица 4. Ответы респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете перспективы развития языков в ближайшие 10 лет?» (в % от числа опрошенных)

Прогнозируемые варианты	Все в целом		Казахи		Русские		Другие нац-ти	
	2016	2017	2016	2017	2016	2017	2016	2017
Казахский язык станет доминирующим языком во всех сферах общественной жизни	44,3	51,6	57,3	62,8	23,0	32,2	26,5	37,9
Казахский и русский языки уравниваются по степени употребления	41,0	36,1	33,2	30,6	55,1	46,6	47,2	37,5
Русский язык будет преобладать, несмотря на государственный статус казахского языка	14,7	12,3	9,5	6,6	21,9	21,2	26,3	24,6

36,1 % участников опроса убеждены, что в казахстанском социуме установится такая языковая среда, когда казахский и русский языки уравниваются по степени употребления (в 2010 г. так считали 42,6 %, в 2011 г. – 26,3 %, в 2012 г. – 39,3 %, в 2016 г. – 42,7 %, в 2017 г. – 41 %). В реальность такого прогноза с той или иной степенью убежденности верят среди опрошенных 30,6 % казахов, 46,6 % русских, 37,5 % представителей других национальностей. Как и в ранее проведенных исследованиях, было выявлено незначительное число (12,3 %) опрошенных, наивно полагающих, что в будущем, несмотря на государственный статус казахского, будет доминировать русский язык (в частности, в 2010 г. так считали 11,5 %, в 2011 г. – 10,4 %, в 2012 г. – 24,8 %, в 2013 г. – 16,9 %, в 2014 г. – 14,7 %). В национальном разрезе в настоящее время это мнение разделя-

ют лишь 6,6 % граждан титульной национальности, 21,2 % русских и 24,6 % представителей других национальностей.

Одним из факторов миграции русскоязычного населения, по мнению многих представителей нетитульной нации, является государственная языковая политика, направленная на полное вытеснение русского языка из сферы государственного регулирования. Несмотря на то, что русский язык в официальных документах прописан как язык межнационального общения и официальный язык, происходит постепенная замена русского языка казахским. Незнание государственного языка является препятствием к продвижению по службе, получению должностей и высоких зарплат для лиц некоренной нации. Однако, как мы отмечали выше, это не основная причина миграции русскоязычного населения. Ею является желание

жить в привычном русскоязычном культурном и конфессиональном пространстве, а также в социально-экономических условиях, предоставляемых русским и другим этническим группам, имеющим государственные образования в составе Российской Федерации, по государственной программе переселения соотечественников.

Таким образом, на основе социологического опроса населения региона мы пришли к следующим выводам:

Значительно увеличился процент русских и представителей других некоренных национальностей, из-за незнания государственного языка ощущающих ограничения в продвиже-

нии по службе и препятствия в получении работы, приносящей высокий заработок.

Наибольшую актуальность и перспективность в будущем представляет собой казахскоязычное образование. Однако большинство опрошенных русских и представителей иных некоренных народов все-таки отдадут предпочтение образованию на русском языке. В отношении высшего образования у представителей всех народов Казахстана несколько снижены предпочтения казахского и русского языков и возрастает значение английского языка.

Сохранение межэтнического согласия может осуществляться только на паритетном соотношении казахского и русского языков в казахстанском социуме.

Источники и литература

1. Назарбаев Н. А. Послание народу Казахстана. – Астана, 2007.
2. Доктрина национального единства Республики Казахстан. Ассамблея народа Казахстана. – Астана, 2009.
3. Алтынбеков О. Б. Этнологические процессы в Казахстане: монография. – Алматы: Экономика, 2006. – 416 с.
4. К проблеме двуязычия и многоязычия. Лингвистическая ситуация в России и Казахстане (на примере отдельных регионов): монография (Р. А. Вафеев, Р. Ж. Саурбаев, К. М. Текжанов и др.). – Павлодар: ПГПИ, 2016. – 141 с.

УДК 94:37.07(571.5)«1914/1917»

Долидович О. М.

БЕЖЕНЦЫ В ГУБЕРНИЯХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1914-1917 гг.)

Аннотация. Рассматривается вопрос о приеме и размещении беженцев в губерниях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. Проанализированы наиболее острые проблемы, подходы местных властей к их решению, выявлены причины низкой эффективности системы попечения о беженцах в регионе.

Ключевые слова: беженцы, Восточная Сибирь, комитеты помощи беженцам, Первая мировая война.

От начала военных действий до середины 1915 г. беженство в Российской империи было стихийным, в основном беженцы оставались в прифронтовой полосе. Летом – осенью 1915 г. в связи с отступлением армии из Польши, Литвы и Галиции их приток в тыловые губернии значительно увеличился. По данным различных исследователей, общая численность вынужденных переселенцев к октябрю 1917 г. составляла от 5 до 7,5 млн человек [24. С. 50–51].

Большая часть беженцев оставалась в Европейской России – до 85 % их общей численности, на Урале – 6,2 %, Кавказе – 5,5 %, в Сибири – 2,2 %, Средней Азии – 1,3 % [13. С. 102]. Первоначально правительство не планировало размещать беженцев в столь отдаленном регионе, как Восточная Сибирь, но из-за переполненности западных областей было вынуждено направить их сюда. Сами они ехали неохотно: боялись замерзнуть без теплой одежды и дров в условиях сурового климата и надеялись в скором времени вернуться на родину. Согласно подсчетам томского историка И. В. Нам, в Иркутской губернии к ноябрю 1916 г. насчитывался 42 491 беженец, Енисейской – 12 299 [14. С. 275–276]. Забайкалье смогло принять еще около 2000 человек [12].

В ноябре 1915 г. было проведено обследование семей, осевших в Иркутске и поселке Иннокентьевском, которое позволяет составить некоторое представление об их национальном составе. Из общего числа прибывших (6387

человек обоюбого пола – 1412 семей) белорусы и малороссы составляли абсолютное большинство – 5948 человек (93 %), поляки – 242 (3,8 %), немцы, литовцы и выходцы из Галиции – 108 (1,7 %), евреи – 57 (0,9 %), латыши – 32 (0,6 %). Значительная часть беженцев (805 семей, или 57 %) прибыла из Гродненской губернии, на втором месте были выходцы из Волынской губернии (222 семьи – 15,7 %), на третьем – из Холмской (137 семей – 9,7 %). Остальные (248 семей – 17,6 %) выехали из Варшавской, Петроковской, Курляндской, Лифляндской, Витебской, Сувалкской, Подольской губерний и Галиции. Многие беженцы являлись односельчанами [7. С. 32–34].

В первое время после прибытия вынужденные переселенцы были сосредоточены в городах, нескольких крупных селах и на станциях железной дороги. При отсутствии земств их попечением занимались органы городского самоуправления, объединившие усилия с местными комитетами Всероссийского союза городов и благотворительными комитетами. Помощь в сельской местности должны были обеспечить крестьянские начальники и волостные власти, которые, однако, бездействовали: «Несмотря на некоторые меры, принятые в селах для устройства беженцев, последние не везде удержались на местах. Роль в данном явлении, конечно, сыграли и экономические условия быта деревни, полное отсутствие какой-либо организованности сельского и деревенского общества» [3. С. 5].

Города Восточной Сибири не успели подготовиться к значительному наплыву беженцев. Наиболее насущным был вопрос их размещения. В первое время людей селили в бараках переселенческого комитета. Красноярск был переполнен войсками и военнопленными, поэтому в дальнейшем предполагалось отправлять беженцев на восток по железной дороге, а тех, кто хотел остаться, размещать на переселенческом пункте или в уезде [25. С. 1362]. В Иркутске свободные квартиры также были заняты прибывшими ранее и воинскими частями. Власти реквизируют здания частных кинотеатров, столовых, гостиниц, помещения общественных собраний и т. п. [19. С. 3].

Необходимо было организовать и горячее питание. В пути переселенческие пункты предоставляли обеды, но они были платными, а беженцы в большинстве случаев не имели денег; среди них начались также массовые инфекционные желудочно-кишечные заболевания. Заведующий Восточным районом передвижения переселенцев Г. П. Иорданский отдал распоряжение выдавать питание бесплатно: детям – молоко, хлеб, щи, взрослым – щи и две порции черного хлеба [17. С. 3].

Для лечения беженцев вначале использовали помещения местных комитетов Красного Креста. Все больницы оказывали им медицинскую помощь на тех же основаниях, что и городскому населению. Но мест в лечебницах катастрофически не хватало из-за широко распространившихся эпидемических заболеваний, требовались также богадельни для нуждавшихся в постоянном прирзрении [5. С. 3].

Серьезной проблемой в преддверии суровой сибирской зимы было отсутствие теплых вещей. Беженцы везли с собой какое попало имущество (кадушки, подушки, сита и т. п.), но при этом у них не было белья, одежды, обуви, шуб, валенок, поскольку из домов уезжали спешно. Многие также не имели личных документов, описей оставленного и реквизированного имущества. Им требовались юридические консультации и содействие.

Крайне сложным был признан вопрос об организации трудовой помощи. В начале ноября

1915 г. проводилось специальное обследование беженцев в Иркутске и поселке Иннокентьевском. Выяснилось, что от их общего числа (1304 семьи в составе 6025 человек) нетрудоспособные дети и старики составляли около 50 %. Семьи, как правило, были многодетными, с количеством детей более трех, и из-за отсутствия яслей матери не могли работать. Таким образом, практически все беженцы были иждивенцами или нуждались в уходе [7. С. 31–39].

Уже в начале 1916 г. правительство начало сворачивать политику государственного призрения беженцев – теперь они должны были обеспечивать себя самостоятельно. Вышло распоряжение председателя Особого совещания по устройству беженцев В. П. Энгельгардта снимать с продовольственного и квартирного пайка всех взрослых трудоспособных, кто «уклонялся от сельскохозяйственных работ» [22. С. 3]. С осени того же года «пайковые» деньги выдавались лишь самым нуждавшимся [11. С. 98–113].

Весной 1916 г. иркутский генерал-губернатор отдал распоряжение расселять беженцев из городов в сельскую местность [10. С. 3]. С намерением избежать этого многие из них просили разрешения вернуться обратно в европейскую часть страны. Однако согласно распоряжению Министерства внутренних дел беженцам не выдавали удостоверений на льготный проезд в западные регионы [9. С. 4]. Тем, кого определили на жительство в сельские местности, не разрешалось возвращаться в города. Они могли получить только «экстренные отзывы» на проезд по железной дороге в пределах губернии [15. С. 3].

В уездах переселенцам выделяли огороды и предоставляли семена, но они отказывались обрабатывать землю, поскольку стремились вернуться на родину, а не закрепиться на новом месте. Такое отношение настраивало местных жителей против них. Если в первое время к беженцам относились с большим участием, то постепенно оно сошло на нет, их обвиняли в желании жить за чужой счет. Даже работу предоставляли крайне неохотно [4. С. 2].

Несмотря на запрет выезжать на запад, беженцы самостоятельно приобретали проездные

билеты. С января по июнь 1916 г. из Иркутска выехало 2243 человека, из них в Европейскую Россию и другие губернии Сибири – 1953, в уезды Иркутской губернии – 290 человек (т. е. лишь 13 % выбывших) [16. С. 4]. В конце 1916 г. после получения официального разрешения губернаторов уезжали на родину уроженцы Гродненской, Виленской, Волынской, Минской, Витебской и других губерний.

Лучше всего прием беженцев был организован в Иркутске и близлежащих уездах – здесь находилась резиденция генерал-губернатора, было сосредоточено значительное число благотворительных организаций. От Министерства внутренних дел поступили субсидии, использовались переселенческие кредиты, ресурсы Красного Креста. На эти средства комитеты помощи беженцам выдавали продовольственные и квартирные пайки, обеспечивали медицинское обслуживание [2. С. 2]. Енисейская губерния к ноябрю 1915 г. приняла 11 179 человек [18. С. 2]. Системная поддержка оказывалась преимущественно в Красноярске и Красноярском уезде, где ситуацию контролировал лично енисейский губернатор; в остальных уездах дела обстояли гораздо хуже. К примеру, около 40 % беженцев (4295 человек) были направлены в Канский уезд. Из-за недостатка квартир и отсутствия средств у Канского комитета союза городов в бараках переселенческого комитета оставили лишь 100 человек, остальных отправили по деревням. Уездное попечительство было сформировано только в январе 1916 г., помощь его была минимальной [1. С. 3].

Сметы на содержание беженцев составлялись городскими и уездными комитетами помощи беженцам на каждый квартал года и представлялись Губернскому комитету о беженцах, который затем препровождал их в Особое совещание в Петроград. В августе 1916 г. заместитель министра внутренних дел А. В. Степанов направил телеграммы иркутскому и енисейскому губернаторам: «Общий утвержденный размер кредитов на содержание беженцев за вторую четверть будет в третьей четверти подвергнут сокращению, в целях доведения числа пользующихся пайком, как на-

ходящихся в приютах, так и получающих паек на руки, до 5 % с прибавлением лишь числа фактически ставших на сельскохозяйственные работы. Согласно постановлению Особого совещания, начиная с октября сельскохозяйственные рабочие также будут сняты с пайков» [8. С. 5].

Сотрудники местных комитетов помощи, представители общественных организаций были возмущены этим решением – среди беженцев было не более 15 % трудоспособных, а циркуляр обязывал снять с пайка 50 % из них – то есть детей и стариков: «Закон о беженцах категорически говорит, что каждый имеет право на помощь казны, циркуляр же говорит – выбросьте их на улицу» [8. С. 5].

Сметы за второй квартал 1916 г. вернулись с сокращением на 15 %, за третий квартал – на 50 %, причем после окончания сметного периода [21. С. 3]. Без правительственных субсидий бюджеты городов не могли выдержать расходы по содержанию беженцев, к тому же были исчерпаны все резервы благотворительных средств. Городские думы ходатайствовали об отмене циркуляра о сокращении расходов на беженцев, проводили срочные совещания в поиске новых источников финансирования [6. С. 5; 23. С. 3].

Таким образом, губернии Восточной Сибири организационно и финансово оказались неготовыми к приему значительного числа беженцев. Вопросы размещения, питания, оказания медицинской помощи решались в спешном порядке. Для этого использовались правительственные субсидии (хотя помощь от казны не позволяла покрыть всех расходов и поступала несвоевременно), ресурсы переселенческого ведомства, Всероссийского союза городов, местных благотворительных организаций. В уездах экономический потенциал крестьянских хозяйств, ослабленных мобилизациями, был настолько низок, что даже небольшое число беженцев превращалось для них в непосильную нагрузку. К тому же отношение местного населения постепенно сменилось с сочувственного на недоброжелательное. Сами беженцы боялись ехать в регион с суровыми

климатическими условиями, а попав сюда, стремились как можно быстрее выехать на родину, в западные области.

Следует согласиться с мнением историка В. М. Рыноква, который выделил основные причины невысокой эффективности работы местных органов социального обеспечения в годы войны: «В восточных регионах страны

эффективность действия механизмов сдерживания нисходящей социальной мобильности существенно снижалась под воздействием трех факторов – низкой плотности населения, делавшей их чрезвычайно дорогостоящими, отсутствия земств и финансового обеспечения со стороны государства на уровне ниже среднероссийского» [20. С. 31].

Источники и литература

1. Беженцы // Иркутская жизнь. – 1916. – 5 января. – С. 3.
2. Беженцы в губернии // Иркутская жизнь. – 1915. – 13 декабря. – С. 2.
3. Беженцы в уездах // Сибирская мысль. – 1915. – № 88. – С. 5.
4. Беженцы на сельскохозяйственных работах // Иркутская жизнь. – 1916. – 13 октября. – С. 2.
5. Врачебная помощь и санитарный надзор за беженцами, водворенными в г. Иркутск // Иркутская жизнь. – 1915. – 29 сентября. – С. 3.
6. Восточная Сибирь. Беженцы // Иркутская жизнь. – 1917. – 2 февраля. – С. 5.
7. Восточная Сибирь. Беженцы в Иркутске // Вестник Иркутского городского общественного самоуправления. – 1915. – № 10–12. – С. 9–31.
8. Восточная Сибирь. Беженцы и союз городов // Иркутская жизнь. – 1916. – 20 августа. – С. 5.
9. Движение беженцев // Иркутская жизнь. – 1915. – 1 ноября. – С. 4.
10. К вопросу о расселении беженцев // Иркутская жизнь. – 1916. – 21 марта. – С. 3.
11. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы истории. – 1999. – № 9. – С. 98–113.
12. Мантурова С. Ч. Социальная помощь и поддержка беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны. [Электронный ресурс]. URL: https://esstu.ru/library/free/Konf/Siberia_2017/4_ManтуроваСЧ.pdf.
13. Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4 (49). – С. 95–105.
14. Нам И. В. Польские беженцы Первой мировой войны в Сибири // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX в. в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири: сб. науч. тр. – Омск: ООО «Полиграфический центр КАН», 2015. – С. 274–284.
15. Передвижение беженцев // Иркутская жизнь. – 1916. – 7 июня. – С. 3.
16. Передвижение беженцев // Иркутская жизнь. – 1916. – 26 июня. – С. 4.
17. Питание беженцев в пути // Иркутская жизнь. – 1915. – 29 сентября. – С. 3.
18. Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. – Иркутск: Электротипография И. А. Белоголового, 1916. – 89 с.
19. Расквартирование беженцев // Иркутская жизнь. – 1915. – 20 октября. – С. 3.

20. Рынков В. М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 27–32.
21. Смета на содержание беженцев // Иркутская жизнь. – 1916. – 26 ноября. – С. 3.
22. Снятие с пайка беженцев // Иркутская жизнь. – 1916. – 20 июля. – С. 3.
23. Совещание по устройству беженцев // Иркутская жизнь. – 1916. – 18 октября. – С. ГАЗК 3.
24. Туманова А. С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. – 2013. – № 1 (11). – С. 50–59.
25. Dvoretzkaya A. P., Zhulaeva A. S., Luschaeva G. M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // Bylye gody. – 2016. – Vol. 42. – Is. 4. – P. 1360–1367.

Ивлева Т. В.

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В 1920-1930 гг.

Аннотация. В статье раскрываются государственная политика в отношении немецкого населения, проживавшего на территории Приенисейской Сибири, и вклад немцев в развитие региона.

Ключевые слова: российские немцы, национальная политика, немецкие секции, коллективизация, немецкая операция.

Февральская и Октябрьские революции, а также развернувшаяся Гражданская война перевернули жизнь жителей России. Эти события затронули все сферы развития общества, не исключением стали и национальные вопросы.

Одним из направлений работы Советского государства после окончания Гражданской войны стало создание национальных секций и отделов. Их формирование началось при губернских управлениях во время пребывания в России иностранных военнопленных. Подобная система была создана и на территории Енисейской губернии.

21 апреля 1918 г. И. В. Сталин на заседании коллегии Народного комиссариата по делам национальностей обосновал необходимость создания немецкого отдела при Наркомнаце. 8 января 1920 г. ЦК РКП(б) утвердил устав немецких секций, в которые объединялись коммунисты – российские немцы, военнопленные австрийского, венгерского и германского происхождения [15. С. 549].

В Красноярске немецкая секция была образована в январе 1920 г., но активная работа среди немецкоговорящих военнопленных началась только с 7 мая, когда они были объединены в воинские части. Секция состояла из 13 членов и 28 кандидатов в РКП(б), финансировалась Губкомом РКП(б) за счет членских и добровольных взносов. Ее задачами были «...дать образование своим членам, привлечь их к активной партийной работе, чтобы воспитать в иностранных рабочих классовое созна-

ние. Организовать кружки для политического образования, а также вечерние курсы и начальные партийные школы». Уже к июню 1920 г. было образовано 9 кружков, объединивших более двухсот членов. На военнопленных делалась ставка как на будущую опору мировой революции. Агитация проводилась посредством собраний-митингов, а на заводы и предприятия, где работали бывшие военнопленные, направлялись агитаторы, которые вели разъяснительную работу среди иностранных рабочих, после чего каждое воскресенье докладывали о ее итогах в Бюро партии и получали новые инструкции [5. Л. 31–31 об.]. Таким образом, работе с иностранными рабочими в немецкой секции уделялось большое внимание.

Немецкие секции были также образованы в Канске и Ачинске для работы с военнопленными. Секции организовывали просветительские кружки, читали лекции на политические темы с количеством участников до 100 человек на каждой [3. Л. 46].

До эвакуации военнопленных из России основная деятельность секций была направлена в первую очередь на их политическое просвещение. После эвакуации подразделения обратили пристальное внимание на местное население нерусского происхождения. Работа с немецкими колонистами в Енисейской губернии началась только с сентября 1920 г., так как до этого секция не располагала информацией об их количестве и расселении. Первым делом секция выделила из своей среды учителей – для борьбы с безграмотностью и проведения поли-

тической и культурно-просветительной работы среди колонистов. Основной задачей при работе с данной категорией немецкого населения секция видела организацию коммунистических ячеек, привлечение молодежи и женщин для помощи в «налаживании советского аппарата», проведении разверстки для следующих продовольственных кампаний [5. Л. 42].

Для работы с местным населением создавались подотделы при губернском отделе по делам национальностей. Немецкие подотделы должны были быть организованы «в местностях с немецким населением в 5–6 тыс. человек при уездных и губернских отделах по делам национальностей; если население расселено дисперсно, то подотдел создается при губернском отделе образования, если компактно – при уездных отделах национальностей» [15. С. 554].

В конце 1920 – начале 1921 г. в Енисейской губернии были организованы эстонский, инородческий, украинский, немецкий и польский подотделы, но фактически функционировали только эстонский и инородческий, остальные остались подотделами только на бумаге. «Основным методом работы секции были «Беспартийные конференции», фактически общие собрания колонистов. На них обсуждались общеполитические и просветительские вопросы (в том числе антирелигиозные доклады), а также поднимались местные проблемы: о советах, кооперации, о местном самоуправлении и т. д. Особым вниманием секций на первых порах пользовались школы и кооперативы» [13]. Но уже в марте 1921 г. ввиду полной бездеятельности ликвидировались немецкий и польский подотделы [8. Л. 31]. На протяжении года по документам секция еще функционировала. Постановлением укома от 25 февраля 1922 г. немецкая секция была ликвидирована в связи с тем, что «70 % знают русский язык... ненужность специального аппарата по работе среди немцев Минусинского уезда» [4. Л. 6]. Немсекция при Сиббюро в Омске тоже приняла такое решение. Но уже в октябре Енгубком РКП(б) в Красноярске получил телеграмму от немецкой областной секции при Сиббюро ЦК РКП(б)

в Ново-Николаевске с просьбой немедленно восстановить Немсекцию при минусинском укове РКП(б) [7. Л. 24]. Секция была восстановлена. Однако уже к 1923 г. на территории Енисейской губернии отдельных национальных секций не существовало, не считая двух латышских ячеек [6. Л. 141].

Особое внимание советская власть уделяла развитию всеобщей грамотности и национального образования. Для реализации этих задач создавались национальные школы, открывались избы-читальни, библиотеки, литпункты и т. д. Немецкая школа была создана только в деревне Николаевке. В 1924–1925 гг. работала лишь трехлетняя школа с одним учителем и 45 учениками в возрасте от 8 до 12 лет, при этом букварей и разрезных азбук в губернии не было [10. Л. 35, 80]. Всего на территории бывшего Минусинского уезда проживало около 200 детей школьного возраста, из них в национальной школе обучалось только 45. Для других школы не создавались, и они были вынуждены посещать русские школы либо оставались безграмотными. Также в четырех крупных деревнях уезда были открыты библиотеки (Николаевке, Ракиновом Ключе, Александровке, Нижней Буланке) [2. Л. 34] и один литпункт [9. Л. 61].

В 1920-е гг. в СССР происходили процессы, имевшие огромное значение для страны и ее населения. Поскольку большинство местных немцев проживали в сельской местности, основное значение в их жизни конца 1920-х сыграла коллективизация. Особых мероприятий советской властью для коллективизации именно немецкого населения не проводилось, методы работы в целом были идентичны.

Немцы по-прежнему проживали обособленно, в отношении с русскими не вступали – в результате многие из них стали друг другу кровными родственниками. «Бедняк и середняк немец сегодня еще не выдает немца кулака, наоборот, считает его своим близким». Именно это стало одной из причин сопротивления политике раскулачивания. Немцы отказывались вступать в коллективы с русскими крестьянами, объясняя, что «мы пойдем,

если нужно, и в коллективы, но только будем объединяться со своими, во всяком случае, не с русскими, так как они не умеют хорошо вести сельское хозяйство, леноваты и т. д.», поэтому широкое распространение получила идея переезда в районы компактного проживания – Славгородский, Омский, Алтайский округа.

Довольно широко было распространено скрытое противодействие политике коллективизации. Немцы были хорошими скотоводами, имели хорошие породы молочного скота и являлись лучшими производителями сливочного масла в районе. «Но в последнее время молочное хозяйство немцев сильно идет на убыль, о чем говорят следующие цифры: в 1929 г. по деревне Николаевке было 425 взрослых коров, из них кооперативных было 233 головы. В 1930 г. всего коров по Николаевке 250 голов, сокращение больше 41 %. Удалось восстановить, что только через одно лишь местное Отделение потребкооперации осенью 1929 г. продано 94 молочных породистых коров». Многие предпочитали продать свой скот, лишь бы не отдавать его в колхозы.

В результате был сделан вывод, что немецкие селения района к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса не подготовлены. Но несмотря на все сопротивления немецкого крестьянства, в Николаевке был образован сельсовет Николаевский, а в 1930-е гг. – колхоз Саянский [11. С. 65–66].

Жизнь советского общества в 1930-е гг. проходила под тенью массовых репрессий. Эти события в разной степени коснулись практически каждого человека. Не исключением стали и советские немцы. Первым репрессиям в Красноярском крае они подверглись уже в начале 1930-х гг., в период раскулачивания. Так, в деревне Николаевке 12 человек были арестованы в мае – июне 1931 г.: в основном это были крестьяне-единоличники. Обвинение им было предъявлено по ст. 58-10 УК РСФСР, с формулировкой «участник массовых беспорядков при выселении кулаков» (Андрей Егорович Шлейгель) или «контрреволюционный актив» (Антон Иванович Росс), наказание было при-

менено в виде исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) сроком около 3 лет [16].

Вторая волна арестов коснулась немцев в 1937–1938 гг. Эти годы стали началом репрессий в отношении немцев по их национальной принадлежности. В 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты во главе с Гитлером, отношения СССР и Германии начали меняться. Вся Европа готовилась к новой войне. Капиталистические державы рассчитывали столкнуть социалистическое и нацистское государства. Это понимали и руководители Советского Союза. В этой связи 20 июля 1937 г. Сталин указал в записке: «Всех немцев на наших военных, полувоспальных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях арестовать» [14. С. 35]. Именно эту записку исследователи считают началом проведения в стране так называемой немецкой операции.

Для проведения операции был выпущен оперативный приказ № 00439 от 25.07.1937, в соответствии с которым начались аресты германских подданных, работавших на заводах СССР. В дальнейшем действие приказа расширило свои границы, так как основная его цель была в ликвидации потенциальной «пятой колонны». В нестабильной мировой обстановке опасность, по мнению власти, представляли любые граждане, связанные с границей. Таким образом, первоначально планируемые аресты иностранных граждан были перенесены и на граждан Советского Союза немецкой национальности.

В феврале 1938 г. было решено «подвергнуть аресту всех подозреваемых в шпионской, диверсионной и иной антисоветской деятельности немцев, состоящих в советском государстве». В результате аресту подлежали бывшие германские военнопленные, политэмигранты, перебежчики из Германии, «контрреволюционный актив» немецких национальных районов [14. С. 52, 54]. На территории Красноярского края проживали представители практически всех направлений «немецкой операции». Итогом ее стал арест 658 человек, проживавших в Красноярском

крае, из них 546 человек были приговорены к высшей мере наказания [14. С. 65].

В Книгах памяти жертв политических репрессий содержится краткая информация об арестованных в 1937–1938 гг. немцах. Многие из них были осуждены по ст. 58-10 УК РСФСР, обвинены в контрреволюционной организации и антисоветской агитации. Кроме распространенных обвинений, встречаются и другие. Например, Филипп Андреевич Шленгель был арестован 21.02.1938 и осужден на 10 лет ИТЛ за антисоветскую агитацию и восхваление немецкой военной техники [12].

Операция была завершена в ноябре 1938 г. С этого времени массовых репрессий до начала Великой Отечественной войны не проводилось. В целом же следует отметить, что 658 человек для Красноярского края – это достаточно большая цифра. Перепись 1939 г. учла на территории края 3962 немца [1]. Соответственно, репрессиям в ходе «немецкой операции» подверглись около 15 % немцев, проживавших на территории Красноярского края. По данным, приведенным Н. Охотиным и А. Рогин-

ским, 15 % являются существенной долей и превышают показатели в регионах с более компактным проживанием немцев, таких как Алтайский край [14. С. 68]. Таким образом, размах операции не был связан с количеством жителей в регионе.

Подводя итог организации работы с немецкими колонистами в первые годы советской власти, следует отметить слабую реализацию намеченных в отношении данной группы населения планов. Немцы заняли крайне пассивную позицию, участия в революционных событиях практически не принимали. Самой активной группой оказались бывшие военнопленные, оставшиеся в России. Идеи равенства, пропагандируемые большевиками, отвергались колонистами. Приехав в Сибирь, они стремились создавать самостоятельные сильные хозяйства и отказаться от этой мысли были не готовы. Тем не менее, основные направления государственной политики 1920–1930 гг. затронули проживавших в Приенисейской Сибири российских немцев и внесли существенные коррективы в формирование немецкой диаспоры Красноярского края.

Источники и литература

1. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 225.
3. ГАКК. Д. 232.
4. Там же. Ф. 287.
5. Там же. Д. 88. Л. 42.
6. Там же. Д. 79. Л. 141.
7. Там же. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 537. Л. 24.
8. Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 467. Л. 31.
9. Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 156. Л. 61.
10. Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 290. Л. 35, 80.
11. Дятлова В. А. Немецкие поселения на юге Красноярского края (по архивным материалам ГАКК, Минусинского краеведческого музея и МГТА) // Научный ежегодник КГПУ. – Вып. 2. – Т. 2. – Красноярск: КГПУ, 2001. – С. 64–69.
12. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. – Красноярск, 2004.
13. Малиновский Л. В. История немцев России. – Барнаул: Позитив, 1996. – 186 с., илл.

14. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ: по материалам конференции «Репрессии против российских немцев в Советском Союзе в контексте советской национальной политики» / ред.-сост. Щербакова И. Л.; редкол.: Рогинский А. Б. (пред.) и др. – М.: Звенья, 1999. – 288 с.
15. Чеботарева В. Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. – М.: Общественная академия российских немцев, 2003. – 852 с., илл.
16. Красноярское общество «Мемориал». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/>.

УДК 947.084.5(571)

Кокоулин В. Г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СИБИРИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

***Аннотация.** Статья посвящена выявлению основных тенденций в изучении национальных движений в Сибири в период «демократической контрреволюции» и колчаковщины. Рассматривается национальное движение на территории, которая находилась сначала под властью эсеровских, затем – колчаковского правительств. Автор сравнивает концептуальные подходы, сложившиеся в советской историографии, и попытки нового осмысления национального движения, его места в политической и вооруженной борьбе в годы Гражданской войны.*

***Ключевые слова:** Сибирь, Гражданская война, «демократическая контрреволюция», колчаковщина, национальные движения, Белая Сибирь, Башкирия.*

Национальный вопрос в Сибири в годы революции и Гражданской войны был одной из приоритетных тем исследований в советской историографии. Большинство работ было посвящено национальному движению на отдельной национальной территории (Горный Алтай, Бурятия, Хакасия, Якутия), базировалось на классовом подходе, при котором выделялись беднота и богатые в качестве двух противоборствующих полюсов; в то же время отмечалось и то, что у каждой нации были определенные противоречия в отношениях как с красными (объяснявшиеся деятельностью буржуазных националистов или слабой развитостью пролетариата), так и с белыми (связывавшиеся с их политикой «единой и неделимой»). Обобщающей по всему региону была работа В. А. Демидова «Октябрь и национальный вопрос в Сибири, 1917–1923 гг.» [1]. К числу безусловных достоинств данной книги следует отнести рассмотрение национального вопроса в широком контексте политической борьбы в Сибири в годы Гражданской войны. В. А. Демидов связывал борьбу политических партий с деятельностью лидеров национального движения. Рассмотрев деятельность правительства Алаш-Орды, Башкирского правительства, Каракорума, Бурнацкома и Якутского национального комитета, он пришел к выводу, что «лидеры национальных движений всемерно

способствовали наступлению реакции», а их лозунги национальной свободы и самоопределения были всего лишь тактическим прикрытием подлинного единства с «кадетско-черносотенной реакцией» и мелкобуржуазными партиями. Нарастание противоречий лидеров национального движения с колчаковским правительством автор монографии объяснял тем, что последнее последовательно выступало за «неделимую, великодержавную в существовавших до войны границах буржуазно-помещичью Россию» [1. С. 217]. В итоге В. А. Демидов пришел к выводу, что «буржуазные националисты поддерживали кровавую диктатуру Колчака, так как видели в ней надежное средство сохранения своего классового господства» [1. С. 219]. В противоположность колчаковской политике, по мнению автора, большевики проводили линию на укрепление связи между пролетариатом и крестьянской беднотой вне зависимости от национальной принадлежности, объединяя их против белогвардейцев и интервентов.

Эти концептуальные построения и основные выводы В. А. Демидов сохранил в двух своих монографиях, вышедших уже в постсоветский период [2; 3]. Правда, эти книги остались в стороне от основных тенденций изучения национального вопроса в постсоветской историографии.

Начавшийся в конце 1980-х гг. новый период в историографии наряду с введением в научный оборот огромного количества нового фактического материала и расширением тематики исследований по национальному вопросу характеризовался пересмотром основных концептуальных построений советской историографии и многообразием оценок как основных событий и деятелей, так и национального движения в годы Гражданской войны в целом.

Характерной для постсоветской историографии стала монография М. М. Кульшарипова о башкирском национальном движении [4]. На базе огромного количества нового фактического материала автор пересматривает ключевые положения советской историографии – о классовом расслоении как решающем факторе в ходе вооруженного и политического противоборства, об интернационалистской позиции национального пролетариата и бедноты. Одновременно автор поднимает важные проблемы – необходимость учитывать относительно самостоятельное значение национальных лозунгов вне зависимости от классовой принадлежности, серьезные противоречия между башкирской беднотой и русским крестьянством, противоречивые позиции лидеров сперва «демократической контрреволюции», а затем и белого движения. Несомненным достоинством подхода М. М. Кульшарипова стало изображение лидеров национального движения живыми людьми со своими стремлениями, замыслами и чувствами, а не воплощением социологических схем. Лидеры иногда искренне заблуждались, осмысливали свои действия и т. д. И там, где в советской историографии мы видели двух-, в лучшем случае трехцветную картину, теперь предстает более сложный, многогранный процесс.

Обобщение введенных в научный оборот материалов по национальному вопросу в период «демократической контрреволюции» сделано в работе А. В. Сушко «Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны» [6]. Автор приводит дополнительный научный материал и отказывается от некоторых выводов своих предшественников, в частно-

сти, В. А. Демидова, о классовой солидарности алтайских националистов с русской буржуазией, объясняя позицию сотрудничества националистов на Алтае с эсеровскими и белыми правительствами тем, что у них «отсутствовали ресурсы для создания своими силами инородческой государственности в Горном Алтае», и тем, что «благоприятное время для алтайского сепаратизма прошло» с зарождением власти адмирала А. В. Колчака [6. С. 188]. Это утверждение, конечно, носит дискуссионный характер, но заслуживает дальнейшей разработки на базе привлечения новых материалов.

Что касается национального вопроса в период колчаковщины, то автор попытался сформулировать новую концепцию национальной политики и связал утрату интегрирующего значения областничества для политических сил Сибири с формированием национальных идеологий сибирских народов; также он взялся разрешить мнимое противоречие в деятельности алтайских националистов (воевавших под лозунгами национализма за власть, которая провозглашала единую и неделимую Россию), боровшихся против русских крестьян (которые под интернационалистскими большевистскими лозунгами воевали против алтайского национализма за русские этнические интересы). При этом автор полностью отказался от попыток социально-классового анализа национального вопроса, что и привело его к формулированию оригинальной, но, к сожалению, имеющей мало связи с историческими фактами концепции.

Расширению наших представлений о национальном движении в Сибири послужила книга И. В. Нам «Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.)» [5]. В книге рассмотрены все национальные меньшинства, принимавшие участие в политическом и вооруженном противоборстве в годы Гражданской войны в Сибири: украинцы, татары, евреи, поляки, латыши, корейцы и т. д. По существу, автор показала, что противоречия между малыми национальными группами в Сибири и различными правительствами практически ничем не отличались

от противоречий между этими правительствами и национальным движением народов, имевших в Сибири постоянную территорию расселения. Это подтверждает тот тезис, что подобные противоречия были вызваны национальной политикой правительств, вытекало из их политической программы.

В заключение следует отметить, что несмотря на значительное количество нового фактического материала, введенного исследователями в научный оборот, комплексная разработка темы в контексте политической и вооруженной борьбы в Сибири в годы Гражданской войны еще далека от своего завершения.

Источники и литература

1. Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири, 1917–1923 гг. Изд. 2-е, доп. – Новосибирск, 1983.
2. Демидов В. А. От Каракурума к автономии. – Новосибирск, 1996.
3. Демидов В. А., Демидов В. В. Бурятия: от степных дум к автономии. – Новосибирск, 2001.
4. Кульшарипов М. М. Башкирское национальное движение (1917–1921 гг.). – Уфа, 2000.
5. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). – Томск, 2009.
6. Сушко А. В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. – Омск, 2009.

УДК 94:342.71(47+57) «1920»

Кухта С. В.

«ПРОШУ ПРОДЛИТЬ МНЕ СРОК ПРЕБЫВАНИЯ В РСФСР...»: ХОД И СПЕЦИФИКА ОПТАЦИИ ЭСТОНСКОГО ГРАЖДАНСТВА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг.

(по документам КГКУ

«Государственный архив Красноярского края»)

Аннотация. В статье на основании архивных документов раскрываются особенности перехода жителей Енисейской губернии эстонского происхождения в гражданство молодой Эстонской республики (оптации) в первой половине 1920-х гг. Для одних оптация закончилась благополучным возвращением на родину, для других – длительным и подчас непростым процессом реоптации и восстановления правового статуса граждан РСФСР.

Ключевые слова: эстонцы в Енисейской губернии, оптация, реоптация, выбор гражданства, Тартуский мирный договор.

Первая мировая война и последовавшее за ней глобальное территориально-политическое переустройство Европы привело к образованию на бывших западных окраинах Российской империи ряда пограничных национальных государств – молодых Эстонской, Латвийской, Литовской, Польской и Финляндской республик. Среди комплекса проблем, стоявших между наследницей империи РСФСР и этими государствами-лимитрофами, особое место занимал вопрос о правовом статусе граждан, ранее переселившихся из Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и других западных губерний на территорию РСФСР и теперь законодательно потерявших право беспрепятственного возвращения на родину, отделенную государственной границей. Неслучайно в мирных договорах между Советской Россией и этими странами праву оптации (выбора гражданства) и репатриации населения обеих сторон были отведены специальные разделы. В частности, статья IV Тартуского мирного договора между Россией и Эстонией от 2 февраля 1920 г. предусматривала, что проживающие на территории России лица

эстонского происхождения, достигшие 18 лет, в течение одного года (со дня ратификации договора 14 февраля) были вправе оптировать гражданство Эстонии, причем жена и дети оптанта следовали гражданству главы семьи [1. С. 339, 342]. В апреле 1920 г. был разработан четкий регламент получения оптационных удостоверений. Лицами эстонского происхождения в случае возникновения сомнений признавались те, кто сами либо их родители были приписаны к общинам или сословным учреждениям на территории, ныне составляющей Эстонию. Указанное обстоятельство устанавливалось каким-то одним основным документом (вид на жительство, паспорт или выписка из метрической книги), выданным прежними или нынешними властями России и Эстонии. В отдельных случаях эстонское происхождение могло быть доказано иными документами (свидетельство об образовании, документ о службе, об отношении к воинской повинности и т. п.). Заявления с анкетами о признании гражданства подавались в 2 экземплярах, один из которых – по месту жительства заявителя в отдел управления губернского исполкома,

а другой – непосредственно на имя эстонского представительства в Москве. Отдел управления отсылал каждое ходатайство в Народный комиссариат внутренних дел, который, в свою очередь, удостоверившись, что заявитель имеет право оптации, и получив уведомление от эстонского правительства о согласии принять данное лицо в свое гражданство, отсылал на места оптационные удостоверения [24. Л. 31–31 об.].

Уже с середины 1920 г. активная реализация этого права на практике началась во многих российских регионах, не исключая многонациональную Енисейскую губернию, на территории которой, только по официальным данным, на тот момент проживало 9255 эстонцев [2. С. 47]. Большую их часть составляли крестьяне-колонисты, бежавшие в Сибирь от малоземелья в конце XIX – начале XX в.

Разноплановые документы (заявления, справки, отчеты, удостоверения, фотографии), отражающие особенности оптации эстонцев в губернии, отложились в фондах Енисейского губернского исполнительного комитета, Енисейского губернского комитета РКП(б), управления Енисейской губернской рабоче-крестьянской милиции, административного отдела Красноярского окружного исполкома и др.

Закономерно, что на первом этапе оптации идея возвращения на историческую родину стала крайне популярна и среди малочисленных эстонцев-горожан (техников, промышленников, учителей) со сравнительно высоким образовательным цензом, и среди крестьян, проживавших в Красноярском, Ачинском, Минусинском, Канском уездах. До официального выхода из гражданства все эстонские уроженцы признавались гражданами РСФСР со всеми их правами и обязанностями, лица же, уже оптировавшие эстонское гражданство, освобождались от мобилизации и реквизиции имущества и скота для нужд Красной армии [24. Л. 33, 44]. 11 июля 1920 г. в Красноярске состоялось общее собрание эстонцев, на котором в качестве уполномоченного специально созданной Эстонской правительственной контрольно-оп-

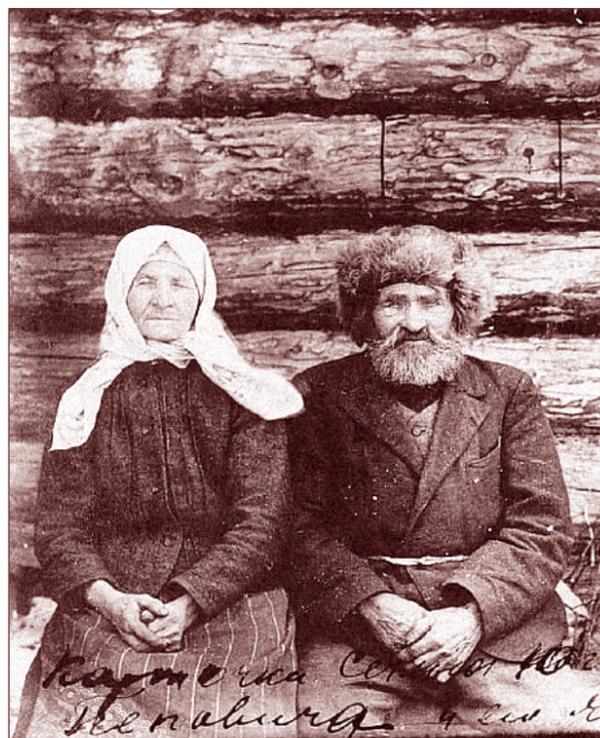
Семья эстонца Шалинской волости Гендрика Айнца. 1921 г. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 25. Л. 311 об.

тационной комиссии был избран Август Бурхардович Пиола. Было решено на совместные средства отправить его в Москву для получения соответствующих указаний по сбору документов об оптации [24. Л. 24–24 об.]. В отдел управления губернского исполкома поступали десятки заявлений с просьбой об оптации от крестьянских семей из д. Манской Кияйской волости, д. Ново-Покровской Шалинской волости, д. Имбеж и с. Хайдак Перовской волости и многих других мест компактного проживания эстонцев [21. Л. 286–286 об.]. Ярким примером «оптационного ажиотажа» 1920–1921 гг. может служить ситуация с неграмотным батраком Яном Петровичем Месником латышского происхождения, которого в число оптантов заодно с другими записал его хозяин-эстонец. Впоследствии уже обрусевший житель д. Ново-Александровки Манского района Иван Месников с большим трудом объяснил свое попадание в список подлежащих выселению эстонских оптантов [25. Л. 154, 156, 169, 178].

При подаче документов заявители не встречали особых препятствий, за исключением возврата документов по чисто формальным

причинам, как то: отсутствие подписей, второго экземпляра, фотографических карточек, неполнота сведений в анкетах. Несмотря на то, что все проблемы оптации решались на местах и не требовали выезда в столицу, в конце 1920 – начале 1921 г. участились случаи поездок делегатов от эстонцев губернии по делам оптации в Омск, Москву и Петроград, в результате чего Сибревком был вынужден запретить выдачу им служебных пропусков на право свободного проезда [6. Л. 23, 158–158 об.]. Переселение граждан, уже получивших оптационные удостоверения, происходило, как правило, организованно на специально выделенных губернским линейным управлением по эвакуации населения эшелонах: оптанты сами набирали группу из не менее чем 25 человек, избирали старосту и рассчитывались наличными деньгами за предоставленный вагон [9. Л. 94–94 об.; 13. Л. 13–14]. При выезде как в одиночном, так и в организованном порядке особо контролировался вес вывозимого багажа, регулярные попытки вывезти сверх-

*Эстонтанта Шалинской волости
Юган Сенна с женой. 1921 г.
ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 116. Л. 374 об.*

нормативное имущество пресекались. 30 октября 1920 г. были утверждены Временные правила о провозе имущества по железным дорогам при переселении эстонцев из РСФСР, согласно которым общий вес багажа сверх ручного не должен был превышать 10 пудов на каждого члена семьи. К перевозке не принимались громоздкая мебель, экипажи, телеги, сани и лодки в неразобранном виде, живой скот, большие музыкальные инструменты (органы, рояли) и т. д. [24. Л. 25–25 об.]. В 1922 году этот норматив был сокращен до 5 пудов на человека.

Официальный срок эстонской оптации для Сибири истек 14 февраля 1922 г., дополнительные документы принимались до 30 июля 1922 г. В мае 1922 г. для выполнения связанных с оптацией эстгражданств поручений и консультаций уполномоченными по Енисейской губернии были назначены Юрий Юрьевич Гинтс (Красноярск) и Ян Адович Прейсман (Минусинск) [24. Л. 158, 181]. Поскольку оптационные удостоверения давали право проживания на территории РСФСР только в течение года, очень скоро перед оптантами встала проблема переселения на родину в срок: действие удостоверений истекало, а отъезд по целому ряду причин общего и личного характера становился невозможен. В первую очередь эстонские семьи пугала необходимость долгого зимнего переезда с зачастую тяжело болевшими тифом или скарлатиной малолетними детьми, кроме того, регулярно задерживалась выдача нарядов на вагоны. Эстонцы на ломаном русском ходатайствовали о продлении срока выезда, обращаясь в отдел управления: «Прошу отсрочить мне выезд, т. е. срок выезда в Эстонию, т. к. я не мог еще выехать не по своей вине, а именно: потому, что не попал еще в список на первый эшелон, а еще отправки до сей времени не было и неизвестно, когда будет, а срок оптационного удостоверения уже кончилась 14 февраля с. г.», – просил житель д. Выймовской Шалинской волости Александр Иоганович Сандер 21 февраля 1922 г. По отношению к этим новоиспеченным иностранцам государство заняло достаточно жесткую позицию, уточняя, что в качестве уважительного

мотива невыезда может выступать только документально подтвержденная серьезная болезнь членов семьи оптанта или ходатайство той или иной организации о его востребованности как работника. Все учреждения должны были сообщить о наличии у них на службе оптантов [10. Л. 108, 133, 140; 11. Л. 7]. Немаловажно, что оптантам предоставлялась возможность подать заявление о возвращении в гражданство РСФСР, требующее, однако, указания веских причин и недавнего выхода из гражданства советской республики, и желания вновь возвратиться в число ее жителей [22].

В условиях идеологического противостояния рабоче-крестьянской России и находившейся «под властью баронов» Эстонии принципиально важной стала политическая благонадежность принимаемых в гражданство РСФСР. Надо отметить, что Енисейский губернский комитет РКП(б) через свои местные ячейки еще с 1920 г. развернул активную антиоптационную кампанию, направленную на «разоблачение» капиталистической сущности эстонского правительства, – в эстонских деревнях проводились собрания, на которых в обязательном порядке рассматривался вопрос о «Белой Эстонии» [7. Л. 11–11 об.]. Губернская конференция эстонских колонистов 26–27 июня 1921 г. постановила: «Возглавляемая группой белоэстонских капиталистов при поддержке банкиров Англии, Франции и др. – Эстонская республика – это республика богачей и прочих угнетателей... поэтому нам, трудовым крестьянам красной Сибири, не может быть ничего общего с настоящей Эстонией, которая будет, однако, наша тогда, когда там водрузится красное знамя с советской эмблемой...» [3. Л. 103, 106, 107; 8. Л. 14, 17 об.]. Деятельность представителей контрольно-оптационной комиссии, грамотных эстонцев, составлявших заявления на оптацию за односельчан, отнюдь не поощрялась и рассматривалась как антисоветская. К примеру, на заседании эстбюро при Енгубкоме РКП(б) от 5 июля 1921 г. рассматривался вопрос о деятельности «агента белоэстонской оптационной комиссии» Бергмана, который по почте получал оптационные документы

для дальнейшего распределения, взимая за эту услугу по 250 руб. за письмо. Он утверждал, что назначен старостой оптантов, а также распространял слухи о том, что местная власть препятствовала отправке оптантов, из-за чего многие эстонцы были возмущены и перестали являться на работу. Бергман внушал населению, что единственным компетентным органом власти для него является контрольно-оптационная комиссия, агитировал за комиссию и распространял эстонские «буржуазные» газеты, враждебные советской власти [4. Л. 1].

Очевидно, что гражданство РСФСР не могли получить лица, «образ жизни, деятельность и поведение коих будут признаны несовместными с принципами и укладом жизни рабоче-крестьянского государства», а именно, эстонские оптанты, которые сотрудничали с представителями власти А. В. Колчака, были замечены в антисоветских высказываниях, самогоноварении, высланы в губернию за уголовные преступления, владели большим количеством имущества (с «собственнической тенденцией») и т. п. [5. Л. 9; 12. Л. 4–5; 24. Л. 130]. В этом контексте показательна ситуация, в которой оказался житель деревни Кобрицкой Рыбинской волости Александр Алексеевич Руммель, неоднократно просивший принять его в советское гражданство, но всякий раз получавший отказ как «политически неблагонадежный»: «...в 1920 году я был введен в заблуждение, как и много прочих эстонцев, что в Эстонии земля от помещиков отобрана и отдается приезжающим из России крестьянам (эстонцам), и со стороны Эстонской контрольно-оптационной комиссии, находящейся в то время в городе Омске, обещалась громадная поддержка выезжающим из России эстонцам... Как большинство эстонцев, так и я оптировал подданство Эстонии..., но вскоре после этого, узнав из верных источников, что все обещания со стороны эстонского правительства есть обман и что в Эстонии существует не свобода, а капиталистический образ правления, я подал заявление Енисейскому губисполкому о признании меня вновь гражданином РСФСР...». Руммель обвинялся в «вербовке» оптантов в своей волости,

в результате которой 80–90 % населения оптировало «белоэстонское» гражданство и этим затормозило сбор налогов [15. Л. 10–11 об.; 17. Л. 66–66 об.]. По этой же причине в 1925 г. отказ в предоставлении советского гражданства получил житель д. Ново-Печеры Рыбинской волости Канского уезда Адольф Петрович Вильдэ: «...так как я страдаю совершенно невинный, т. е. ничем не провиноват перед Советской Россией, чтобы могли отказать принять обратно в подданство РСФСР... Я переселился в Сибирь в 1898 году дер. Ново-Печеры и занимался хлебопашеством, распахал я свои пашни в тайге, где еще, может быть, с самого сотворения мира еще человек не пахал, там и построил я свои постройки...» [20. Л. 308–309].

Лица, не подавшие заявление о возвращении в гражданство или не получившие его, обязывались покинуть пределы республики в двухнедельный срок, о чем давали соответствующую подписку, тогда как связь с родиной к 1924–1925 гг. для многих из них была окончательно утрачена [16. Л. 140]. Точное количество оптантов и реоптантов установить сложно, так как специальных обобщающих отчетов по их движению не составлялось. По состоянию на январь 1924 г. в губернии числилось 299 эстонских оптантов, из которых только 52 были приняты в российское гражданство

и двое уехали в Эстонию [18. Л. 1–2]. Зачастую жители сельской местности оказывались в патовом положении: средств на железнодорожный проезд они не имели и гербовый сбор для подачи заявления на реоптацию оплатить тоже не могли [14. Л. 365, 366; 19. Л. 74]. В целом процесс реоптации и высылки «неблагонадежных иностранцев» затянулся до 1926 года, осложняясь разбросанностью эстонцев по обширной территории бывшей Енисейской губернии [23. Л. 5, 6, 65; 25].

Можно заключить, что эстонское оптационное движение в Енисейской губернии носило крайне противоречивый характер: с одной стороны, государственные и партийные власти не чинили формальных препятствий для выбора эстонцами гражданства исторической родины, с другой – с самого начала развернули бурную антиоптационную кампанию, опасаясь потери важной части трудоспособного крестьянского населения. При этом оптация стала своеобразным способом «избавления» от «капиталистических и кулацких элементов», которые в перспективе могли так или иначе препятствовать проводимой правительством политике. Важно также отметить, что сохранившиеся оптационные документы могут стать полезным источником для изучения мест выхода и расселения эстонцев, их социального положения и образовательного уровня.

Источники и литература

1. Документы внешней политики СССР. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1958. – 778 с.
2. Межэтнические связи Приенисейского региона. Ч. II. 1917–1920 гг. Сб. документов. – Красноярск, 2007. – 383 с.
3. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 95.
4. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 228.
5. Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 590.
6. Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 10.
7. Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 85.
8. Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 467.
9. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 13.
10. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 26.
11. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 54.

12. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 100.
13. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 118.
14. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 122.
15. Там же. Ф. Р-49. Оп. 2. Д. 141.
16. Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 22.
17. Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 37.
18. Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 73.
19. Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 86.
20. Там же. Ф. Р-49. Оп. 3. Д. 128.
21. Там же. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 23.
22. Там же. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 201.
23. Там же. Ф. Р-741. Оп. 1. Д. 238.
24. Там же. Ф. Р-742. Оп. 1. Д. 5.
25. Там же. Ф. Р-757. Оп. 1. Д. 4.

УДК 323.28

Макаров А. А.

МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В XX в.: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. В статье рассматривается разрешение национального вопроса в рамках ленинской теории некапиталистического пути развития, в том числе в условиях Сибири.

Ключевые слова: национальный вопрос, советизация коренных малочисленных народов.

Опираясь на идеи марксизма, В. И. Ленин развил теорию некапиталистического развития экономически отсталых народов, населяющих окраины бывшей Российской империи и не втянутых еще в период социалистической революции и в капиталистическое развитие [18. С. 10–19]. В данной статье рассматривается решение национального вопроса в условиях перехода к социалистическому обществу народов Енисейского Севера, а также исторический опыт Тувинской народной республики (ТНР), завершившийся вхождением Тувы в состав СССР. Крайне интересен процесс трансформации переходного общества Монголии в социалистическое.

Политику советизации Севера сопровождал процесс коренизации органов государственного управления и партийного аппарата. Параллельно происходил процесс вытеснения кулацко-шаманских элементов из советских органов и организаций.

В 1930-х гг. наблюдается значительная волна восходящей мобильности представителей северных коренных народностей. В январе 1937 г. на территории Енисейского Севера (в Таймырском, Эвенкийском округах и Туруханском районе) проживало 31 528 человек. Русское население составляло почти 50 %. В Таймырском округе русское население исчислялось 2525 чел., а коренное – 8389. Среди членов ВКП(б) было 29 представителей на-

родностей Сибири – из 107 всех коммунистов Таймыра [4. Л. 130, 135]. Политику подготовки национальных управленческих кадров характеризуют следующие данные. В мае 1937 г. в отчетном докладе на III партийной конференции Таймырского окружкома были приведены такие цифры: в январе 1936 г. в округе имелось 274 руководящих работника, из них 41 национальный выдвиженец. В январе 1937 г. там были соответственно 391 русский и 60 националов. Больше всего выдвиженцев из коренного населения попадало на колхозную работу (56,6 % от всего количества работников). Значительный процент националов был выдвинут на работу в советские органы (48,7 %), но на партийной работе они составляли всего 11,1 %, а еще меньше – в торговле, 7,05 % [5. Л. 16]. В 1938 г. в советских органах Таймыра из 65 работавших русские составляли 35 чел., ненцы – 10 чел., саха – 14 чел., эвенки – 2 чел., якуты – 1 чел., нганасаны – 3 чел. В составе колхозных работников из 64 чел. русских было 21 чел., ненцев – 7 чел., саха – 27 чел., эвенков – 3 чел., якутов – 2 чел., нганасан – 4 чел. [6. Л. 82].

20 января 1940 г. на IV пленуме Таймырского окружкома ВКП(б) прозвучал доклад «О работе с национальными кадрами в округе». К этому времени в нем имелось 404 работника из национальных кадров. Больше всего их было на низовой работе колхозными бригадами – 254 чел. Председателями колхозов ра-

ботало 35 чел., на советской работе – 23 чел., в правоохранительных органах – 12 чел. Ничтожно мало находилось на партийной и комсомольской работе – всего 9 чел. [6. Л. 148].

В округе создавались каналы для социальной мобильности коренного населения. Одним из них являлся комсомол. В 1940 г. в округе в комсомоле состояло 627 чел. На управленческую работу было выдвинуто 69 чел. из числа комсомольцев. Среди них Е. Бетта, ранее занятая комсомольской работой; в 1940 г. она стала инструктором Авамского РК ВКП(б). С. Пяса с комсомольской работы перешел на должность инструктора Усть-Енисейского РК ВКП(б).

Другим каналом являлась советская работа. В 1940 г. депутатами окрсовета и райсоветов избрали 128 человек, из них представителей саха было 38 чел., ненцев – 17 чел., нганасанов – 10 чел., эвенков – 2 чел. В 1940 г. из 279 депутатов сельских и кочевых советов 88 чел. по национальности являлись саха, 33 чел. – ненцами, 19 чел. – эвенками, 15 чел. – нганасанами [6. Л. 154–156]. Таким образом, к началу 1940 г. на Севере появился слой выходцев из коренного населения, который прочно вошел в управленческую элиту, что позволило советской власти создать себе социальную опору в толще националов. Параллельно репрессировались представители кулацко-шаманской и родовой верхушки. В 1930–1950 гг. было вынесено 264 приговора по 58 статье в отношении представителей народностей Крайнего Севера СССР [14. С. 197]. При всей непоследовательности проводимая политика позволила осуществить советизацию малочисленных народов Приенисейского Севера.

Советизация Приенисейской Тувы незначительно, но отличалась от советской политики на Крайнем Севере. В Урянхайском крае существовали поселения русских, а в Тувинской республике особый статус имела Русская самоуправляющаяся трудовая община. Однако во взаимоотношениях русского населения и тувинцев имелись конфликтные эпизоды. В первой половине 1918 г. сойоты неоднократно нападали на русские поселения [16. С. 97–98]. В 1920 г. на X съезде русского населе-

ния Урянхайского края в своем докладе особо уполномоченный по делам Урянхайского края И. Г. Сафьянов отмечал: «... заброшенные на далекую окраину несколько тысяч русского населения Урянхая... небольшая кучка граждан Советской России пытается удержать у себя все завоевания нашей революции... враждебное чувство к сойотам исчезло... стоит лишь внимательней относиться к нуждам сойотского народа и не игнорировать его законные требования» [7. Л. 2].

Советская Россия стремилась закрепиться в центральноазиатском регионе. В 1921 г., после образования Танну-Тувинской республики, просоветская ориентация в этом регионе утвердилась. В современных исследованиях отмечается, что тогда правители республики имели просоветские ориентиры, а в массах преобладали монголофильские настроения. Однако отмечается, что «на первых порах установки русских на изменение общественного устройства были понятны для тувинцев», а «первоначальное сохранение социальной иерархии», т. е. старой элиты, оценивается как положительный фактор [10. С. 63–64].

Крайне сложно определить отношение к русскому, советскому у различных слоев населения Тувы. В тувинском обществе отношение к «русскому», которое идентифицировалось с «советским», поляризовалось. Многие тувинские руководители, как, например, С. К. Тока (с 1932 г. генеральный секретарь ЦК ТНРП), были настроены исключительно просоветски.

В школах Тувы учителя делили мир на Царство Света (Советскую Россию) и Царство Тьмы (прочие страны) [11. С. 109–110]. Однако у тувинских повстанцев в 1930–1932 гг. мнение о советском и русском было другим. Выдавая желаемое за действительное, они распространяли слухи о том, что Москва и Ленинград разрушены, заняты «германскими и английскими ханами» [9. С. 191, 193]. Логичным завершением тесной интеграции с северным соседом являлось вхождение ТНР в состав СССР в 1944 г. Имеются работы с подробным описанием процесса

интеграции Тувы в политическое пространство СССР [15]. В них утверждается, что не все жители ТНР с радостью восприняли перспективу жить в СССР. В период подготовки процесса вхождения ТНР в состав СССР органы МВД ТНР предупреждали, что произошла активизация «контрреволюционных элементов», – а таких на учет на тот момент имелось 1194 чел., и в числе прочих были «белогвардейцы, кулаки, бежавшие из СССР в период проведения коллективизации». Политические репрессии в ТНР были во многом инициированы Советским Союзом. Всего на территории ТНР в ходе политических репрессий было осуждено 1214 чел. Среди репрессированных было 830 тувинцев, 305 русских, 30 монголов, 20 китайцев, 12 корейцев [9. С. 206]. В ходе репрессий органы НКВД СССР совместно с МВД ТНР ликвидировали на советской территории несколько «байско-кулацких» и «повстанческих» «контрреволюционных групп», которые состояли из тувинских граждан, постоянно проживавших на территории СССР [3. Л. 34–39].

В отчетной информации Тувинского обкома ВКП(б) констатировалось, что хотя «в основном трудящиеся с радостью восприняли прием ТНР в состав СССР..., имели место отдельные факты отрицательного высказывания со стороны некоторых лиц из интеллигенции, рабочих и служащих. Имеются факты резкой антисоветской агитации со стороны враждебных элементов – бывших феодалов, лам, шаманов».

Итак, на территории национальных государственных образований Приенисейской Сибири решение национального вопроса, интеграция отсталых областей в советский социум происходили за счет политики коренизации, а с другой стороны – благодаря изоляции коренного населения от влияния кулацко-шаманской и родовой эксплуататорской верхушки. На территории Тувы народной власти пришлось проявлять осторожность, поскольку «левацкие эксперименты» без учета конкретных исторических условий привели к тяжелым последствиям, отчасти исправленным «новым политико-хозяйственным курсом».

Источники и литература

1. Архивы Кремля и Старой площади. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995.
2. Байтсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). – Иркутск: Оттиск, 2014.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). П-26. Оп 1. Д. 762.
4. ГАКК. Ф. П-28. Оп. 3. Д. 3.
5. Там же. Ф. П-28. Оп. 6. Д. 4.
6. Там же. Ф. П-28. Оп. 7 Д. 1.
7. Там же. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 23.
8. Дацьшен В. Г. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. – Кызыл, 2003.
9. История Тувы. – Новосибирск, 2007.
10. Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. – СПб.: Алетейя, 2011.
11. Ламажаа Ч. К. Клановость в политике регионов России. – СПб.: Алетейя, 2010.
12. Ларьков С. Из каменного века – за колючую проволоку (Репрессии против народов Советского Севера.) // «Враги народа» за полярным кругом. – Paulsen, 2010. С. 163–198.
13. Монгуш М. В. История буддизма в Туве. – Новосибирск: Наука, 2001.
14. Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. – М., 2003.

15. Харунова М. М. Тува и СССР: процесс политической интеграции // Ученые записки ТИГИ. Вып. XX. – Кызыл, 2004. – С. 84–105.
16. Хасбулатов Р. И. Освободившиеся страны в переходный период (политико-экономический анализ). – М.: Экономика, 1987.

УДК 908.36

Мезит Л. Э.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ТРУДАРМЕЙЦЕВ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье анализируется малоизученный аспект социальной истории военного времени: численность, условия труда и жизни населения Среднеазиатского военного округа, мобилизованного военкоматами для работы на оборонных предприятиях Красноярского края.

Ключевые слова: трудовые армии, мобилизационная экономика, военная повседневность.

Трудовые армии как принудительная форма использования рабочей силы берут свое начало в первые годы советской власти и являются неотъемлемой частью истории советской экономики. В годы Великой Отечественной войны Советское государство, используя довоенный опыт применения рабочих формирований, приступило к созданию специальных строительных батальонов и рабочих колонн из представителей разных национальностей и различных социальных групп. Трудовая армия в годы войны формировалась из мобилизованных немцев, жителей республик Средней Азии, спецпоселенцев. Изучение данной темы важно для объективной оценки вклада трудмобилизованных Среднеазиатского военного округа (САВО) в победу советского народа над нацистской Германией.

Трудармейцы, как они себя именовали (хотя в официальных документах такого понятия нет), формировались из гражданского населения в форме рабочих отрядов, батальонов. За формирование рабочих батальонов и колонн ответственность несли военкоматы и органы внутренних дел. За неявку на призывной пункт устанавливалась уголовная ответственность [4. С. 60].

В научных работах советских историков трудмобилизованные не встречаются как отдельная категория занятых в экономике стра-

ны [2]. Изучению трудармий в годы войны посвящено много работ в постсоветской историографии. Основное внимание в них уделено немцам, которые в военный период массово привлекались на строительство промышленных объектов страны [1; 9; 10]. Появились исследования о производственной деятельности трудмобилизованных САВО в Уральском регионе [4; 11].

Изучение повседневной жизни трудармейцев, форм и методов организации их труда, отношения к ним государства является актуальной задачей социальной истории.

В годы Великой Отечественной войны в Красноярский край были перебазированы 42 промышленных предприятия. Одновременно развернулось строительство новых заводов оборонного значения. Для увеличения численности работников были проведены перевод служащих, вовлечение женщин, возвращение пенсионеров на производство. Расширилась область применения в народном хозяйстве труда заключенных. С января 1942 г. началась трудовая мобилизация советских немцев, высланных во второй половине 1941 г. из европейской части страны. 14 октября 1942 г. ГКО СССР постановлением № 241/с «О мобилизации в Узбекской, Казахской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР военнообязанных для работы в промышленности и строитель-

стве железных дорог и промышленных предприятий» объявил о трудовой мобилизации военнообязанных жителей САВО в количестве 350 тысяч человек [4. С. 62]. Массовые мобилизации в соответствии с установками ГКО рабочих САВО на предприятия края проводились в 1942–1943 гг. Это было связано с увеличением оборонного заказа, который выполняли заводы, шахты, стройки, а также с постоянным дефицитом рабочей силы, который только за счет внутрикраевой миграции решить было невозможно.

Для проведения трудовой мобилизации населения САВО руководству республик было рекомендовано усилить агитационно-пропагандистскую работу, обеспечить массовое

участие коммунистов и комсомольцев в трудармиях. Всем мобилизованным предписывалось являться на сборные пункты в исправной одежде, обуви, иметь личную смену белья и запас продуктов на 15 дней. Требование вполне логичное, но трудновыполнимое в условиях войны.

В августе 1942 г. из САВО прибыл первый эшелон. В край приехали 1325 узбеков и туркмен на завод «Красный Профинтерн» наркомата тяжелого машиностроения; 234 узбека на завод № 4 им. Ворошилова; 269 казахов и узбеков на шахты Канского рудоуправления; 257 узбеков на Черногорские шахты; 167 человек – в ОСМЧ 26 [5. Л. 109; 5. Л. 93–95; 6. Л. 128–129 об.].

Таблица 1. Численность трудармейцев САВО в октябре 1943 г. на предприятиях Красноярского края [8. Л. 84]

Национальность	Ленинский район Красноярска	Кировский район Красноярска	ХАО
Узбеки	571	615	857
Казахи	167	170	
Таджики	336	121	
Туркмены	198	712	
Киргизы	76		
Татары	201	8	
Чуваши	80		
Итого	1637	1626	857

В процессе распределения мобилизованных на предприятия края была выявлена большая группа лиц, непригодных к физическому труду (инвалиды II группы, лица преклонного возраста и прочие). Их вынуждены были отправить в распоряжение военкоматов САВО.

Руководители предприятий постоянно информировали краевой партийный комитет об отсутствии у многих мобилизованных каких-либо документов, удостоверяющих личность, что затрудняло их трудоустройство. Это свидетельствовало о том, что военкоматы в погоне за выполнением наряда на мобилизацию выполняли постановление ГКО формально. При этом очевидны были затраты, которые понесло государство при ненужной переброске людей из мест их проживания в Красноярский край.

Трудармейцы с трудом приспосабливались к суровым климатическим условиям Сибири. Весь контингент рабочих прибывал в рваном грязном белье, в летних национальных халатах. Многие из них были абсолютно разуты, у оставшихся имелась национальная обувь. Сменой одежды и обуви люди не располагали [7. Л. 128].

Жили мобилизованные из САВО, как правило, в отдельных общежитиях. Узбеки, работавшие на стройках 2-го стройуправления, проживали в капитально отремонтированном здании, обеспечивались постельными принадлежностями, одеждой, обувью. У них было хорошо налажено общественное питание. Однако такое положение складывалось далеко не везде. На шахтах Канского рудоуправления надлежащих

условий создано не было – наблюдались антисанитария, завшивленность, отсутствие постельного белья; деревянные кровати кишели клопами. Питание шахтеров – узбеков, казахов – практиковалось в общих столовых и было некачественным [7. Л. 122].

Жилищно-бытовые условия мобилизованных из САВО регулярно контролировались санитарными инспекциями. В июне 1943 г. санитарной инспекцией Кировского района было проведено обследование условий проживания рабочих, трудмобилизованных из САВО. В ходе него установили, что 520 узбеков, прибывших на завод «Красный Профинтерн», были размещены в бараках без предварительной санитарной обработки, с двухъярусными нарами, сделанными не по стандартам (нижние кровати располагались близко к земле. Учитывая, что полы в бараках оставались земляными, спать на таких нарах было холодно и сыро). В бараках отсутствовали печи, дощатые стены имели дыры, бани и дезкамеры не было. Питание рабочих являлось трехразовым, но трапеза состояла из одного блюда [8. Л. 1].

Иным было положение таджиков, распределенных на кирпичный завод № 2 того же района. Их разместили в трех бараках, выбеленных, с печью, тумбочками. Регулярно проводилась санитарная обработка помещений, хотя матрасы были грязные, в них водилось много клопов. Общее питание предполагало по 800 граммов хлеба в день, 38 человек получали стахановские нормы [8. Л. 4].

После прибытия в Красноярский край на производственных и строительных объектах уроженцы САВО включались в структурные подразделения предприятий (бригады, колонны, отряды, участки), образованные по национальному признаку. На них распространялись правила внутреннего распорядка предприятий, а оплата труда производилась на общих основаниях по тем же расценкам, что и для кадровых рабочих. Учитывая, что приезжие были заняты неквалифицированным трудом, их заработная плата была невысокой – до 150 рублей в месяц [7. Л. 125]. Рабочий день был напряженным и продолжительным.

Однако наибольшие затруднения возникали в повседневном общении трудармейцев – из-за отсутствия на заводах работников, знающих национальные языки. Незнание русского языка прибывшими рабочими не позволяло вести их обучение сложным профессиям, поэтому единицы из них, обучаясь индивидуально или бригадно, стали слесарями, прокатчиками, кочегарами электростанций или освоили другие рабочие специальности. Чаще всего их использовали при проведении землекопных либо бетонных работ.

Приступив к работе на заводах, шахтах, почти весь контингент рабочих САВО нормы выработки не выполнял, но уже с февраля 1943 г. целые бригады и отдельные трудармейцы начали выполнять и перевыполнять план. Бригада тов. Хасанова, работавшая в ОСМЧ № 26, уже в феврале 1943 года выполнила норму на 108 %, а в апреле – на 121 %. Бригада грузчиков Расулова, работавшая на заводе № 54 им. Ворошилова, выполняла норму выработки на 460 % [6. Л. 93].

На заводе «Красный Профинтерн» 26 рабочих, мобилизованных в САВО, овладели профессиями и выполняли квалифицированные работы, показывая при этом высокие результаты труда. На этом же заводе 36 человек, прибывших в октябре 1943 года, получили стахановские книжки за хорошую работу и как стахановцы пользовались преимуществами в снабжении и питании [6. Л. 104].

Повсеместно рабочие САВО жаловались на плохое медицинское обслуживание. Из-за слабого владения русским языком они не могли рассказать врачу или фельдшеру о своей болезни.

Краевые органы власти и руководители предприятий систематически информировали представителей ЦК ВКП(б) Узбекистана, Казахстана, Таджикистана об усилиях по улучшению материально-бытового положения рабочих, проведению агитационно-массовой работы среди них. Партийно-советские руководители среднеазиатских республик посещали своих земляков на предприятиях края, из республик им посылали газеты на родном языке, иногда доставляли сухофрукты [7. Л. 124].

Среди мобилизованных в САВО проводилась агитационно-разъяснительная работа – при этом старались учитывать привычки и уклад жизни среднеазиатских рабочих, незнание ими русского языка. Из числа трудмобилизованных, знавших русский язык, были подготовлены агитаторы, которые вели пропаганду среди своих земляков. Коммунист казах Оспанкулов был назначен заведующим красным уголком на Иршинских шахтах. Он выполнял свои обязанности на постоянной основе [7. Л. 123]. Все агитационно-пропагандистские мероприятия укрепляли дружбу между народами.

Экономические аспекты мобилизационной политики имели для органов государственной власти приоритетное значение в годы Великой Отечественной войны. С учетом масштабов проводимых мероприятий не все требования, которые были обязательны для трудмобилизованных согласно официальным документам, смогли реализовать на местах, но они были общими для всех коллективов в промышленности и строительстве. Значительная часть трудмобилизованных смогла адаптироваться к новым условиям и в годы войны ударно трудилась на предприятиях края.

Источники и литература

1. Белковец Л. П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. – М.: РОССПЭН, 2008. – 359 с.
2. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. – М., 1948.
3. Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Г. История немцев России: учебное пособие. – М.: МСНК-пресс, 2005. – 544 с.
4. Гончаров Г. А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... докт. ист. наук. – 2006. – 432 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/trudovaya-armiya-na-urale-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny#ixzz5Hyspqqb6i>.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-26. Оп. 4. Д. 19.
6. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 24.
7. Там же. Ф. П-26. Оп. 4. Д. 145.
8. Там же. Ф. Р-1384. Оп. 1. Д. 1073.
9. Зберовская Е. Л. Спецпереселенцы в Сибири (1940–1950 гг.). – Красноярск: КрасГАУ, 2010. – 179 с.
10. Славина Л. Н. Трудмобилизованные немцы в Восточной Сибири // В рабочие колонны на все время войны. Очевидцы и исследователи о немцах в трудовых армиях: сб. науч. ст. и воспоминаний. – М.: МСНК-пресс, 2012. – С. 217–231.
11. Шмыров Б. Д. Трудмобилизованные Среднеазиатского военного округа на стройках и промышленных предприятиях Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2016.

Овчарова М. А.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НОВОСИБИРСКОГО МУЗЕЯ В 1920-1930-е гг.

Аннотация. Формирование богатой музейной коллекции предметов эвенкийской, долганской, тофаларской культур в Новосибирском государственном краеведческом музее связана с экспедиционной деятельностью Елены Николаевны Зальмуниной (Орловой) 1920–1930-х гг. В эти годы она начала работать заведующей этнографическим отделом в Новосибирском музее и стала участницей экспедиций по Нарымскому и Туруханскому краю, на Алтай и в Хакасию. По результатам экспедиционных исследований она опубликовала отчеты – книги.

Ключевые слова: экспедиции, формирование этнографических коллекций, коренные народы Сибири.

Елена Николаевна Орлова (Зальмунина) родилась в 1898 г. в Тобольске. Получила образование в Петроградском университете, на естественно-географическом факультете. В 1914–1916 гг. в Петрограде читала лекции на вечерних курсах для ремесленников и рабочих. Окончив гимназию товарищества преподавателей в Петрограде, в 1916–1917 гг. преподавала географию в Финляндии.

8 июня 1917 г. в Ново-Николаевске был открыт четвертый в Западной Сибири учительский институт. Его становление проходило в условиях реформирования педагогического образования. В этой ситуации к обучению в учительских институтах допускались женщины [5. С. 96–97]. Таким образом Елена Николаевна Орлова (Зальмунина) попадает в Ново-Николаевск, в учительский институт, где преподает географию, химию, методику географических исследований.

С 1922 г. Зальмунина была назначена заведующей отделом Совшколы, но через три месяца перемещена в Новосибирский музей, где возглавила отдел «Человек». По совместительству преподавала экономическую географию на курсах ГПУ, в Совпартшколе, в 10-й совшколе, во 2-й школе для взрослых. Состояла в методсовете Сибон и методбюро Окроно.

В 1919 г. проходит съезд организации Института исследования Сибири в Томске (ИИС) и принимается Положение, согласно которому

основной целью создаваемого института стало «планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края» [2. С. 11]. К этому времени Е. Н. Зальмунина была секретарем Ново-Николаевского кружка мирозведения, преподавала географию в Ново-Николаевском учительском институте и активно сотрудничала с Институтом исследования Сибири. В частности, по предложению Института вместе с участниками кружка занималась составлением библиографического материала по Ново-Николаевску [2. С. 226].

Основная экспедиционная деятельность Е. Н. Зальмуниной началась еще в 1920-е гг. С 1920 по 1922 г. по поручению Института исследования Сибири и Томского университета она была включена в состав Обско-Тазовской экспедиции.

Начало Обско-Тазовской экспедиции было намечено на 25 мая 1920 г., но сроки несколько раз переносились из-за задержки финансирования. Самая крупная экспедиция ученых должна была отправиться вниз по Оби на пароходе «Мария» и совершить первый в этом сезоне рейс на Обскую губу. Экспедиция носила комплексный характер. В ее задачи входило изучение «почти во всех отношениях малоизученной местности...». В составе экспедиции были раз-

ные специалисты, всего 19 человек, в частности: заведующий экспедицией Б. П. Вейнберг (магнитолог), А. Н. Нефедьев, В. И. Берников и И. К. Прорубщиков (топографы), инструктор зоологической части музейной секции Ново-Николаевского отдела народного образования С. И. Орлов, председатель Орнитологического общества П. М. Залесский и А. С. Шостак (зоологи), П. А. Шастовский (препаратор), преподаватель Томского университета при кафедре физики Н. Д. Чесноков, преподаватель физики 3-й школы В. А. Семенцов и Г. А. Бисенек (наблюдатели гидрометрических станций), преподавательница Ново-Николаевского учительского института Е. Н. Зальмунина (этнограф), а также практиканты К. Б. Вейнберг (магнитометрист), Г. В. Грдина (топограф), М. Е. Вейнберг (этнограф) [2. С. 31].

Как свидетельствуют протоколы заседания Совета ИИС, экспедиция выехала плохо обеспеченной оборудованием и теплой одеждой, с недостаточным запасом продуктов [2. С. 161]. Главным объектом исследования должен был стать Тазовский полуостров, ранее не посещавшийся учеными. Одной из главных целей экспедиции были картографические работы. В результате удалось произвести магнитные, астрономические и топографические наблюдения, собрать значительные материалы для картографирования Тазовской губы. Территория была абсолютно дикой, на ней существовали только стоянки тобольских купцов, организованные в 1920 г. отделением Тобольской конторы Госторга в Тазовской тундре. Работа экспедиции планировалась до 10 сентября, но в дальнейшем была продлена. Е. Н. Зальмунина вместе с другими участниками экспедиции осталась зимовать в сезоне 1920–1921 гг. в устье Таза. Вместе с другими участниками экспедиции, занимавшимися метеорологическими наблюдениями, она исследовала рыбный и охотничий промыслы, быт и язык ненцев-юраков, собирала экспонаты для музея. Завершив цикл зимних наблюдений, с приближением весны участники экспедиции совершили переход на оленях на Енисей, доставив экспедиционное имущество, коллекции и материалы метеомониторинга. Участники

экспедиции в сложнейших условиях Севера совершили переход из низовий Оби до устья Таза на оленях, доставив экспедиционный груз и оборудование на нартах. Тазовская губа, куда они сумели добраться, представляла собой часть огромнейшей Обской губы Карского моря. Территория бассейнов Таза и Пура, населенная ненцами, входила в Тазовский участок Туруханского края Енисейской губернии.

После экспедиции в Тазовскую губу в жизни Е. Н. Зальмуниной произошло важное событие – она вышла замуж за Сергея Ивановича Орлова (1889–1937) и взяла его фамилию. Он окончил Петербургский университет и прошел обучение в Петербургском археологическом институте, получив дипломы биолога и этнографа. Был прекрасным охотником, освоил таксидермию, умел мастерски изготавливать коллекционные тушки и чучела птиц и зверей. В Ново-Николаевске с 1920 г. Орлов был назначен инструктором зоологической части музейной секции подотдела искусств отдела народного образования. На протяжении 12 лет он состоял консультантом в отделе туземной этнографии Новосибирского музея, пополняя его редчайшими экспонатами из экспедиций. Имя ученого занимает почетное место в списке первых научных сотрудников музея: В. Н. Троицкого, И. М. Сулова, О. Н. Зверевой, Е. Н. Орловой [1. С. 491–492].

В Ново-Николаевске еще 3 августа 1920 г. произошло открытие Новониколаевского центрального музея. К 1925 г. с переходом музея в ведение Общества изучения производительных сил Сибири он стал называться «Музеем производительных сил Сибирского края». Это обуславливало его разнообразную и активную экспедиционную деятельность. Музей состоял из отделов геологии, зоологии, ботаники, этнологии с подотделами археологии и этнографии. С 1922 по 1931 г. директором музея был М. А. Кравков, который особое внимание уделял формированию этнографической коллекции. Именно в этот период Н. Н. Нагорской, Е. Н. Орловой, С. И. Орловым, А. А. Шнайдером, И. М. Суловым в экспедиционных поездках был собран богатый коллекционный материал.

С 1922 г. Е. Н. Орлова года начала работать научным сотрудником, а затем заведующим этнографическим отделом в Новосибирском краеведческом музее, с которым была связана вся ее последующая жизнь. Уже из первой экспедиции на Тазовскую губу в 1920–1922 гг. она привезла в Новосибирский музей хорошую коллекцию предметов, относящихся к ненецкой культуре. В частности, в этнографических отчетах значилось 82 предмета: зимняя одежда сокуй, зимняя обувь, зимняя женская шуба, шапка, летняя обувь тангады, рукавицы, сумки, очки, олений мех. Итогом ее экспедиции с Институтом исследования Сибири стала публикация в журнале «Сибирские огни» очерка «Особенная жизнь: заполярный быт 1920–1921 годов» [6].

Е. Н. Орлова была участницей экспедиций по Нарымскому и Туруханскому краю, на Алтай и в Хакасию. По результатам своих экспедиционных исследований она публиковала отчеты – книги [7]. Последующие экспедиции были уже от Новосибирского музея: в 1924 г. – в Колывань и деревню Чаус; в 1925 г. – в Нарымский край (Васюганье) совместно с обществом Красного Креста; в 1926 г. – в Хакасию совместно с Обществом изучения Сибири; в 1926 г. – в Нарымский край (реки Томь и Кеть, Обь) совместно с Переселенческим управлением, Рыбхозстанцией, Обществом изучения Сибири; в 1926 г. – на Алтай (долина реки Чулымшан) совместно с Обществом изучения Сибири.

После экспедиции в 1926 г. в Нарымский край, куда она ездила совместно с С. И. Орловым, оба начали активно заниматься подготовкой Первого сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Он состоялся 15–21 декабря 1926 г. в Новосибирске и принял решение о создании «Общества изучения Сибири и ее производительных сил». Это объединило сибирских ученых в единую структуру и позволило начать научно-исследовательскую работу.

По результатам экспедиционных поездок Е. Н. Орловой к 1928 г. было опубликовано два научных этнографических отчета [2]. К печати были подготовлены «Программа изучения крестьянского быта сибирского селения», «Село Кетское» и «Предварительный отчет о поездке в Хакасию» [3]. Позже были готовы материалы по поездке на Алтай и составлен подробный отчет «К вопросу об оседлости чулымшанских теленгитов (по материалам Алтайской экспедиции общества 1928 г.)» [3].

Результатом экспедиционной работы Е. Н. Орловой в 1920–1930-е гг. стало формирование в Новосибирском музее бесценной коллекции предметов культуры ненцев, тофаларов, долган, селькупов, эвенков. Было привезено более 200 предметов, составлено подробное описание экспедиционных поездок, которые еще до конца не проанализированы и не изучены.

Источники и литература

1. Березовиков Н. Н. Сергей Иванович Орлов (1889–1937) – сибирский зоолог, охотовед и этнограф // Русский орнитологический журнал. – 2018. – Т. 27, экспресс-выпуск 1562. – С 491–504.
2. ГАНО. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 201.
3. Там же. Ф. Р. 217. Оп. 1. Д. 207.
4. Журналы заседания совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 264 с.
5. Кочурина С. А. Из истории Новониколаевского учительского института (1917–1920 гг.) // Актуальные вопросы наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2011. – 360 с.

6. Орлова Е. Н. Особенная жизнь: заполярный быт 1920–1921 гг. // Сибирские огни. – 1925. – № 2. – С. 223–253.

7. Орлова Е. Н. Население по р. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт // Работа научно-промысловой экспедиции по изучению реки Оби и ее бассейна. Т. I. Вып. 4. – Красноярск, 1928. – 65 с.

Оплаканская Р. В.

«ВСЕ НА ФРОНТ ТРУДА ДЛЯ ОТРАЖЕНИЯ ПАНОВ!»

(советский опыт пропаганды и мобилизации населения в период Гражданской войны)

Аннотация. Рассматривается практика большевиков по организации идеолого-пропагандистской кампании в период Советско-польской войны 1920 г. Цель кампании – проведение трудовой и военной мобилизации и получение дополнительных финансовых ресурсов в условиях нарастающего недовольства населения Советской России курсом правительства.

Ключевые слова: Гражданская война, советско-польская война, идеолого-пропагандистская кампания.

К началу 1920 г. правительство большевиков одержало ряд существенных побед. Серьезное поражение потерпело белое движение. В январе 1920 г. страны Антанты приняли решение о прекращении блокады Советской России, что было явным внешнеполитическим успехом. Начавшаяся весной 1920 г. Советско-польская война рассматривалась правительством большевиков как возможность продвижения революции в страны Восточной Европы. Между тем население страны, на территории которой продолжалась Гражданская война, испытывало серьезные перегрузки. Нарастал социальный кризис. Крестьянство стало выражать протесты в связи с продовольственной разверсткой. Все большее недовольство вызывала у населения принудительная трудовая мобилизация. Правительство большевиков, применявшее методы террора и принуждения в период острого противостояния белым армиям, осознавало, что невозможно использовать этот ресурс бесконечно. Требовалось выработать более гибкую тактику воздействия на население для оказания необходимого влияния, которая сочетала бы принуждение и террор с методами «мягкой силы» – убеждением, пропагандой политических идеалов и ценностей. У большевиков был успешный опыт антиправительственной пропаганды и агитации среди контингента царской армии на фронтах Первой мировой войны и граждан-

ского населения. Однако к 1920 г. ситуация изменилась. Большевики находились у власти, и на них лежала ответственность за тяжелое социально-экономическое положение в стране. На исходе Гражданской войны вспыхнул новый, теперь уже международный вооруженный конфликт между Польшей и Советской Россией. Предстояла очередная военная мобилизация на советско-польский фронт. И если интересы жителей европейской части России, особенно в прифронтовых территориях, Советско-польская война затрагивала непосредственным образом, то чем дальше на восток страны, тем менее понятной была эта война уставшему от потрясений последних лет населению. Правительству предстояло найти новые способы воздействия на общественное мнение, чтобы оправдать войну с соседним государством, провести военную мобилизацию и получить моральную и финансовую поддержку со стороны трудящегося населения Советской России. В этот период проявляется мастерство политической мобилизации граждан посредством продуманной пропаганды и агитации, которые в последующие десятилетия советская власть неоднократно использовала для формирования общественного мнения и демонстрации миру поддержки режима населением страны.

Весной – осенью 1920 г. в стране развернулась антипольская идейно-пропагандистская

кампания. Сильным орудием стала ангажированная пресса. В периодической печати излагалась информация о военных действиях, давались однозначные оценки международной ситуации и действий противника. Риторика носила идеологизированный характер, а форма преподнесения материала отличалась эмоциональностью и образностью. Формировался негативный образ «буржуазно-помещичьей» Польши, суверенитет которой восстановился лишь в конце 1918 г. Авторы статей и воззваний к «рабочим и трудовым крестьянам» апеллировали к историческому прошлому, когда в составе Речи Посполитой находились территории современной Украины и Белоруссии. В сентябре 1920 г. газета «Известия» писала: «...нет, пожалуй, врага более мстительного, более коварного и более жестокого, чем польское дворянство. Мы видели: они уже сжигали целые города, превращали тысячи людей в обуглившиеся трупы, села и деревни сравнивали с землей [...], превращали уезды в пустыню, наполненную трупным смрадом» [1]. Противника называли не иначе как «зарвавшиеся паны» и «польская шляхта», подчеркивая классовый, непримиримый характер конфликта. Ответственность за войну возлагалась на польское правительство («польская шляхта подняла кровожадную голову на Советскую Украину», «польские паны хотят задушить рабоче-крестьянскую Россию»), исключалась возможность мирного разрешения конфликта [2. Л. 1–6]. Продвигалась идея, что для Советской России война является инструментом принуждения агрессивного соседа к миру («...не сегодня, так завтра мы сможем завоевать мир с Польшей, которая не хочет мира...») [1]. Однако возможности печатной продукции были ограничены. Информационные сообщения должны были не только дойти до максимального числа граждан, но быть осмыслены ими должным образом.

В период военной кампании в арсенале советской власти появился весьма эффективный метод информационного воздействия на общественное сознание через небольшие социальные группы: семью, трудовые коллективы, профсоюзы и иные общественные объедине-

ния. В воззвании «На фронт!», адресованном работницам петроградских предприятий, говорилось о необходимости «сообщить всем своим домашним» и всем, с кем приходится вместе работать, об угрозе со стороны «буржуазной» Польши. И далее: «Все на фронт – брось клич, работница. Все на фронт труда для отражения панов – таков должен быть лозунг у всех работниц» [2. Л. 1].

Информирование советских граждан о текущей политической ситуации осуществлялось в форме докладов о международном положении, в которых давалась марксистско-ленинская интерпретация событий. Такие доклады стали обязательными во время специально организованных мероприятий, будь то местные съезды рабочих и крестьян или собрания профсоюзных деятелей и трудовых коллективов на предприятиях и в советских учреждениях. Так, в июне 1920 г. в Иркутской губернии проходил съезд беспартийных рабочих и крестьян Черемховского уезда. Перед делегатами съезда с докладом «О международном положении и обороне Советской России» выступал представитель Губернского парткома и Губревкоматов. Чудинов. Суть его выступления выражалась в следующих тезисах: основной задачей молодой Советской республики является развитие разрушенной экономики и поддержание мира, чему препятствует буржуазно-помещичья Польша; цель государства-соседа заключается в том, чтобы «задушить рабоче-крестьянскую Россию», захватить ряд губерний с коренным русским населением, получить «громдную контрибуцию» и восстановить внутри страны «власть царских палачей». Во время его выступления и последовавшего обсуждения доклада использовалась жесткая риторика – «наглое и грабительское нападение панской Польши», «натиск зарвавшихся панов», «долгой панскую Польшу и всех международных разбойников!». Между тем прения выявили несовпадение настроений части беспартийных делегатов съезда с официальным курсом правительства большевиков. Чудинов сообщал в Сиббюро ЦК РКП(б), что среди крестьян Черемховского уезда ведется явная «черносотенная пропаганда», о чем свидетельствовали реплики из зала:

«У власти жида!»), «Нужно отправить жидов на западный фронт воевать, против жидов же, потому что в Польше одни жида!» и пр. После того как рабочие и крестьянские делегаты дали выход эмоциям, была принята резолюция съезда, которая выражала полную поддержку действий советского правительства и необходимости защищаться от «зарвавшихся панов» [3. Л. 273–274 об.].

Чтобы поднять патриотический настрой и стимулировать мероприятия по мобилизации граждан на западный фронт, руководителями советской власти разыгрывалась карта сложных межнациональных отношений, которые обострились в период Первой мировой и Гражданской войны в Галиции. В июле 1920 г. в штабе Главнокомандующего вооруженными силами России по Сибири было принято решение о формировании в Омске полка «из галицких уроженцев, находящихся в Сибири», а также «из военнопленных, галичан по происхождению». Предполагалось произвести формирование полка по сокращенному штату («без минометной, газовой, батальонных, пулеметных команд») численностью 2908 человек в Омске, куда предписывалось направлять военнопленных галичан, состоявших на службе в частях военного округа [3. Л. 358, 402.]. В агитации «добровольцев» принимали участие партийные организации, в том числе «галицкая секция». Агитация проводилась на украинском языке. В воззвании Галицийского краевого бюро при Сиббюро РКП(б) говорилось: «Настал час вызволения! Советские Украина и Россия нам помогут. Красная армия разбивает полки панской Польши! Год назад Галицийская армия вынуждена была оставить территорию под напором Польши, но теперь снова собирает силы. Не бойся смерти! Замерзнуть можно и в холодных лагерях далекой Сибири! Умереть можно и за печкой дома...» [11. Л. 5]. Судьба полка остается неизвестной. Его образование началось незадолго до завершения Советско-польской войны. Возможно, что полк так и не был сформирован.

Пропагандистская кампания против «буржуазно-помещичьей Польши» имела целью

не только заручиться моральной поддержкой населения, но и получить финансовую помощь на военные нужды. Воззвания (и иные виды агитационной продукции) призывали трудящихся «приналечь», «сдвинуть с мертвой точки наше хозяйство» и пр. В одном из таких говорилось, что все рабочие должны «сильнее приударить молотом, сильнее вздуть меха, изыскать пламенем горны, чтобы оживить паровозы, чтобы задвигались они по артериям железных дорог, и бросить красных борцов на зарвавшихся польских панов» [2. С. 1]. Нет сомнения в том, что «удвоенная энергия» трудящихся, на которую рассчитывало правительство большевиков, была безвозмездной.

Появилась практика «добровольных» отчислений от заработной платы советских граждан в пользу воюющей РККА и семей красноармейцев. Обычно такие «коллективные решения» принимались на собраниях в советских учреждениях и на предприятиях. Так, в августе 1920 г. на заседании «коммунистов и сочувствующих» представительства ВЧК в Сибревкоме после заслушанного доклада о международном положении было принято решение об отчислении четвертой части месячного заработка «в пользу героической Красной армии, борющейся на западном фронте за торжество всемирной революции и осуществление идеалов III Интернационала» [3. Л. 4].

Несмотря на то, что война с Польшей была проиграна, «партия власти» обогатила свой опыт применения «мягких» инструментов воздействия на общественное сознание. Апробированные в период антипольской кампании методы применялись в дальнейшем и стали эффективным инструментом управления обществом. На примере идеолого-пропагандистской кампании 1920 г. просматривается определенная схема действий, которая усовершенствовалась в течение последующего десятилетия. Вначале власть через прессу и иные виды печатной продукции посылает сигналы обществу о появлении серьезной угрозы завоеваниям рабоче-крестьянской советской власти со стороны «классового врага», после чего следует организованная общественная реакция в виде собраний, митингов и пр. Обращает на себя внимание такой метод формирования общественного

мнения, как воздействие на небольшие социальные сообщества – гендерные (работницы и крестьянки), этнические («галицкие уроженцы»), профессиональные (трудовые коллективы) и даже семью («сообщить всем своим домашним»). Такое адресное воздействие многократно повышало эффективность пропаганды и агитации.

Намеченные в годы Гражданской войны контуры пропагандистской деятельности советской власти обрели свою завершенность к концу 1920-х гг. Выработанный механизм продемонстрировал свою эффективность в ходе злобных кампаний сталинского режима [4].

Источники и литература

1. Известия Тюменско-Тобольского губернского комитета РКП(б) и губернского исполнительного комитета р.-к. и с. депутатов. 1920. № 222 // Научная библиотека Минусинского краевед. музея им. Н. М. Мартынова.
2. Листовки-воззвания к работницам и газета «Путь работницы и крестьянки» № 2 от 8 марта 1920 г. // Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 968.
3. Телеграммы, командировочные удостоверения, докладные, рапорты, сводки и др. переписка Сиббюро ЦК ВКП(б) с Новосибирским штабом 5-й армии, Политуправлением Сибсектора войск внутренней охраны, комендантами станций, комиссариатом Сибирского военного округа и др. военными организациями. Доклады и программы съезда работников по агентурной разведке и др. Декабрь 1919 – декабрь 1920 г. // Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 1.
4. Культурно-идеологические кампании // «Историческая энциклопедия Сибири». – 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/kulturno_ideologicheskie_kampanii_istoricheskaya_encyklopediya_sibiri_2009.

УДК 9 (908)

Федоров Я. И.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ ПО ДНЕВНИКАМ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

Аннотация. В статье раскрывается вклад научных исследований Д. Г. Мессершмидта в изучение традиций и обычаев коренных народов Приенисейской Сибири в первой четверти XVIII в.

Ключевые слова: академические экспедиции в Сибирь, денг-остяк, дневник Д. Г. Мессершмидта, Приенисейская Сибирь, тунгус-оротонг, тунгус-хундысал, чулымские татары.

Путевой дневник Даниеля Готлиба Мессершмидта является главным источником для определения этнического состава коренных жителей Приенисейской Сибири первой четверти XVIII в. В ноябре 1718 г. по указу Петра I Мессершмидт отправляет в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей...» [4. Л. 2]. После необходимых приготовлений в марте 1719 г. Мессершмидт выехал из Петербурга, начав свое восьмилетнее беспримерное путешествие. Это была первая научная экспедиция в Сибирь. На территории Приенисейской Сибири Мессершмидт работал в общей сложности чуть более двух лет.

Вернувшись в Петербург, Д. Г. Мессершмидт умер в нищете и забвении 25 марта 1735 г. Его рукописи, хранящиеся в архиве Петербургской Академии наук, активно использовались последующими исследователями Сибири, но никогда не публиковались. Имя Мессершмидта было предано забвению [11. С. 106]. Только в 1962–1977 гг. дневники ученого были изданы Берлинской Академией наук в пяти томах на немецком языке. Сведения о Приенисейском крае, в том числе о его жителях, находятся в первом, втором и четвертом томах берлинского издания. Фрагментарно эти дневники были переведены на русский язык и изданы под редакцией Г. Ф. Быкони и Е. А. Ким [2; 3].

Переходя к теме нашего сообщения, отметим, что Д. Г. Мессершмидт относился к коренным народам, населявшим наш край, с явной симпатией.

16 июля 1723 г. Тунгус-оротонг.
Рисунок из дневника Д. Г. Мессершмидта

Рассмотрим вначале сведения о коренных жителях северных районов.

Возле устья Сухой Тунгуски Мессершмидт встретил поселения остяков (современные кеты). По их языку он верно определил их

этническую принадлежность к финской языковой семье. Причем ученый разобрался, что они не являются родственным народом обским осякам (селькупам). Сами енисейские остяки называли себя денг-осяками [7. С. 64–67].

На Нижней Тунгуске Мессершмидт познакомился с тунгусами (совр. эвенки). По языку он сразу отделил их от народов Западной и Южной Сибири, а также от бурят и монголов, и выделил две группы: северных тунгусов (самоназвание «оротонг» или «орочонг», т. е. «оленные») с шипящим диалектом и «хундысал» (буквально «хозяева собак»), разговаривающих на свистящем диалекте [7. С. 95].

Основным занятием и енисейских остяков, и тунгусов являлся рыбный и охотничий промысел. Но у остяков главенствующим все же был рыбный. Кроме того, остяки славились своими изделиями из рыбьих и оленьих кож. Мессершмидт описывает купленные им у остяков вещи: подушку из белой выдубленной налимьей кожи с изящным красочным орнаментом, сапоги из вывернутой оленьей кожи, обрамленные светлым соболем и украшенные орнаментом, шубу из вывернутой оленьей кожи с отделкой из белой и красной замши, мешочек для огнива, корзину из бересты и т. д. [7. С. 66–67; 8. С. 281].

Тунгусы, как северные, так и южные, были по большей части охотниками, хотя занимались и рыбной ловлей. Из домашних животных, кроме оленей и собак, не держали никого. У южных преобладали собаки, у северных олени. Чтобы олени не разбегались, вместо пут тунгусы подвязывали к шее животных чаты («башмак»). Интересен описанный Мессершмидтом способ привлечения охотниками лосей и оленей: они выжигали леса, чтобы на выжженных местах ускорить рост трав и молодой поросли, любимой этими животными.

Обращает на себя внимание отсутствие половых и возрастных различий как в costume, так и во внешнем убранстве тунгусов-оротонг. Волосы у всех были обвязаны ремешком в верхней части затылка. Летним костюмом служил не сходящийся на груди распашной

кафтан, короткий спереди и оканчивающийся мысом сзади; к шее в виде узкой полосы был подвешен нагрудник; опушка по краям была из белого и окрашенного красным меха козули, и между ее фрагментами в женских кафтанах были пришиты разные изображения и колокольчики (только этим кафтаны и отличались от мужских); замшевые натазники с бахромой до половины бедра были пришиты спереди; ноговицы ремешками привязывали к натазникам, имелась обувь летняя и зимняя [10. С. 88]. Кроме того, мужчины наносили на лицо татуировки. У этих же тунгусов ученый купил металлические изображения человека, которые подвешивали к нагрудной части одежды. Интересно, что аналогичные изображения, но только из кости, были найдены на грудной клетке человека в энеолитическом могильнике на Ангаре у устья р. Уды [1. С. 118]. Тунгусы-хундысал, живущие в верховьях Нижней Тунгуски, не имели татуировки на лице, поверх натазников с бахромой в виде передничка носили меховой нагрудник, шею обвязывали платком, который, как и оротонг, называли вачи, а на кафтаны нашивали карманы [7. С. 139].

Но особенно понравились Мессершмидту челноки тунгусов, изготавливаемые из коры березы. Эти челноки, вмещавшие 2–3 человека, были так легки, что их можно было без всякого труда переносить на спине с одного места на другое, но при этом на них можно было легко преодолевать такие пороги и перекаты, через которые никак нельзя было пройти на обычных лодках [7. С. 89].

Перейдем к сведениям о коренных жителях, населявших центральные районы края.

В июне 1722 г. Д. Г. Мессершмидт по Кемчугу и Чулыму совершил путешествие из Красноярска в Ачинский острог. По дороге в своем путевом журнале он сделал несколько зарисовок о хозяйственном укладе и быте чулымских татар.

Поселения чулымских татар Д. Г. Мессершмидт традиционно называет юртами (Баяльские, Бирилосские, Табейские), но при этом по возможности приводит и самоназвания:

Аль-улус, Саускан-улус, Тейчко-улус и т. д. Большая часть поселений состояла из трех-четырёх юрт, и лишь в двух случаях – из восьми юрт. Впрочем, чулымские татары в одном месте даже жили бок о бок с русскими, как, например, в русской деревне Усть-Кемчуг [6. S. 228–233]. Вообще, русское влияние на жизнь чулымцев уже являлось ощутимым. Так, все жители юрт были крещены в православную веру ачинским священником, хотя детей продолжали хоронить по своим традиционным обрядам, заворачивая в бересту и прикрепляя этот сверток к березовым стволам [6. S. 234]. Во многих поселениях рядом с традиционными юртами находились деревянные дома, амбары и сараи.

Основным промыслом чулымских татар Д. Г. Мессершмидт называет рыбную ловлю. Наиболее значимыми для лова были такие породы рыб, как щука, карась и окунь. Уровень жизни коренного населения был крайне низким: Мессершмидт почти в каждом селении отмечает, что люди живут очень бедно. Поэтому немаловажным являлось собирательство таежных даров, в том числе саранки, которую татары употребляли в пищу как в сыром виде, так и при приготовлении мясных бульонов [6. S. 227].

С товарно-денежными отношениями местные жители были незнакомы, поэтому когда Мессершмидт предложил рассчитаться за продукты деньгами, чулымские татары из Усть-Кемчуга отказались, но попросили взамен продуктов деревянные плоты, на которых приплыла экспедиция. Мессершмидт подивился простодушию чулымцев, ведь плоты он так и так оставил бы им [6. S. 233]. Впрочем, хлебосольство и гостеприимство местных жителей ждали Мессершмидта на протяжении всего пути по Кемчугу и Чулыму: везде его угощали свежей рыбой, помогали лучше обустроить бивак. Вечерами у костра Мессершмидт расспрашивал местных жителей о водных путях, таежных дорогах и был поражен обширными географическими познаниями чулымцев и их любознательностью [6. S. 238].

Южнее Ачинского острога, вверх по течению Чулыма, селения татар сильно отличались от селений северных соседей – они имели более высокий уровень жизни. Здесь главным направлением хозяйственной деятельности являлось скотоводство. Так, в Сус-Урюпинских юртах у Улагаша, местного старшины, которого татары величали яс-саулом, было более 6000 лошадей. А его жена встречала гостей в сиреневом сарафане из настоящего китайского шелка. Главным напитком для угощения была арака, хмельной напиток из кобыльего молока [6. S. 248].

Вечером в честь приезда высоких гостей после обильного ужина был дан своеобразный концерт на струнных инструментах, называемых дзайтанами. Дзайтан отдаленно напоминал гитару, но был около метра в длину и имел шесть настроивающихся латунных струн. Ударяя по ним с разной силой, местный музыкант выводил довольно-таки приятную мелодию, а потом, аккомпанируя себе на дзайтане, исполнил героический гимн [6. S. 250].

Расставаясь, Улагаш подарил немецкому ученому шубу из чернобурки, а в ответ Мессершмидт преподнес ему полкилограмма настоящего табака, который татары очень любили [6. S. 251].

Наиболее многочисленными по объему и разнообразными по содержанию являются сведения о коренных жителях южных районов края.

Все коренное население южных районов региона для царского правительства было единым сословием ясачных, то есть облагалось ясаком, распределявшимся по душам мужского пола. В юридически-правовом отношении жители юга края уравнивались перед законом Российской империи. Местным центром управления «ясачных инородцев» был Абаканский острог, где жил управитель и находилось судебное учреждение. Управитель ведал всеми гражданскими и уголовными делами подведомственного коренного населения. В Саянском остроге жил приказчик, подчиненный Абаканской управительной конторе. Он занимался только гражданскими делами подве-

домственного коренного населения. Уголовные дела поступали на рассмотрение в Абаканскую контору. Этнически население Мессершмидт объединяет под одним названием «татары», при этом разделяя их на качинских и киштымских. По месту обитания он подразделяет этот народ на улусы или юрты, отмечая при этом, что во главе их стоят старшины или яс-саулы, которым остальные татары беспрекословно подчиняются.

В экономическом отношении Мессершмидт выделял два основных района: степной скотоводческо-конеvodческий центр с преобладанием отгонной формы табунного скотоводства и подтаежные охотопромысловые и скотоводческо-земледельческие окраины. Интересно упоминание о том, как представители разных родов (сеоков) с Усть-Кии в зимний период объединялись в своеобразные промысловые артели для охоты на косуль и диких коз, а весной разъезжались по своим волостям [6. S. 156]. Что касается охотничьих приемов, то они были весьма разнообразны. Например, на Абакане речных выдр ловили двумя способами: либо с помощью деревянных ловушек с железными крючками, которые ставились в прорубях, либо с помощью собак – они хватили выдр, перебегающих от одной проруби к другой [6. S. 171]. А возле Божьего озера татары для охоты на гагар использовали искусно выделанное чучело гагары, которое охотник надевал на голову и беспрепятственно подплывал к самой стае птиц [6. S. 271].

Мессершмидт отмечает качинских татар и как хороших ремесленников. Так, жители

Квирикской волости в долине Кии изготавливали прекрасную керамическую посуду, а глиняные сковороды, на которых готовился курмач, накалялись докрасна на огне, но не трескались [6. S. 154]. Кроме того, качинцы, в отличие от своих северных соседей, специализировались и на торговле. Купцы на верблюдах совершали свои вояжи за товарами даже за Саянский камень, в страну сойотов. Один верблюд мог нести на себе до 15 пудов различных товаров [6. S. 176].

По религиозным воззрениям представители местного населения были шаманистами, хотя Мессершмидту встречались и крещеные татары. Но принятие христианства татарами он объяснял экономическими причинами, так как новокрещеные, по указу Петра I от 1 сентября 1720 г., освобождались от ясака на три года [6. S. 270].

Основным жилищем качинских татар являлась юрта полусферической формы. С внешней стороны юрты покрывали кусками вываренной бересты, и потому их бока светились на солнце ослепительной белизной. Внутри юрты были очень просторными. Посередине находилась яма, обложенная каменными плитами, для разведения огня. Вверху, над очагом, располагалось отверстие, куда выходил дым. Из-за сферической формы, в отсутствие углов, юрты быстро прогревались и были относительно теплыми [6. S. 159].

Таким образом, описывая коренные народы Приенисейской Сибири, Д. Г. Мессершмидт весьма положительно оценил их человеческие качества.

Источники и литература

- 1 Василевич Г. М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. – 1969. – Вып. 2. – № 6. – С. 116–123.
- 2 История Красноярска. Документы и материалы XVII – первой половины XIX в. Изд. 2-е, дополненное и переработанное / сост. и автор комментариев Г. Ф. Быконя. – Красноярск: Офсет, 2000. – 847 с.
- 3 Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721–1722. – Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. – 160 с.
- 4 ПФА РАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 32.

5. Федоров И. Г. Вклад немецких исследователей в научное освоение Приенисейского края в первой половине XVIII в. // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края: матер. науч.-практ. конф. – Красноярск: Кларетианум, 2004. – С. 102–112.

6. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 1. Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722. – Berlin, 1962. – 379 S.: 10 Ab.

7. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 2. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. – Berlin, 1964. – 271 S.: 22 Ab.

8. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 4. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725 – November 1725. – Berlin, 1968. – 283 S.: 12 Ab.

УДК392

Шестакова К. И.

ДОКУМЕНТЫ ФОНДА А. В. ГУРЕВИЧА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БЫТА И ИСТОРИИ НАРОДОВ СИБИРИ (по документам КГКУ «ГАНК»)

Аннотация. В статье на основании архивных документов из личного фонда А. В. Гуревича раскрываются особенности изучения народов Сибири посредством исследования народного творчества. Мифы, легенды, предания, бытовые рассказы, сказки, поколениями передающиеся из уст в уста, являются не только культурным наследием народа, но и источником знаний о нем.

Ключевые слова: коренные этносы Сибири, фольклор, краеведение.

Возросший интерес широкой аудитории к культуре и традициям коренных народов Сибири обязывает ученых-краеведов к глубокому и вдумчивому изучению данной темы. Однако исследователи зачастую испытывают сложности из-за недостатка исторического материала для научных изысканий. Выходом из сложившейся ситуации может стать использование произведений фольклора и тех творческих материалов, которые этнографы, краеведы и фольклористы бережно собирают в экспедициях.

«Я не называю, – писал Максим Горький, – художественной литературе задач «краеведения»,

этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она – история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко она охватила действительность свою, этот вопрос может быть поставлен» [10. Л. 7]. Народный фольклор как несомненная часть литературы является не только огромным пластом культуры, привлекающим интерес общества, но и правдивым, а иногда еще и единственным источником для изучения быта и истории целых народов.

В современном мире сохранение, изучение традиций и быта различных этносов является

Гуревич записывает сказы эвена. 1939 г., г. Иркутск

одной из основных задач, стоящих перед исследователями. В наши дни интерес мировой общественности к культуре народов Сибири, обычаям древности вырос. Популярными стали фольклорные фестивали и праздники. Тем важнее отличить произведения и другие объекты традиционной культуры от современной эклектики.

Источником для изучения быта народов Сибири может стать фонд, который находится на хранении в КГКУ «Государственный архив Красноярского края», – это личный фонд Александра Вениаминовича Гуревича, красноярского краеведа, фольклориста, писателя, педагога.

В этом фонде собраны документы, рассказывающие о жизни, литературной и общественной деятельности краеведа; творческие материалы (очерки, статьи, частушки, сказки Баргузинского края); материалы по истории Красноярского края; рукопись книги «Бурса в Сибири»; документы о хакасских хайджи и ныхмахчи (историко-географический обзор 1700–1950 гг.); монография «Хакасские хайджи» (страницы из истории хакасской народной поэзии); материалы по истории фольклористики; документы по истории просвещения евреев; фольклорные тексты Восточной Сибири; легенды, сказки и песни Бурятии; восточно-сибирские частушки, загадки, считалки; поговорки, пословицы, игровые песни, былины, описание старинного свадебного обряда; сказы о Ермаке и Степане Разине; сибирские устные рассказы и легенды и многое другое.

Вся жизнь Александра Вениаминовича была посвящена изучению быта, традиций, устных сказаний и преданий, обрядов и песен сибирских народов. Родился он в феврале 1905 г. в селе Горяченском Баргузинского района Иркутской области. В 1929 г. окончил литературное отделение факультета Иркутского государственного университета и с тех пор целиком посвятил себя литературной деятельности.

В 1928 г. в трудах Иркутского государственного университета была опубликована литературно-исследовательская работа Александра Гуревича, тогда еще студента, «Сказки Баргузинского края». За 25 лет литературной де-

ятельности А. В. Гуревич опубликовал свыше 150 статей и несколько сборников по вопросам фольклора и литературного краеведения, познакомил читателей с творчеством народных сказителей, народов Сибири. Его работы издавались в Москве, Красноярске, Новосибирске, Иркутске, Улан-Удэ.

Александр Гуревич, собиратель, исследователь и популяризатор, известен своими записями русского фольклора и устных произведений народов Сибири, исследовательскими работами. Он оказал помощь ряду народных сказителей, имевшую принципиальное значение. Многие из его записей и работ нашли отражение в учебниках и хрестоматиях по фольклору для школ и вузов страны.

А. В. Гуревич много внимания и сил отдавал литературному краеведению, установил взаимосвязь великих русских писателей с сибирскими авторами, влияние первых на литературную и общественную жизнь Сибири. Высокую оценку получила книга Гуревича «Пушкин и Сибирь», вышедшая в 1952 г., рукопись которой также хранится в фонде КГКУ «ГАКК».

Исследования ученого представляют ценность благодаря скрупулезному описанию быта, образа жизни, характеров носителей фольклора. Более того, Александр Вениаминович одним из первых начал изучать наряду с этническим творчеством психологию, историю, культуру самих сказителей. Информацию об этом можно найти в фонде в его очерках о сказителях Восточной Сибири.

Особое внимание он уделял обработке и переводу материалов народного творчества. Собиратель народного творчества понимал, что именно из-за недостаточного изучения быта народа фольклористы и краеведы допускают неправильное толкование и перевод текстов. В своих заметках для начинающих краеведов-фольклористов Гуревич писал: «...краевед – это непосредственный представитель науки из самых глубинных мест. Он всегда может и должен вырасти из собирателя фактов в исследователя их, в человека, умеющего их обобщить, объяснить» [9. Л. 11].

Некоторые рассказы он записывал транскрипцией, пользуясь русским алфавитом, чтобы передать звучание родного языка сказителя. На своих лекциях он уделял особое внимание важности изучения народа, сказки которого записывает исследователь: «...на материале собранных фольклорных фактов надо показать кружковцам, как при соответствующей литературной обработке они могут быть широко использованы как прекрасный первоисточник при ознакомлении с жизнью данной местности, с тем, как она отображена в художественном народно-поэтическом слове» [9. Л. 86]. Ученики и последователи Александра Вениаминовича стремились разрушить своими трудами невежественное представление о народах Сибири, внести в науку нужные знания о них на основе своих наблюдений в области истории, этнографии, археологии, фольклора. «... Если мы найдем к ним ключ, то можем даже определить место, где жили богатыри, куда они путешествовали, с кем и где воевали. Тогда, может быть, будем в состоянии пополнить наши познания об Азиатской России и прежних ее обитателях, потому что, хотя в этих поэмах много поэтического вымысла, как узоров на ткани, но разберете ткань, и вы увидите ее основу, отделите вымысел, и вы найдете в рассказах историческую истину» [8. Л. 10].

Не ограничиваясь литературной деятельностью, Александр Вениаминович активно участвовал в общественной жизни края. Он часто встречался с читателями, выступал с лекциями и докладами, консультировал начинающих литераторов.

Большая помощь оказана А. В. Гуревичем Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории в разработке проблем хакасского фольклора.

Итак, какие же сюжеты и историко-бытовые параллели мы можем проследить в собранном А. В. Гуревичем и его сподвижниками этническом творчестве?

Мы знаем, что до населения Сибири русскими здесь жили другие народы, которые первыми ступали по этой земле, плыли по ее

рекам и озерам, распахивали землю, пасли стада, построили здесь первые хижины, давали жизнь последующим поколениям. Сибирские сказки сохранили воспоминания о тех временах, когда первым поселенцам приходилось отвоевывать землю у тайги, расчищать место для пашни. Так, сказка тункинца Г. А. Тугаринова начинается с характерной предыстории: «Вот оне живут-поживают, добро наживают. Дети растут, больши стали. Пашни мало было, отец думал-думал, взял топор, отправился в тайгу. Подглядел себе местечко, приходит домой, детей собрал, пошли шшотку чистить...» [17. Л. 67].

Творчество в древности было тесно связано с деятельностью человека и отражало мифические и исторические представления, а также зачатки научных знаний. Искусство слова было связано и с другими видами самовыражения – музыкой, танцами, декоративным искусством. Фольклор был искусством, органически присущим народному быту. В древнейший период у большинства народов бытовали родовые предания, трудовые и обрядовые песни, мифологические рассказы, заговоры. Решающим событием, проложившим мост между мифологией и собственно фольклором, стало появление сказок, сюжеты которых отражали мечты, мудрость, этические ценности народа.

Повсеместно распространены географические предания. Каждая гора, скала, ущелье-падь, каждая речка, село и заимка имеют свою легенду, свое сказание, вековую историю, обрамленную творческой фантазией. «Так, например, есть интересные легенды о Енисее и Абакане, о красноярских Столбах, о речках Базаихе и Лалетине, о горе Самохвал близ Минусинска, как и о самом Минусинске» [9. Л. 111]. «Здесь многое воспринято от аборигенов Прибайкалья, бурят и эвенков, многое создано первыми завоевателями Сибири, первыми русскими колонистами, поселенцами» [27. Л. 40]. Осваивая край, переселенцы воспринимали географические названия вместе с историей их происхождения, легендами и преданиями аборигенов.

*«О прошлой жизни инородцев Абакана,
О славных прошлых днях
И об удалых богатырях.
Там, где теперь гора Изых,
Сливались прежде две реки:
Одну мы Кемью звали,
Агбан другую величали...»* [8. Л. 44].

Предания сохранили имена и подвиги первооснователей населенных пунктов, как, например, легенды о предках якутов, которых звали Омогон-Баай и Эллэй [21. Л. 1–8], легенды о предках Борогонского улуса [21. Л. 8–9.] и многие другие. Целый цикл легенд во многих местах Прибайкалья связан с именем Чингисхана. Бурятские предания и легенды знают о нем и русские старожилы Сибири [27. Л. 41].

Много горьких строк посвятили частушечники тяжелому периоду организации семьи без желания брачующихся:

*«Девушки, во поле ветер.
Девушки, во поле рожь.
Не така уж наша воля,
Не полюбишь кого хошь»* [27. Л. 64].

Большую роль в жизни Сибири сыграли русские переселенцы, политические ссыльные и каторжные люди. Наиболее грамотные и культурные из них вели просветительскую деятельность среди местного населения. Естественным было в этом процессе и проникновение русских мотивов. Среди песен и легенд хакасов, тувинцев, народов Севера довольно часто можно обнаружить русские сказочные,

песенные сюжеты. В частности, в репертуаре хакасских и тувинских хайджи большой любовью пользуются русские богатыри, многочисленные герои русских сказок [9. Л. 104].

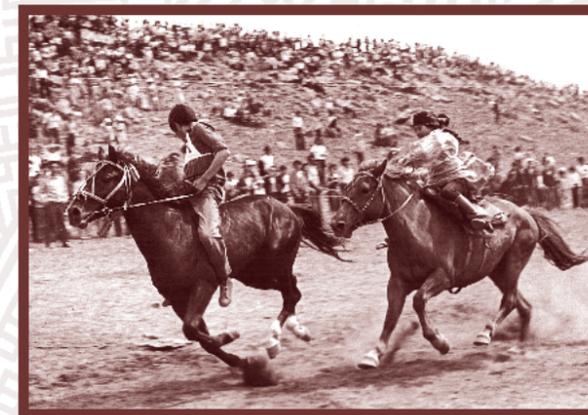
Занимательно, что было и обратное явление. В творчество русского населения Енисейской губернии – Красноярского края проникли художественные элементы, герои и приемы коренных народов Сибири. «Немалое значение имеет здесь изучение влияний хакасской сказки на русскую. Многие русские сказки... вобрали в себя образы хакасских народных сказок... органически вплетая их в русскую сказочную канву... Так, в сказке «Татарин-охотник» видим превращение собаки в женщину. Путешествие во сне за богатствами отца, превращение мальчиков в реки (Казыр, Амыл) и прочее. Все эти мотивы встречаются в хакасских сказаниях. Да и сам Ананий Артемьевич Гордеев говорил, что часть сказок он «перенял от татар»... Скобелин тоже говорил: «Надо на татарскую сторону ехать, там сказок много» [8. Л. 133].

Таким образом, воссоздавая вместе с сюжетами, типами героев, жанрами историю создания произведений, язык, психологию, образ мыслей, повседневный уклад жизни самих сибирских сказителей, мы становимся способны глубже понять фольклорные тексты. А это понимание, в свою очередь, позволяет составить действительно полноценную картину быта и истории целых народов, сделать правильные научно обоснованные выводы, яснее понять землю, на которой мы живем.

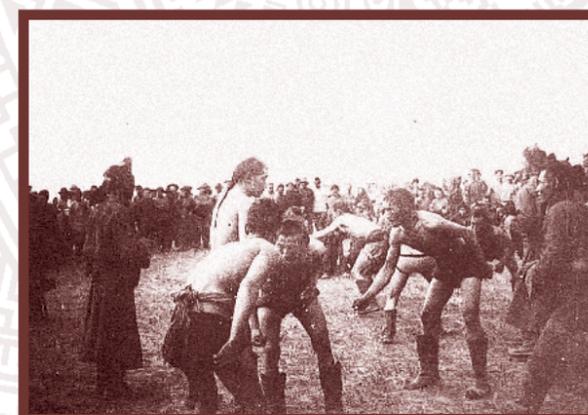
Источники и литература

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАКК. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 9.
3. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 11.
4. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 15.
5. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 16.
6. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 27.
7. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 28.
8. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 33.
9. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 38.

10. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 40.
11. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 44.
12. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 48.
13. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 53.
14. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 57.
15. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 66.
16. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 79.
17. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 88.
18. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 89.
19. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 94.
20. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 99.
21. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 111.
22. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 122.
23. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 142.
24. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 153.
25. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 154.
26. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 166.
27. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 195.
28. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 208.
29. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 223.
30. Там же. Ф. Р-1839. Оп. 1. Д. 237.

Иллюстрации

На подлинномъ написано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако :

Быть по сему

АЛЕКСАНДРЪ.

Петергофъ
22-го Июля
1822.

У С Т А В Ъ
Объ Управленіи Инородцевъ.
Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.
Права Инородцовъ.

Г Л А В А П Е Р В А Я.

Раздѣленіе.

§ 1. Всѣ обитающіе въ Сибири *Инородные* племена, именуемыя по
вынѣ *ясачными*, по различному степеніи Гражданскаго ихъ образованія
и по насоящему образу жизни, раздѣляются на три главные разряда.
Въ первой разрядъ включаются *осѣдлые*, то есть живущіе въ горо-
дахъ и селеніяхъ; *во второй кочевые*, занимающіе опредѣленные мѣста
по временамъ года перемѣняемыя; *въ третій бродячіе* или ловцы, пе-
реходящіе съ одного мѣста на другое по рѣкамъ и урочищамъ.

§ 2. Перваго разряда или осѣдлые Инородцы суть: 1.) *Торговцы*,
какъ-то: подданные Бухарцы и Ташкинцы и гости изъ сихъ народъвъ;
2.) *Земледѣльцы*, а именно: Ташары Бухарминцы, нѣкоторые ясач-
ные Бійскаго и Кузнецкаго края; 3.) Малочисленные роды, обитающіе
смѣшанно съ Россіянами; 4.) Инородцы, издавна *въ работахъ у по-
селянъ живущіе*.

§ 3. Втораго разряда или кочевые Инородцы суть: 1.) *Кочующіе-
земледѣльцы*, какъ-то: Буряшы Хоринскіе, Селенгинскіе, Аларскіе,

г*

1

— 4 —

Кудинскіе и Верхоленскіе; нѣкоторые Качинцы и часть другихъ ясач-
ныхъ Бійскаго и Кузнецкаго вѣдомствъ; 2.) *Южные скотоводцы и
промышленники*, какъ-то: Сагайцы, Бійскіе и Кузнецкіе ясачные; Бу-
ряшы: Тункинскіе, Кишойскіе и Ольхонскіе, Буряшы и Тунгусы Ниж-
неудинскіе; Инородцы Нерчинскіе, Селенгинскіе Тунгусы и пр. 3.) *Се-
вѣрныя скотоводцы и промышленники*, какъ-то: Якуты, Остяки На-
рымскіе, Березовскіе и Обскіе, Вогуличи Пелымскіе, Тунгусы: Енисей-
скіе, Обскіе, Баргузинскіе, Киренскіе и проч.

Примѣчаніе. Къ кочующимъ Инородцамъ причисляются Киргизъ-
Кайсаки, и управляются по особому о нихъ Уставу.

§ 4. Инородцы прешьяго разряда или бродячіе суть: Самоѣды
Обдорскіе, Инородцы Туруханскіе, Карагасы, Низовые Инородцы Якут-
ской Области, то есть Коряки, Юкагиры, Ламушы и проч. Инородцы
Охотскіе, Гижигинскіе и Камчатскіе.

§ 5. Чукчи и Зюнгорскіе двоedanцы, поелику въ образѣ ихъ отно-
шеній къ Россіи различаются отъ всѣхъ прочихъ, составляютъ особій
разрядъ.

§ 6. Инородцы, на градѣ Курильской и Алеупской обитающіе,
равно и прибрежные жители Сѣверной Америки, въ зависимости Рос-
сійской Американской компаніи состоящіе, составляютъ также осо-
бенной разрядъ.

§ 7. По сему общему раздѣленію Инородцевъ, опредѣляются права
ихъ и обязанности; а дабы сіе опредѣленіе имѣло надлежащій степенъ
точности: то постановляется правиломъ при каждой общей переписи,
къ коей обыкновенно и Инородцы изчисляются, наблюдать вышеозна-
ченное раздѣленіе и каждой родъ относить къ тому разряду, къ ко-
му по образу жизни онъ принадлежитъ. Между тѣмъ, дабы сіе раздѣленіе
для устройства Инородцевъ необходимое, нынѣ же привести въ дѣй-
ствіе: то на Гражданскихъ Губернаторовъ возлагается, сообразивъ
въ Губернскомъ Совѣтѣ нынѣшніе состояніе Инородцевъ, особымъ ра-
списаніемъ опредѣлить о каждомъ родѣ и племени, къ какому именно
разряду по вышеозначенному раздѣленію должны быть оные отнесены.

§ 8. Расписаніе шакое должно быть въ печеніи года, по изданіи
сего Устава окончано и по утвержденіи онаго Мѣстнымъ Главнымъ
Управленіемъ, оспашается до слѣдующей ревизіи неизмѣннымъ.

§ 9. При составленіи расписанія не включатъ въ разрядъ *осѣдлыхъ*,
тѣхъ Инородцевъ, которые хотя и живутъ въ постоянныхъ шалахахъ
и землянкахъ, но по образу жизни и промысловъ суть болѣе кочевые,

2

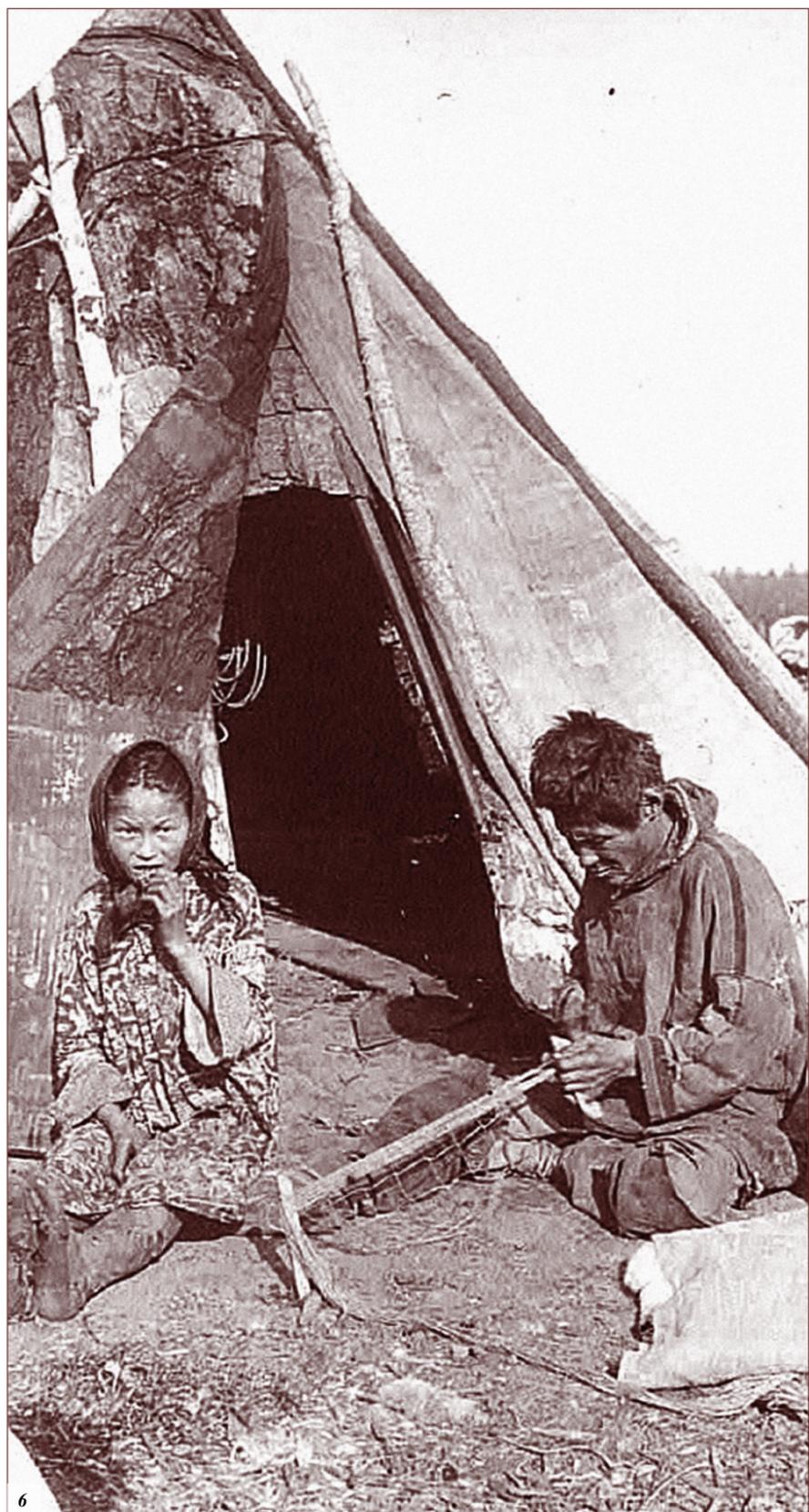
3

4

5

6

Сибирь многонациональная

7

8

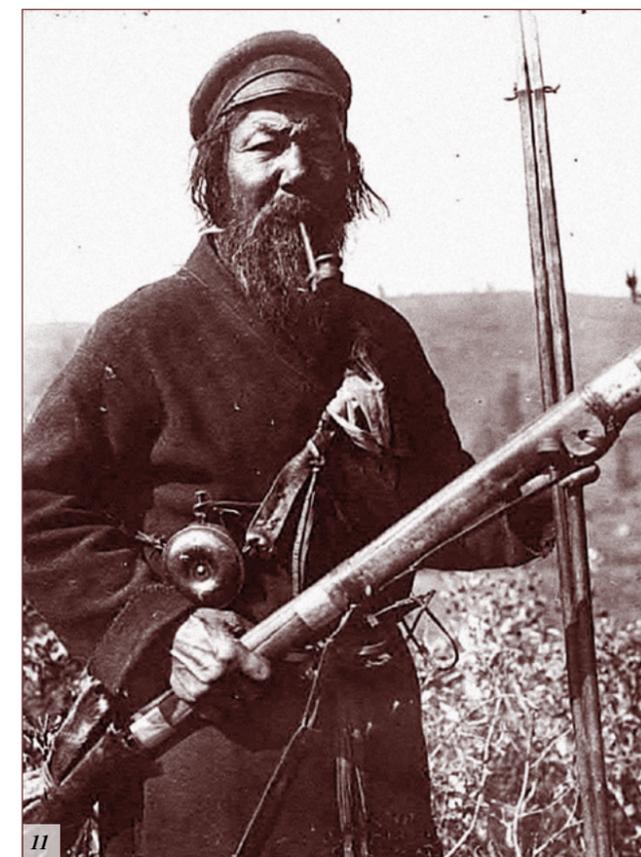
Сибирь многонациональная

9

10

11

12

13

14

15

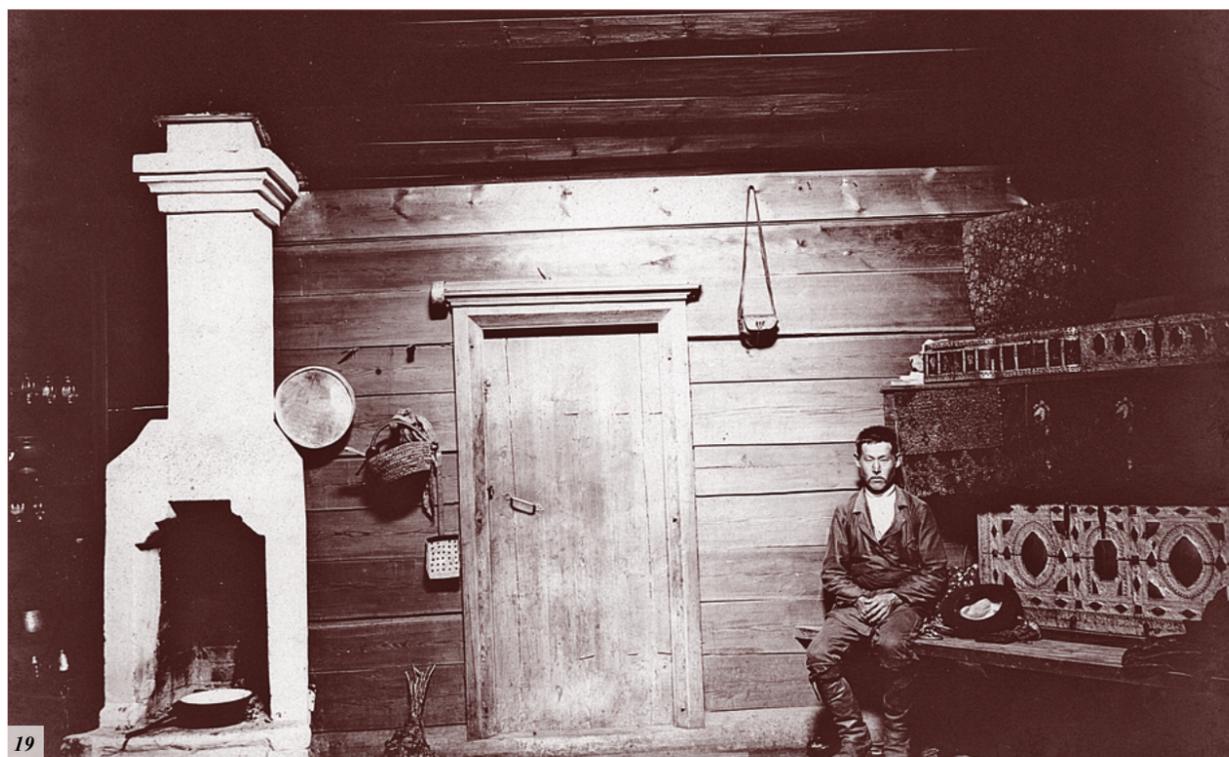
16

17

18

19

20

21

Семья Мурбовас.

22

23

г. Красноярскъ.

Городской Театръ

**ПРОГРАММА
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО
ВЕЧЕРА**

31 Марта 1913 года.

ЦѢНА 10 коп.

КРАСНОЯРСКЪ
Тав. тав. «Летопись». 1913 г.

24

Антрактъ 15 минутъ.

Еврейскія пѣсни.

1) "Ain pripetschoi brent a falori". Содержание пѣсни: Въ душномъ хеврѣ (начальная школа стар. типа) ребѣ (учитель) учить дѣтей азбукъ. Онъ обращается къ дѣтямъ съ рѣчью о пользѣ ученія и съ собою дорожить молодыми годами жизни.

2) "As ich doht gehat dem keiseroz eigros." (Если-бъ и имѣла царскія сокровища). Колыбельная пѣсня. Мать поетъ о своей любви къ ребенку, котораго она не променяла-бы ни на какія сокровища въ мирѣ.

Исп. хоръ подъ упр. **Б.Г. Гичуазъ.**

Польскія народныя пѣсни.

1) "Spero kalina w dole stoisz." (Почему ты калина въ долину стоишь?).

2) "Nad rzudnem lra goznie" (Надъ рудникомъ лапа растетъ). Содержание: влюбленный шелъ на свиданіе съ милой; колдунъ осеклилъ его и онъ не могъ найти мѣста, только слышалъ шумъ листьями лины надъ ручьемъ. Но и это дало ему удовлетвореніе, въ мечтахъ о милой онъ находилъ утѣшеніе.

3) "Swiaty Janka (Святость Ивана) Парень добивается согласія невесты, обѣщаетъ свѣтать все возможное, чтобы склонить ее на бракъ.

Исп. хоръ подъ упр. **г. Сополовского.**

Антрактъ 15 минутъ

Праздникъ Лиго

Сцена изъ древне-латвиской жизни.

Дѣйствіе переноситъ зрителя въ ту эпоху, когда латвизы были еще язычниками. Лѣсная поляна со священнымъ дубомъ, около него неугасимый огонь, поддерживаемой вѣдалотами (весталками) жертвенникъ. Чествуется богъ Лиго-богъ веселья и юности. Главной жрицой Кривейте-привѣтствуетъ собирающийся народъ. Приносятся лавръ, ягста, колоса, цветы. Жрица освящаетъ приношенія и обращается къ народу, который отъчасти пѣсенъ. Первая часть пѣсенъ вспоминаетъ борьбу свободныхъ леттовъ (латвизовъ) съ ихъ завоевателями-нѣмцами, бранскими купцами, однажды случайно попавшими къ устьямъ Давны послѣ кораблекрушенія. Неужели Перкону (богъ грома) стоило создавать Давну, чтобы утолить иго немъ жажду стѣшишь на стражѣ родины, вѣчно воюя съ врагами. Вторая часть пѣсенъ-призывъ къ веселью. Пусть не будетъ въ Давнѣ ни капли воли, пусть выдохнетъ морено Тринпису (богъ Лира) неостата въ винѣ не должно быть. Будемъ пѣть, веселиться, плясать. Да здравствуетъ древній обычай...

Праздникъ Лиго сохранился въ Прибалтійѣ до нынѣ и празднуется 24 июня, удержавъ въ себѣ, по мнѣнію латвискихъ этнографовъ, основныя черты былыхъ празднествъ. Предметомъ особаго вниманія на немъ въ наст. время является всякій Янъ (Иванъ). Послѣдующее дѣйствіе послѣ

Минутнаго перерыва

начинается съ пѣсенъ Лиго. Народъ ожидаетъ прихода Яна-отца съ Яна-матерью (его женой). Послѣдніе появляются и привѣтствуются собравшимися. Старикъ угощаетъ пощухъ саромъ и пивомъ. Слѣдуетъ пѣсенъ: "Ei valni lukoteesi". Содержание ея: вспоминается обычай похищенія невесты. Дѣвушка пошла на мельницу, тамъ ее похитилъ женикъ; братъ отправляется искать сестру и находитъ въ рукахъ другого. Пѣсню сменяетъ хороводъ и новая пѣсенъ: "Gaišeschnai toki deadi". Женику руку дала правую, а не лѣвую, чтобы лучше жилось. Будетъ хорошая жизнь-размотаю клубокъ моихъ пѣсенъ, будетъ жизнь дурная пусть онъ

25

26

*Д. 3/х1 = 1907. В Красноярскѣ
и в Москвѣ 31/III 1909*

Красноярскій Подъотдѣлъ Императорскаго Русскаго
Географическаго Общества.

ПРОГРАММА

публичной лекціи **А. Я. Фугаринова**

„ЗА ПОЛЯРНЫМЪ КРУГОМЪ.“

Очерки Туруханскаго сѣвера.

Географическое положеніе Туруханскаго края; площадь. Устройство поверхности: горные хребты, низменности. Геологическое прошлое страны. Обзоръ главнѣйшихъ рѣкъ, Енисей, какъ главная водная артерія края. Климатъ: температурныя и др. данныя, смѣна временъ года. Безсмѣнный лѣтній день. Сѣверныя сіянія.

Перерывъ 20 мин.

Міръ животныхъ: млекопитающія, птицы, рыбы, насѣкомыя; жизнь ихъ въ туруханскихъ тундрахъ. Міръ растений: тундряныя растенія, ихъ приспособленія для борьбы съ суровостью климата, границы растительныхъ зонъ. Населеніе—инородцы и русскіе: остяки, тунгусы, долганы, юраки, самоѣды; ихъ бытъ, образъ жизни, занятія, вѣрованія. Шаманы и шаманизмъ. Русское населеніе, его бытъ, занятія. Звѣроловство и рыбопромышленность. Торговля. Заключение.

Чтеніе будетъ сопровождаться демонстраціей коллекцій, фотографій, а также этюдовъ и рисунковъ худ. Д. М. Харатанова.

Начало въ 7 час. вечера.

Цѣна 5 коп.

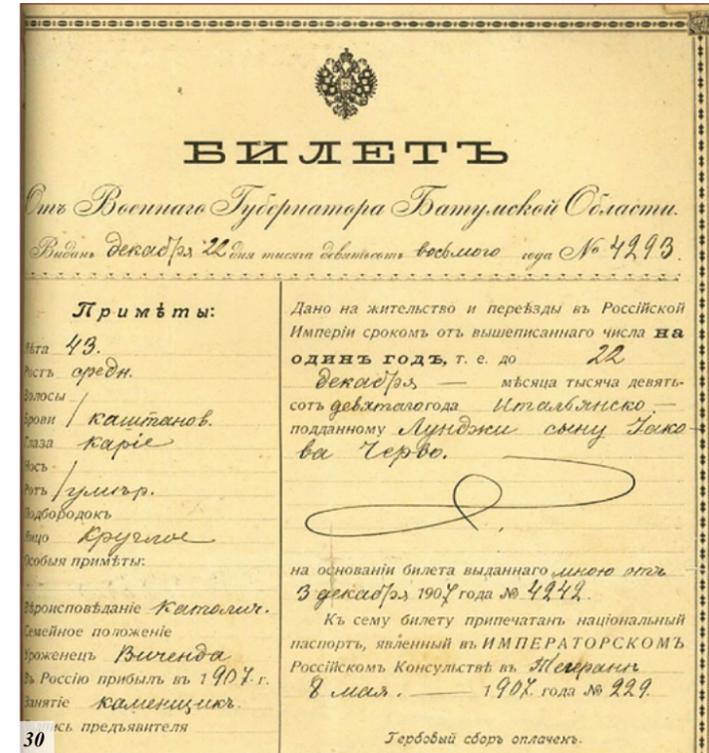
27

28

29

30

31

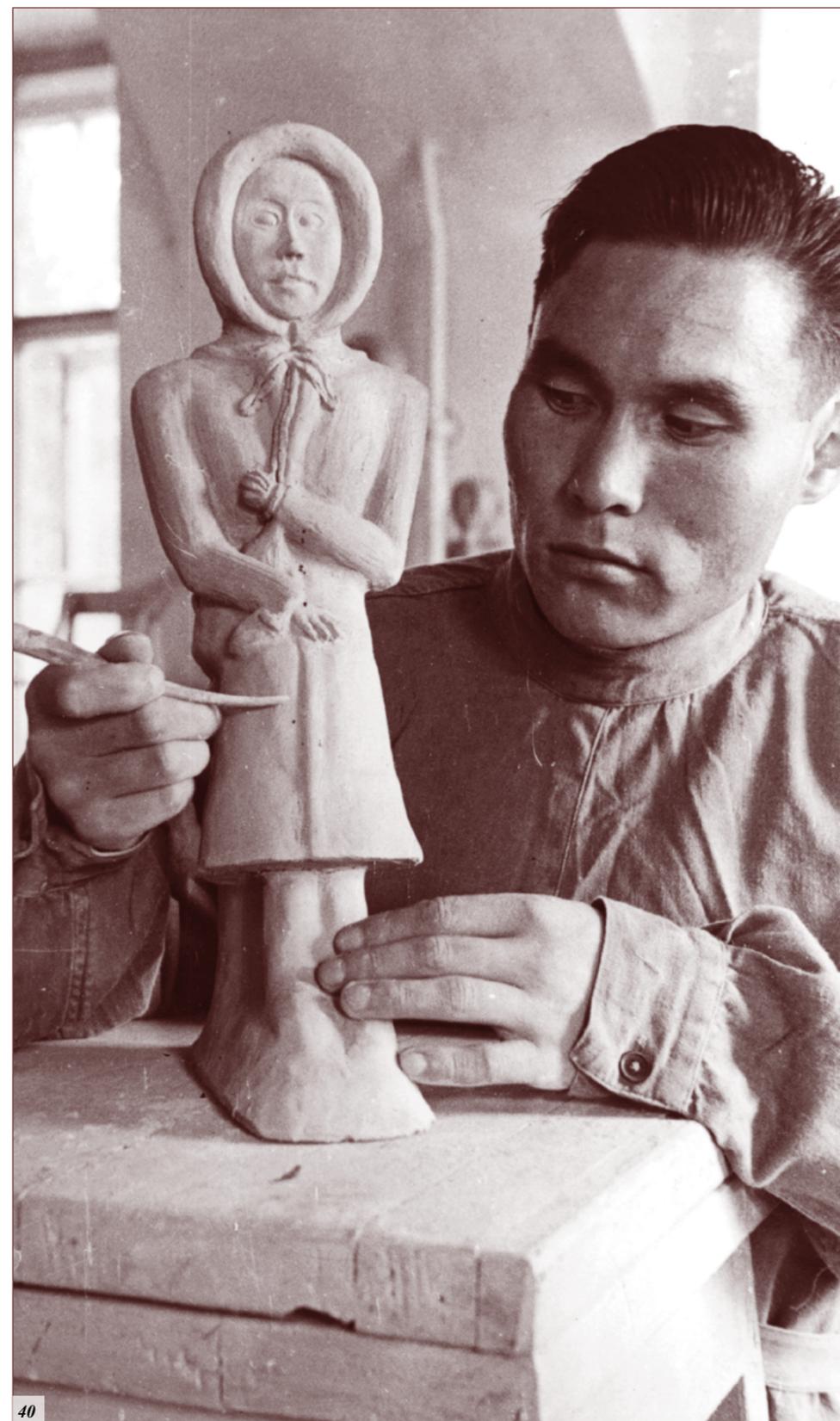

32

33

41

42

43

44

45

46

47

48

49

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

- 1-2. Устав об управлении инородцев. 22 июля 1822 г. (выдержки). Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. 38. ГАКК. Библиотечный фонд. № 5750.
3. Мальчик с олененком. Енисейско-Ленская экспедиция. Красноярский край, 1937 г. Фото В. Яковлева. ЦГАКФФД СПб. Бр. 17741.
4. Местные жители в стойбище у костра. Енисейско-Ленская экспедиция. Красноярский край, 1937 г. Фото В. Яковлева. ЦГАКФФД СПб. Бр. 17786.
5. Один из членов экспедиции Красноярского краеведческого музея в якутской парке. Туруханский край, 1916 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.
6. Юрак вяжет сети. Гольчиха, 1916 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 10. Л. 43.
7. Весновка остяков-самоедов у с. Монастырского. 1918 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 10. Л. 88.
8. Остяки-самоеды в Старом Туруханске. 1916 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 10. Л. 75.
9. Эвенкийский князь. Начало XX в. Автор съемки не установлен. Фото предоставлено МКУ «Эвенкийский архив» (архивохранилище в п. Ванавара).
10. Тоджинец. Восточный Урянхай, 1913 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 72.
11. Камасинец Шайбин. 1916 г. Фото Н. В. Благовещенского. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 10. Л. 172.
12. Женщины-тодженки с детьми. Восточный Урянхай, 1913 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 62.
13. Борцы на празднике в Белоцарске (ныне г. Кызыл). 1915 г. Открытка. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 114.
14. Жители с. Баян-Кол около Белоцарска (ныне г. Кызыла). 1915 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 121.
15. Сойот-шаман. Урянхай, 1915 г. Открытка. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 164.
16. Хакасский шаман Петр Сарлин. 1910 г. Открытка. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 188.
17. Русско-сойотский конвой с арестованным конокрадом. Урянхай, 1915 г. Открытка. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 175.
18. Качинка-сваха. Минусинская степь, 1910 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 210.
19. В доме качинцев. Минусинская степь, 1910 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 215.
20. Авган-Демчи с семьей у своей юрты. Урянхай, 1915 г. Открытка. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 139.
21. Сойотки. Устье Кемчика. Урянхай, 1915 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 158.
22. Семья Турбовых. Селиваниха, 1907 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.
23. Старинные русские костюмы из фондов Красноярского краеведческого музея. 1916 г. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
24. Программа этнографического вечера в Красноярском городском театре. 31 марта 1913 г. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

25. Программа этнографического вечера в Красноярском городском театре (продолжение). 31 марта 1913 г. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
26. Совместная фотография участников этнографического вечера. Красноярск, 31 марта 1913 г. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.
27. Программа публичной лекции А. Я. Тугаринова «За Полярным кругом. Очерки Туруханского края». Красноярск, 3 ноября 1907 г. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.
28. Вид улицы в русском селе. Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». 1998 г. Фото Вит. Иванова. ГАКК. Фотофонд.
29. Экспозиция краеведческого музея ООО «Соврудник». Пос. Северо-Енисейский. Апрель 2010 г. Фото И. Михайлишина. ГАКК. Фотофонд.
30. Разрешение на жительство в России итальянскому каменщику Луиджи Черво, работавшему на строительстве Сибирской железной дороги. Декабрь 1908 г. ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 514.
31. Новый русский национальный флаг. Начало XX в. Открытка. ГАКК. Фотофонд. П-1595.
32. Сербский национальный гимн. Открытка, изданная в пользу больных и раненых воинов. 1914 г. Открытка. ГАКК. Фотофонд. П-1596.
33. Английский национальный гимн. Открытка, изданная в пользу больных и раненых воинов. 1914 г. Открытка. ГАКК. Фотофонд. П-1598.
34. Переселенцы на новых местах. Енисейская губерния, Кемчуг, 1905 г. Фото А. Я. Тугаринова. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
35. Украинский поселок в Минусинской степи. 1910 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 208.
36. Дом новоселов. Енисейская губерния, поселок на р. Мане, 1912 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 244.
37. Переселенец-латыш на р. Мане. Енисейская губерния, 1912 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2120. Оп. 1. Д. 9. Л. 244.
38. Группа студентов факультета народов Крайнего Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена (слева направо): Мария Хугочар (долганка), Николай Болин (ненец), Николай Заболоцкий (якут), Анна Заксор (нанайка), Георгий Попов (эвен) и Светлана Алашкина (алеутка). Ленинград, 19 ноября 1953 г. Фото В. И. Капустина. ЦГАКФФД СПб. Ар. 109874.
39. Студентка отделения народов Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, участница ансамбля «Северное сияние» эвенкийка Галина Лазарева (на переднем плане) готовится к выходу на сцену с национальным танцем «Мастерица». Ленинград, 1 февраля 1972 г. Фото П. В. Федотова. ЦГАКФФД СПб. Ар. 143871.
40. Студент института народов Севера ВЦИК, ненец А. С. Тайбурей за работой над скульптурой «Сидящая ненка» в скульптурной мастерской. Ленинград, сентябрь 1940 г. Фото В. Г. Федосеева. ЦГАКФФД СПб. Ар. 9755.
41. Без названия. Пос. Тура Эвенкийского округа, 1970-е гг. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2601. Оп. 2. Д. 248. Л. 10.
42. Резьба по кости. Работа студентов Норильского колледжа искусств. Норильск, апрель 2010 г. Фото И. Михайлишина. ГАКК. Фотофонд.

43. Празднование национального праздника Тун пайрам. Хакасия, 1984 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2622. Оп. 1. Д. 3671.
44. Празднование национального праздника Тун пайрам. Хакасия, 1984 г. Автор съемки не установлен. ГАКК. Ф. Р-2622. Оп. 1. Д. 3676.
45. Без названия. Пос. Тура Эвенкийского округа, 1970-е гг. Автор съемки не установлен. ГАКК Ф. Р-2601. Оп. 2. Д. 248.
46. Девочка-эвенка. Пос. Суринда (Эвенкия), июль 2010 г. Фото О. Кузьмина. ГАКК. Фотофонд.
47. Губернатор Красноярского края Л. В. Кузнецов и члены правительства края в эвенкийском поселке Суринда. Июль 2010 г. Фото О. Кузьмина. ГАКК. Фотофонд.
- 48-49. Празднование Дня города в Красноярске. Красноярск, сентябрь 2003 г. Фото И. Михайлишина. ГАКК. Фотофонд.
- Форзацы: Участники Красноярского международного музыкального фестиваля стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Красноярск, июнь 2014 г. Фото Вит. Иванова. ГАКК. Фотофонд.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдин А. 111
 Абидуев Г. Ж. 80
 Абрамович Л. А. 29
 Аверьянов Б. В. 12
 Агафия, монахиня 103
 Айнц Г. 189
 Алдын-Херел А. 111
 Александр II 162, 163
 Апанасевич В. П. 11
 Арчелкова А. 111
 Бабич 116
 Бабкин Ф. Я. 116
 Базаров Ш.-З. 80
 Баинова Г. 110
 Баинов Б. 111
 Баинова Н. 111
 Байковский В. 166
 Байыр-оол З. 111
 Бальжанова Т. 112
 Бергман 191
 Берников В. И. 203
 Берно А. М. 11
 Бетта Е. 195
 Бисенек Г. А. 203

Б

Бобрович Н. 166
 Богданов М. Н. 106
 Богуш 162
 Борк А. 164, 165
 Бохилёнок А. 164
 Брюкнер Г. 70
 Бура Я. 165
 Бырынай К. 111

В

Вдовяк Л. 165
 Вейнберг Б. П. 203
 Вейнберг К. Б. 203
 Вейнберг М. Е. 203

Вент К. К. 12
 Вербицкий В. 63
 Вильдэ А. П. 192
 Вильчинский А. Н. 12
 Висковский Ф. 164
 Вишневский Б. А. 11
 Вотинин А. Я. 126

Г

Гадовский А. Я. 12
 Галдан 97
 Галепов 116, 117
 Галиновская К. 166
 Галиновский Ю. 166
 Ганнибал И. 34
 Гейштоф Э. 164
 Гибиньский Ф. 165
 Гилев А. И. (Антонин, иеромонах) 102
 Гинтс Ю. 190
 Гнездовский В. 164
 Гоголь Н. В. 86
 Гордеев А. А. 218
 Горький М. 215
 Грабовский К. 165
 Грдина Г. В. 203
 Григорьев И. 166
 Гриневицкая Ф. А. 166
 Гриневицкий А. 164, 166
 Гриневицкий И. 164
 Грицишин С. Т. 11
 Грицишина У. Д. 11
 Гуревич А. В. 215–218

Д

Дамман И. И. 70
 Децик Н. К. 112
 Дзеванович С. 164
 Дибиков И. Ф. 126
 Добров И. 111
 Долбенко В. И. 11

Долбенко Н. И. 11
 Доманьский М. 165
 Доможаков Д. 110
 Доржиев 80
 Доссер Ф. О. 70
 Достай О. 111
 Дундук 97
 Дыминский С. 166

Е

Елбонов М. Т. 112
 Ермак 216
 Ермолаева Е. Х. (Евпраксия, монахиня) 101–103

Ж

Жирко Г. С. 11
 Жуй Е. 103
 Жуй П. М. 102
 Жуковский А. 165
 Журавский П. А. 111

З

Заболотникова А. 110
 Залесский П. М. 203
 Зальмунина (Орлова) Е. Н. 202–204
 Зверева О. Н. 203
 Зеланд А. М. 112
 Зибарев В. А. 110

И

Иоанна, монахиня 103
 Ириль С. 111
 Иркитен 96
 Исаченко В. Л. 76

К

Казанаков А. Т. 92
 Казико О. Г. 111
 Калинин Е. А. 150
 Калиновский В. К. С. 162–163

Кан-оол Л. 111
 Катанов Н. Ф. 50, 64–65
 Килижековы А. и Е. 110
 Кирьякова В. 103
 Кирьякова К. 103
 Клеменц Д. А. 50
 Клович А. 164
 Кознов Д. Г. 112
 Козьмин Н. Н. 50
 Кокловский И. Ф. 11
 Коков В. С. 111
 Кокова Г. Г. 111
 Коковы Б. и К. 110
 Колосов Е. Е. 30
 Колчак А. В. 185–186
 Кондырева С. Я.
 (Августа, монахиня) 103
 Копецаков Л. В. 11
 Космач В. С. 12
 Кособудзкий И. 165
 Костров А. Н. 63
 Котюшев Ю. И. 111
 Кочковский Ф. 165
 Кузнецов-Красноярский И. П.
 50
 Кула 96
 Кульдем Ю. 107
 Кухарж-Кох Б. Ю. 11
 Кучендаев А. 110
 Кыстоякова М. П. 111

Л

Ланге Ф. Э. 12
 Лаппо Д. Е. 63, 116, 118
 Ленин В. И. 194
 Лисовский А. В. 11
 Лисовский Л. В. 11

М

Магдалина, монахиня 103
 Майнагашев С. Д. 50, 92
 Майнагашев Ю. М. 111
 Майнагашева Т. А. 111

Макарьева Л. Ф. 112
 Малей П. М. 11
 Манефа, инокиня 103
 Манчинский И. Ф. 11
 Маркс К. 119
 Маюль П. Г. 126
 Мартос А. И. 73–77
 Мацкевич В. 166
 Меленин К. В. 126
 Месник А. П. 189
 Мессершмидт Д. Г. 210–213
 Миддендорф А. 74–77
 Милоков П. Н. 86
 Михайлюк С. А. 11
 Михневич Ю. 166
 Мицевич Э. А. 12
 Монид И. А. 11
 Монид С. А. 11
 Мордвинов А. А. 76–77
 Мортай-оол Л. 111
 Музыкин А. П. 30
 Мунзук Г. 111
 Муравьев М. Н. 163, 164
 Мурзалиев М. 34

Н

Нагорская Н. Н. 203
 Назарбаев Н. А. 168
 Наксыл В. 111
 Нарылков С. 110
 Нефедьев А. Н. 203
 Новицкий С. И. 12
 Нодзвецкий А. 165
 Норенко В. В. 111

О

Окулов А. И. 29
 Окулич К. 165
 Омогон-Баай 218
 Ондар О. 111
 Ондар Ч. 111
 Ондар Э. 111
 Ондур Л. 111

Ооржак А. К. 111
 Ооржак Е. 111
 Орлов 30
 Орлов С. И. 203–204
 Оршевский С. 166
 Оспанкулов 201
 Островко И. К. 12
 Очиров Д.-Ж. 80
 Очирту 97
 Оюн С. 111

П

Парфианович Б. И. 11
 Пахоминский Ф. 165
 Пестов И. С. 73–75
 Петр I 85, 98, 210, 213
 Петровская А. 166
 Петровский Ф. 166
 Пилецкий Ф. Б. 11
 Пиола А. Б. 189
 Побережский Л. Н. 12
 Потапов А. Н. 126
 Прейсман Я. А. 190
 Прокофьев 126
 Прорубщиков И. К. 203
 Путин В. В. 50
 Пушкин А. С. 34
 Пчицкий Б. Н. 12
 Пышницкая М. Я. 12
 Пяса С. 195

Р

Рабега Ф. Л. 11
 Разин С. 216
 Райков Ф. 110
 Ранжилова О. 112
 Расулов 200
 Ратч В. 163
 Рахиль, игуменья 103
 Ржепецкий Г. С. 12
 Ринчинов З. 112
 Робустов М. Г. 150
 Рогожин 116

Рокеуский И. 166
 Рудницкий К. 165
 Руммель А. А. 191

С

Саая С. 111
 Савельев Е. С. 116
 Сагалаков Г. Г. 111
 Салайдинов И. С. 111
 Салчак А. 111
 Самрин А. 111
 Самрин К. К. 92
 Сандер А. И. 190
 Санжиев 80
 Саражаков Г. 111
 Сафьянов И. Г. 195
 Сенна Ю. 190
 Селецкий М. Н. 12
 Семенцов В. А. 203
 Серен-оол В. С. 111
 Сидоров А. 164
 Сикорский Я. 165
 Сквирчинский Ф. 165
 Смидович П. Г. 125
 Снигурский М. 165
 Сопко И. М. 11
 Соколдынский В. Р. 11
 Соколовская А. 166
 Соколовский Я. 166
 Спирина В. 111
 Спиркин А. П. 110
 Спицын А. А. 50
 Сталин И. В. 128, 180
 Станкевич И. Я. 11
 Стасюкевич Г. Б. 11
 Степанида, монахиня 103
 Степанов А. П. 71, 73–75
 Стеффенц 165
 Субко А. А. 12
 Суслов И. М. 203
 Суховский В. 65, 106
 Сушкевич Б. М. 110

Т

Тангатова Д. 112
 Тархаев 80
 Татьяна М. 111
 Теляковский Л. К. 75
 Тепшегин 96
 Тихон, епископ Енисейский
 и Красноярский 101
 Тодикова А. 111
 Тока С. К. 195
 Толстухин В. 110
 Томашевский К. А. 11
 Топанов А. М. 92
 Третьяков П. И. 71, 74
 Троицкий В. Н. 203
 Тугаринов Г. А. 217

У

Уницкий С. Г. 11

Ф

Феофил, митрополит 103
 Фетер И. 70
 Фигуровский И. А.
 (Иннокентий,
 митрополит Пекинский)
 100–102
 Филарет, иеромонах 101
 Фомина 166
 Фрид Я. Н. 110

Х

Харицкий Н. Н. 11
 Хасанов 192
 Ховалыг А. 200
 Хрисанф,
 епископ Чебоксарский 102

Ц

Цыдапова С. 112

Ч

Чаптыков А. 111
 Чаптыкова С. С. 111
 Чаркова К. С. 110, 111

Чебодаева В. 111
 Чериков А. 52
 Чернецкий М. 165
 Черников И. 96
 Черных А. А. 112
 Чернявский Н. А. 12
 Черняхович В. В. 11
 Чертыкова Л. А. 111
 Чесноков Н. Д. 203
 Чехова П. 102
 Чиж С. 164
 Чимытов Г.-хан 80
 Чингисхан 218
 Чудинов 207
 Чудновский С. Л. 75

Ш

Шастовский П. А. 203
 Шваб И. В. 12
 Шведерский А. С. 111
 Шекспир В. 34
 Шивит-оол Л. 111
 Шиллер Ф. 34
 Ширапов Р. 80
 Ширяй Н. Т. 12
 Шнайдер А. А. 203
 Шостак А. С. 203
 Шпейер К. 70
 Шурышевы Ф. и П. 110
 Щетинин А. 111

Э

Эйсмонт Н. 164
 Эллэй 218

Ю

Юнге В. М. 115

Я

Яковлев В. Н. 29
 Ямкин Н. 111
 Янгулов Д. 110
 Янковский И. Д. 11
 Янковский П. 164

ОБ АВТОРАХ

Александрович Владислава Юрьевна

аспирант кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» (г. Красноярск)

Асочакова Валентина Нестеровна

доктор исторических наук, заведующая кафедрой истории России Института истории и права ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан)

Бабий Алексей Андреевич

председатель общественной организации «Красноярское историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество Мемориал» (г. Красноярск)

Барабаш Валентина Петровна

кандидат исторических наук, заместитель директора КГБПОУ «Минусинский колледж культуры и искусства» (г. Минусинск)

Безвербный Вадим Александрович

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (г. Москва)

Бибикова Валентина Васильевна

краевед (г. Красноярск)

Болонкина Елена Владимировна

кандидат исторических наук, заведующая отделом проектной и образовательно-просветительской деятельности МБУК «Музей-усадьба В. И. Сурикова» (г. Красноярск)

Борисенко Екатерина Александровна

старший научный сотрудник КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей» (г. Красноярск)

Бурмакина Галина Александровна

кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (г. Красноярск)

Вафеев Равиль Айсаевич

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Павлодарского государственного педагогического университета (г. Павлодар, Республика Казахстан)

Гайдин Сергей Тихонович

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Юридического института ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (г. Красноярск)

Галаганова Алевтина Юрьевна

преподаватель КГБОУ «Ачинский колледж отраслевых технологий и бизнеса» (г. Ачинск)

Гантимурова Мария Ивановна

начальник отдела научно-справочного аппарата ГКУ «Государственный архив Забайкальского края» (г. Чита)

Гюнтер Олеся Александровна

преподаватель Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Долидович Олеся Михайловна

кандидат исторических наук, доцент кафедры современных образовательных технологий ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Дядус Елена Васильевна

преподаватель КГАПОУ «Ачинский колледж транспорта и сельского хозяйства» (г. Ачинск)

Есин Роман Сергеевич

аспирант ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (г. Красноярск)

Желенкова Наталья Олеговна

специалист по документационному обеспечению кафедры истории России ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Задорин Артем Викторович

старший преподаватель кафедры истории России ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Ивлева Татьяна Владимировна

директор МБУК «Музей «Мемориал Победы» (г. Красноярск)

Исупов Владимир Анатольевич

доктор исторических наук, профессор ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», главный научный сотрудник, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН (г. Новосибирск)

Калюга Антонина Евгеньевна

главный специалист по архивным вопросам администрации Курагинского района (п. Курагино, Красноярский край)

Капустина Яна Васильевна

преподаватель КГБОУ «Ачинский колледж отраслевых технологий и бизнеса» (г. Ачинск)

Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» (г. Москва)

ОБ АВТОРАХ

Катцина Татьяна Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики социальной работы Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Кокоулин Владислав Геннадьевич

доктор исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (г. Новосибирск)

Копылов Иван Владимирович

старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева» (г. Красноярск)

Кухта Светлана Васильевна

ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (г. Красноярск)

Кышпанакоев Владимир Алексеевич

доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан, Республика Хакасия)

Липатова Ксения Юрьевна

ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (г. Красноярск)

Макаров Александр Адольфович

кандидат исторических наук (г. Красноярск)

Мамышева Елена Петровна

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова» (г. Абакан, Республика Хакасия)

Мезит Людмила Эдгаровна

кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева» (г. Красноярск)

Овчарова Мария Александровна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГАУК НСО «Новосибирский государственный краеведческий музей» (г. Новосибирск)

Оплаканская Рената Валерьевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культуры и искусств ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (г. Новосибирск)

Пашина Наталья Васильевна

старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Торгово-экономического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Погребняк Александр Иванович

кандидат исторических наук (г. Минусинск)

Рогачев Александр Григорьевич

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Юридического института ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (г. Красноярск)

Саурбаев Ришат Журкенович

кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, доцент Павлодарского государственного педагогического университета (г. Павлодар, Республика Казахстан)

Славина Людмила Николаевна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» (г. Красноярск)

Тарасов Михаил Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)

Тугужекова Валентина Николаевна

доктор исторических наук, профессор, директор ГБНИУРХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Фёдоров Игорь Геннадьевич

заместитель директора по научно-методической работе МБОУ «Школа № 2 им. Ю.А. Гагарина» (г. Дивногорск)

Фёдоров Ярослав Игоревич

учитель истории и ОРКСЭ МБОУ «Школа № 2 им. Ю.А. Гагарина» (г. Дивногорск)

Фомин Максим Витальевич

кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (г. Москва)

Хоменко Денис Юрьевич

преподаватель КГБПОУ «Красноярский медицинский техникум» (г. Красноярск), старший преподаватель ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» (г. Красноярск)

Чернышов Виктор Владимирович

ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (г. Красноярск)

Шекшеев Александр Петрович

кандидат исторических наук, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал» (г. Абакан, Республика Хакасия)

Шестакова Ксения Игоревна

ведущий архивист КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (г. Красноярск)

ISBN 978-5-9905562-4-9

9 785990 556249

Сибирь многонациональная.
Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24-25 октября 2018 г.
Красноярск: Резонанс, 2018

Корректор: Татьяна Алешина
Верстка: Алла Кривицкая

Допечатная подготовка издательства «Резонанс»
660060, Красноярск, ул. Марковского, 102. E-mail: everant@everant.ru

Отпечатано в ПК «Знак»
660028, Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21. Тел. (391) 246-09-42. www.znak24.com
Подписано в печать 15 октября 2018 г. Формат 64x90/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.

Объем печ. л. Заказ № . Тираж 500 экз.